

International Literary Magazine

KHRESCHATYK

П Е Р Е Х Р Е С Т Я

.....

#100

KHRESCHATYK

International Literary Magazine

100

Международный
литературно-
художественный
журнал

Publish
PRO

Главный редактор

Борис Марковский (*Бремен*)

тел. (+49) 421-522-647-65

borismark30@T-Online.de

borismark30@ukr.net

borysmarkovskiy90@gmail.com

kreschatik@rambler.ua

Зам. гл. редактора

Елена Мордовина (*Маастрихт*)

Редакционная коллегия

Татьяна Ретивова (*Киев*),

Максим Матковский (*Киев*),

Александр Спренцис (*Киев*),

Виталий Амурский (*Париж*),

Борис Херсонский (*Одесса*),

Александр Моцар (*Киев*)

Технический директор

Павло Маслак (*Киев*)

Год издания двадцать шестой

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Крещатик» обязательна

Адрес редакции:

В. Markovskiy, Kornstr. 22

28201 Bremen, Deutschland

<http://www.kreschatik.kiev.ua/>

Журнал выходит 4 раза в год

ISSN 1619-2966

© Крещатик, 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ / ЗМІСТ

Поэзия / Поезія

Виталий Амурский / <i>Париж</i> /	Памяти Владимира Соколова	5
Віталій Борисполець / <i>Київ</i> /	«Чекаю на диво...»	21
Владимир Порудоминский / <i>Кёльн</i> /	«Что есть артист?..»	96
Анна Германова / <i>Оффенбах-на-Майне</i> /	Последняя на Потьму	111
Юрий Бобров / <i>Мюнхен</i> /	«Темно-зеленые листья...»	175
Григорий Вахлис / <i>Иерусалим</i> /	Из книги «Такая долгая зима»	180
Надежда Рунде / <i>Дингольфинг</i> /	Меня зима очаровала	195
Виталий Асовский / <i>Вильнюс</i> /	Отец пишет	216
Галина Комичева / <i>Киев</i> /	«Разгорелось небо на закате...»	219
Богдан Гасюк / <i>Івано-Франківськ</i> /	«Погляд скований димом...»	227
Татьяна Ретивова / <i>Киев</i> /	«За живой цветущей изгородью...»	229
Артур Новиков / <i>Киев</i> /	«Я нахожу ненайденные вещи...»	238
Дина Дронфорт / <i>Франкфурт-на-Майне</i> /	Колокола	241
Матвій Смірнов / <i>Лондон</i> /	Шібболет	253
Паллад / <i>Киев</i> /	Жоржинам смутку	265
Борис Фабрикант / <i>Лондон</i> /	«Потянешь память за верёвочку...»	278
Наталья Писарева / <i>Смільде</i> /	Поетові	291
Ирина Карпинос / <i>Киев</i> /	«Какая к лешему любовь...»	310
Евгений Соя / <i>Одесса</i> /	«ты знаешь всё...»	332

Проза

Игорь Шестков / <i>Берлин</i> /	Позолоченная рыба. <i>Рассказ</i>	11
Олег Слепынин / <i>Черкассы</i> /	Снег. <i>Космический роман</i>	29
Павло Маслак / <i>Київ</i> /	Біла квасоля в білому соусі	99
Давид М. / <i>Париж</i> /	Опыт душевной вибрации	122
Елена Улиссова-Пианко / <i>Париж</i> /	Дамы и муха. <i>Рассказ</i>	170
Леся Тышковская / <i>Париж</i> /	Ее дерево. <i>Рассказ</i>	177
Александр Спренцис / <i>Киев</i> /	Из книги «Записки мистера Снека»	185
Алла Дубровская / <i>Нью-Йорк</i> /	Три этюда	197
Людмила Маршезан / <i>Париж</i> /	Страшный страшун боится любви	209

Егор Вайскоп / <i>Київ</i> /	Фантом	223
Олександр Гальпер / <i>Нью-Йорк</i> /	Париж очима панк-поета	234
Евгений Деменок / <i>Прага</i> /	Экспрессионист	243
Римма Запесоцкая / <i>Лейпциг</i> /	Послание	258

Переводы/Переклади

Джон Еллісон / <i>Крайстчерч</i> / <i>Переклад з англ. Олени Мордовіної</i>	Ти, деінде	141
Дирк дер Варт / <i>Брюссель</i> / <i>Перевод с англ. Елены Мордовиной</i>	Ванильные пластинки	145
Гюнтер Айх / <i>1907-1975</i> / <i>Перевод с нем. Л. Бердичевского</i>	Просматриваю...	167

In memoriam

Геннадий Мануйлов / <i>1943-1996</i> /	«Курчавый отрок, словно ветер...»	205
--	-----------------------------------	-----

Контексты: эссеистика, критика, библиография

Наум Вайман / <i>Тель-Авив</i> /	Жертва — жрец — царь	270
Вадим Перельмутер / <i>Мюнхен</i> /	Обратная перспектива памяти	282
Геннадий Кацов / <i>Нью-Йорк</i> /	«На краю вселенского вранья...»	295
Ефим Гофман / <i>Киев</i> /	Виктор Некрасов и Булат Окуджава	314

Латинский квартал

Борис Юдин / <i>Нью-Йорк</i> /	Считалочка. Рассказ	334
--------------------------------	---------------------	-----

Виталий АМУРСКИЙ

/ Париж /

Несмотря на то, что минувший год был чёрным (в первую очередь, конечно, из-за российской агрессии против Украины), и на написанные тогда мною — включённые в эту подборку — стихи лёгла тень войны, думалось подчас, конечно, и о другом — в какой-то момент вдруг вспомнился прекрасный русский поэт (в своё время принимавший в Литинститут Евтушенко) Владимир Николаевич Соколов, честность и порядочность которого несомненно не позволили бы ему одобрить то, куда зашла руководимая националистами и экстремистами его родина; через фотографии прекрасных альбомов русского парижанина Андрея Корлякова выплывала не раз из сумрака прошлых лет Россия во Франции, — Россия, не имеющая ничего общего с той, о которой вздыхают ностальгирующие «патриоты», сделавшие своими идолами Ивана Ильина и Александра Дугина... Прошлое и настоящее, невольно сплавленные в некоем противоречивом, но вместе с тем естественном (для меня) единстве — вот, собственно говоря, что следует не терять из виду, читая эти строки.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА (1928–1997)

Не всегда, как в тире, бил в десятку,
Но хранил порядочности дух
И перед генсеками вприсядку
Не плясал как некогда Евтух.

Супермодным *треугольным грушам*
Просто груши он предпочитал,
Я его стихи в Париже слушал —
Как же он прекрасно их читал!

Помню чашки, сахар, чайник пухлый,
На стекле окна от пара муть,
Словно были мы в московской кухне,
В годы те, что больше не вернуть.

Помню шум Латинского квартала,
Где с собой нас нёс людской прибой,
Помню, как его мне не хватало,
Вскоре улетевшего домой.

Да, туда, куда давно обратно
Не было дороги мне уже.
Не хватало здесь его как брата —
Брата не родством, а по душе.

ОКОЛО СТАНЦИИ ПАРИЖСКОГО МЕТРО «MAUBERT–MUTUALITÉ»

Под светом ламп неоновых
Асфальт как серебро,
Идёте к Пантеону вы,
А я иду к метро.

Вам подниматься выпало,
А мне наоборот.
Два входа и два выхода
Там — я туда, где вход.

* * *

*Андрею Корлякову — историку,
автору серии альбомов
по истории русской эмиграции*

О, Русского Исхода
Бездонность бед
17-го года
И с ним соседних лет.

Не речка скоротечная,
Не Волга, не Ока —
Размыла там отечество
Кровавая река.

Лишились права выбора
Назвать своим — своё,
Кому в ту пору выпало
Жить на берегах её.

Так пропадало личное
В народном, ну а в нём
Была свобода лишнюю
С радищевских времён.

Был белым — в кровь окрасился,
А красный — белым стал.
Земле, увы, без разницы —
Один ли, два креста.

Так уравнились вроде бы,
Но, выстоявшим, всё ж
Дала судьба две родины, —
Мол, душу не тревожь!

Сражавшимся близ Ладоги,
Прошедшим Крым,
Как после ливней радугам, —
Спасибо им!

Ах, многим бы продрасться
Вглубь окаянных дней,
К душе той эмиграции,
Как вам, Андрей.

Ищите ж, возвращайте
С поблекших снимков быт,
Где счастье и несчастье
Не различить на вид.

С дагерротипов будней тех,
Что — полустарина,
Мне слышен голос Бунина
И кашель Куприна.

Как всё перемешалось
В мозаике у вас:
В отечестве мещане,
А тут — рабочий класс.

Я знаю, в Биянкуре им
Мерцали фонари
Такие ж белокурые,
Как яблони в Твери.

* * *

Уходит август, но ещё не осень,
И кажется особо грустным дом,
Где яблони в саду не плодоносят,
Поскольку нет давно хозяев в нём.

Вернее, плодоносят мелочь только
С кислинкой и невзрачную на вид,
В которой, очевидно, мало толка,
А если смотришь, то душа болит.

Хотя под чуткой кистью пейзажиста
Он стал бы красотой неоспорим,
Особенно, когда туман ложится,
Клубясь, как растворимый аспирин.

Я б утонул навеки в том пейзаже
Или уже, возможно, утонул,
Конечно, есть места, что явно краше,
Но красота ведь это — как кому.

* * *

Напаскудили, наматросили,
Превратив братский дом в притон,
Патриотами Малороссии
Именуя себя при том.

Горько всё ж за страну, которую
Шлют соседи ко всем матерям,
И за то, что в душе опору
Вместе с нею я утерял.

* * *

Цветы декабрьские не пахнут,
Но с телевизором соседствуя,
Где мёрзнет полумёртвый Бахмут
Они вдвойне печалят сердце.

А всё же именно оттуда,
Где света нет, лишь снега искорки,
Придёт — не сомневаюсь — чудо
О ликвидированных извергах.

Он в Украине как прихожая
С той тёмной стороны Донбасса,
Где уголовникам пригожинским
Отслюнивают в кассах баксы.

Не ведаю, в каком количестве
Душ подлому режиму продано,
Лишь горько узнавать в коричневых
Рубахах родину.

Да не ослабнет сила воинов,
Сражающихся с этой нечистью
За жизнь достойную и вольную,
За вольное своё отечество.

* * *

Эти чёрные дни не имеют, как будто, пределов —
Бесконечны минуты и каждый отсчитанный час.
Нострадамус не вычислил или же, впрямь, проглядел их —
Что ж о смертных тогда, то есть, надо ли мне тут о нас!

Вдалеке от окопов прожжённого стужей Донбасса,
Не вдыхая из Харькова или с Херсонщины дым,
Мы живём как всегда, разве что разучились уже улыбаться,
Потому что при виде убитых нельзя улыбаться живым.

Мы живём как всегда, и сирены воздушной тревоги
Нас не будят пока, потому что все тяжести ныне несут
Те ребята, девчата те, взрослые те — полубоги,
На шевронах которых трезубцы бойцов ВСУ.

Разве ж в мыслях своих, в своих чувствах особых, конечно,
С ними мы перед грозной рашистской ордой
На земле, где в озябших садах кое-где сохранились скворешни,
И хозяев своих, как и птиц, ждут сожжённые сёла домой.

* * *

Репрессии, судилища, война.
Полмира сумасшествием пугая,
Неужто, если б впрямь была вольна,
Дошла б Россия до такого края?

В какой тупик она заведена,
Когда добра и зла не различая,
За грабежи сейчас в ней ордена
И за детей убитых получают.

Свирепые, крутые времена
Гремучих новорусских смесей
По формулам Ивана Ильина
И по рецептам прочих мракобесов.

Небезразличный наблюдатель их,
Душой надеждам Украины вторя,
Дивлюсь лишь, как спешит забрать своих
Отечества дымящий крематорий.

* * *

Это в годы холодной войны мы уже проходили:
Реваншисты, шпионы, буржуи, заморские крысы —
В «Окнах ТАСС» и, конечно же, в «Крокодиле»:
Бор. Ефимов (предавший Кольцова¹), академики Кукрыниксы...

А теперь, прикасаясь невольно к той памяти глыбе
И смотря, как Россия сползает в великую бездну,
Задаюсь (неуместным, возможно) вопросом: посмели они бы,
Повторять свою чушь, как тогда, — за Стеною железной?

---

¹ Имеется в виду его брат — журналист Михаил Кольцов, расстрелянный НКВД в 1940 г.

Игорь ШЕСТКОВ

/ Берлин /

ПОЗОЛОЧЕННАЯ РЫБА

Нас было трое. Трое?

Да, Лео, Кролик и я.

Странно. Я забыл, как они выглядели. Мои спутники. Лео и Кролик.

Хотя... может быть, у них и вовсе не было внешности, как у большинства моих друзей в социальных сетях до катастрофы?

Кем для меня были Лео и Кролик? Не знаю.

Их настоящие имена давно стерлись в памяти.

Помню только, что... мы, все трое, были скептиками... с налетом гедонизма. И это нас объединяло. Скептиками и эскапистами.

Ну да, у Лео были большие печальные глаза. Как у лошади.

А у Кролика... Большие уши? Нет.

Кажется, он был белый, как молоко. Или бежевый.

Память моя — островки. Островки, заросшие полынью.

Не могу вспомнить, как звучали их голоса.

И характеры их я позабыл.

Характеры... Что это такое, вообще, характер? Сохранились ли у людей, выживших в катастрофе, характеры? Свойства? Склонности? Есть ли у них воля к жизни? Планы? Фантазии? Страстные желания?

У моих спутников, наверное, сохранились, а у меня — нет. Все размылось. И характер, и воля, и желания. Нет ни планов, ни фантазий. Остались только страхи.

Лео, тот прежде любил кофе. Когда он пил кофе, глаза его умиротворенно мерцали. И он тихонько ржал и томно потягивался.

А Кролик... что любил старина Кролик?

В былые времена он любил лакомиться муссом из маракуйи. И рассуждать о политике. Делал безумные прогнозы. Надо отдать ему должное, он предсказал катастрофу лет за пятнадцать до того, как она произошла. Мы все чувствовали ее зловещее приближение.

Людей стало слишком много. Все повторялось. Угроза уже висела в воздухе. Угрозой этой были мы сами. Но мы прятали голову в песок, а Кролик не прятал. Наоборот... бил во все колокола. Над ним смеялись, издевались, называли его тирольской Кассандрой (он говорил, что родился в Тироле).

И чем сильнее обвинителей Кролика терзало чувство обреченности, тем с большим удовольствием они травили его. А ему было наплевать.

Или он любил мусс из тамарилло? Забыл. А ведь мы часто обедали вместе.

На столах лежали чистые скатерти с вышивками и кружевами по полям. Свет от многочисленных светильников преломлялся в хрустальных бокалах и неспешно скользил по серебряным приборам. Свет отражался от позолоченных фарфоровых тарелок и слепил нам глаза. Шампанское лилось.

Официанты старались исполнить любую нашу прихоть.

Однажды нам подали позолоченную рыбу. Ее зеленые глаза были сделаны из малахита, а ее вырезанные из яшмы розовые плавники нервно подрагивали. Рыба эта то и дело открывала свой безгубый рот и восклицала: «Оккама... Оккама...»

Кролик на это реагировал так: «Даже глупая рыба понимает, что не стоит множить сущности».

И подмигивал мне. Много лет назад я имел глупость объявить, что собираюсь написать роман в стиле Анны Радклиф. Кролик постоянно иронизировал по этому поводу. Называл меня «великим компилятором», причитал, издевательски растягивая слова: «Дерева отбрасывали меланхолические тени, а полная Луна была похожа на лицо прокаженной старухи. Эмилия, о, нимфа, тебя ждут при дворе Генриха Наваррского...»

В другой раз к нашему столику подошел одетый в парадную форму адмирал. Бородач с эполетами, аксельбантами и с кортиком на боку. Вежливо нас поприветствовал и... начал раздеваться. Оказалось, это профессиональный стриптизёр из клуба «Могол» неподалеку. Его номер оплатил Лео. Адмирал должен был стать сюрпризом для Кролика, отмечающего в тот день мнимые именины.

В конце того вечера Кролик и адмирал устроили голую пляску на столиках. До смерти испугали жующих и пьющих пиво бюргеров. Вызвали полицию. Дежурный офицер, разобравшись, в чем дело, посмеялся в кулак, успокоил и выпроводил публику, команду свою отправил назад в участок, выпил бутылку виски из горлышка, предложенную ему Кроликом «для разогрева», разделся и сам полез на столик — танцевать. Тут выяснилось, что он — женщина-кенгуру из Эдемского сада в Новой Гвинее. Радости Кролика не было границ.

Лео как обычно зевал и привередничал.

А я уединился в интимном уголке с одним сексапильным созданием, капризом природы. Мы играли с ним в «бегемота и мышонка», периодически меняясь ролями.

Да, все прошло. Где теперь валяются эти скатерти, ложечки с гравировкой, вилки и ножи с вензелями? Где мейсенские тарелки? Где экзотические фрукты, ароматные супы, свежее мясо?

Где позолоченная рыба?

Где теперь раздевается адмирал?

Сейчас я был бы рад найти на помойке хоть корочку белого хлеба. Заплесневелую и пахнущую гнилью. Все-таки — напоминание о прежней жизни. Но за полтора месяца наших блужданий мы и корочки белого хлеба не нашли.

По всей Земле царила мерзость запустения.

Если бы не искусственное, пахнущее бензином, но съедобное «мыло» греев и не маленькие фляжки с невкусной жидкостью с металлическим привкусом, контейнеры с которыми они сбрасывали со своих монструозных летательных аппаратов, все уцелевшие в катастрофе жители Земли давно умерли бы с голоду или от жажды. Не знаю, распространялась ли благотворительность греев на животных. Я давно не видел ни одной собаки или птицы. Вероятно, все они погибли.

Я называю это событие катастрофой, потому что не нахожу более подходящего слова. Что это было на самом деле, я не знаю. Преображение... метаморфоза нашего земного мира.

Мы не слышали и не видели никаких взрывов, не было ни землетрясений, ни смерчей, ни цунами, ни бурь, ни наводнений. Супервулканы не извергались. Ни в Йеллоустонской кальдере, ни в Флегрейских полях в Неполе.

Что же произошло?

Мы трое сидели в гостиной на вилле Лео, стены которой были оббиты голубоватым с золотыми звездами шёлком. Собирались попробовать свежие персики. И вот... как раз когда я откусил приличный кусок душистой плоти и успел насладиться прыснувшим во рту соком, Лео зевнул, а Кролик пригубил бокал Бордо и глотнул — свет в торшерах померк, а мы потеряли сознание. Я успел заметить, что Лео смешно задержался, а Кролик опрокинул бокал на себя, и вино окрасило кровью его элегантный светлый пуловер. Персик вырвался из моих рук, упал на ковер и покатылся... В этот момент все окончательно померкло.

А когда мы очнулись... сразу стало ясно, что произошла катастрофа. Мы лежали на покрытом фиолетовой пылью поле... непонятно где.

У нас болели головы, мышцы, кости. Мне показалось, что мое тело отказывается вести себя так, как ведет себя тело человека. Что все его клетки, ткани, внутренние органы испытали шок.

Одеты мы были в темные пижамы. Поверх пижам — старомодные пальто, на рукавах которых были выжжены номера. На ногах у нас были тяжелые ботинки, вроде туристических, топорно сделанные. На головах — грязные вязаные шапочки. Тоже с номерами.

Никаких следов виллы Лео — руин или хотя бы фундамента мы не обнаружили.

Пропала не только его вилла, но и все предместье, и наш город... не только постройки человека, но и холмы, река, деревья, кусты, цветы — все исчезло.

Землю покрывала фиолетовая пыль.

Только одинокая башня торчала на горизонте.

Солнце, наше веселое солнышко, скрылось с небосвода. Наступили вечные сумерки.

Кролик огляделся, щелкнул языком и проговорил: «Вау...»

А Лео спросил, нет ли у кого-нибудь случайно аспирина.

Когда-то мы всё делили по-братски. Лео открыл для нас свой счет в банке «Амбассадор».

После катастрофы все как-то скукожилось. И мир и мы сами. Теперь мы — каждый за себя. И нам приходится ждать подвоха не только от окружающего мира, но и друг от друга.

Недели две назад Кролик ткнул Лео в зад острым металлическим трезубцем с длинным древком. Где он его взял?

Лео громко завизжал, схватился за больное место, изогнулся как питон и попыталсялизать ранки, а наглец Кролик рассыпался в извинениях и демонстративно кинул трезубец в грязевую речку. Как копьё. Позже он заверил меня, что не хотел причинять Лео зла и уколол его трезубцем «автоматически». Я поверил ему.

А Лео укусил меня за ухо. Прокусил мочку и ушную раковину.

Мы устроились на ночлег на вонючих мешках в полуразвалившемся сарае, пригрелись, я только-только заснул.

Укусил, а потом склонил голову и так грустно посмотрел на меня своими огромными глазами, что я тут же простил его. И даже не отомстил. Тогда. Но позже припомнил. Когда мы шли по краю нефтяного болота, отливавшего всеми цветами радуги, я слегка толкнул его, и Лео потерял равновесие и шлепнулся в зловонную трясины. Нет, она не засосала его... он так потешно кричал и неловко хватался своими большими руками, похожими на собачьи лапы, за тяжелую, раздвоенную на конце палку, которую мы ему протянули.

Я сделал вид, что мне жалко друга. И мне, как это часто бывает, и в самом деле стало его жалко. Я даже обнял его потом, утешил и помог ему оттереть речным песком пальто от грязи.

Вы спросите, почему же мы все еще шли втроем? Почему не разделились?

По привычке. Ведь мы были знакомы еще с университетских времен.

Иногда мне кажется, что и Лео и Кролик — не существуют. Что они — только проекции. Мои проекции. Проекции, ставшие зачетом самостоятельными личностями.

До катастрофы мы регулярно отдыхали втроем на средиземноморских курортах. Купались, загорали, играли в карты. А по возвращении в город ходили вместе в кино, в театры и на концерты. Вечера проводили на вилле у Лео. Выпивали, беседовали, имитировали известных политиков, злословили, хохотали. Плавали в подземном бассейне. Уединялись в спальнях с оплаченными Лео гетерами и кинедами.

Мы уже давно не работали. Кролик и я не были богаты, но не хотели гнуть спину как обычные люди — вечные рабы прибыли, спонсоров и начальников. Получивший в наследство огромное состояние Лео щедро помогал нам. Никто из нас и не думал обременять себя семьей. Зачем? Жизнь и так коротка и абсурдна. И жестока. И кончается известно чем.

Кролик жил в бывшей конюшне виллы Лео, которую он сам отремонтировал и перестроил на свой вкус. Лео оплатил только работу электриков, сантехников и краски. А я ютился в небольшой квартирке на окраине города, которую купил когда-то на первые гонорары. В гости к Лео и Кролику ездил на велосипеде «Диамант». На вилле у Лео у меня была собственная спальня. Там я ночевал, когда напивался.

Все пропало. Мой велосипед пропал.

Пропал многоквартирный дом, в котором на третьем этаже находилась моя квартира.

Пропала вилла. Пропала и ее бывшая конюшня, и моя спальня. Мы больше не хохочем. Чаще всего мы молчим.

О чем нам говорить? О будущем?

Его у нас нет.

Да, нас было трое.

Мы бродили по бывшим окрестностям города... Встречали разных людей. Все они были одеты так же, как мы. И мужчины и женщины. У всех были номера на рукавах пальто и на шапочках. Детей мы не видели. Почему — поняли позже.

Изредка встречали старых знакомых. Встретили Часовщика. До катастрофы его фирма производила известную всем в Европе марку

механических наручных часов. С синим циферблатом, серебряными стрелками и сапфировым стеклом. И, несмотря на заоблачную цену своей продукции, процветала.

Мы не раз бывали в его мастерской, расположенной на склоне покрытого виноградниками холма недалеко от Женевы, и дивились работе его подчиненных. Лео покупал там часы и дарил их нам или официантам, продажным женщинам, таксистам, жокеям...

Часовщик принимал нас по-королевски, угощал собственными винами, как-то особо приготовленным его поваром бланманже и трюфелями.

Грустно было смотреть на него, небритого, поседевшего, с грязными обкусанными ногтями и подбитым глазом, в оборванном пальто.

Сначала он не узнал нас, а когда узнал, захныкал и забормотал: «Тью-тью-тью... Господи, что стало со всеми нами? Куда все пропало, может быть вы знаете, барон? Тью-тью... Что, черт возьми, происходит? Где моя мастерская? Где виноградники? Кому помешали мои хронометры? Тью... Где Женевское озеро? На его месте — непроходимое болото. В нем даже лягушек нет. И, черт возьми, куда делись Альпы?»

Лео обнял его и попытался утешить. Но Часовщик не успокоился... продолжал терзать нас вопросами. Затем он замолчал, вытер нос рукавом пальто, плюнул себе под ноги, и, истощно воя, на всех четырех умчался от нас. Как испуганная обезьяна.

— Вау, — провозгласил Кролик, — Бедняга, кажется, спятил.

— И он, и мы все, — добавил Лео.

— Часовщик прав, где, черт возьми, Альпы. Озеро могло и обмелеть, превратиться в болото, но Альпы...

— Тью-тью-тью, — промурлыкал Кролик.

Мы пошли дальше.

Неожиданно мы наткнулись на Астронома. Он стоял и внимательно рассматривал какой-то камень в руке. Увидел нас и кивнул, так буднично, естественно, обыкновенно... как будто мы встретились не на покрытой фиолетовой пылью Земле после катастрофы, а в студенческой столовой в перерыве между лекциями.

Кивнул и тут же заговорил:

— Когда это случилось, я не работал, а показывал в саду сыну Сатурн в наш домашний Кессегрен. И представляете... навою я на резкость... и вдруг... Сатурн превращается в какую-то мерзкую рожу. И эта рожа показывает мне язык. И тут меня как будто ветром сдуло. И несло и несло... очнулся я тут. Где мои — не знаю. Даже следов моего дома не нашел. И еще... не знаю, что вы думаете обо всем этом, мне кажется, что я сплю, что все это... сон. Кошмар и больше ничего. Я не силен в геологии, но... верьте

мне, мы не на Земле. Да, не на Земле. Вы не задумывались о том, где Солнце. Куда оно делось. Почему нет ни дня, ни ночи? Это театр какой-то...

Мы не успели ему ответить. Потому что Астроном ушел, не прощавшись. Зашагал, как робот, прочь. И быстро пропал.

— Еще один псих, — констатировал Лео.

— Может быть, мы на Сатурне? Только вот, где кольца? — нелепо сострил Кролик, посмотрел на свои длинные пальцы и рассмеялся.

Я промолчал. Вспомнил посещение обсерватории. Астроном был спокоен, горд за свое хозяйство, поглаживал бока своих огромных телескопов и пытался объяснить нам, где находится Великий Аттрактор и что такое темная материя и темная энергия.

Похоже, тут, на этих бескрайних полях, покрытых фиолетовой пылью, я это наконец понял.

Загадку номеров на рукавах и шапочках помог разгадать другой встреченный нами старый знакомый, бывший сосед Лео, старик Барбарис. Так его звали, потому что весь свой участок он засадил кустами барбариса, из плодов которого изготовлял превосходный мармелад, нежно пахнущий лимоном и грушами. Барбарис владел клубом «Флорида», заведением с плохой репутацией, в которое мы тем не менее иногда заглядывали. Когда хотели развлечения погрязнее. Там я познакомился с цирковой группой, состоящей из румынских лилипуток. Девушки эти были не только мастерицами пограничного сладостолбия, но и гимнастками, жонглёрами и фокусницами. Одна из них смогла прямо на глазах у зрителей превратить католического монаха в крысу.

Барбарис разгуливал не один, а с тремя миловидными дамами. У меня создалось впечатление, что он жалеет не о потерянной «Флориде», не о городе, не об Альпах, а только о своем барбарисовом саде.

Всеведущий Барбарис поведал нам, что номера на рукавах пальто и на шапочках — это места в очереди на посадку в космические корабли греев, совершающие челночные рейсы между Землей и планетой X.

Посадка эта будто бы осуществляется на крыше башни, бывшей гостиницы, единственного уцелевшего здания в нашем регионе, над которой все время парят антигравитационные аппараты греев.

— Вы конечно близко к башне не подходили? А следовало бы. Там очередь... спиралью... толщиной человек в шесть и длиной километров в тридцать. Все хотят улететь отсюда. На планету X.

Планета эта вращается вокруг звезды, похожей на Солнце. Эту планету греи якобы нашли и оборудовали специально для людей. Сутки там составляют — 24 земных часа. Год длится 400 дней. Мягкий климат. Луна отсутствует. Планету X, так же как и

Землю до катастрофы, омывают океаны, но приливы и отливы на побережье там почти незаметны.

Барбарис с жаром рассказывал нам о том, что законы природы на этой планете не похожи на земные, что пространство, время и сама материя подчиняются там воле живущих на ней существ... Говоря проще — каждый из новых переселенцев с Земли сможет жить там в мире, который пожелает. Достаточно его представить и захотеть, чтобы он возник. Впрочем, горько заметил Барбарис, на этот счет есть различные мнения.

Не растерявшие своих религиозных убеждений земляне будто бы верят, что греи — на самом деле — ангелы Господни, что на планете X праведников ждет рай, а грешников — ад.

Другие, утверждал Барбарис, верят в то, что планета X — не что иное как колоссальная лаборатория, в которой греи проводят над людьми свои зловещие и болезненные эксперименты.

А неисправимые скептики якобы убеждены в том, что никакой планеты X не существует. И что греи собирают землян для упорядоченной утилизации и переработки на галеты. Им будто бы надоело есть искусственную пищу...

А висящие над башней аппараты — на самом деле гигантские мясорубки.

Сказав это, Барбарис неприятно захихикал, а его дамы потупились.

Расставшись с Барбарисом, мы стали прикидывать, когда подойдет наша очередь на отлет. Получилось, что самое раннее — через четыре месяца.

Кому верить, что делать все это время — мы не знали. Идти было некуда, везде было одно и то же. Поэтому мы просто шатались вокруг да около, стараясь не слишком далеко отдаляться от башни.

Во что верили мы?

Я не верил ни во что. Навсегда остаться на разрушенной до основания Земле — мне, тем не менее, не хотелось. Никто не знал, сколько времени греи будут нас кормить и поить. Надо было улетать. Авось попаду в мир, в котором есть хотя бы душ, туалеты и туалетная бумага.

Кролик — в прошлом большой любитель научно-фантастических романов — верил в планету-лабораторию. Но надеялся на добросердечие греев. Он рассуждал так: не могут столь высоко технически развитые существа просто так устроить остров доктора Моро на чужой планете. Духовное их развитие наверняка не отстало от материального. Это ведь они нас кормят и поят, а не мы их. Греи возможно нуждаются в нашем генетическом материале, ну так дадим его им, а они нам взамен подарят новую планету.

Немногословный обычно Лео отвечал Кролику так: «Будь я на месте греев, я бы десять раз подумал, прежде чем тащить нас в но-

вые миры. Землю мы уже испоганили, испоганим и планету X. Да и греям, если когда-нибудь наша возьмет, несдобровать. Мы их самих на галеты переработаем. Надеюсь, они это понимают».

Неожиданно меня осенило. В голову пришла мысль, заставившая меня содрогнуться.

— Мы за деревьями не увидели леса. Всё гораздо проще. Проще и страшнее. Мы уже не на Земле. Прав Астроном. Мы на этой треклятой планете X. Греи как-то ухитрились всех нас сюда перетасить. Разумеется, тут нет Альп. Нет мастерской и виноградников Часовщика, нет барбарисового сада. И не может быть. Тут ничего нет, кроме остатков какой-то прежней цивилизации. Мы в аду, поздравляю вас.

Спутники мои удивительно спокойноотреагировали на мое откровение.

Кролик заметил стоически: «Поздравление принято. В аду, так в аду. Обойдемся и без Альп и без барбарисов».

А Лео добавил: «В этом мире почти все уже уничтожено. Деревья не растут, зверей нет, даже насекомые исчезли, одни руины и фиолетовая пыль... Убивать некого... Значит, мы будем убивать друг друга. Это не ад, это огромная арена, а мы тут — гладиаторы. А греи, наверное, готовят многочасную телетрансляцию на всю галактику. Кролик, там, где ты нашел трезубец, было и другое оружие?

— Да, там валялись мечи и копья.

— Вот видите. Погодите, скоро наши хозяева завезут сюда экзотических животных. Саблезубых тигров, мамонтов, гиппопотамов... может и динозавров воскресят. А для придачи шоу особой пикантности пригласят сюда высшие духовные достижения человечества — куклу Чаки, Лепрекона, Фредди Крюгера, Чужого и Майкла Майерса...

Последующие события подтвердили его правоту.

Через несколько часов после этого разговора мы услышали приближающийся топот... мимо нас промчался, пыхтя, исполинский носорог. Носорог нас явно не заметил или заметил, но решил не прекращать свой бег из-за таких незначительных существ как мы.

Через полминуты примерно мы поняли, что носорог спасался бегством. Его преследовало уродливое чудовище, по размеру — раза в три большее носорога. С зубастой пастью, как у лангольеров в известном фильме, и телом, напоминающим полосатую подводную лодку. Но на шести волосатых лапах. За чудовищем неслись уже какие-то и вовсе невообразимые создания.

— Вау! — дежурноотреагировал Кролик, когда все стихло.

— Я же говорил, — пронудил Лео и горько посмотрел на меня своими огромными глазами.

Еще через день мы натолкнулись на следы побоища.

Какая-то зверюга растерзала группу, похожую на нашу. От людей остались одни ботинки и окровавленные ступни с торчащими

из них костями. Все остальное, по-видимому, сожрал зверь. Вместе с одеждой. Все вокруг было забрызгано кровью. Душераздирающая картина.

В нескольких сотнях метров от побоища мы обнаружили большой открытый ящик, в котором лежали прямые и изогнутые мечи, копья, шлемы с плюмажами и щиты. Все это явно предназначалось для нас.

Лео и Кролик в шлемах, с мечами и щитами в руках. Мурмиллон и фракиец. Гротеск.

Стало ясно, что следующими жертвами будем мы. Если конечно не произойдет что-то экстраординарное. Странно, приближающийся конец нас не испугал. Почему?

Одна мыслишка не давала мне покоя.

А что, если не все то, что поведал нам старик Барбарис, было ложью. Что если он рассказал нам кусочек правды? Разжевал и в рот положил, а мы этого не заметили.

Что если то, что он говорил про миры на планете X, — не было враньем?

Проверить это можно было чрезвычайно легко. Представить себе, например, виллу Лео и нас в ней до катастрофы, пожелать все это восстановить и посмотреть, что из этого выйдет.

Поделился идеей с моими спутниками. Спросил их прямо, хотят ли они, чтобы я попробовал воссоздать наш старый мир. С виллой, голубым шёлком на стенах и персиками.

Кролик согласился, но почему-то без особого энтузиазма: «Валляй, что мы теряем».

А Лео добавил: «Может быть, придумаешь что-нибудь поинтереснее, чем моя вилла? Тут конечно жизнь собачья... и закончиться она может быстро и не болезненно. Но наша прежняя жизнь была не хороша... и тянулась бесконечно. Имитация счастья... Подумай».

Поначалу я удивился, а потом вдруг заподозрил, что эта планета, покрытая фиолетовой пылью, вместе с проклятой башней и носорогом — это мир-антипод, который пожелал и создал Лео. Может быть и бессознательно. Потому что пресытился прошлой жизнью. А Кролик... это понял, но перечить Лео не стал. Не стал перебивать его фантазию своей.

Пора было показать, кто в доме хозяин.

Я решительно втянул в себя мои проекции. Лео и Кролик послушно заняли свои обычные места в моей голове.

Вернулся к ящику с холодным оружием. Сбросил пальто и шапочку, напялил шлем с плюмажем, взял в левую руку щит с мордой льва, а в правую — короткий меч-гладиус.

И — внутренне — вызвал всех чудовищ этого мира на поединок.

Через несколько секунд я услышал вокруг себя злобное рычание.

С одной стороны ко мне подошел человек в маске хоккейного вратаря. В руке его был нож. С другой приблизился черный как дьявол Чужой и высунул изо рта свою стальную челюсть.

Віталій БОРИСПОЛЕЦЬ

/ Київ /

* * *

Чекаю на диво
як на порятунок від самого себе
бо ще юнаком запрявся
змінити цей Світ

та Світ переміг
змінивши мене аж настільки
що впізнаю своє обличчя
хіба що в натовпі
всяк час
коли б не озирнувся

* * *

Сталося диво
водночас зник
увесь накопичений непотріб
майже повністю спорожніли
полиці шаф
холодильників
потягів
а всі стрімголов мчали
у спорожнілі домівки
аби на власні очі переконатись
що й себе
там також не знайдеш

* * *

Тисни
на педаль газу
щосили тисни

життя настільки коротке
що педаль гальм
можливо
і не знадобиться

* * *

Знайшов стару підкову
забрав собі на «щастя»
але чим далі
тим більше спадає на думку
що її загубив
Троянський кінь

ДЕНЬ ГРІХА

Світанок
вбрався як чернець
але я знаю достеменно
сьогодні буде не до молитов

сьогодні грім і блискавиці
кружлятимуть в нестримнім вальсі
від Відня аж до Києва

сьогодні День гріха

джмелі сьогодні досхочу
нап'ються трунку хіті
із пелюсток розбещених троянд
пташки ще спозаранку
співатимуть своїм різноголоссям
як гімн розпусти
пісні на сороміцькі вірші
під шелест кленів

і лише я
попри спокусу
смирно до небес здіймаю очі
щоб дарувало сил
хоча би в День гріха
збагнути його суть

бо й досі не второпав
чи ж є гріхом біблійним
гріх

якщо народжуються в нім
безгрішні діти
і чи гріхом духовним є
душі і тіла райська насолода

кому й яке від того лихо

і небеса
дали мені прозоріння —
оті святії письмена
про гріх і покарання
писали
збоченці та імпотенти
і підлаштовували суть речей
під власну неміч

а людям пристрасним і щирим
грішити — то святе

* * *

Випадково зустрів Смерть
люб'язно посміхнувся
але вона як і завжди поспішала
і навіть не озирнулась
на усміхненого бідолаху
приреченого до безсмертя

САМОГУБСТВО

Аби не горіти потім в пеклі
завбачливо
потонув у Небі

* * *

Інколи сміємося
іноді плачемо
решту часу
збайдужіло спостерігаємо
за чийось веселощами
чужими сльозами

* * *

Поставив минуле
проти майбутнього

сподівався виграти сьогодні
та випало зеро —
отримав перемогу над собою

СТАРЕЦЬ

Немічний старець
ковток за ковтком
як витриманий коньяк
сьорбає загусле повітря
з келиха долі

він згадує
як колись
напивався ним до сп'яніння
до втрати реальності
від якої завжди
хотілось втекти якнайдалі

він згадує
як натхненні вітри
лагідно пестили його крила
і здіймали у височінь
аж до обійсть вічності

та вже й не згадає
чому не лишився там назавжди
молодим і окрилений

на які іще дива сподівався
у цьому злиденному світі

лише з часом зрозумів
що життя —
це марне очікування
попутного вітру
який мав би домчати до мрії

що життя —
це покірне очікування
останнього буревію
який несамовито розкидає
його власний попіл
по ницим закапелкам
стомленого Світу

* * *

Від війни не втечеш
можна хіба що сховатися
у нашвидкуруч викопаній могилі
і чекати
доки туди принесуть домовину
з померлим від старості ворогом

* * *

Заспокойся кохана
вже все позаду
і нестачі
і горе
але наберись терпіння
бо лишилось найважче —
пережити випробування
вкраденим щастям

* * *

Куди летітимеш тепер
в чіє безмежжя
полишивши свій тимчасовий рай

була богинею у храмі мого серця
аж доки не зірвали маску
з моїх очей
спритніші за тебе богині
але з релігій інших
хоча й з одного й того ж
розкішного небесного борделя

* * *

Чому зорі спалахують
коли падають
невже ж у крижаному космосі
є хтось
заради кого
варто би було
упасти чи згоріти

* * *

Коли зізнавалась у коханні
сором'язливо опускала очі

то чому ж тепер
безсоромно зазираєш у мої
якщо вже й зорі
стидаються спостерігати за нами

* * *

Ти втратила цноту
я — розум
ти отримала перше кохання
я отримаю останню зраду

сподіваюсь ми квити

* * *

Емоції вибухнули
розкидавши довкола уламки думок
і обпаливши
тендітні паростки мрій
навіть шляхи до відступу
перетворилися на вирву

як і завжди
під час раптової атаки гніву
чергову перемогу
отримала безпорадність

* * *

Часи змінились

діставшись роздоріжжя
зупинився
але не за для того
аби обрати свій шлях
а за для того
аби пропустити тих
хто має перевагу в русі

* * *

Нарешті я здався
і визнав
що «чорний квадрат» Малевича
є геніальним витвором мистецтва

переконала мене в цьому
людина обізнана на мистецьких артефактах
котра вже не одне десятиліття
колекціонує
відрізані вуха Вінсента ван Гога

* * *

Самозречено
плив проти течії
терпляче
очікував попутного вітру
аби переможно здійняти вітрила
і перетнути обрій

лише з часом усвідомив
що все життя борсався
у непрохідному болоті

* * *

Вже минув той час
коли на все не вистачало часу

тепер
коли став старим і німичним
досхочу можу
будувати плани на майбутнє
і мріяти про своє щасливе
безтурботне майбутнє

* * *

Самозакоханість зникає
коли вчишся мислити критично
і це розумно
іноді
навіть філософський камінь
аби убезпечитись
видає себе за звичайнісінького
блакитного діаманта

* * *

На роздоріжжі
зіштовхнувся зі щастям
та воно здригнулось і втекло
як перелякане дівчисько

що побачило
занедбаного старця
який спромігся посміхнутися
самими лише
пересохлими від втоми очима
звідки йому було знати
що він щойно повернувся
з потойбіччя

* * *

Життя —
це відчайдушне намагання злетіти
під час
телевізійної трансляції
балету «Лебедине озеро»

* * *

Насамперед
треба усвідомити
ким ти є насправді
а вже потім
вибудувати план
бездоганного самогубства

* * *

Як швидко догорає свічка
павук
неначе злий чаклун
вже павутинням оповив вогонь
й не поспіхом іде
по мої очі

Олег СЛЕПЫНИН

/ Черкассы /

СНЕГ¹

(Черкасское княжество)

Космический роман

Ибо снегу Он говорит: будь на земле!

Иов 37:6

17. Каменный астронавт

Иван заглянул вечером на фуршет, чтобы увидеть Снежану. Напрямую так себе и пояснил. Хотя утром, когда в церковь Рождества поехал, в тайне и от себя самого держал, что хочет её увидеть, ведь в архиерейском доме живёт.

Он поднялся в гостевой зал университета, когда там уже было полно народа — под сотню нарядно разодетых незнакомых мужчин и женщин. Некоторые на него косились, на синие драные джинсы, лохматую красную рубашу и камуфляжный рюкзачок, не солидный совсем. Все ждали американцев.

— О! — воскликнул Борис, дежуривший у входа со своим оператором. — Давай быстренько интервью снимем, пока гостей нет. Как ты?

— Кто все эти красивые люди? — спросил Иван.

— Это — главные люди славного края Богдана и Тараса, — беззаботно ответил Угольник. — Но и не только лишь главные! Это и те, кто смог заплатить за участие в фуршете с особами из кланов Рокфеллеров и Ротшильдов. Хорошие люди, с хорошими деньгами.

— Прямо-таки заплатить?

— Не удивляйся, — Борис рассмеялся. — Все люди хотят развиваться, повышать собственное реноме. И это правильно. Совместное фото с губернатором и американскими визитёрами произведе-

¹ Окончание. Начало «Крещатик» №99.

дёт впечатление не только на собственную тещу. Выставленное в рамочке в офисе, на это все они втайне надеются, произведёт впечатление на партнёров и инвесторов. А нет, будут потом внукам рассказывать: «Когда я встречался с Ротшильдами и Рокфеллерами...» Давай, интервью запишем?

— Лучше чуть позже, — отказался Глебушон. — У меня тут одно дело есть.

Ему совершенно не хотелось светиться у входа, чувствовал себя неуютно. И он отправился в дальний угол, к окну, где и вытащил из рюкзака ноут. Поставив его на подоконник, раскрыл. Дело у него действительно было.

Из угла он и наблюдал за происходящим. Видел, как у входа в одной точке сразу возникло много цветов и гулко раздались аплодисменты. Общество встречало Снежану и Ричарда. Официанты разносили напитки. От закусок ломились длинные столы и некоторые закуски падали на пол. Начались тосты. Вторым тостом Ричард Грант чрезвычайно польстил Глебушону, забавно рассказав о его открытии, благодаря которому он якобы уже ворвался кометой в мировую научную элиту. Доктор Сова переводил и здесь лично. Иван выпил за себя пепси, чуть ни уронив очки. По индикаторам он отслеживал завершение загрузки новой программы, обнаруженной на «Копернике». Программа «Каменный астронавт» (Stone astronaut) появилась в свободном доступе очень вовремя. После тоста Ричарда, в микрофон заговорил ректор Сова. Расплескав на туфли красное вино, ректор сообщил, что кандидатская диссертация Ивана Глебушона, которую тот с блеском защитил (пару лет назад), наконец-то, сегодня утверждена (подразумевалось: не дождавшись, эх, подкрепления взяткой). И Глебушон с должности старшего научного сотрудника сегодня переведён на должность доцента.

Он ещё выпил пепси, наблюдая издали, как Боря Угольник берёт у Снежаны интервью. Кроме оператора «Окрестностей Че» в банкетном зале других камер не было. Многие, не мудрствуя и не нахальничая, издали *сэлфились*, взяв в кадр заморских гостей.

Программа моделирования космических процессов, подсоединённая к недавно запущенному телескопу *Джеймс Уэбб*, запустилась. Тут же выяснилось, что Снег по форме не «кирпич» и летит не плоско, а с вращением. Предположение, объясняющее избыточную массу «Снега», оказалось ошибкой! Значит, подвели скромные возможности провинциальной обсерватории. Иван никак не смог сосредоточиться на мысли о причине избыточной массы астероида. Компьютерный *моделятор* «Каменный астронавт» стал прорисовывать возможные траектории пересечения с траекторией Земли, и даже линии прохождения небесного гостя через земную атмосферу. Эта линия, как тут же и сообразил Иван, в общем совпала с линией среднего течения реки Днепр! То есть что? Возможна очередная катастрофа на просторах коренной Руси? *Эк, дьявол взярился!* Если

каменный гость рухнет в нашей полосе... то... Но, главное, понять — насколько корректно работает сама эта программа, «Каменный астронавт»!

К Ивану пробрался Боря Угольник, за ним тащился оператор, собираясь писать интервью. Глебушон увеличил картинку, Борис обмер: метеор, испещрённый кратерами, перемещался короткими рывками по пунктирной кривой к огромному шару, плывущему в голубом сиянии.

— Нашёл новую программу, — пояснил Глебушон. — «Каменный космонавт» называется. Моделирует космические процессы. Это наша Земля, это астероид.

— Вот это будет бомба! — Угольник всё понял. — Вот и название для сенсации: «Каменный космонавт»!

На мониторе изменилась точка обзора, вид происходящего преобразился.

Буквально сузив глаза от напряжения, они наблюдали, как в небе над крючкообразной цепью Днепровских водохранилищ астероид чудовищной огненной глыбой, пробивая атмосферные облачные слои, оплавляясь, теряет пылающие осколки.

В этот самый момент программа подвисла. Картинка окаменела и стала разваливаться на пиксели.

— Ни хрена себе! — излишне темпераментно проговорил Борис, чем и привлек к их углу всеобщее внимание.

— Жаль, слаб ноутбук, — проговорил Глебушон. — Программа слишком тяжёлая.

Снежана сегодня была вся в лиловом. Перед ней расступались, в полушаге за нею топал мешковатый Ричард, умно улыбаясь.

— У нас что-то новенькое в космосе? — спросила она между прочим. — Можете мне показать, мистер Глебушон? Мне очень интересно.

— Зависло, леди Снежана, — ответил он. — Но я прокручу запись назад, — он встал, освобождая для неё стул перед подоконником.

— А давайте так, — предложила Снежана и без церемоний уселась на подоконник, подбив под себя платье. — Садитесь рядом.

Глебушон подчинился, поставил ноутбук к себе на колени.

— Видите?.. — Глебушон говорил негромко, показывая пальцем на голубой дымящийся шар с континентами и океанами: — Земля. — Он приблизил, увеличил картинку, показал на астероид: — Астероид.

— Sneg?

— «Снег». Это компьютерная модель падения и возможного столкновения с Землёй, — он показывал, чувствуя её тепло. — Это каскад Днепровских ГЭС. Цепь водохранилищ. *Водосховищ...* Хоршее слово «водосховище»?

— Очень.

— Здесь где-то мы, наш город Че. Сейчас астероид возникнет. Ноутбук завис, может, удивился, увидел то, что сам показал.

Снежана весело фыркнула, шутка понравилась. Глебушон обрадовался, что у неё отличное чувство юмора.

— Наш фонд приобретёт вам новый мощный ноутбук! — заверил Ричард и отозвал Снежану в сторону.

Монитор ожил. Возникла синяя речная лента с зелёными островами, в отдалении появился стальной решётчатый мост и длинная дамба, похожая изгибом на клюшку для игры в мяч; стала видна сетка городских улиц, высотные дома, светлые крыши.

— Вмажет? — быстро спросил Борис.

— Удивлюсь, если мимо пролетит, — сказал Глебушон.

— Внимание! — предупредил Борис: — Начальство подкралось.

Он отстранился, пропуская перед собой губернатора и мэра, наблюдая за всем как за иллюстрацией к анекдоту. Губернатор и мэр с двух сторон заглянули в экран и, увидев знакомый пейзаж и огненную глыбу, через мгновение, не сговариваясь, захлопнули ноутбук. Оглянулись: видел ли кто?

Борис хохотнул.

Сквозной, заподозрив, что журналюга смеётся над ним, сам весело рассмеялся и распорядился через плечо:

— Пан Сова, давайте-ка плавно завершим фуршет. Придумайте повод. Речь о секретной информации государственной важности.

— Возьму с каждого подписку! — ректор явно занервничал. — В чём проблема?

Все, находившиеся в зале, были заинтригованы — что же происходит в углу, у распахнутого окна. Толпа надвинулась.

— Прошу всех отойти! — проговорил мэр Лысяк, завладевая ноутбуком. При этом он явно сгорал от нетерпения, желая увидеть, «а что же дальше». Отодвинувшись от всех вместе с губернатором, Лысяк приоткрыл ноутбук. Картинка ожила. Вокруг возникла некоторая толкотня, в итоге несколько голов нависли над монитором, лбы соединив. Десять пар глаз видели, как раскалённый до янтарного цвета огромный камень врывается в зелёную гладь Кременчугского водохранилища, поднимая волну, обнажая дно на десятки километров вокруг эпицентра...

— Когда? Когда это случится? — с весельем в голосе вкрадчиво прошептал жизнерадостный губернатор. Он думал о том, что зря, войдя в область, сразу же взял кредит и влился в строительство жилищного комплекса тестя. Мгновенно прикинул: в договоре есть пункт, оговаривающий возможность невозвращения кредита — форс-мажорные обстоятельства. Надо уточнить, есть ли в перечне таких обстоятельств падение на город астероида? Вряд ли, конечно. Но не является ли его падение форс-мажорным обстоятельством по умолчанию? Наверняка, является. Значит, кредит погашать и не подумая. Хорошо бы и ещё что-то из этой ситуации выкрутить.

Мысли мэра растекалась в разных направлениях, но в той же плоскости: о таксопарке, который, если б знал, вчера б продал; о незавершённых стройках, о пляжной полосе, в которую вложился, о пригородном агрокомбинате, который недавно прикупил на имя тёщи. Сверкнув лысиной, Ярослав Лысяк глянул на ректора Сову с застарелой неприязнью, прошептал:

— Вам же ясно сказано: плавно завершить мероприятие.

Во всех коридорах университета тут же пронзительно задрезжали звонки, следом рявкнула и, перекрывая электрический трезвон, взвыла сирена. Из репродуктора раздался приятный, но чрезвычайно напряжённый, сеющий панику, женский голос: «Просьба, всем срочно, очень срочно! покинуть помещения и выйти во двор и отойти от здания! Поступило сообщение, что в помещении над банкетным залом обнаружен чемодан с бомбой и часовым механизмом!»

В дверях случилась давка...

Когда дверь, сорванная с петель, упала, в зале осталось три человека — Иван, Снежана и Рич.

В зал, стуча когтями по паркету, вбежала абсолютно как сажа чёрная овчарка, следом — двое полицейских.

— Надо освободить помещение, — сказал один, напоминающий лицом свою остромордую собаку.

— Бомбу ищут, — пояснил Борис, возникнув с видеокамерой за широкой спиной второго полицейского. Пёс кинулся на него, едва не цапнув за коленку. Полицейский дёрнул повод, прикрикнул. Собака осела.

— Действительно есть бомба? — спросила, покосившись на него, Снежана.

Борис был ощутимо пьян.

— Тут были люди непростые, могли и заказать кого-то — с хмельной заминкой ответил Борис. — Не исключаю, тревогу объявили, чтобы отвлечь внимание от сенсации моего друга Вани Глебушона.

Снежана перевела Ричарду. Тот понял, прокомментировал, Снежана вновь перевела:

— Предмет отвлечения — это не есть хорошо, даже если шутка.

Пьяноватое лицо Бориса преобразилось от внутреннего его смеха, ясно было, что-то смешное вертится у него на языке. И он продолжил фразу Ричарда, произнеся в той же тональности:

— Можно даже и посмеяться над ней. Если бомба не взорвётся!

Окно раскрылось, понесло майским весёлым ветром, занавеска взмыла, опрокинула, снесла со стола фужеры. Борис проговорил сам себе: — Намёк понял! — И прихватил с разгромленного стола бутылку коньяка «Белый аист», оттопырив ею карман.

18. Ажиотаж

Астра Павловна Швед в своё время была директором школы, в которой учились *все*, поэтому со всеми в городе она была на «ты», а кой-кого из депутатов и прочего нынешнего руководства вполне доказательно называла «придурком», «шлюхой» или даже «бандюком» — иногда и не только за глаза. Бандюком, впрочем, старалась никого не называть с тех пор, как душевно сошлась со своим давним учеником Архипом Когутом, которой миру был известен как «Архип Ракета» или просто «Ракета».

Астра Павловна занималась в каминном зале с внуком, читала вслух книжку «Три поросёнка».

Архип, лёжа по соседству у себя в кабинете на кушетке, смотрел на большой экран с новостными сюжетами из университета. Беловолосый американец с толковым лицом что-то говорил в микрофон, Борька Уголёк кивал репой, ректор Сова переводил: «... Нет, бюджет проекта пока до конца не определён. Но он значителен. Наши эксперты продолжают изучать потребности университета...»

Астра Павловна, слышала через дверь голос Совы, артистично читая внуку: «Пора нам подумать о зиме, — сказал Наф-Наф своим братьям, проснувшись рано утром...». Вдруг надумала и крикнула через дверь:

— Архипушка!.. Звони мэру!

Внучок тут же с её колен перескользнул на пол и взялся за разборку кубика Рубика отвёрткой. Увидев через щель, что муж стягивает с кушетки больные ноги, Астра Павловна продолжила жалобным писклявым голосом: — «Я весь дрожу от холода. Мы можем простудиться. Давайте построим дом и будем зимовать вместе под одной тёплой крышей!..». — Астра Павловна вновь переключаясь на волнуемое: — Пусть мэр объяснит всё-таки, *шо это за кипишь на банкете. Была бомба?! А то я заволновалась, даже сердце заболело...* «Успеется! — продолжила она поросычьим голосом. — До зимы ещё далеко. Мы ещё погуляем, — сказал Ниф-Ниф и перекувырнулся через голову».

Услышав толковое слово жены, которая как Юлий Цезарь умела делать одновременно несколько дел, Ракета, помассировав по-дагрические колени, простонал:

— Ох, знала бы, как не хочется ему звонить, — и пояснил, так же через дверь: — Быковать, гад, начнёт, пальцы веером: я мэр или жёлудь с бугра!

Астра Павловна пропищала, изображая глупого поросёнка: — «Когда нужно будет, я сам построю себе дом, — сказал Нуф-Нуф и лёг в лужу».

Ракета спросил Лысяка без экивоков, без «привет-привет»:

— Шо на банкете в универе за кипиш был? И шо за миллионерша?

— Миллиардерша.

— Ну?!

— Пять или восемь? — нарочито зевнув в трубку, вопросом на вопрос ответил мэр. — Мэр я или не мэр?

— Жёлудь с бугра, — грубовато пошутил Ракета. — Ладно, шесть с половиной... Замазано?

— Замазано, — тут же ответил Лысяк, добившись того, чего хотел. — Значит, отвечаю. Пафос кипиша в том, что летит в космосе метеорит, целая каменная гора... Слышал?

— И?

— К Земле. Астрономы, дармоеды, прозевали. Ближе уже. Компьютерную модель составили. Бахнет в черкасское водосховище. Городу гаплык.

— Да ну! На разводилово похоже, — не поверил Ракета.

— Сам видел в ноутбукке нашего астронома. Удар, волна — и весь город — разломанные мокрые стены без окон и крыш! Руины!

— Не брешешь?..

— Кто ж так брешет.

На что сам себе Ракета уныло проговорил:

— Опять, что ли, когти в Италию рвать надо?

— Цунами будет, волна — метров сто высотой. Это как футбольное поле на дыбы! Всё смоем.

— Да ты шо! — Ракета мысленно представил высоту волны.

Астра Павловна вновь отложила книжку.

— Спроси, — крикнула она в дверь, — у них ума и денег хватило — инфу попридержать?

Мэр расслышал, не стал дожидаться переадресации вопроса:

— Хватило, Астра Павловна, хватило. Договорились с Борей Угольником, обещал сутки, реально до завтрашнего вечера, инфу не разгонять. Реально — двадцать семь часов плюс-минус. Пришлось скинуться на развитее его «Города Че». В теме только несколько человек.

— До Сокирно волна дойдёт?

— За Сокирно не знаю, у меня *хатынка* в Царском селе. Ей гаплык.

Астра Павловна вошла в кабинет:

— Ярославчик, кто да кто в теме?

— Читайте, Астра Павловна: я, вас двое, Сквозной — это новый губернатор; значит, наверняка, и его тесть сам Юрский. Ещё Боря журналист и американцы. Ну и звездочёт лохматый. Всего семеро.

— Это хорошо, — Астра Павловна одобрила. — Узок круг. А СБУ, менты, наши деловары?

— Пока никто ничего... Меры приняты. Но...

— Значит, сутки?

— Плюс-минус, Астра Павловна. Хотя понятно, и раньше слухи пойдут... На банкете туча народу была, и не все ж дураки.

— А ты постарайся, чтобы не расползлось, Ярослав, — Астра Павловна вернулась к книжке и вновь преобразилась: «Тогда я буду один строить себе дом, — сказал Наф-Наф»... — И тут же отложила книжку: — Давай, Архип, думай... Скажи, у тебя «Гулливеры» как застрахованы?

— А я знаю?! Обычно, наверное.

— Застрахуй, Архип, и срочно, и подороже. И хорошо бы побыстрому втюхать днепропетровским рестораны. Они ж просили?

— Маловато предлагали, Нары вчера ещё звонил. Чуть накинул. Ещё и киевский «Дон» просит. Размечтался!

— А ты, знаешь, ты отдай и «Дон». Для отвода глаз. И рестораны.

— Ох, голова ты толковая! Тогда и предъявить им будет нечего. До Киева волна не дойдёт... Или дойдёт? Но за сутки сложно всё повернуть...

Архип Ракета, распахнув ноутбук, застучал по кнопкам, связываясь со смотрящими и юристами под хохот внука и песенку в задорном исполнении Астры Павловны: «Никакой на свете зверь, хитрый зверь, страшный зверь, не откроет эту дверь».

Губернатор Сквозной позвонил тестю Юлию Валентиновичу Юрскому. Юлий Валентинович был человеком из списка «Форбс», в лицо его мало кто знал. При этом ни одно сколько-нибудь серьёзное решение в государстве не принималось без учёта его интересов. Юрский предпочитал видеть собеседника, поэтому Сквозной набрал его, включив камеру. На экране появилось лицо Юрского — мягкое, гладкое и белое, но с некоторыми морщинами — волевыми и хитроватыми.

Поздоровавшись в чрезвычайно почтительных тонах, даже и подчеркнуто наигранных, осведомившись о «драгоценном здоровье» Юлия Валентиновича, Сквозной продолжил свою речь в своей обычной манере, не без веселья в голосе:

— В Черкассах ожидается маленький апокалипсис, вот что хочешь сказать.

— Давно не было и вот опять? — Юрский улыбнулся, он был поклонником шуток зятя. — Когда? Что именно?

— Скорее скорого! Город будет разрушен. Астероид выскочил как из-под земли высакивает убийца в переулке...

— Так поражает молния, так поражает финский нож, — продолжил известную фразу Юрский.

— Вот именно! Учёные прозевали. Удар придёт в Кременчугское водохранилище напротив Черкасс. Город снесёт.

— Так-таки снесёт?

— Вдребезги. Если расчёт верен. Но я и компьютерную модель видел.

— Видел? Что ж, не зря я тебя губернатором... — проговорил Юрский, взглядываясь в глаза зятя. Помолчал и, несколько подражая тональности зятя, словно бы сдерживая смех, вдруг бросил:

— Ничего не поделаешь, стихия!.. Горе, конечно, у людей, — лицо Юрского сделалось весёлым, но он продолжал скорбно. — Горе. Разорение. Беда.

Сквозной догадался, почему тестю вдруг стало весело. Тесть недавно очень плотно вложился в стройиндустрию.

— Стихия ломает. Мы — восстановим. Правильно, губернатор?

— Кто, если не мы.

— Кто ещё знает?

— Мэр знает, иностранцы эти, журналист, астроном... Мы скинулись для журналиги, сутки, до завтрашнего вечера, утечки не будет.

— До вечера? Значит часов тридцать. Это немало. Но мало. Значит, так... Журналисту нужно пасть закрыть плотно. Информация стоит дороже всех издержек. Ну и мэр должен понимать. Это первое.

— Записываю, — привычно хмыкнул Сквозной и изобразил сомкнутыми пальцами в воздухе писание ручкой.

— Запоминай!

— И запоминаю.

— На любых условиях договорись от моего имени о покупке парочки заводов железобетонных изделий и комбината строительных конструкций — где-нибудь в Полтаве или в Виннице.

— Может, в Днепропетровске?

— Не надо. Волна может и до Чёрного моря пойти, плотины порушить...

— Понял.

— Список вариантов сброшу. Посылай людям на места, помощник у тебя будет... И немаловажное: помнишь, у донецких купили турбазу на Днепре, там недалеко ещё песчаный карьер? Сможешь продать тихо и быстро?

— Записываю.

— Ты хоть понимаешь, что это шанс?!

— Записываю: шанс.

— Не прикалывайся. Будь серьёзней!

Ярослав Лысяк, запершись в кабинете с двумя юристами, втолковывал, что нужно срочно продать и что нужно прикупить. Продать следовало таксопарк «Муфлон» и недостроенный жилищный комплекс. Купить нужно: строительную технику — грузовики, экскаваторы, краны, бульдозеры — для разбора завалов и последующего строительства. Плюс бетономешалки. Срочно заказать в Китае.

— А чего сказать, если про рестораны спросят — чего вдруг надумал продать? — Архип Ракета ходил, прихрамывая, по залу, обходя маленький цветомузыкальный фонтан, около которого стоял внучёк и кормил рыбок обломками кубика Рубика.

— «... Черный, как трубочист, волк бултыхнулся прямо в котел. Глаза у него вылезли на лоб, вся шерсть поднялась дыбом», — страшно читала Астра Павловна. — Гарик, покажи, как у волка поднялась шерсть?.. Молодец!.. Скажи им, Архип: сон приснился. Видел, скажи, звезду Полюнь, на город упала. Так и скажи.

Ракета ушёл в кабинет, Астра Павловна по громкой связи слушала:

— Шконка, привет, мой золотой!.. Сон мне приснился... Метеорит мне в бошку летит! Конкретно говорю. Чуть не обделался! Короче. Мнительный я стал.

— Ты всегда таким был, — прокомментировал человек, которого знали по кличке Шконка Днепр.

— Хочу всё продать — и к себе в Италию.

— В Италии метеориты не летают? — хохотнул Шконка. — Слушай, а ты, может, и киевский «Дон» отдашь?

— Продам. Сгорел сарай, гори и хата.

— Готовлю бабки?

— Готовлю бумаги?

Юристы и мэр Лысяк пересматривали ролик разрушения города. До мэра вдруг дошло:

— А ведь волна аж до Хуторов ударит! Это ж чернозёмы тещинного агрохолдинга!

Ярослав Анатольевич пальцем указал границу земель, принадлежавших холдингу «Зерно». Давайте-ка всё срочно продадим!

— Как же так?! — попробовал возразить один из юристов, с лицом и глазами как веретено, неуловимыми. — Столько сил вложили, через столько переступили!

— Делай, что велят!

— Есть, ваше сиятельство! — ответил адвокат. — Только потом не говорите, что я виноват, когда окажется, что никуда чернозёмы не делись.

— Они, может, и не денутся. А на дне нашего моря, знаешь, сколько кубокилометров радиоактивного ила из Чернобыля?! Земли уйдут из сельхозоборота.

Борис Угольник был возбуждён до чрезвычайности, сотрясён до самых глубин своей души, взвинчен мыслью, что его «Город Че» вновь вот-вот выскочит в топ просмотров. Его распирало желание сейчас же выложить готовый уже видеоблог «Каменный космонавт», в котором было всё: и влетающий в земную атмосферу ог-

ненный астероид, и удар в водохранилище, и разрушенный город. По всему миру зашуршит как гром в небесах: «Город Ч., Борис Угольник, эксклюзив...».

Такой хайп слизнуть — святое... Жаль, повёлся на деньги. Да и шут с ними, не такие и большие, верну!.. Даже и одного часа выдержать нельзя, не то что сутки!

Борис уселся за ноутбук и принялся строчить подводку. Пальцы выстукивали: «Черкасский учёный, доцент гуманитарного университета Иван Глебушон произвёл расчёт траектории астероида Sneg. Основная масса ударит в Черкасское водохранилище. Смотрите ролик компьютерного моделирования катастрофы. Город будет раз...».

Загудел телефон, звонил Ракета.

— Над чем, Боря, работаешь, какие сенсации в городе? — спросил он.

— С какой целью, Архип Валерьевич, интересуешься?

— Есть подозрение, что ты передумал терпеть двадцать семь часов.

— Как? И вы, Архип Валерьевич, в теме?

— В своём городе я всегда в теме. Так что не спешите.

— И в мыслях не было.

— Подумай сам, какие выгоды можешь получить... А то мне доносят, что шеф губернатора не прочь тебя завалить, чтобы ты точно рот не раскрыл.

— Серьёзно?

— Вот теперь и думай, всерьёз это или шутка.

— И думать не буду. Поэтому единственный выход — быстро слить ролик в сеть.

— Да, тогда им не будет смысла тебя мочить. Но ты меня этим подставишь, что я тебя предупредил. И меня по карману ударишь. И ударишь по тому, что вы называете общаком. Поэтому, если хоть звук раздастся о черкасском апокалипсисе, тебе конец и семье твоей. Мамой клянусь. Отбой!

«Мама — это у них серьёзно, — подумал Борис. — Хоть мать свою Ракета, говорят, до смерти в молодости забил. Нет, воевать на всех фронтах — с олигархом Юрским и бандитами ОПГ — чересчур. Но должен же быть и плюс во всей этой истории?..»

И он пожалел, что не успеет дом продать. Но и усовестился: да и не хорошо это — торговлей заниматься, о барышах думать, когда такая беда над городом, над народом нависла!.. Но что же делать, когда сделать ничего нельзя. Можно, например, дом застраховать. Это можно успеть. Интересно, какова предельная сумма?

Пропищал телефон на мелодию «Наша служба и опасна и трудна». Звонил «Николай Николаевич» из СБУ.

— Сбрось мне ролик, — не здороваясь, распорядился «Николай Николаевич».

«Да пошёл ты», — внутренне возмущился Борис, готовый без объяснений отключить телефон. Но сдержал себя: всегда можно кого угодно послать куда угодно в вежливой форме.

— Николай Николаевич, ситуация неординарная, — ответил Угольник. — Поэтому все вопросы к губернатору Сквозному, он тему засекретил. С ним решайте.

— Я с тобой хочу решить.

— Что-что? Слышимость плохая, звонят из Киева по другому каналу, — с удовольствием соврал Угольник и отключил «Николая Николаевича».

Угольник произвёл бросок через плечо воображаемого кого-то.

19. О тайне счастья и других секретех

Наутро после банкета Иван проснулся с весельем в сердце. Он был совершенно уверен, что городское руководство уже начало подготовку к эвакуации. Время есть, чтобы всё организовать толково. Весёлым сердце было оттого, что словно б чужой хмель вчера впитался ему в кровь вместе с сиянием глаз Снежаны! С умильной радостью припомнился тост её брата-советника об открытии астероида, благодаря чему он, якобы, ворвался кометой в мировую научную элиту! Именно кометой! Весело было и от тоста Сова, поздравил с новой должностью, пожелал достичь в астрономии «космических высот». Всё-таки есть чувство юмора... Но была на дне той лохани медового киселя, которым вчера его усладили, ложка ядрёной горчицы, от которой с утра и дух захватило: если б не эти американцы — никто б и открытия не заметил! А о том, что произойдёт столкновение «Снега» с Землёй сделал бы сообщение какой-нибудь другой астроном, неизбежно. И опять сквозь утреннюю дрёму на него налетели сияющие глаза Снежаны, заглядывающие в его глаза.

Он лежал голым, до предела вытянувшись под простынёй, глядя в потолок, с абсолютным желанием женщины, его затыгивала воронка, ввинчивала в себя, последствий чего он всегда стыдился, всегда боялся. Её воздушное лицо, тонкая шея с голубыми прожилками, быстрый поворот головы, дыхание и сияющие глаза всё сошлось в нём восторгом — Иван вскочил, не доводя себя до греха.

Вчера после банкета, который завершился воющей сиреной и собакой, стучащей когтями по полу, пьяненький Боря Угольник, пребывающий в помрачённом состоянии, завёз трезвого как хрусталь Ивана к нему домой, твёрдо напомнив, что *миз* Снежана и *сэр* Ричард просили с утра им показать, — не прибегая к услугам городского руководства (!) — светлый город и окрестные парки с прудами. Глебушон в напоминании не нуждался. Услышав вчера просьбу Снежаны, он даже вдруг размечтался о чём-то романтическом и сам

просиял глазами. А утром нисколько не огорчился, узнав, что Боря *не в состоянии*, что у него *голова*, видно, коньяк палёный *втюхали*, а ещё и встреча у него сегодня с бандитами.

Глебушон заехал к ним на такси.

Негр с японским лицом Сато Минато выводил из гаража зелёный лимузин, вероятно, чтобы в нём ехать на экскурсию. Ричард со Снежаной, переговорив меж собой, вдруг передумали, решили поменьше привлекать к себе внимание, отпавились на такси, оставив Сато Минато дома.

Погода располагала — с широкого *водосховища* устойчиво дувил ветер, в небесах сияло совершенно ласковое солнце, изредка перекрываемое пушистыми одуванчиковыми облаками, каждое из которых было создано как особое художественное произведение для порождения в людях самых удивительных эмоций. Иван и Снежана прогуливались по бетонной набережной. Солнце, заигрывая, грело им носы и правые щёки. Над тёмной водой у стальных ограждений рваной цепочкой стояли, скрючившись, временами дёргаясь, рыбаки с удочками. Рич влачилс по их следу, разговаривая по телефону с отцом, Грантом-старшим. Снежана с Иваном впервые в жизни оказались совсем наедине.

— Расскажи, как ты? — мягко произнёс Пол Грант, уже смирившись с мыслью, что из сына ни в бизнесе, ни в политике ничего путного не выйдет, не быть ему продолжателем семейного дела. — Как Скалистые горы? Как Банф?

Вопрос содержал нотки признания родительской вины и желание её загладить. Отправка взрослого сына в Банф, по сути, была силовой акцией. Блокировка на три дня банковских карт была откровенным шантажом. Это была последняя попытка Гранта старшего правильно встроить Рича в систему мироустройства.

Ричард отвечал отцу, как ни в чём не бывало:

— Всё отлично, отец!.. С дядюшкой Клаусом расстались друзьями. Он одобрил мой проект... Знаешь, хоч поделиться...

Он и раньше делился.

— Послушай! — продолжил он простосердечно. — В Банфе познакомился с женщиной, только не удивляйся, на которой действительно не прочь жениться.

— Неужели?! — оценил новость старший Грант, и его семейная стратегия внутри его головы мгновенно приобрела новые очертания. Женитьба — то, что нужно: будет внук, которого можно успеть воспитать правильно, если не сумел правильно воспитать сына. Вслух сказал:

— Главное, не повторился бы случай с первой женьитьбой.

— Тут совсем другое, — ответил Рич. — Всё наоборот. Она из нашего круга. Но пока не сказала ни «да», ни «нет».

Случай с первой женьбой был таков, что Рич в восемнадцать лет в тайне ото всех женился на случайной горничной из случайного отеля, а потом вдруг узнал, что она, *вот неожиданность*, оказывает услуги всем подряд не только по наведению порядка в номере.

Глядя в спину Снежане, видя волшебные движения её тела, ему казалось важным, что говорит отец.

— Открою мужской секрет, — говорил тот, — хотя ты, конечно, давно не мальчик. Помню о твоей донжуанской коллекции... Но если тут действительно *другое*, скажу: нет на свете такой женщины, которая бы не ответила согласием какому угодно мужчине по поводу его любого предложения, если он настойчиво попросит.

— Отец, здесь и правда особый случай. Она совершенно необыкновенная женщина.

— Она — добра, сын?

— Не знаю, добра ли... Но меня не жалеет.

— Люди все эгоистичны. Красива?

— От одного её вида я становлюсь как бы наполнен электричеством...

— У-ууу... Электричеством... Честно скажу, этому рад. Значит не растранижил себя. Покажи себя настоящим парнем. Брось шахматы. Займись гимнастикой! Боксом! Подтянись! Смени гардероб... Пригласи на какое-нибудь фантастическое мероприятие. В Африку, Индию...

— Шахматы бросил. Даже тренера не взял с собой. На горных велосипедах с ней катался. Пригласил на одно мероприятие, которое сам организовал. Приключение! Даже сам себе не верю, так интересно!.. Такое придумал... И пригласил. Она согласилась. Потом расскажу.

— Африка, Южный полюс?

— Украина.

— Она что — отсюда?

— Предки отсюда... Они родственники потомков то ли Потёмкиных, то ли Воронцовых, светлейших князей. Знаешь такую историю?

— Нет, — ответил Пол Грант

— Интересно, — сказал Иван, — какое было детство у девочки-миллионера?

— Самое простое, — ответила Снежана живо, превратившись в весёлую девчонку.

— Во что играли? На компьютере?

— В то время было поветрие, что... В общем, детство без интернета прожила, — призналась она со смехом. — Мы играли в те же игры, что наши бабушки и прабабушки времён «Алисы в стране чудес». Нас приучали вести дневник. Зимой масса игр! Играли в карты «Счастливое семейство»! Летом в «охотника»... Знаешь?

— Ух. Нет. Название хорошее.

Снежана оживлённо показывала:

— Представь, мы в саду. Мы — дети, и все вокруг дети. Охотник — пусть ты будешь охотник — назначает, кому быть свистком, допустим мне, ружьём, допустим, той бабушке с коляской, собакой — допустим нашему Ричу... Ещё было много игр... В «Слепого почтальона». Знаешь? Почтальон выходит из комнаты. Остальные сговариваются, кто какой город и кто кому что-то отправляет. Почтальон задаёт наводящие вопросы... Ещё был кукольный театр... Ну и лыжи, крокет, велосипеды, лошади... Честно говоря, совершенно счастливое детство. А у тебя каким было детство?

— Тоже много игр... В войну. На реке — в квача... Одну зиму проболел, в школу не ходил, дома город смастерил из картона и войско из пластилина. У отца была банка с порохом. Пушки делал их гильз от карабина.

— Пушки?!

— Порох насыпаешь внутрь металлической гильзы, потом пыж из ваты, потом свинцовой дробы внутрь, и опять вата. Ставишь такую пушку на камешки, под неё таблетку сухого спирта, поджигаешь... Бах!

— О ужас. А родители?

— А они на работе...

— Один дома.

— Ну а постарше стал в компьютере в основном всё время...

Снежана совершенно забыла о существовании Ричарда.

Им весело было.

Чем же всё это кончится? — думала она, вдруг замерев, глядя на него как на постороннего, совершенно незнакомого мужчину. А Иван был счастлив абсолютным счастьем. Он распахивал для неё свой мир, пока приоткрыв лишь краешек.

Говорили, перескакивая с одного на другое...

Вдруг Иван, узнав, что он искусствовед, задал ей вопрос, тот же, что когда-то задал Рич. Она вздрогнула.

— ...Вот как профессиональный человек и скажи, почему какой-нибудь Марк Ротко стоит миллионы? Я бы такое, как он, мог бы по сто квадратных метров за день малевать!

Почти слово в слово. Снежана даже оглянулась, не слышит ли Ричард, забыв, что тот по-русски не понимает. Рич в этот момент, говоря что-то в телефон, смотрел на неё.

«Обо мне отцу говорит? — догадалась. — Жениться хочет».

Иным, по сути, было всё. Ивана изнутри она видела и чувствовала совершенно иначе, нежели Ричарда, иными были обстоятельства, совсем иным был сам этот странный мужчина, ничего общего не имевший с Ричем. Но она почему-то слово в слово ответила так, как ответила в Банфе Ричарду, так же рассмеявшись и смутившись:

— Ты знаешь Марка Ротко? Тогда для тебя не всё потеряно.

Почему для Ивана в этой связи что-то могло быть потеряно? Как глупо я себя с ним веду. Ей хотелось ему объяснить. Ричу не хотелось, но объяснила. И сейчас заговорила о эмоциях в чистом виде.

— Важнее слов и дел? — Иван повторил слова Ричарда. Всё-таки какие мужчины одинаковые. Интересно, когда же начнётся расхождение в словах?

— Конечно! — повторила Снежана уверенно. — Эмоции имеют способность закреплять в памяти минувшее. Только эмоции способны рождать новые речи, новые слова и мысли: от избытка сердца глаголют уста, как сказано. Слова порождают дела. Результаты дел порождают новые эмоции.

— И так по кругу?

— Полёт. Да.

Ещё раз оглянулась. Рич стоял теперь к ней в профиль, смотрел на длинноносую девушку-рыбачку, которая снимала с крючка маленькую рыбку.

— ... Но жизнь состоит из много чего, что даже не упоминается в книжках и что рождает ещё какие эмоции! — сказал Иван.

— Например?

— В жизни много физиологии, — сказал Иван. — Нет её только в синтетическом мире и в большой культуре.

— Речь, например... — она хотела сказать: «о сексе?», постеснялась, по-другому сказала: — Например, о бытовых запахах?..

— У-уу? Например.

— Меня почему смущает такой подход к эмоциям в чистом виде? Потому что все эмоции личностные, как бы авторские.

И они из весёлого состояние перешли в состояние серьёзное, углублённое, даже не обратив внимания на Рича, который, кончив разговор, пристроился рядом, шёл близко за Снежаной.

— Вся грязь мира в высоком искусстве растворена и остаётся невидимой, — говорила она Снежана, заглянув в глаза Ивану, цитируя, как ему показалось, какую-то книжку из своего оксфордского прошлого. — А нарочитый натурализм низкого искусства — это лишь тавро бессилия на морщинистом языке автора, не способного выявить в мире гармонию...

— Вот снежинка...

— Что ты сказал?! — ей показалось, она ослышалась, потому что о снежинке она говорила в Банфе с Ричардом. Она оглянулась, Рич шёл рядом. Сообразила, русского он не знает, значит и не понял, что сейчас повторится разговор с ним, из которого вырваться не может. Легче на минуточку стала, когда увидела плакат, торчащий с зимы, с призывом не ходить по льду. На нём была изображена снежинка.

— Был такой звездочёт Кеплер. Отыскивал гармонию во всём. Трактат написал. О снежинке.

— Иоганн Кеплер? — уточнила Снежана. — Который космический закон? Я что-то помню.

— Три закона движения планет. Он и звездочки снежинок наблюдал. Разгадывал тайну, почему снежинки в своей основе имеют шестиугольник, но при этом все отличаются друг от друга.

— Неповторимы! — со знанием дела подтвердила Снежана. — И как, объяснил?

— На уровне шуточной гипотезы объяснил, почему, несмотря на всё бесконечное многообразие, снежинки в основе имеют шестиугольник. Трактат так и называется «О шестиугольных снежинках», хотя по смыслу — «О шестиугольничании снежинок».

— А ты как-то объясняешь?

— Каждый выступ, заострение в снежинке, элементик узора — это для урегулирования гармоничного лада вселенной.

— Это он так думал?

— Это я так подумал.

— Здорово! — восхитилась она и влюбилась в него до конца своей жизни.

Иван почти всё время видел её лицо, ставшее озабоченным при улавливании смысла его слов, смотрел с нежностью.

В кармане Ричарда вновь зазвенел телефон, и он тут же отошёл в сторону.

— Понял, о ком речь! — сказал старший Грант. — Твой восторг готов понять. Но не думаю, что так уж она неприступна. Ведь была замужем.

— Да, но она, не поверишь, девственница, я случайно узнал.

— В двадцать пять? Здоровая ли она?

— Более чем! Я нечаянно заглянул в её дневник. Это тайна! Она страдает от этого физически!

— Всякое бывает, всякое... Если, например, муж голубой или импотент, а женился по неким соображениям, например, семейные обстоятельства подтолкнули.

— Ни гей, ни импотент. Ты его должен знать — Роббер Ротшильд...

— Робб? А! Что-то такое слышал.

— Извращенец! Добрые люди ей ролик сбросили, где он на мальчишнике во всей красе с кучей шлюх и обезьяной. Я не в осуждение. У каждого своя коллекция.

— Припоминаю, — сухо рассмеялся старший Грант. — Была история. Девушку одели обезьяной.

— Если бы!.. Отец!.. Пойду к ним, а то они как-то заболтались, как будто меня и нет.

Рич спрятал телефон и тут же лоб в лоб столкнулся с Дианой.

Она, сходя с лесенки верхней террасы, отступила в сторону, словно бы не узнав его. Рич её окликнул.

Потом, конечно, он сообразит, что встреча не была случайной, что Диана, наверняка, наблюдала за ними с верхней террасы набережной и спустилась по лесенке в тот момент, когда он закончил разговор.

Рич заговорил, упустив, что она не знает английского. Диана печально улыбалась. И рассмеялась. И он рассмеялся. Вместе, объясняясь междометиями, нагнали ценителей трактатов Кеплера.

Рич предложил выпить шампанского, и они тут же зашли в ресторан «Фарос», выстроенный как маяк — с большим сферическим фонарём над крышей.

Иван с некоторым облегчением встретил возвращение Рича и не очень удивился появлению Дианы, ему всё хотелось заглянуть в интернет, узнать, как мир реагирует на его открытие и, главное, почему все так спокойны, нет никакого движения вокруг в связи с тем, что город будет разрушен. Усевшись за столик у огромного окна с видом на бухту речного вокзала, он порылся в своём рюкзаке, обнаружил телефон и *набрал в гугле вопрос*. Увидел несколько роликов, снятых в университете. Удивился и поразился, что мир действительно до сих пор ничего не знает о летящем к Земле астероиде.

— Почему? — спросил он. — Почему никто ничего не знает? — спросил он Рича. — Ведь нужно же что-то делать!

— Наверное, всё делается, что нужно, — рассеянно ответил Рич и как бы невзначай прикоснулся под столом ладонью коленки Снежаны. Но прикоснулся к ноге Дианы. Та вскинула перепуганные глаза. И заговорила:

— Был король Ричард Львиное Сердце. Когда я увидела вчера и услышала имя, подумала: вот Ричард Львиное Сердце. Глупая я, правда?

И попросила Глебушона:

— Переведи, ладно?

Глебушон старательно перевёл, а Снежана сказала:

— Нет, не глупая. Ричард очень нуждается в таком отношении к себе, в таком друге, как ты, в такой женщине.

— Почему вдруг я и король Ричард?

— Первое, что я увидела в детстве на картинке — рыцаря в стальном шлеме и в короне на белом коне. Я ведь родилась слепой. Меня оперировал доктор по фамилии Лев.

Иван отошёл в сторону, присел за пустой столик, набрал Бориса, спросил, отчего нигде ничего нет об астероиде?

— Всё просто, — с привычной открытостью, ответил Угольник. — Меня убедительно попросили сутки не писать, чтобы подготовиться, чтобы не устраивать панику. Но ты не сомневайся, всё что нужно — делается.

— Да? — Глебушон прислушался к себе и усомнился.

— Да.

— А что именно нужно?

— Есть ответственные люди. Специально обученные, как говорится. Они предпринимают всё необходимое. Мэр и губернатор не хотят, повторяю, сеять панику. Готовят план отселения, выстраивают логистику эвакуации. Ведь триста тысяч переселить — не шутка! Думаю, будет заявление президента и внеочередное заседание Верховной Рады и даже ООН. Я так думаю, — проговорил он с армянским акцентом. — Занимайся своими делами. Занимайся наукой. Занимайся гостями.

Это правильно, подумал Глебушон. Вот что правильно — то правильно.

И он двинулся к Снежане, к столу. Дианы там уже не было.

20. Улитка, убегающая в бесконечность

Диана отошла, спросив шёпотом официанта: «Где туалет?». Ни Снежана, ни Ричард не видели Ивана, тот подошёл к ним со спины и запнулся, услышав часть разговора.

Они смотрели в широкое окно — на сверкающую солнцем воду, на баржу, гружённую белым щебнем, на двух чаек в небе, дерущихся из-за рыбёшки. Рыбка выпала из клюва одной и, не долетая до воды, была перехвачена второй. Шея Снежаны в вороте диагонально полосатого чёрно-белого платья была красива, особая причёска прекрасна. Спина Ричарда под синим пиджачком выглядела излишне толстой, короткая шея и аккуратно подстриженные белые волосы неприятно подчёркивали тяжесть затылка. Голоса звучали нервно.

— Я всё узнал, — говорил Рич, видя краем глаза Ивана, словно б не видя. — Мы можем пожениться в этом городе. Всё время забываю, как он называется. Я уже сказал отцу о тебе.

— Что сказал?

— Что влюблён в тебя... Он о тебе слышал.

— Представляю. О Роббере слышал?

— Это всё ерунда. Моя страсть к тебе не проходит... Как было в Банфе, так и теперь! Я. Тебя. Люблю. — Он взял одной рукой её ладонь в свою, а вторую положил ей на колено, прикрытое платьем. — Свадьбу отпразднуем в Сан-Франциско семейно. А потом на яхте «Чёрный жемчуг» со всеми.

— Давай не будем об этом, — Снежана мотнула головой, свесив завиток чёлки в тарелку, и не сразу убрала ладонь Ричарда со своего колена и не сразу забрала ладонь из его ладони. — Перестань! Ты вся знаешь.

Так конечно! Они же очень похожи на жениха и невесту! Хоть и одеты, как из одного магазина, но лицами совсем разные, совсем!

И откуда в голове сплелось, что они сестра и брат? Они и живут в одном доме потому, что любовники! А сейчас повздорили. Ну и как можно было другое предположить? Вот дурак и кусок дурака!

Иван, пятясь, отшатнулся за перегородку и там прислонился лбом к стеклу. На стекле снаружи сидела бабочка-шоколадница со сломанным крылом, шевелила усиками.

Слушал, почернев изнутри.

— Я ни о чём другом не могу думать, — говорил Ричард с напором. — А приходится думать обо всём, что вокруг. Понимаешь? Я ревную уже к этому лохматому. Я не могу без тебя...

— Чего не можешь? — Снежана спросила с насмешкой, скрывая волнение и смущение. — Без пополнения коллекции?

— Дышать без тебя не могу!

И вдруг они услышали голос Дианы и оглянулись. Она говорила кому-то в сторону:

— А ты чего здесь? В окно, что ли, прыгать собрался?

Его заклинило на фигуре речи «*вот же дурак!*».

Вот же дурак, размечтался! Стыдобушка!.. Брат и сестра! Вот же дурак! Даже и внутренне ни на каком в себе уровне не подумал, что может быть иначе. А оказывается — всё иначе, вот же дурак, просто они давным-давно как муж и жена, вот и поругиваются, как все и всегда. Отсюда и разговор о свадьбе. Ей неопределённость надоела, вот и повздорили. А я просто случайность, случайная величина в их человеческих отношениях, попал в чужую орбиту как «Снег» на фон «Маски». Было ведь такое, когда в подвале неизвестно кто и неизвестно зачем держал...

Иван пребывал в полном смятении, всё в нём становилось темнее чёрного, так он себя изнутри чувствовал.

На площади речного пара перед зданием с колоннами красовалась длинная американская машина абсолютно крапивного цвета, привлекая взгляды всех. Подтянутый негр, водитель, разговаривал с городскими таксистами, все смеялись и щёлкали семечки.

— Ты всё-таки японец или негр? — спрашивал один.

— Ни то, ни сё, — отвечал Сато Минато. — Для японцев я — хафу, полукровка. Для европейцев я метис.

— Афроазиат? — додумался второй таксист.

— Бесспорно, — отвечал Сато Минато. — Но с душой самурая и иль-муррана из племени масаи.

Хафу-метис посмотрел с интересом на Глебушона. Тот посмотрел на него, прощаясь навсегда, и забрался в троллейбус номер десять.

В квартирке своей, в доме у пруда, завалился он на диван, сошвырнув с ног кроссовки в разные углы, и от горя уснул.

Через час или два в дверь позвонили, в дверь постучали, в дверь побарабанили — сначала женским кулачком, потом каблукком.

«И откуда такая уверенность, что я дома?!» — поднимаясь с тяжёлой головой, умываясь, поглядывая на дверь, думал он. Хотел было спросить: кто? Не спросил.

Снежана с порога, как бы и с вызовом, но и смущённо проговорила:

— Ну что?!

За спиной маячила ассистентка Диана. Значит, она и привела. На лестнице ниже стоял Ричард. Снежана смотрела растерянно, боялась, что он захлопнет дверь.

— Что? — переспросил Иван, и душа его в самых глубинах своих преисполнилась радостью. Неправильно понял, неправильно в голове перевелось, неправильно из двух-трёх фраз реконструировал смысл всего разговора! Теперь это открылось через краску на лице, через глаза, через нелепое русское «ну что».

— Заходите, — сказал хмуро. — Плохо себя чувствую.

Диана обнаружила на столе тонометр.

Ивану померила давление:

— Ой, что-то совсем низкое! Надо бы тебе кофейку выпить.

Снежане:

— Ой, что-то высокое! Нужно бы коньячку хряпнуть.

Себе померила:

— Норма.

Потом и Ричарду:

— Не поняла ничего. Давай другую руку. Нужно перемерить. Какие у тебя сильные руки.

Рич посмотрел в разрез её платья и стал смотреть в окно. На скворечнике, пристроенном к зелёному дереву, сидела белка.

— Там белка, — сказал он, — как в Банфе.

— У меня не убрано, — повинился Иван. — Давайте куда-то пойдём, поедём.

— Пыль просто ужас, — согласилась Снежана и, чего Иван никак не ожидал, нашла на балконе тряпку и взялась за швабру. — Есть пылесос? — спросила она.

— Есть, только он пылью забит. Его нужно вытряхнуть.

— Мы с Ричардом вытряхнем, — деловито отозвалась Диана. — Я знаю, где помойка. — Ричард, вы видели наши помойки? Мусорники, то есть? Много потеряли!

Только пыль эту сотру.

И второй раз в жизни они остались наедине.

— Это Гагарин? — вдруг сказала она, увидев под стеклом в книжном шкафу фотографию двух белозубо смеющихся военных. — А рядом кто?

И он поцеловал её.

Сердце из неё вырывалось.

— Тоже космонавт, — и из него сердце вырывалось. — Леонов. Художник.

— Художник. Космическая живопись? В Штатах есть Алан Бин. Он на Луне был. У вас Алекс Леонов.

Они отступили друг от друга и тут же уселись по разным сторонам стола.

— Он зачем-то приезжал в университет. Я с ним разговаривал. Книжку мне подарил. Потом покажу...

Они сидели друг напротив друга за чистым столом, уже без пылинки, с тонометром посередине, свёрнутом как гигантская улитка. Она как в изнеможении вдруг положила голову свою на край стола, щёку вдавив, как на плаху, сказала:

— Я так устала. Я так испугалась. Ричард мне никто.

— И он положил голову на край стола, щёку вдавив, видел чёрные её зрачки, как ночные планеты в момент солнечного затмения, окружённые в хрустальную атмосферу.

Они смотрели сквозь улитку глаза в глаза и не могли насмотреться.

Эта женщина будет моя, — думал он брутально. — Хоть сейчас, пока этих нет. Никуда не денется. И я не отверчусь.

Она думала какими-то отрывками, всё остальное было в чувствах, в тончайших эмоциях.

Думала: вот и пусть так смотрит всю жизнь.

Она думала: этого не может быть!

Почему же — не может? — она думала.

Она думала: потому! мы совсем разные.

Она думала: а почему разные? Лохматый, из дыры мира и Гомера не читал?

— Ты Гомера читал?

Глебушон приподнял голову и вдруг певуче выдал их себя чеканные гекзаметры про картину на щите Ахиллеса:

Создал в середине щита он и землю, и небо, и море,
Неутомимое солнце и полный серебряный месяц,
Изобразил и созвездья, какими венчается небо;
Видимы были Плеяды, Гиады и мощь Ориона,
Также Медведица, — та, что ещё называют Повозкой...

Иван оборвал себя, надумав пояснить:

— Гермес Ахиллесу щит делал, получился как бы телевизионный экран, плазма, на которой идёт трансляция событий человеческой истории.

Она думала: ну вот, и Гомера знает... Но не в подлиннике!

— Перевод Вересаева, — сказал он зачем-то. — Есть ещё перевод Гнедича. Гнедич всё время хотел облагородить Гомера, убирал сквернословия и грубости. Благородный человек. У него не повозка, а колесница...

Диана в коридоре говорила:

— А ещё, Ричард, я вам покажу рынок. Все американцы первым делом бегут у нас на рынок — смотреть, как мясо рубят. Вы же привыкли всё фасованное, всё в пакетиках...

— Он не понимает по-русски, — сказал Иван.

— Это ты ничего не понимаешь, — Диана очень мило улыбнулась Ивану. — Попрошу, не мешать мне налаживать личную жизнь. Ладно?! Свой телескоп совершенствуй, а меня не надо.

Рич так понял, что она хочет показать ему университетский телескоп.

А Глебушон смутился. Прошлой зимой Диана навязывала ему себя, то ли влюблена была, то ли уж просто замуж стало невтерпёж, что отпугивало. Он болел, приходила, думала привязать к себе готовкой и поддержанием порядка. Он, отыскивая форму помягче, сказал: «Мой телескоп, звезда, тебя не видит». Она решила, что он полшестого. И он догадался, что она так поняла. Ну и ладно, подумал: хоть так, но *сдыхался*.

— Можно так сделать? — поддержала Снежана заблуждение Ричарда. — Я тоже хочу посмотреть в телескоп. На Плеяды, Гиады и мощь Ориона.

И они переместились на машине цвета весенней лесной поляны к подъезду университета. Водитель хафу-метис улыбнулся Ивану по-японски узкими, но чёрными нигерийскими глазами, белки светились.

21. Телескоп и планетарный пейзаж мира

Аспирантка Диана знала здание университета как свои пять пальцев (во всяком случае, так она думала), но не смогла понять, где же находится узкая дверь маленькой каморки, в которой они вдруг оказались — то ли на четвёртом этаже, то ли на пятом.

Иван ткнул пальцами в плашки кодового замка, сказал Снежане:

— Код 1772, легко запомнить, это номер астероида «Гагарин».

— Да, запомню! — Снежана, общаясь с ним, перестала удивляться, просто радовалась всему, что от него исходит, чего прежде не случалось при общении с другими людьми.

— И ещё это год первого раздела Польши.

— Я запомню. А зачем запоминать?

Она вдруг по-девичьи напряглась и покраснела, невзначай коснувшись своими пальцами ладони Глебушона. Ей было понятно, он так нарочно повернул руку, чтобы она коснулась, и она ещё

глубже покраснела. Глянула на Ричарда — тот глаз не сводил с Дианы. Жадно смотрел. А в Иване жара нет, что показалось ей ужасным. Диана в это время нервничала, прикалывая к пиджаку Ричарда памятный университетский значок.

В узкой комнатёнке пахло краской. Короткая стальная лесенка упиралась в железную дверь, которую Иван быстро открыл ключом, вынув из-под ступеньки. Далее шёл очень узкий коридор, нужно было попросту протискиваться боком, и ещё одна лестница, уводящая по спирали вверх.

— Я тебя украду и покажу кое-что, — быстро решил Глебушон, взлохматив и без того вразнобой живущие на голове волосы. — Можно? Если тебе не страшно.

— Не страшно, — ответила серьёзно и внутренне подтянувшись, и живот, и без того плоский, втянула.

— Делаем так...

И научил: шагнуть за поворотом лестницы вправо, в нишу.

И сам за ней шагнул — в нишу, невидимую снизу.

Стоя близко друг к другу, прижавшись друг к другу, поцеловались и оглянулись. Рич внизу беззаботно говорил Диане по-английски:

— Если бы ты увидела горы Банфа...

— Ты говоришь про горы? Просто обожаю, — отвечала та по-русски, ничего не понимая в Ричарде, но всё в нём чувствуя.

Когда Рич и Диана поднялись в маленький купольный зал обсерватории с телескопом в центре, удивились, не обнаружив в нём шедших перед ними Снежаны и Глебушона. Спрятались? Уединились? Но ведь некуда. Дверь на крышу стояла запертой. Да и проглядывалась через окна вся крыша. Другая дверь, через которую попадают сюда студенты — то же оказалась запертой. Диана от растерянности уселась на квадратный столик, под телескоп.

— Интересное дело, — сказала она, переводя дыхание. — Куда же они пропали? Ведь не в космос же через эту штуку улетели! — она обхватила ладонями толстую трубу. — Как из пушки на Луну.

И засмеялась, приглашая Ричарда присесть рядом.

Рич, присел, снял крышку и заглянул в глазок.

— Ничего не видно.

Диана догадалась о сказанном, предложила:

— Давай покажу, как на звёзды смотреть. Нужно перед объективом раздвинуть купол... *Включалка* где-то здесь...

Она нашла *включалку*, нажала кнопку, загудел мотор, створки купола расползлись, открыв вечернее небо. Рич снял крышечку с глазка и выронил. Руки Ричарда и Дианы, лоя крышку, схлопнулись ладонями. Пальцы их сплелись. Лица их сделались строгими, и вдруг они, мужчина и женщина, начали целоваться.

Глебушон привстал в нише на носки, нажал на что-то неочевидное. Перед лицом Снежаны отъехала узкая панель, открыв ход в черноту. Иван аккуратно продвинул её вперёд, почувствовав худые милые лопатки под нежной тканью платья, под кожей, но и горизонтальные бретельки лифчика. Шагнул вперёд и со скрежетом задвинул за спиной входную панель. Стало вокруг как смола, чернота засасывала. Он, взяв её за плечи, повёл перед собой очень узким коридором. Она послушно шла, выставив перед собой обе пуки.

Пространство расширилось и впереди прокололась лазерным лучом маленькая голубая точка.

— Сейчас кое-что тебе покажу. Ведь ты не боишься?

«Я ничего с тобой не боюсь!» — подумала она, а вслух произнесла:

— Я никогда ничего не боюсь, однажды на меня кабан напал...

— Не испугалась?

— Нисколько!.. Нет, я просто чуть с ума не сошла, чуть от ужаса не умерла...

— А почему сказала, что ничего не боишься? — Иван оставил её и направился к голубой точке.

— Не знаю почему, — ответила Снежана, не отставая. — Есть, наверное, во мне тяга к лживости?

— Что-что?

— Ничего-ничего, — ответила она вдруг взвинчено и ухватила его за локоть.

Она ждала, что сейчас он её обнимет, будет целовать, произойдёт как-нибудь всё, ведь он мужчина, должен, наверное, всё знать и уметь.

— Это не лживость, это фантазёрство, — уверенно догадался Иван. — По себе знаю.

И в это мгновение, когда тепло её руки проникло ему через локоть в кровь, пронзила догадка!

— Всё понял!! — охнул Глебушон, быстро отстранив свой локоть. Он метнулся в сторону, во мрак, где тут же загорелась матовая лампочка, высветив стол с ноутбуком, стул с мягким сидением, шкафчик.

Стены, пол, потолки оказались разрисованным какими-то пятнами. В центре зала имелся некий сложный прибор, похожий на спутник, составленный из нескольких металлических сфер, с отверстиями различной величины. Снежана догадалась: «*планетарий*». Внутри прибора и светилась голубая точка. Окон в помещении не было, стены, потолок и часть пола, всё вместе, как она тут же поняла, являли собой некое живописное пространство.

Она была обескуражена. Она была оскорблена.

— Ты пока тут посмотри, — захваченный своей мыслью, предложил Глебушон, не глядя на неё, запустая ноутбук.

Она опрометью бросилась прочь, нырнув в щель коридора, включила телефон, светя себе под ноги. Здесь также стены, пол, потолок были в каких-то пятнах, неорганизованных узорах.

В нём всё время жила мучающая его загадка: почему «Снег», оказавшись не вытянутым как «кирпич», имея относительно малый объём, столь массивен?

Если б Снежана в слезах не ушла, увидела б: он вносит циферки и значки в таблицу в левой части монитора, после чего примерно такие же числа и значки возникают в правой. Голова Ивана работала так, что со стороны могло показаться, что он экзаменует компьютер!

Иван всё время не переставал ощущать её рядом, не поняв, что она ушла, мечтая о ней в каком-то ином своём пространстве, понимая, что сейчас нельзя ни на миг отвлечься, чтобы не потерять нить, которая в своём конце во всём объёме уже содержит решение задачи. Вскоре со всей очевидностью стало ясно, что астероид, имея железно-каменную оболочку, как и многие прочие метеориты, примерно процентов на десять состоит из тяжёлых металлов, вероятно, платиновой группы. Очевидно же! Там не только золото, но и, — что самое занятное, — родий. Родий там!!! Тем вероятней, что этот металл, который дороже золота раз в десять, и прежде попал на Землю в составе метеоритов.

— Там, кажется, родий, платина и золото, — сказал он, отодвигаясь от компьютера. — Только всё проверить надо.

Включил «планетарий», прошёл по своему лабиринту. Сообразил, наконец: обиделась и ушла.

Какой же я идиот! — сказал он себе спокойно. — Ну и прекрасно! — прибавил, выключил свой планетарий и вернулся к столу.

Снежана, вытерев платком лицо, долго возилась, открывая панель. Выйдя на лестницу из ниши, поднялась по винтовой лестнице. Дверь в обсерваторию стояла на треть приоткрытой. Рич и Диана, уютившись на маленьком квадратном столике, почти совсем раздетые, обнимали друг друга, сплетаясь. Крышечка от глазка телескопа на шнурке болталась между их лицами. Снежана замерла — как током подкожным поражённая; пред ней свершалось некое вселенское действие. Она ничего подобного не видела даже и в неприличных фильмах. Всё это вызывало не отвращение, а как бы ощущение того, что ей кто-то дал разрешение прикоснуться к запредельной тайне. Кажется, и космос через телескоп глядел на этих двух с тем же чувством.

Диана и Ричард, словно б вдруг осознав это, в две руки прикрыли глазок. И тут же посмотрели на неприкрытую дверь.

Снежана, чуть каблук не сломав, громко пробормотав «простите, простите, вот это я попала!», бросилась вниз. В каморке, где пахло красками, она не сразу смогла открыть дверь, заглянула под лесенку, отыскивая ключ. Там стоял пакет с пустыми банками из-под красок. Сообразила: значит, всё художество на стенах и потолках он недавно сделал. Ключ для выхода оказался не нужен. Дверь открылась простым нажатием на рычажок. Интересно бы, — думала она заполошно, — сбегая по лестницам ночного университета, — увидеть всё это при включённом. Использование *планетария* при создании инсталляции живого космоса — это, кажется, ноу-хау.

Но всё-таки, какой же он свинтус, хоть и Гомера читал. Читал, да в переводе, свинтус! Никогда не прощу.

Лимузин стоял на месте. Верный Сато Минато спал внутри салона, лёжа на спине в раздвинутых креслах.

Особо не ведя счёт времени, Глебушон несколько раз задрёмывал за столом, потом умывался, ухватывал твороженные сырки из маленького синего холодильника, прыгал, отжимался от пола, заваривал кофе и возвращался к столу. Через сутки, выложив на «Коперник» расчёты, отметив в сноске, что программа «Каменный астронавт» по-прежнему нуждается в проверке на корректность, размотал на полу походный коврик, разбросил спальный мешок и в изнеможении провалился в сон, подумав, что так и умереть можно, некстати вспомнив, что в полном изнеможении после трудов скончался таким образом князь Потёмкин: вышел из кареты, лёг на землю и умер. Причём здесь Потёмкин? — во хмелю полусна думал он. А вот почему: Снежана Потёмкину в каком-то виде родня, потомок. *Потомкиня?* Светлейший был пресыщен войнами, царедворством, странствиями, женщинами. А я-то и в жизни ничего не видел. Всё внутри себя. А снаружи сияние её глаз видел, за ними, за зрачками её, словно бы звёзды прячутся, за каждым зрачком — по одному солнцу.

22. Горячка

Для публикации видеоблога «Каменный космонавт» время определилось без специального расчёта. Но, как оказалось, с изумительной точностью. Кнопочку «опубликовать» Борис Угольник нажал в пятницу вечером, в 19.30, как и обещал «отцам города», выдержав двадцать семь часов. И сверх того часа, как просил губернатор. Сквозной, позвонив, извинялся, говорил со смешком: «А то не успеваем». И с внутренним хохотком уточнил: «Да и время через три часика как раз будет прямо-таки прайм-тайм». Он и анекдотик абсурдный для верности, чтобы Угольник его услышал, доходчиво ввернул: «Понимаешь, если быстро ничего не делать, можно многое

успеть и подольше пожить». Борис помнил о неприятной угрозе Ракеты и счёл за благо и здесь не рисковать. Если уж изначально дал слабину, так и нечего линию менять, гори и хата!

Видеоролик с его комментарием к модели катастрофы «Глебушон» разлетелся по просторам интернета вирусным взрывом.

Народ в городе Че высыпал на улицы. Люди смотрели в небо и видели в плотных грозовых облаках то, что хотели видеть.

— Комета мелькнула! — неизношенным голосом кричала девushка на Соборной площади, сидя на плечах парня, и некоторые действительно в расщелине между тёмных облаков увидели то ли звезду, то ли отблеск молнии.

— Зийдá! — кричал малыш на площади Дружбы народов, вцепившись в рукав маминой куртки.

— Ах ты, мой философ! — горько улыбнулась его мама первым слова сына, видя в чёрных облаках демонические профили, но ни крупницы просвета ни там — в небе, ни в будущем.

— Надо на крышу залезть! — говорил муж жене, стоя с биноклем на площади 700-летия.

— Давай, лезь, шоб тебе там молния по башке дала! — отвечала жена.

Из авторского комментария к видео уже знали: астероид невелик, имеет примерно около 30-40 метров в длину, высоту, ширину. При этом общий объём космического вещества — ого!!! — 35 тысяч кубических метров, общий вес — ого, ого, ого — с полмиллиона тонн! В сетях известный учёный Уткин взялся доказывать, что масса вовсе не катастрофична для землян. Да, отвечали другие, возможно, Земля в целом удара и не заметит, но хотелось бы в час «икс» оказаться подальше от эпицентра *некатастрофы*. Им отдакивали трети: лучше наблюдать издаля. Четвёртые откровенно сеяли панику, да, говорили, на начальство рассчитывать не приходится, самим надо выметаться из города.

Подлинное сумасшествие с эпизодическими громкими выхлопами эксцессов началось в полдень следующего дня. Эфиры к тому времени уже с избытком перенасытились говорящими ртами. Рты шевелились губами — толстыми, крашеными, тонкими, сочными, затёртыми, добрыми и злыми, накрытыми усами и не накрытыми. При этом никто из жителей города не мог взять в толк, когда же случиться *падение*?! Возник слух, что руководство эвакуировало свои семьи и распродадо активы. Губернатор выступил с опровержением, заявив, что работает на месте, ситуацию держит под контролем, а все паникёры и мародёры будут наказаны. *Какие ещё мародёры?* — заинтересовались любопытные. И тут же пришло первое сообщение о разграблении двух магазинов в районе Мытницы. Нашёлся дотошный наблюдатель, который в губернаторском видеоролике при замедленной про-

тяжке кадра приметил в окне за его спиной зелёную пальму. Тут же появилось фото, сделанное с той же точки, — с пальмой за окном и указанием: Эль-Хадаб, Египет.

Большие фуры и грузовики поменьше, бусики и всё прочее колёсное устремилось по пяти дорогам прочь от Черкасс. Цены на бензин и дизтопливо на топливных заправках поднялись выше самого неприличного уровня. Пошла волна с пруфами того, что в городе множится число разграблений не только магазинов, но и покинутых квартир и домов. Появились несколько видео с расправами над пойманными мародёрами, избиениями их. Нашлись *активисты*, которые приматывали воров скотчем к столбам со спущенными штанами. Мелькнули снимки двух убитых охранников супермаркета и охранника банка с разбитым пулей виском. В одном ролике Борис узрел мёртвой знакомую собаку, которая недавно пыталась его цапнуть в университете. Сообщалось, что в кегельбане ТРЦ «Любава», в котором искали бомбу, неизвестный в упор выстрелил ей в пасть пиротехнической ракетой.

Алексей Степанович Грибоядов, вычухавшись из ковида, зная о бурных событиях в городе, оставив по-английски больницу, поспешил на работу — в ТРЦ «Любава», а оттуда уж почти бегом — домой. Здесь его ожидала огромнейшая неприятность. К двери тремя кнопками было приколото решение суда. Дети его случайной жены, соседи, которые с ним годами судились из-за жилплощади, доказывая, что он незаконно получил в наследство четвёртую часть их дедовского родного дома, вынесли его вещи во двор. Замки не поменяли, он вошёл внутрь. Сумку с пятью планшетами и десятком телефонов Грибоядов поставил на пол и стал думать: что же делать? А думать-то особо было и нечего. Нужно Диану просить о помощи. Сама ж хотела отца найти? Вот и нашла! Может, в общежитие пристроит. Она ж умная. В калитку позвонили. Глянул через шторку — начальник охраны «Любавы» и его зам с бейсбольной битой.

Начальник говорил:

— Лично выбью ему все зубы.

— У него один золотой, — говорил его зам, — себе заберу.

Они шутили. Им не было страшно.

Внутренний лексикон Грибоядова был исключительно груб, говорил он внутри себя только матом. Всегда и обо всём. Каждая вещь, каждый предмет, каждое понятие в его языке имели свой особый матерный эквивалент. Грибоядов знал, они все всегда подозревали его во всём. Что бы ни пропало в магазинах ТРЦ — на него косились. Даже проверку устраивали: зарядили кошелёк с пакетиком. Если б открыл, уже б не отмылся. Смекнул тогда: странный кошелёк, сто лет таких не носят. Натянул резиновые перчатки, сунул кошелёк в прозрачный пакет и там открыл. В кошельке щелкнула раздавленная ампула, пакет наполнился едкой зелёной пылью.

Тогда он их обыграл. Сегодня — они. Не поленились в такой день, припёрлись.

Грязно прокляв всех: — Так и... (без вас проживу), ну и... (обойдусь) так и ... .. до .... (спасительного метеорита) не доживу, — Грибоядов открыл газовые конфорки, выставил в окно сумку и сам грузно вывалился наружу. Стоя на отмостке, Алексей Степанович сосредоточенно чиркнул спичкой, подпалил занавеску. Ветхая тряпица в розочках, о которую он часто вытирал за едой пальцы, медленно начала наполняться пламенем. Ему не было жаль ни этой кухни, ни этого случайного дома. Струйка огня взмыла к потолку. Уходя через сад, Грибоядов видел, как пламя, выскочив с хлопком из окна, уцепилось за карниз под кровлей и, как гимнаст, силовым рывком, перелетело в слуховое окно, за которым, как он знал, стояли ящики со старыми журналами и пластмассовыми игрушками. Ветер ударил с Днепра порывами и пламя дотянулось, перескочило на крышу соседского гаража.

Независимо от пожара в его Казбетском тупике, в соседнем квартале задымили и вскоре запылали элитные особняки. Началось с того, что некий тип со странным лицом, как бы вывернутым наизнанку, почувствовав запах горячего дыма из Казбетского тупика, вдруг затрепетал и засмеялся...

Борис, просматривая в соцсетях видеозаписи, видел, как сумасшедший пироман, открутив крышку бензобака «Мерседеса», стоявшего наполовину в гараже главного архитектора города, наполовину на улице, сунул в отверстие кусок тряпки и поджёг конец. От взрыва пламя облепило весь гараж, переползло на дом бывшего прокурора, в котором никто не жил, пока хозяин отбывает срок в тюрьме. Следом полыхнула прорезиненная крыша особняка ректора университета Софы.

Напрасно Боря Угольник в своём паблике призывал народ отстаивать людьми и гражданами, и патриотами своего города Че. Взывал: «Каждый из нас в это тяжёлое время должен стать лучшей версией себя самого!»

Воззвания производили обратный эффект.

Из города тянулись и тянулись вереницы машин.

За сутки город опустел на треть.

Telegram-каналы сообщали о бандах, нападающих на дома и на квартиры без разбора, пусты они или в них ещё живут люди. Награбленное вывозилось в фурах и открытых грузовиках. Все были уверены, что без прикрытия полиции такое невозможно. Ещё говорили о грабежах на дорогах: без исключений каждый беглец являлся носителем ценностей, всё при нём — все деньги, всё золотишко. Грабь любого, не промахнёшься.

Вся муть дна всплыла к поверхности. Для людей лихих настало золотое время.

Борис выложил очередной обзор событий, снабдив его вдохновенным комментарием, и стал впитывать в себя ещё одну новость, грозившую своей сенсационностью перекрыть и перевернуть всё и всех, а кого-то толкнуть в петлю или к дробовику.

23. Паника и её позорная смерть

Снежана, внутренне тихо воя, заглянула на «Коперник» и, увидев обновление в блоге Глебушона, подумала: «Ну и хорошо, не зря ушла». Подразумевалось: не отвлекла, Иван до чего-то и додумался, не впустую «всё понял» и локоть отдернул. Так умом себе говорила. А в сердце кипел горький коктейль. То ругала себя, то плакала о себе. Ругала, что поспешила, ушла: «Пусть бы работал! А я бы тихонечко сидела, тихонечко-тихонечко... как та белочка и смотрела бы на него в его лабиринте, а потом бы случилось то, о чём лишь дневнику сказать». И плакала о себе: «Неужели всё к тому повернуло, что за Рича замуж идти?.. Умолял, говорил, что случилась ошибка, что неправильно поняла, что по глубинному смыслу всё, случившееся в обсерватории, это было не с Дианой, а с нею, со Снежаной!» И в какой-то миг пожалела его. Родным вдруг каким-то сделался в отчаянии своём. И порадовалась в душе за него: пополнил свою коллекцию Дианой, пусть! И опять плакала о себе: как в теннисе шарик, отлетела от Ричарда и теперь опять к нему лечу. И руки у него красивые, такие приятные руки, длинные тонкие пальцы! Наверное, сладко такие руки чувствовать на плечах ночью? А какие у Ивана? Почему же внимания не обратила. И прав Ричард: мы с Глебушоном из разных цивилизаций, он как марсианин! как тот русал.

И вдруг заглянула на сайт к астронавтам, как водой холодной в лицо брызнуло, закончилось сумасшествие.

Она с энтузиазмом, вытирая слёзы, вникла в то, что было в блоге на английском, потом открыла текст *на языке оригинала* и ещё раз вникла. Она пробежала текст о Sneg, вернулась к началу и вновь пробежала, выбирая самое понятное и важное: *Масса астероида, принадлежащего к редкой группе F превышает расчётную массу по причине того, что ядро астероида на 10% состоит, — как это будет показано ниже, — из металлов платиновой группы. Масса ядра астероида составляет около 67 тысяч тонн...*

Значки таблицы Менделеева Снежана знала на память почти все: Au — золото, Pt — платина. По поводу Rh осведомилась у телефона: «*What Is Rh?*» Оказалось, Rh — редчайший металл, который много ценнее золота, родий.

Раздумывала: «Всё-таки, есть в его работах ложь, выброшенная программистами Рича?». Десятый раз к этому возвращалась.

Она сидела перед маленьким компьютером в своей уютной и просторной кухне, в которой никто не готовил, на втором этаже ар-

хиерейского дома. Окошко выходило в палисадник и на площадку с высоким крыльцом, входом в храм, в высокую трёхступенчатую красно-кирпичную колокольню. Как подзорная труба или телескоп, — вдруг подумала она, и поняла, что хочет видеть мир как бы глазами Ивана. На втором уровне колокольни в полукруглом проёме виднелся колокол.

Она помнила, Рич ещё в Банфе вёл какие-то переговоры с программистами из фирмы GROG, специализирующейся на компьютерных играх. Слышала обрывок разговора. Рич что-то говорил про «техническое задание», произносил «срочно». Разговор, так или иначе, касался их запланированной на май поездки. О чём шла речь — не могла додуматься. Теперь сидела, прокручивала в себе. Факт ли, что Глебушон открыл астероид Sneg? Да, факт. Рич ни при чём? Рич ни при чём. Факт ли, что Sneg врежется в Землю? Да, уже и обсерватория James Webb подтвердила высокую вероятность. Рич ни при чём? Да, Рич ни при чём. Факт ли, что ядро Sneg состоит из металлов платиновой группы? Если это не так, то какое ещё может быть объяснение столь значительной массы астероида? Ведь и здесь Рич ни при чём? Такое подстроить невозможно? Такое подстроить невозможно. Уяснив это, Снежана позвонила Ричарду, попросила встретиться внизу.

Сразу сказала, что возвращаться к разговору о сцене под телескопом она не намерена. Сухо извинилась за то, что случайно увидела, чего видеть не хотела и не должна была, извини, сказала, что в твою частную жизнь заглянула, в коллекцию. Я это в себе всё как бы сожгла, как бы ничего этого не было. Ты согласен?

Ещё бы, он был согласен!

Они сидели в трапезной друг против друга, он под большой иконой «Тайная вечеря». Иуда, единственный без нимба, за левым его плечом смотрел в сторону. Появился Сато Минато, живший тоже где-то внизу.

— Что госпоже угодно? — спросил Сато Минато. — Может быть, сок?

— Гранатовый, — сказала она.

— Обедать как обычно?

Она видела через приоткрытую дверь, ведущую на просторную кухню — у плиты и у стола работают женщины.

— Как обычно.

— Вас ждут парикмахер и камердинер.

— Я помню, спасибо, — сказала Снежана нетерпеливо.

Когда Сато Минато удалился, посмотрела, как бы прощаясь, на красивые руки Ричарда и в глаза посмотрела строго.

— Ты меня втянул в достаточно необычное дело.

Солнце из окна било ему в глаза. Рич шурился, смотрел на неё, ждал, что ещё скажет. Не дождался, ответил:

— У меня была цель заинтересовать тебя, и мне это удалось. То, что здесь я не смог на тебя произвести впечатления...

— Не будем об этом.

— Будем, — возразил он. Но продолжить не мог.

Он знал о ней многое, знал её привычки, вкусы, знал о некоторых сокровенных её переживаниях, которые она упоминает в своём рукописном дневнике, копию которого Рич недавно заполучил и хранил в своём планшете. Как мужчине ему было крайне любопытно почитать о её девичьих переживаниях. О самом Ричарде там было скудно и совершенно безэмоционально: «Рич ездил в офис Бориса», «Р. встретился с губернатором-шутником»... Но в записи, помеченной февралём ещё в Банфе, было упоминание о его руках: «руки у Р. красивые, пальцы тонкие, фигурные, длинные». Руки! Ни ум, ни внешность, ни речь не впечатлили. Похвала сомнительна. Но лучше, чем ничего. О некоторых её женских тайнах он бы предпочёл не знать, например, о проблемах её женских дней, как и о диарее, случившейся в самолёте после испанской малины.

— Я захотела поучаствовать — чтобы посетить родину предков, не более того.

— Не более?

— Чуть-чуть более. Мне хотелось взглянуть на потомков тех, кто убил родителей моего прадеда и разграбил наше имение. Узнать, есть ли покаяние. Ведь потом они десятки лет жили с нашей мебелью, спали на наших простынях, ходили по нашим коврам...

— Есть покаяние?

— В воскресенье в церкви немного народа. Может, кто и калялся.

— Меня кое-чтостораживает, — сказала она. — Давай выйдем во двор?

И они вышли на воздух в кипение мая.

Уселись на брусках, сложенных как попало в сторонке от церкви.

Кровля колокольни имела сверкающий небесно синий отлив и увенчана золотистым куполом с крестом. За куполом над колокольней виднелись ещё два купола — над центральной частью храма и над алтарём. Главный престол, — она знала, и на то указывала мозаичная икона над входом, — освящён в честь Рождества Христова, нижний — в память Спиридона Тримифунтского. В нижнем пределе ещё не была. А в верхнем уже молилась на воскресной литургии. Все иконы, росписи стен и сводов, как и богослужебный язык, были теми же, что и калифорнийском монастыре, в котором ей пришлось три месяца скрываться после катастрофической свадьбы. Её порадовало, что после причастия, так совпало, увидела вдруг Ивана. Тот куда-то спешил, ушёл, не дослушав проповеди.

— Что именно тебя настораживает?

— Даже не могу сказать определённо... А вот хотя бы то, что мы здесь поселились в одном доме. Это порождает двусмысленность. Мне бы хотелось, чтобы ты переехал в другое место.

— Под одной крышей мы живём как брат и сестра, — поник голосом Рич. — Мы специально слух через Бориса пустили, что мы то ли брат и сестра, то ли... чтобы ничего определённого не было.

— Меня уже это не устраивает.

— Причина в Иване?

— Да! Причина — в Иване. Я чуть не умерла, когда поняла, что он услышал твою болтовню о свадьбе и сбежал из ресторана. Показалось, что я его больше не увижу...

— Я понял, — холодно ответил Ричард. — Я подумаю о переезде и приму решение. И сообщу о нём. Что-то ещё?

— Мне бы хотелось знать, что именно вы с Клаусом намутили. Чувствую — намутили, есть во всём какой-то подвох. Я чего-то не знаю?

— Ничего страшного не намутили, — заверил с возникшей в нём отстранённой холодностью Рич. — У нас договор — никому ни слова. Сама вскоре узнаешь.

— Требую. Скажи, в чём подвох?

— Не будем ссориться. Позже.

Проходя к себе наверх, она увидела в одной из его комнат разбросанные вещи. Заметила с усмешкой:

— Плохо у тебя получается жить без гувернантки.

Ричард окончательно замкнулся. Она помянула его глупую женитьбу на Элизабет, проститутке в Мехико, унизила насмешкой.

— Ах, да! — Снежана словно бы только вспомнила. — Загляни на «Коперник» в блог Глебушона.

— Что там!? — Ричард зевнул. — Так захотелось в шахматы поиграть! Как я понимаю алкоголиков и наркоманов!

— У него сообщение о свежем открытии.

— Конечно, гений! Как же без открытий! — проворчал Рич, уже мысленно окунувшись в стихию шахматной игры.

Журналистская душа Борис Угольника возликовала, когда он увидел *по номеру*, что звонит Снежана (внутри себя называл её *княжна*). Говорили поочерёдно Ричард, Борис и *княжна*. Ричард сухо сообщил, что Иван Глебушон опубликовал результат нового исследования...

— Только вы, Боря, не волнуйтесь, — предупредила Снежана, выдержав паузу со вздохом. — Возьмите себя в руки.

— Я взял себя в руки.

— Принципиально нового немного...

— Но всё же есть и новое? — догадался Борис. — На то оно и открытие?

— Разумеется, — сухо подтвердил Рич. — Глебушон дал расчёт, из которого следует, что астероид не простой.

— А золотой? — хмыкнул Борис, решив уничтожить сухость Рича шуткой.

— Я вам ссылку, Борис, брошу. Вы поймёте, не то чтобы весь золотой.

Открыв публикацию и пробежав текст, мельком глянув на графики и таблицы, Угольник взялся пересчитывать на калькуляторе то, что он мог проверить, пересчитать:

Объём, массу. Правильно: 10% от общего объёма это 3.5 тыс. м. куб.

— Сколько весит 1 кубический метр золота? — спросил он у телефона, тот написал: «19.3 т». Неужели? Ладно. Таким образом, умножаем 3500 на 19.3 получаем 67 тысяч 550 тонн... То есть, шестьдесят семь тысяч тонн с копейками! Это по минимуму. Это если все 10% — золото. Но там ещё платина и родий, с ума сойти.

Он перезвонил Снежане, откликнулся Рич.

— Это десятки тысяч тонн драгоценностей! Я не верю, — без обиняков заявил Борис. — Всё это похоже на шарлатанство, на обман, на аферу. Которую кто-то затеял с неизвестной целью.

— Почему вы так думает? — искренне заинтересовался Ричард.

— Было такое в кино! «Не смотрите наверх». Все видели! Никто в эту «новость» не поверит.

— А, вот в чём дело! — снисходительно проговорил Ричард. — Борис, как раз в жизни именно так и бывает. Особенно в технической сфере. Неужели не знаете?! В XVIII веке герои Джонатана Свифта в «Путешествии Гулливера» открыли существование двух спутников у Марса, за полтора века до их реального открытия! Писатели открывают то, что потом приходит в жизнь и становится обыденностью. Фантасты обладают даром прозрения. Я тоже помню «Не смотрите наверх». Но и казус с историей «Титаника»... Вы, Борис, конечно, помните?

— Нет. Да... А, вот вы о чём! Да, был роман «Титан», предвосхитивший гибель реального «Титаника». Сейчас посмотрю, — Борис, открыл в компьютере Википедию. — Да... Не «Титан». Была повесть «Тщётность». Опубликована в 1898 году, когда «Титаник» ещё не был спроектирован. За 14 лет до катастрофы... Описан лайнер «Титан»... Совпадают технические характеристики «Титана» и реального «Титаника». Совпадает время крушения — апрельская полночь. Причина крушения — столкновение с айсбергом. И причина массовой гибели одинакова: на всех не хватило шлюпок... Да, Рич, я об этом в детстве читал. У нас на чердаке хранились старые журналы... «Техника — молодёжи»... Я б и сам вспомнил. «Титаник» — это аргумент. Хорошо, что напомнили... Согласен. Время от времени в мире происходят истории, которые прежде были как бы

смоделированы фантастами, то есть предвосхищены, предугаданы!.. Вот и Глебушон как-то говорил, что у Гомера в «Илиаде» есть беспилотники сухопутные, как бы самокаты трёхколёсные, и мореходные в «Одиссее», словно б снабженные спутниковой системой навигации. И ещё описаны «золотые служанки» — фактически роботы, снабжённые искусственным интеллектом.

— Гомер очень непростой автор, — задумчиво проговорил Ричард. — А вы, Борис, очень умный человек.

Борис был польщён. Если бы в этот момент он мог видеть лицо Рича, он бы насторожился: Рич беззвучно смеялся, открывая вдруг — неожиданно и для себя — в планшете шахматный сайт Chess.com. На экране появилась его фотография в профиль и имя: Рич Грант.

— Сыграю разок и здесь, — сказал сам себе Рич.

Борис этого знать не мог, но и прочувствовать не умел. В этот момент он был восхищён красотой своей мысли и, как абсолютной истиной, проникся идеей повторяющихся совпадений вымыслов и фактов.

Весть была как гром с молниями среди ясной ночи: метеорит не простой, в своей сердёжке набит драгоценностями! Через тридцать минут по пабликам и эфирам поскакало горохом: «Астероид Sneg на десять процентов состоит из драгоценных металлов, его сердцевина — золото, платина, родий, массой около 70 тысяч тонн (тысяч тонн!) Для сравнения: в мире ежегодно добывается менее четырёх тысяч тонн золота. В Днепр с неба одномоментно упадёт столько золота, сколько человечество огромными трудами добывает за двадцать лет! Это вам не мифическое золото гетмана Полуботка!»

Появились отклики:

— Розыгрыш! Фейк! В кинофильме «Не смотрите наверх» была такая история!

— Не надо нас дурить! И без того тошно!

— Теряем, как в войну, убийства, грабежи, пожары и никому до нас нет дела!

Борис Угольник ответил всем вместе со всем жаром убеждённого публициста. Он с блеском напомнил историю дивного совпадения сюжетов «Титана» и «Титаника». Напомнил и об открытиях, предсказанных литераторами. В 1961 году Артур Кларк в сочинении «Лунная пыль», — космос был ещё во многом фантастика, — додумался, что люди в космос будут летать как туристы. Для большей убедительности, и это сработало, напомнил маловеерам, что драгоценный родий и прежде попадал на Землю вместе с метеоритами. А также сообщил об удивительном предсказании 1888 года писате-

ля Эдварда Беллами: в будущем люди будут получать деньги на карты. И о Гомере напомнил. Прочитировал о дронах-велосипедах для богов, изделиях кривоногого Гефеса:

К ножкам треножников он золотые приделал колеса,
Чтобы в собрание богов они сами собою катились
И чтобы сами домой возвращались, взорам на диво.

Сообщение о «Золотом космонавте» наложило на панику, вызванную «Каменным», и остановило её. Тут же были погашены пожары, схвачены десятки мародёров и бандитов и некоторые зверски убиты. В городе установился порядок. К вечеру первого дня в Черкасссы вернулся мэр, к ночи третьего — губернатор. Из двухсот тысяч горожан, выехавших, вернулось около сорока. Многие, потеряв жильё, стали беженцами и сочли за благо возвращаться, узнав, что столкновение «Золотого космонавта» произойдёт через два месяца.

24. Истерика. Жизнь налаживается

В душисто-смоляной гуще соснового бора, на берегу Днепра, вблизи зелёных островов с песчаными косами, в трёхэтажном особняке Архипа Ракеты обсуждалась сумасшедшая новость.

Началось с того, что позвонил Угольник. Сказал: загляни на мою *телегу*. Архип заглянул. Нового не было. Перезвонил:

— За что базар?

— Сейчас, — ответил Борис. — Тут глюк прошёл. Сейчас. Читай. Потом видео выложу.

Выскочило два новых абзаца.

Прочитал.

Молча отложил телефон.

Молча вернул его к глазам и ещё раз прочитал. После чего с какой-то душевной теплотой в голосе произнёс:

— Астероид не простой.

— Астероид золотой, — сказала в рифму Астра Павловна, нарезая мясо и бросая его в кастрюлю с холодной водой.

— Учёный этот вычислил... На, глянь сюда, — Ракета передал жене планшет. Астра Павловна вытерла пальцы красными петухами на полотенце и быстро пробежала взглядом статейку.

— Зря сбагрили всё побережье, — сказала она.

— Зря.

Астра Павловна налила в рюмку водки и села за стол.

— И мне налей, — сказал Архип, чего не произносил лет пятнадцать.

Они выпили, и только после этого Астра Павловна сообразила, что допустила оплошность:

— Ты зря пьёшь, потом будешь за бок хвататься.

— С горя — можно, с горя без последствий.

— Вот что мы теперь Гарику оставим? — несколько истерично проговорила Астра Павловна. — Даже этот дом — уже не наш. А берег-то этот весь станет золотым... Сколько тонн драгмета рухнет?

— Семьдесят тысяч тонн. Без малого!

— Хватило бы и одной тысячи, чтобы все вокруг поубивали друг друга, — в Астре Павловне был силён философ.

Она отставила в раковину две рюмки и достала из шкафчика две рюмки побольше. Поставила мясо на огонь, выпили ещё.

— Сейчас все разбежались, весь город! — говорила она. — Надо сделать так, чтобы всё нам досталось. Надо застолбить право на все семьдесят тысяч.

— Ты давно Гарику «Золотую Рыбку» читала?

— Причём тут «Рыбка»? Там дурная баба о себе заботилась. А я о всех нас. Станем как короли!

— Астра, знаешь, что такое жадность фраера сгубила?

— Мы профессионалы, не фраера. Да? — Она икнула.

— Ты, Астра, в узел свои мозги завяжи и больше в этом направлении не думай.

— Тогда надо выпить.

— Давай выпьем.

— А в каком направлении будем думать? — Астра Павловна закусила бутербродом с осетриной, который для неё сделал Архип. Ломоть осетрины так соблазнительно светился в луче вечернего солнца, что Архип Валерьевич и себе бутерброд сделал, хотя до этого закусывал тёмной корочкой, натёртой долькой чеснока.

— А в таком направлении, — сама себе ответила Астра Павловна, — чтобы все не поубивали друг друга, чтобы всем по справедливости досталось.

— Всем по справедливости, — трезво повторил Архип. И удивился: — А кому это — всем?

— Братву всю нашу надо подтянуть. И не нашу тоже.

— Они и так все здесь. Грабят и мародёрят.

— Это хорошо.

— Только надо жёстко с ними.

— А как без жёсткости?! Без жёсткости нельзя.

— А мэру, губернатору, иностранцам — надо?

— Всё, больше не пей. Почитай иди Гарику «Золотую Рыбку».

Я послушаю. А то он что-то там притих.

— В телефоне сидит! Нары ему подарил.

— Надо забрать и выкинуть, — решил Ракета.

— Ага, попробуй...

Борис наслаждался счастьем известности и страдал от того, что дом его, построенный дедом на века, — как в семье думали, — сгорел. При всём осознании несчастья он не мог не отметить анекдот-

тичность произошедшего. Накануне заменил страховку от пожара на страховку от цунами и падения метеорита. Один страховщик очень удивился, услышав о таком капризе известного журналиста, заподозрив, что тот не в себе. Он и был не в себе. Он был в восторге — его имя и название издания «Город Ч» гремели по миру. Вслед за киевским «1+1» интервью у него взяли две тётки из Би-би-си... Другой страховщик последовал его примеру.

«Дом бы не сгорел, — весело горевал Угольник, — если б жена с дочками не уехали, поддавшись общей панике». Остался дом без присмотра — его и разграбили, а потом и подожгли, пока сам Угольник не вылезал из телецентра. Теперь, глядя на чадащие развалины дедовского дома, он принялся искать Ивана Глебушона. Искал и не мог найти. Борису срочно нужно было поделиться с ним счастьем и горем. И карман его уже был оттопырен. Телефон Глебушона талдычил: «Абонент вне доступа». В доме у озера, в его квартире, Глебушона тоже не было, не нашёл он его и в университете. Пришлось пить со случайным мужиком. Мужик, огромный как медведь, в униформе дворника «Любавы» сидел на скамейке и сквозь ветви смотрел в бинокль.

— Бухнём? — предложил Борис по-простецки.

Мужик дико оглянулся, посмотрел на бутылку в руке Бориса и согласился, улыбнувшись почти беззубо:

— У меня и хрусталь есть.

Из большой сумки, стоящей за скамейкой, он вытащил нераспечатанную коробку с шестью хрустальными стаканами. Под стеклом Борис разглядел коробки с планшетами и телефонами.

— Украл? — спросил Борис.

— Все брали, — ответил мужик.

— Грибоядов?

Мужик вскочил и, сверкнув на Бориса золотым зубом, уселся на место:

— Откуда знаешь?

— Прозрение, — ответил Борис, свинчивая крышку.

Мэр Ярослав Лысяк страдал от осознания непоправимых потерь, сидя в своём ресторане «Магнолия».

— Это ж надо быть такими типичным идиотом, чтобы меня послушать, а не на своём настоять! Столько труда в те поля вложено, чтобы их купить. Через такое... через такое пришлось переступить! А теперь — оп, всё чужое... А внутри — всё золотое!

Адвокаты пили молча, подливали Лысяку чаще чем себе.

— Включите мультик, — приказал тот.

И они в очередной раз стали смотреть как падает астероид в водохранилище.

— Ну почему, почему мы не могли догадаться, что внутри золото! — взревел от горя Лысяк.

В ресторанный зал вошёл третий адвокат из его группы, шел он к столу твёрдо, что-то шепнул двум другим, те — Лысяку. И горе обратилось в радость!

Оказывается, на свой страх и риск на деньги от таксопарка он прикупил часть песчаного берега вместе с домом Ракеты и маленький песчаный карьер у Юрского. Уж очень за смешные деньги продавали.

— Вот и ты молодец!

Лысяк усадил юриста рядом.

— На Днепре карьер?

— В тихой заводи, все документы при мне!

— Ты понимаешь, какой ты молодец? Это даже лучше, чем иметь свои пять метров границы...

— Разве бывает у людей такое счастье?

— А вот и не спорь!

Лысяк был совершенно пьян.

Губернатор Сквозной со своим советником, приставленным к нему Юлием Валентиновичем, нависал над большой картой, разложенной на двух столах. Советник обозначал красным фломастером места устройства блокпостов на дорогах, ведущих к водохранилищу.

По видеосвязи включился Юрский:

— Вопрос решил. Приедут военные, там полковник Иванов. Он скажет, сколько войск для двойного оцепления понадобится.

— А что президент говорит? — вежливо поинтересовался Сквозной.

— Он всё правильно говорит. То, что я ему сказал: надо экстренно завершить эвакуацию населения. А после падения оцепить войсками территорию, завести технику. И начать разработку.

— Удастся все схемы перемякнуть на себя?

— Президент не возражает, но хочет 85%. По-моему, неплохое решение. Но я обещал подумать. Меня интересует, кто тот шустрый человек, который купил берег в Сокирно вместе с дачами и мой песчаный карьер?

— Вы же сами велели продать.

— То, что заводы ЖБК купил — хорошо. Но вот то, что продал песчаный карьер — глупость, глупость, глупость... Кто?

— Лысяк.

— Значит, он всё знал?

— Выходит так.

— Как говорят в таких случаях?

— Говорят, жадность фраера сгубила.

В этот момент на столе губернатора ожил белый телефон с золотым трезубцем на вертушке.

— Господин Сквозной? — уверенно и барственно осведомился по-английски голос.

— Так точно! — ответил губернатор, по-военному вставая, хотя в армии и не служил.

— Меня зовут Фрид Брок, я советник Государственного секретаря Соединённых Штатов Америки.

— Я вас знаю, господин Брок, — произнёс на отличном английском Сквозной. — Я слушал ваши лекции в Пенсильванском университете. Слушаю вас внимательно, господин советник государственного секретаря.

— В связи с открывшимися обстоятельствами завтра Черкассы посетит Клаус Штёрт. Он уполномочен правительством США поддерживать ряд инициатив элиты города Черкассы.

— Каковы эти инициативы?

— В течение часа вы получите все необходимые документы. Президент введён в курс дела. Ни о чём не беспокойтесь. Всё ли ясно?

— Всё, — вздохнул Сквозной и подмигнул себе в зеркало.

25. В звёздном лабиринте

Она прошла всеми ходами и лестницами.

Он спал, разметавшись под спальным мешком с раскрытыми молниями на узкой туристической пенке.

Она притронулась ладонью к его лбу. Холоден лоб. Здоров. Опустилась на колени.

— Это абсолютная сенсация, — шептала она ему в шею. — Как у вас говорят, весь мир стоит на ушах!

— Надо проверить, как работает «Каменный астронавт», — проговорил он, не соображая, что он говорит, просыпаясь, совершенно поражённый, что разбудила его Снежана, которая вдруг вся мягкая оказалась присевшей рядом с ним на одеяло.

— А можно позже? — спросила она с усмешкой. — Можно, потом проверять будем?

Всё в его жилах и в венах, и в артериях горячим стало.

— Долой каменных и золотых, — согласился он, задыхаясь, нажимая на клавишу «планетария». — Ты вся такая живая-живая!

Стены, потолок, удалённый коридор и весь пол вспыхнули точками света, всё теперь являло собой дивное живописное полотно, всё ожило; задымилась туманности, зашевелились галактики, всплывали и гасли звёзды. Снежана увидела всё вокруг себя и сказала:

— Именно о таком я мечтала... Здесь можно летать, буквально как на звездолёте, только лучше: звездолёт не нужен.

Ты знаешь — я ведь не знала ни одного мужчины. А я — женщины, сказал он, рассказать, как это было, Расскажи, только сна-

чала я. Мне стыдно, но тут почти нет света, хотя все солнца мира здесь. И хорошо, что темно, поэтому скажу. Когда наступил день свадьбы с Роббером, мне сбросили ролик, снятый накануне: мальчишник. Так принято... Нет, не ролики скидывать. А мальчишник устраивать. Ну, и девишник. Ничего более отвратительного в жизни не видела. Даже представить себе не могла. А меня уже в платье нарядили.

С розовым отливом?

С золотым, но белое-белое! А тут такое кино... Хуже самой грязной... порнографии... Она произнесла это слово с невероятным отвращением. Не хотел бы он, чтобы она когда-нибудь о нём с таким чувством что-то сказала или подумала. Но спросил: смотришь? — Нет, не интересуюсь, но попадалось. Сложно оторваться, пока себя в руки не возьмёшь. Потом каяться надо. Что они себе позволяли! Прямо какой-то Босх зоологический. Знаешь — художник? Ад! Чавкающий ад. Я не буду рассказывать... Но там обезьяна была... в платье, как у королевы! Жениху сбросила: что, Роббер, скажешь? Он: фальшивка! Лилипутка была в обезьяньем костюме. Я говорю, ужас! А он, разве можно поверить, что обезьяна настоящая? Говорю: ещё как можно. А если лилипутка, говорю, то это оправдание? Он хохочет: «Прости, прости, представил выражение твоего лица, когда ты увидела обезьяну!». Какая это мерзость! Говорю, прощай, свадьбы не будет. Категорически! Он: «Возьми себя в руки и не сходи с ума». И тут мама приезжает, ещё жива была. Я ей ролик: любуйся на зятя! А она: что ты хочешь, детка, золотая молодёжь... Шутки такие. Я: свадьбы не будет! Платье с себя содрала. Мама за сердце: гости со всего мира! Если свадьбы не будет — ей отравиться только останется, все мои в долгах запуталась. Стала умолять: переступи... Сказала: ладно! Но без церковного обряда, только в муниципалитете... Переступила. Церемония в мэрии прошла, торжества в имение тестя, шестьсот шестьдесят шесть гостей. Любят они это число.

Специально? Или случайно так совпало?

— Сам подумай, если люди веруют в Бога и служат ему, жизнь Христу посвящают, значит, есть люди, которые служат и посвящают жизнь сатане.

— Логично. Не думал никогда.

Фонтаны шампанского, подарки. Вертолёт подарили! Говорю: подарите Робберу обезьянник, пусть гарем устроит! Вечером — фейерверки. Сделала вид, что простужена, чихала, поэтому обошлось без поцелуев ну и без первой брачной ночи, как и без второй и всех остальных. Уехала через два дня. Улетела в Америку, никто и не знал! Исчезла. Есть в Калифорнии русский монастырь. Бедный. Монахини гробы делают. Меня настоятельница приняла. Её владыка из Лондона позвонил. Спрашивает, будешь полы мыть, двор метлой мести? Говорю, буду. Попросила: только чтоб никто

не знал, что я у вас. А гробы будешь делать? Буду, говорю... И три месяца... Тесть меня вычислил. Силой хотел увести. Я спряталась... — В гроб? — Нет, в домик на колёсах. И оттуда в *инсту* выложила видео Робба с обезьянкой... Случился мегаскандал. Развод получился громче, чем все фейерверки... Какое счастье. — Да! — Ты (потупившись) замучился быть девственником? — Стыдно сказать, почти привык. — Многие думают, импотент. Но ты ведь не... Ого! А я замучилась. Каждый день думаю. А ты о чём каждый день думаешь? — И об этом. И о смерти... Какая красота! — воскликнул Иван, совершенно её раздев и разглядев чистое её прекрасное тело.

Они не выходили из звёздного тайника трое суток. На пенке и широком спальнике не было ни тесно, ни холодно. Доев все сырки из холодильника, два раза заказывали по пять коробок пиццы. Дрон-квадрокоптер доставлял упаковки на крышу, к куполу обсерватории. В умывании обходились маленькой раковиной. С туалетом решили проблему, приспособились, выход подсказала внушительная площадь плоской крыши, чего Снежана и представить себе не могла.

Стояли тёплые майские ночи. Тьма до полной своей сжатости возникала на короткие часы. В это время они и выходили на крышу со своим спальником.

Однажды она сказала, разглядывая звёздные сцепления:

— Я как-то была на одной лекции, там говорили про книгу Иова.

— Иова Многострадального? — он уплетал пиццу, чаем запивая.

— Приводили один отрывок в качестве примера, доказывая, что Библия устарела.

— Что за лекция глупая? *К чему напрасные сомненья?*

— Не то чтобы вся Библия. А как бы техническая часть устарела. Есть фрагмент (смысл передаю), где говорится, что человек пытается разобраться в делах Божиих, в замыслах Его, а сам не в состоянии сделать ничего похожего на то, что делает Бог. Человек не в состоянии крикнуть облакам, чтобы ливень пошёл. Не может создать молнию... А теперь умеют и дождь вызывать, и молнию.

Надев штаны (он ужасно стеснялся), уселся за клавиатуру, вытянул из сети на экран книгу Иова и вбил в поиск «молн»:

— Я почитаю.

Читали вместе.

Она поспала, а он всё читал. Потом сказал: про молнию это так... Про звёзды интересно. Бог Иову говорит о звёздах, о законах их движения: «Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?..» Вообще-то Кеплер вслед за Коперником худо-бедно установил законы, узнал уставы неба... Здесь интересно очень. Перечисляются древние названия созвездий. «Можешь ли ты связать узел Хима (*это созвездие Плеяд* — пояснил Иван) и разре-

шить узы Кесиль? (*созвездия Ориона*) и можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас (*созвездие Большой Медведицы*) с её детьми?»

— А что древнее — Гомер или Иов? — спрашивала она.

— Древнее, чем они, ничего из написанного человеком нет. Вся последующая история свершается на их фоне, — говорил он. — Ни народов, ни языков, ни тех письменностей нет, а...

— А у Гомера, помнишь? — она говорила.

Так они разговаривали, с одного перескакивая на другое, теребя общую нить и возвращаясь вдруг:

— В описании щита Ахиллеса, те же названия...

И Глебушон размашисто и чеканно читал:

— Создал в середине щита он и землю, и небо, и море...

— Созвездия в узлы Бог связывает, — говорила Снежана, закинув тонкие руки за голову, глядя в звёздные миры его лабиринта. — А ты здесь, она показала рукой на движение звёзд вокруг, научился управлять звёздами.

— Да что ты! Это мультитки всё, иллюзия, — говорил он, смеясь, лёжа рядом на боку, видя нежные её сосочки на фоне созданного им космоса. Пошли на крышу, там всё настоящее.

Через две звёздных ночи он включил телефон.

И она включила и ответила на первый же звонок.

— Приезжает Дядюшка Клаус, — сказал Рич, голос его был надтреснут.

Он не стал спрашивать, где она пропадала трое суток и где находится сейчас. У него был ответ. Её верный слуга Сато Минато, живший с ним на первом этаже в архиерейском домике, не стал делать из этого тайны. «Со звездочётом она, — сказал Минато. — И я за неё рад».

Минато глубоко смотрел в Рича узкими тёмными глазами самурая.

Ричард Грант многое пережил за эти три дня. Он выявился как бы многомерным пространством, в котором свершались чередой грандиознейшие, сложные события и процессы. От умопомрачающей ненависти и желания нанять людей и разгромить тайные комнаты при университетской обсерватории, до чувства умиротворённой радости. В какой-то момент в тишине себя вдруг осознал, что светел от того, что она, возможно, в эти самые секунды как женщина счастлива. А то, что счастлива не с ним, оказалось, значения не имеет. Диана Грибоядова сумела закрепить и углубить в нём это чувство, запретив приближаться к себе. И он, отвергнутый всеми, два дня из трёх он играл в шахматы, опускаясь в рейтинге и восстанавливая форму.

— Зачем? — тихо спросила Снежана. — Зачем приехал дядюшка Клаус?

— На презентацию золотого астероида! Мы с тобой устраиваем вечеринку для местной элиты... Прощальную! И на этом проект закрывается.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Что-то ещё?

— Нет, ничего... — Ричарду не хотелось ни говорить с ней, ни слышать её голоса. Никогда в жизни. Но он для чего-то рассказал: — Пентагон думал разрушить астероид ракетой. Но Конгресс, узнав, что он действительно содержит металлы платиновой группы, запретил. Рассматривают законопроект о признании астероида собственностью США. Где бы ни упал, должен быть возвращён в США.

Снежана засмеялась, кажется, потягиваясь: — Это же просто какая-то наглая дикость!

— Как посмотреть, — зло ответил Ричард. — По-моему — разумно... Золото — к золоту должно идти... Тем более, неизвестно, где упадёт.

— То есть, как неизвестно?

— А так. Есть вероятность, что в Черкассы. Но вероятность один к миллиарду.

— То есть — нулю? Это всё ты подстроил? Ввёл всех в заблуждение!?

— Это мы с тобой подстроили. Эксперимент провели!

Сказав это, Ричард умолчал, что по предварительным расчётам NASA Снег, не исключено, может рухнуть в районе Калифорнии, даже называлось предположительное место падения — городок Санта-Роза.

На телефон Ивану пришло сообщение: «Mr. Ivan Glebushon, вы приглашаетесь в черкасский Голубой дворец на торжественный банкет, посвящённый Golden snow. Начало в 23-00 по черкасскому времени. Ваш доклад по вашему желанию не должен превышать пятнадцать минут... Дресс-код... С почтением — Клаус Штёрт».

— Кто это Клаус Штёрт?

— Очень весёлый, очень неприятный и влиятельный человек.

— Я готов выступить. Но сначала нужно бы кое-что проверить.

— Что?

— Кое-что.

Снежана была задета. Три дня назад он бы не посмел так ответить.

— Я обиделась, — предупредила она, вскинув голову.

Он её тут же обнял, не дав до конца одеться, и она отключила свой телефон ещё на целый час, хотя только что собиралась звонить Сато Минато, чтобы тот подъехал за ней.

26. В Голубом дворце со шпилем

Как бы из воздуха на маленькой эстраде возник невысокий человек в малиновом берете. Из пятого измерения, что ли?! Никто особо и не удивился, все были настроены на праздник. Ну, в берете с рубином, ну, во фраке голубом, нелепость, конечно, а что же дальше?!

Каждое слово, произносимое Штёртом, мгновенно переводилось на русский язык механическим голосом.

— Друзья! — воскликнул человек, неловко завладев микрофоном; микрофон при этом загудел эхом, а человек изобразил испуг. Гости улыбнулись: началось!

Приглашены были все — заметные депутаты, важные чиновники, бизнесмены, руководство СБУ, МВД, прокуратуры, ОПГ, МЧС. С дамами. Хорошие костюмы и даже смокинги, вечерние платья. Пианисты играли на двух сдвинутых валетом кабинетных роялях, красном и чёрном, вели как бы занятный диалог — ненавязчиво играли, приятно. Квадратные столики — всё а-ля-фуршет, — были расставлены в пространстве зала с какой-то изысканной выдумкой — и по одному, и в ряд по три, и квадратом — четыре, словно б столики были клеточками в игре «морской бой». Столы были заполнены красочными закусками, но пока без напитков. Всё пребывало в состоянии нетронутости как спокойный ландшафт Синопской бухты за миг до первого залпа.

Каминный зал с колоннами Голубого дворца оформлен и украшен был с выдумкой — большими картинами, аквариумами, цветами. У стен кое-где стояли диванчики, кое-где кресла. В одном из кресел сидел известный бизнесмен Архип Валерьевич Когут лицом к лицу с начальником СБУ Исаевым, которого все знали по псевдониму «Николай Николаевич». Исаев примечателен был не только известной фамилией, но и женщиной, пришедшей с ним, дамой в узорчатом бежевом платье с жизнеутверждающем декольте и в отменных жемчугах. Она сидела на диванчике рядом с Астрой Павловной; дамы обсуждали новости.

— Как вы считаете, Астра Павловна, не случится ли в мире глобального кризиса в связи с событиями в нашем городе? Ведь на такие бабки многим захочется наложить лапу.

— Я тебе, Людка, так отвечу, — отвечала вполголоса Астра Павловна, взяв даму в бежевом по-свойски за локоть. — Нужно уметь со всеми договариваться. Потому что все люди, у всех есть интересы, не надо никого подталкивать к краю, чтоб по зубам ответку не занять.

— Вот это правильно, Астра Павловна! Я и говорю своему, не надо никого загонять в тупик! И мэра Лысяка, говорю, оставь. Офис президента — это одно. А мы здесь — совсем другое, мы здесь все свои!

— С Офисом тоже нужно уметь договариваться. Там ведь тоже люди, — проговорила бывшая учительница бывшей ученице. — Но меня сейчас больше другое волнует. Запоры Гарика. Дуфалак не помогает! Вот чему сейчас вас учат в медицинском?

— Посоветую пройти обследование, — деловито ответила дама в бежевом. — Анализы нужно сдать...

Договорить не успела.

Осмотревшись, человек в берете повторил:

— Друзья!.. Ничему не удивляйтесь и называйте меня, кому как хочется, хоть горшком!

Все поняли: да, клоун. Улыбок стало больше. Официанты принялись разносить напитки. Раздался смех. Всё зазвенело и пришло в движение.

— Однако люди знающие, — продолжал человек в берете, — обычно называют меня дядюшка Клаус!.. Да, сэр Ричард?..

С этого момента робот-переводчик перешёл с русского на тот протяжный говор украинского языка, с тем канадско-галицийским акцентом, который для слуха жителя Приднпровья кажется чудовищным, но при этом любой носитель этого говора заведомо вызывает у жителя Приднпровья симпатию, так воспитан. Принято полагать, что носители этого диалекта сохранили в себе глубинную народную сущность.

Дядюшка Клаус картинно крутанулся на каблуках. Показалось, что из-под под красных подошв необыкновенно взвился огонёк и пыхнуло дымом, вероятно, от трения о пол.

— Я всегда вас так называл, — ответил Ричард, приподнимая бокал.

— Запомнили? — с милейшей улыбкой дядюшка Клаус обвёл очень чёрными глазами присутствующих. — Я скажу тост. Согласны?.. Да или нет?!

С ним всем хотелось соглашаться.

Кто-то крикнул: «браво», кто-то воскликнул «йез!», а главы малых городов Чигирина, Смелы, Канева и Золотоноши важно кивнули: «Так!».

Многие полагали, что dr. Klaus Stort приехал из Америки в качестве шута, позабавить местную элиту, на головы которой вот-вот прольётся золотой дождь. Немногие знали, что по поводу его визита были звонки из госдепа США в Офис президента и губернатору лично.

В зале резко погас свет. Несколько женщин вскрикнули — так это было неожиданно. Огненные нити на берете дядюшки Клауса каким-то образом ожили, стали превращаться в тонкие (как проволочки) молнии, освещая его лицо, ставшее мрачным и подчёркнуто крючконосим. Точки огоньков ежесекундно множилось вокруг берета и медленно разлетались по залу. Гости боялись шелохнуться, подозревая, что фокус может оказаться опасным.

Ничего не произошло.

Медленно зажглись люстры.

— Вы собирались бежать отсюда без оглядки? — с мрачным видом сказал дядюшка Клаус. — Вам было страшно? Вас напугали астероидом, а потом им же и обрадовали?

Многие с облегчением улыбнулись, переглянулись, продолжили жевать и выпивать.

— Я знаю, — говорил дядюшка Клаус, — многие, услышав о падении «Каменного космонавта», как его называли в народе, — быстренько собрали манатки и ломанулись подальше от города, прочь от родины любимой. Или нелюбимой? Но уяснив, что космонавт не каменный, а золотой — вернулись. Вернулись, и правильно сделали, правильно поступили! Это очень важно! У нас с вами ещё найдётся время уехать, переждать падение в безопасном месте, а потом начать новую жизнь. Абсолютно. Да!.. В новом качестве. Да! Была жизнь «до» — и теперь будет «после». Кто жив останется. Желаю всем выжить. Сейчас мы стоим на разделительной полосе. Все ли это осознают?

В момент постановки вопроса у всех мурашки пробежали по коже от inferнального ужаса, посетившего вдруг.

— Каждый житель города Че и его окрестностей вскоре станет попросту долларовым миллионером. Но не это главное. Мало ли на свете миллионеров и даже миллиардеров! Суть в том, что все вы — элита Черкасского края — превратитесь в людей влиятельных в разных сферах, в сферах жизни и смерти. Вы станете частью мировой элиты, частью золотого миллиарда. Падение такого удивительного астероида в ваши территориальные воды — знак судьбы, поцелуй небес, если угодно. Необходимо это осознать и к этому привыкнуть. Вы изменитесь внутренне. При этом мне кажется, Черкассы не должны кормить всех остальных... Правильно ли мне кажется?

Все замерли, соображая, точно ли поняли: прозвучал ли призыв не кормить всю остальную Украину? Это ещё не призыв к сепаратизму и не статья УК...

Борис Угольник, стоя впереди и возвышаясь над многими, очень медленно, чтобы все заметили, кивнул головой, мол, да!!! мы не должны кормить всех подряд. Некоторые торопливо повторили его жест, кто-то даже произнёс: «Ещё чего! Всех кормить!». А кто-то: «Всех кормить — никакого золота не напасёшься».

Клаусу Штёрту стало ясно: кормить драгоценным астероидом всех подряд никто из присутствующих не намерен.

— Мы идём на подвиг ради нашего будущего и ради правды нашей истории, ради наших потомков. Мы должны пережить известные неудобства, потерю имущества, крова, даже и капиталов. Астероид разрушит всё, город окажется смыт с лица земли, содран. Не исключено, кто-то погибнет. Но потом... Мы в долгу перед нашей историей в прошлом, но мы не должны потерять своё

будущее... Слово представляется профессору Черкасского университета, доктору философских наук, кандидату исторических наук пану Паулю Фритцеву.

На сцене тут же появился Фритцев в легкомысленном летнем костюме, но в тяжёлых круглых очках.

— Буду краток и содержателен, дорогие друзья, пани и панове, — начал он. — Здесь, на этих берегах, на наших кручах и островах с реликтовыми океаническими песками зародилось казачество...

Профессор цитировал картографа XVIII века по имени Алекс Ригельман, который полагал, что если б дать *козакам* имя особое, то следовало б называться им *черкасами*. Цитировал и Мыколу Карамзина и ещё третьего историка Мыколу Костомарова, который упоминал: *именем черкас долгое время в Московском государстве звали вообще малороссиян*. Вспомнил и четвёртого историка Жоржа Вернадского, который полагал, что *Черкесское поселение в районе Черкасс было основано в XI веке*. И говорил: *в то время, а это тысячу лет тому назад, у князя Мстислава Храброго была личная охрана из черкесов*. В литературе прежних времён, говорил профессор Фритцев, можно легко встретить топоним *черкасы*. Наш край исключительно величав и пышен, наш край — это край Владимира Крестителя, его сына Мстислава Храброго, это край Богдана и край Тараса. Вы чувствуете, каким свежим становится воздух только лишь от произнесения этих имён? Озон, чистый озон, как после тёплого майского дождя, омочившего юную листву трав и деревьев, весело зачернив асфальты...

В этот миг все ощутили запах озона и зааплодировали.

Профессор, поправив тяжёлые очки, продолжил:

— И они — черкасы, предки наши, и мы — черкасы. Мы особый древний народ, мы сохранили свою ментальность, сохранили и свой топоним — это название мы слышим в названии города!

— И области, — подсказал с ласковой улыбкой губернатор Сквозной, стоявший за главным столиком вместе с мэром Лысяком.

— Аплодисменты! — тихо проговорил дядюшка Клаус.

Все захопали.

На эстраду вскарабкался проворный толстяк, в прошлом секретарь городского совета и депутат Верховной Рады Петро Короп. Вытерев широкий лоб большого лица скомканным маленьким платочком, Короп заявил:

— Акцентирую! То, что упадёт на головы *черкасам* как народу, может принадлежать только черкасскому народу! Я бы хотел услышать на этот счёт мнение представителей нынешнего руководства. Ведь очень многое *пока ещё* зависит от них. Пусть скажут, с кем они — с народом или с киевскими дармоедами?

Про киевских дармоедов было тем удивительней слышать именно от Петра Коропа, что в прежние годы он был рьяным поборником всего киевского.

Кто-то хохотнул:

— Короп опять переобулся.

К микрофону на эстраду поднялся губернатор Сквозной, а за ним и мэр Лысяк.

— С народом! — выдохнул Сквозной.

— Я жизнь отдам за наш любимый город! — мэр Лысяк всмотрелся в зал. — Кто-то думает иначе? Конечно, с народом!

Все зааплодировали, с облегчением засмеялись.

— Собственно, Черкассы как город, — говорил Лысяк, удерживая микрофон перед собой, — да, как город, Черкассы всегда был самодостаточной территорией. Когда-то были крупным индустриальным центром! Но и сейчас! Мы энергетически не зависим от Киева! У нас своя ТЭЦ, мощнейшая штучка. И своя Каневская ГЭС! Но и как житница мы и прежде в значительной мере кормили Киев и Львов, и Харьков! Наши черкасские чернозёмы — лучшие в мире! Надеюсь.

— Считаю правильным, — перехватил микрофон губернатор, — думать о больших Черкассах. Что есть Большие Черкассы? Это пространство от, собственно, Черкасс, где мы сейчас решаем важные дела, и до Чигирина, прославленного Богданом. От Черкасс — и вверх, до Канева, до могилы Тараса, и на запад, до Умани с шедевральным нашим дендрологическим парком «Софиевка». Всё это Большие Черкассы.

— Что-то уж больно огромна земля Черкасская, — с сомнением произнёс мэр и вопросительно глянул на Штёрта. — Я б сузил, как сказал... кто-то сказал.

— Не станем сужать и обижать людей, — мягко возразил губернатор. — Никто не обеднеет, если Большими Черкассами будет объявлена целиком вся область. Большие Черкассы — это ведь и левый берег, освящённый именем великого черкасского богатыря Ивана Поддубного!

— Согласен, — сказал мэр и, вдруг что-то сообразив, прибавил:

— Я, как мэр Больших Черкасс...

— Большие Черкассы — это область, это Черкасский край, — строго проговорил Сквозной, в голосе которого возникло железо голоса его тестя Юрского. — Да! пока кто-то не докажет обратного.

Дядюшка Клаус тут же предложил послушать пана Фритцева не просто как историка, но и как философа.

— Я всегда интересовался феноменологией переименований, — с готовностью заговорил Павел Петрович. — Мы переименовывали улицы и населённые пункты, сносили памятники и возводили новые. Всё это как бы песчинка за песчинкой гото-

вило ситуацию глубинного преобразования-переименования... И вот качественный скачок! Акцентирую, как сказал один из ораторов, Черкассы становятся столицей независимого европейского княжества!

— А?! — крикнул кто-то в зале.

27. Черкасское княжество

В зале с опаской переглянулись:

— Чего-о-о?

— Княжества?

— Как княжества?

— Черкасского? княжества?

— А кто же, блин, князь?!

Но не все удивились. Другие несколько свысока стали посверкивать на остальных радостными глазами. Таковыми были: Петро Короп, Боря Угольник и сам Фритцев.

— Я вижу, — Клаус Штёрт вновь привлёк к себе общее внимание, — в пригласительном билете присутствует выражение «черкасское время»... Чтоб это могло значить?

Некоторые заглянули в свои билеты.

— Так и есть, — заметил Лысяк. — Пора нам поставить все точки над і. Тем более многие паникёры уехали... даже из Киева рванули, опасаясь ударной волны! Они покинули нас в самое тяжёлое время. Предлагаю лишить их, позорно сбежавших, гражданства и доли в общем достоянии!

Захлопали, крикнули:

— Лишить!

— Пусть на пособия живут!

За спиной Клауса Штёрта в этот момент распахнулась дверь и на эстраду поднялся Черкасский народный хор в красивых костюмах в сопровождении муниципального оркестра.

— И вот сейчас — без пяти минут полночь — мы объявляем о начале черкасского времени, — проговорил Лысяк.

— Как смело и неожиданно! — хихинула дама в жемчугах.

— Черкасское время? — Её муж «Николай Николаевич» сделал пометку в телефоне.

Ректор Сова вдруг пропел приятным баритоном:

Будут плавно снежинки кружиться,
Словно буквы сказочных слов.
И волшебное что-то случится
Нынче в полночь, в двенадцать часов¹.

¹ Стихотворение Искандера Хайбуллина.

— А что, в Черкассах будет своё время? — кто-то стал проталкиваться к эстраде от дальних столиков, не выпуская изо рта бутерброда.

— Разумеется, — ответили ему. — Возможно, будет и свой календарь.

— Как это?

И вновь философ Фритцев взялся за микрофон:

— Объясняю! Киев спешит в Европу? Пусть! А мы — не будем! В этом мудрость нашего народа, мы просто перейдём на время княжеств Лихтенштейн, Монако и герцогства Люксембург. Этим самым мы опередим всех на века. В отличие от многих, которых мы за своей спиной на широком горизонте и со своей высоты уже не различаем. Изменим и наш месяцеслов. В новом календаре, думаю, отразим имена Богдана, Шевченко, Ивана Поддубного... Да и не только! Проведём дискуссию и по персоналиям, живших, гостивших у нас великих — ибо ничто великое нам не чуждо! Разве можно отказаться от великого баснописца Ивана Андреевича Крылова? Если откажемся, уподобимся персонажам некоторых его басен, которые разрыли корни дерева, под которым собирали жёлуди. У нас гостил и Александр Сергеевич Пушкин, потеряв в Каменке кольцо. Десятки лет наезжал к нам Пётр Ильич Чайковский. Кто не слышал о нашем «Лебедином озере»? Да-да, всё это наше! Они тоже *черкасы!* И от великого живописца Михаила Васильевича Нестерова не откажемся, много лет гостившего в наших Сунках, расписавшего у них в Киеве наш Владимирский собор... Ни от чего не откажемся. И, конечно, войдёт в наш месяцеслов тот монарх... или та, кто возглавит наше княжество в самый начальный и, значит, в самый рискованный момент нашей истории.

— Это очень разумно, — дядюшка Клаус одобрил речь философа. — Именно так и утверждают нации. Март может быть назван «Тарасий». Как вам кажется? По-моему, отлично звучит. Тарас наш Шевченко умер и родился в марте. А Поддубный...

— Но если бы не астероид, такое б и в голову никому не вошло, — проговорил кто-то из сельских голов.

— Неисповедимы пути Господни, — разъяснил ему Фритцев. — Всегда находится в истории некая пустяковая причина для появления того или иного явления, которое со временем окажется грандиозным историческим событием. Так что мы, интеллектуальный класс, этому не удивлены.

Часы начали бить полночь.

Клаус Штёрт объявил:

— Черкасский народный хор и муниципальный оркестр исполнят Гимн Черкасского княжества!

Тут же загудели оба рояля, все, кто сидел, поднялись, кто стоял и жевал — перестал жевать, распрямились. Поились торжественные звуки неслышанной музыки. Грянул хор. Зарокотал:

У наших ног Днепр-Борисфен, над нами Млечный путь.
Потоки их сливаются здесь, и нам с него не свернуть.
Славься, Черкасское княжество,
Колыбель казачества...

Мужчины приложили ладони к сердцам.
Женщины последовали примеру мужчин.
Угольник фыркнул, узрев, как дама в бежевом облепила ладонью свой впечатляющий бюст.

Славься, Черкасское княжество!
Люди высшего качества...

Вновь погас свет. На большом экране возникла разноцветная карта Европейского Союза, общим своим видом похожая на аппликацию собачки, растопырившей ножки и задравшей в дугу непомерно массивный скандинавский хвост. На карте золотым цветом выделился Черкасский край, похожий на скачущую лошадку; все прочие территории погрузились во тьму.

— Большие Черкассы, или Черкасское княжество, это двадцать одна тысяча квадратных километров и один миллион жителей! — заговорил историк Павел Фритцев.

Губернатор Сквозной склонился к микрофону:

— Возможно, даже и меньше, учитывая сотни тысяч позорно бежавших. При этом наше Черкасское княжество... (некоторые вздрогнули, услышав от официального лица такое наименование края)... Да! Оно в десятки раз крупнее иных европейских княжеств... Продолжайте! — предложил он Фритцеву.

— Имена монархов княжеств-побратимов всем известны, — Фритцев неопределённо обвёл световой указкой Европу, которая теперь стала выглядеть как разноцветное лоскутное одеяло. — Я напомню... Княжество Монако... Видите, похоже на пивную открышку или креветку без головы. Управляется князем Альбером Вторым. А вот государство, — луч лазерной указки высветил и увеличил слово «Лихтенштейн». — Оно формой похоже на крыло куропатки. Управляется князем Ханс-Адамом Вторым. А это княжество Люксембург. Похоже на ольховый лист, обкусанный гусеницами. — Здесь правит — конечно, номинально правит, — великий герцог Анри... Князья, герцоги, цари, короли, императоры, как это звучит!.. Во-первых — это красиво! Да, монархия — это красиво. Во-вторых — солидно. Неспроста монархический строй правления сохраняют хитрые англичане и не менее хитрые японцы.

— Акцентирую! — вновь заговорил депутат Рады Короп и вновь попытался подняться на эстраду. Но его не пустили, оттянули за полу пиджака:

— Дай дослушать! Знаем, твои национальные принципы! — сказал ему Боря Угольник.

— Монархия, — вырываясь, выкрикнул Короп, — самая демократичная из всех форм прав-ле-ни-я!

Его отпустили, ошалело на него уставясь.

— Акцентирую! Теперь спросите меня — почему? — Короп наконец-то завладел микрофоном. — Смогу ли я это доказать?! Легко!.. Следите за мыслью, продуктом моей когнитивной деятельности... Согласитесь, у каждого человека есть свои мечты, потребности, желания, своё представление обо всём, или почти обо всём. Человек что-то делает для достижения своей мечты, ну и молится, конечно, а как иначе! Ведь мы, черкасы, народ издревле православный. Известно, нас пытались сбить с пути истины, да и сам я побывал в коммунистах, пока не осознал ценности национализма, но и это я пережил, как и многие. Кто-то скажет, переобулся. Я иначе скажу, нельзя всю жизнь ходить в одних сапогах. Ноги упружат. И никогда не поздно встать на путь истины, пока человек жив! Да, продолжу. Бог слышит все молитвы. Но одни исполняются, другие — нет. Почему? Потому, думаю я, что Богу известно лучше, что полезно человеку, а что во вред... С этим разобрались. Теперь вопрос: кто есть монарх? Ответ прост. Помазанник Божий. Управляя народом, он напрямую пребывает в общении с Богом, Который знает все чаяния народа, слыша молитвы всех, и напрямую влагает в действия монарха Свою волю с учётом желаний каждого. Поэтому монархия — высшая форма демократии. Это понятно?

— Ещё бы! — как щелчком пальцев разрушил Клаус Штёрт чьи-то сомнения. — Только хочу посоветоваться... Можем ли мы перейти к главному вопросу, ради которого все мы здесь сегодня собрались?

— Да!!!

— Тем более вопрос уже предварительно согласован с Соединёнными Штатами Америки, Великобританией, ЕС и НАТО... Прошу мэра и губернатора сделать совместное заявление.

Дядюшка Клаус передал Сквозному и Лысяку документы, свёрнутые в свитки, обвитые золотистыми лентами. Губернатор и мэр с осторожностью развернули грамоты.

— Мы, народ черкасы, — стали они читать синхронно, — объявляем граду и миру, всем странам членам ООН об образовании независимого Черкасского княжества в составе Европейского союза. Наше безъядерное внеблоковое княжество с сегодняшнего дня становится гарантией мира в регионе и во всём мире...

— Хочет ли кто поддержать декларацию о независимости, прошу голосовать, — объявил дядюшка Клаус и обратился к ректору Соуе: — Попрошу вас, пан Иосиф, не сочтите за труд, посчитайте голоса, если потребуется.

— Готов! — отозвался ректор.

— Кто «за»? — спросил Штёрт. — Кто «против»?.. Воздержался — кто-то? Решение принято?

— Принято единогласно, — объявил Сова.

— Музыка! — выкрикнул Штёрт.

И вновь грянул хор:

Славься, Черкасское княжество...

— Но кто станет главой государства? Будут ли выборы? Или есть предложение? — стал закручивать интригу Клаус Штёрт.

Каждый подумал о себе: вот бы здорово было!

Образовалась абсолютная, как в снежную ночь, тишина. Даже что-то хрустнуло, как снег в упомянутую ночь. Взоры стали смеяться на первый столик, удивительно подсвеченный, за которым уже не стояли, а сидели мэр, губернатор, журналист Угольник, американка Снежана Филипс и её советник Ричард Грант. Широкий луч сконцентрировался на Снежане, оставив всех в фиолетовой тени.

Снежана вскинула голосу, а потом и поднялась, словно бы от внезапного удивления.

Послышались аплодисменты. Они становились громче, аплодировали все, глядя на чудесную женщину.

Клаус Штёрт поднял руку и торжественно заговорил:

— Миз Снежана — урождённая княжна, наследница таких славных родов в нашей черкасской истории... (в этот момент мелкие золотые точки разлетались от его берета по залу)... таких как Кантакузины, в ком кровь Византийских императоров, и Потёмкины, Бралицкие, Воронцовы, Шуваловы, Яшвель, Врангели, Голицыны, Балашовы... Но и. Но и Рокфеллеры и Ротшильды, что немаловажно.

Снежана вспыхнула. Возникший румянец на освещённом прожектором лице восхитил всех.

— Вот так номер! — приговорила она. — Что это, розыгрыш?

В неё впилась все глаза, все объективы камер, десятки телефонов выстроили чешуйчатую стену.

— Ну вот что! — произнесла она, наконец, и улыбнулась. — Во-первых... Начну с конца. К клану Рокфеллеров я уже не имею отношения. Был муж, да объелся, как говорят черкасы, груш.

— Тем прекрасней, — зааплодировал дядюшка Клаус. И все зааплодировали. — Рокфеллеры-пропеллеры себя уже скомпрометировали, потеряв леди Снежану. Пусть плачут и рыдают...

— Господа, минуточку! — остановила его Снежана, показав свой звонивший телефон, поднеся его к уху. — Звонит наш астроном Иван Глебушон. Говорит, не пускает охрана. Дресс-коду не соответствует. А между тем, как он уверяет, у него есть сообщение, которое мало кого оставит равнодушным.

— Немедленно пропустить! — потребовал мэр Лысяк.

— Чем быстрее, тем лучше! — с весельем в голосе громко в микрофон засмеялся губернатор Сквозной.

28. Хорошие новости

Глебушон помнил из краеведческой книжки, что изначально в Голубом дворце, прекрасном здании города, выстроенном в давние времена на углу Парадной и Николаевской, располагалась гостиница «Славянская». В обозримом прошлом в здании теснилось учреждения на все случаи жизни, начиная и кончая нотариальной конторой, а на первом этаже была столовая, совмещённая с пивной. В новейшие времена в здании обосновался коммерческий банк, название которого никто не мог запомнить по той причине, что оно периодически менялось. Не знал Иван, что под историческим зданием банкирами был сооружён изумительный зал с колоннами, картинами, аквариумами и настоящим камином.

Иван был изумлён: какая милота!

Стоял шум, звенела посуда, хорошо одетые люди выпивали, закусывали.

Все повернули к нему головы, продолжая звенеть посудой, жевать и что-то говорить и чему-то смеяться.

Ему стало неловко, что он завалился на пир как был в своей любимой лохматой красной рубашке навыпуск и по минувшей моде в чуть рваных джинсах.

— Правильно, долой дресс-код! — заявил дядюшка Клаус, встречая Ивана. — Просим вас, господин астроном dr. John Kirillovich! К микрофону!

Тут все и притихли, и по примеру Штёрта вдруг стали ему хлопать, перестав звенеть и смеяться. Микрофон Глебушону вручили, как ценный приз, девушка и юноша из хора, оба привстав на колени. Хмыкнув, Глебушон принял микрофон — чёрный шар на длинной чёрной ручке, и приподнял и помахал им, словно бы пародируя кого-то с булавой. Все это поняли и ещё оживлённей захолопали. Поощрительнее всех хлопал Угольник.

— Господа, боюсь, придётся мне напомнить вам о пьесе Гоголя, — начал Иван. — И произнести ключевую фразу наизнанку.

— К нам *не едет* ревизор? — весело подсказал образованный губернатор.

— Я вынужден сообщить вам *преПРиятнейшее* известие!

Все как-то вдруг окончательно перестали жевать.

— Неужели в астероиде больше золота, чем подсказал расчёт? — вновь хохотнул губернатор.

— Нет. Драгоценных металлов в нём столько, сколько и было... Почти. Без малого семьдесят тысяч тонн. Сейчас по уточнённому расчёту вроде бы, как нарочно, шестьдесят шесть и шесть десятых тысяч тонн.

— Ладно, пять тонн туда-сюда — неважно. Тогда что же? — забеспокоился Лысяк.

Глебушон мужественно выдержал паузу, оглядывая зал, обнаруживая в нём знакомые лица, обнаружив Снежану.

— Есть две новости, господа. Хорошая и...

— Начинайте с очень хорошей! — мэр нетерпеливо сверкнул угловатой лысиной. — А потом просто хорошую сообщите.

Охранники банка, получив от своего директора нахлобучку в виде громогласных матов и сообщения об увольнении за то, что не пустили Глебушона, которого только и ждут, взяли в бутфете литр водки и заперлись в оружейке. Диана Грибоядова, которую охрана не пустила вначале, теперь беспрепятственно прошла сама и провела в Голубой дворец отца, ставшего бомжом, у которого не то что костюма и галстука, согласно дресс-коду, но не было и зубов, кроме одной золотой коронки, при этом имелся чёрный синяк под глазом.

— Очень хорошая новость в том, — Глебушон, видно, был голоден и тут же налёг на бутерброд с куриным мясом. И пока он жевал, все молчали. Проглотил, запил стаканчиком «Байкала», извинился: «Простите, господа, ужасно голоден, просто зверски». Он продолжил:

— Хорошая новость, господа, в том, что город Черкассы не будет разрушен.

— Да, это интересно, — почему-то кисло проговорил обычно жизнерадостный губернатор.

— А цунами? Его разве тоже не будет? — мэр смотрел на Глебушона, кажется, с ненавистью.

— Сейчас-с! Кого вижу. Десять лет мечтал встретить! На минуточку отлучусь, — Иван, оставив микрофон на полу подиума, подошёл к Архипу Ракете, сидящему в кресле у стены; склонился к нему:

— Архип Валерьевич Ракета? А я Ваня Глебушон.

— Ну и шо? Я тебе памятник должен за это поставить?

— У меня вопрос...

Жёстко заргемели два рояля — красный и чёрный. Музыканты как бы наносили друг другу звуковые удары, парируя их, играли марш «Империя» из «Звёздных войн».

— Чего хочешь? Присядь, — разрешил Ракета, указав на свободное кресло.

Глебушон присел.

— Дело в том, что меня как-то похитили на рынке, на Ярославской. Около шашлычной «Заходи, не бойся». И там в подвале я слышал слово «Ракета».

— То юные гагаринцы были.

— Думаю, бандиты. А это по вашей части.

— Когда ж это?

Глебушон назвал дату и точное время.

— Ого! — удивился Архип Валерьевич. — У тебя память шикарная. А я вот не помню, что вчера было.

— Как забыть?! В тот день у меня свадьба была назначена.

— Сорвалась свадьба?

— Сорвалась.

— Жалеешь?

— Нет.

— Ну вот, с тебя магарыч! — хмуро улыбнулся Ракета и тут же протёр пальцами губы, сгоняя улыбку.

— Я хочу знать, что тогда случилось? — твёрдо проговорил Глебушон.

Архип Валерьевич глубоко вздохнул:

— Я, Ваня, честно тебе скажу... Верю, что было... Но я не помню.

— Как не помнишь? Ведь меня чуть не убили!

— Так ведь не убили! Какие ж претензии? А я не помню.

— А ты вспомни! Я хочу знать.

— «Я, я...» Спроси моего внука Гарика. Он скажет: «я» — крайняя литера алфавита... Стар я стал. Хоть убей. И знаешь, должна же быть в жизни тайна? Вот, считай, она у тебя есть, — лицо Архипа исказилось, словно б от муки.

К ним тут же подступила Астра Павловна.

— Не мучь, звездочёт, человека, — ласково проговорила она. — Ты в какой школе учился?

— Не здесь. Я заезжий.

— То-то и вижу: чужак, *чужинец*... Скажи, дорогой, — проговорила она, как учитель на экзамене, — что с городом будет? Знаешь? Видишь, люди ждут, слышать хотят.

— Город не будет разрушен, и цунами Черкассы не смоят, — Глебушон поднялся и, найдя взглядом Снежану, поднял с пола микрофон. — Дело в том, что астероид «Снег» не упадёт в наше водохранилище. Ошибка возникла из-за некорректности одного коэффициента, неведомо как вкравшегося в базу моделирования «Каменного астронавта»...

При этих словах сэр Ричард, на которого тут же глянула Снежанна, побледнел и задвинулся в лиловую тень.

— Вкравшийся коэффициент я удалил... И стало ясно, нашему городу ничто не угрожает. Астероид упадёт...

В зале возникла немая сцена, в воздухе повис как ядерный взрыв вопрос: как это не упадёт, а наше золото!?!

— Астероид «Снег» упадёт, вероятно, в Калифорнии. Основная его часть.

— Вечно пиндосам везёт, — сказал «Николай Николаевич». — Золото к золоту.

— Но куда же упадёт остальная его часть? — живо поинтересовался Архип Валерьевич.

— Это тоже примерно понятно, — ответил Глебушон. — Шлейф осколков растянется от Калифорнии через Тихий океан до истоков реки Колымы, это в России. На шесть тысяч километров.

— Бывал я в молодости на Колыме, — вдруг прокрихтел Грибоядов: — В ИТК-5 чалился.

— В Сусумане, что ли? Первоходом? — спросил Ракета, расправляя больные ноги.

— ИТК-5, — угрюмо повторил Грибоядов. — Ты тоже?

Архип Валерьевич отвернулся от Грибоядова как от пустого места и стал подниматься из кресла. Поднялся и вдруг пропел розембаумским голосом:

На Сусуман наладился этап.
С утра гудит, как улей, дом казённый.
Подтаял снег в следах медвежьих лап,
Пришла весна в усиленную зону...

А хор наш что-то умеет? что-то из жизни знает? — спросил Ракета худрука народного хора.

— Обижаетесь, Архип! — ответил худрук. Был он лицом ужасен, как Паганини. Худрук взмахнул палочкой и брызнул звуками оркестра, а сам худрук надсадно запел, разгульно и лихо подхватили Ракета и Грибоядов:

Воры, что в «отрицалове», смогли
Не отрицать весны в глазах у Кати.
На красную будёновскую скатерть
Подснежники деникиным легли...

Архип Валерьевич поднял руку и опустил, песня оборвалась.

— Сусуман, Колыма, чудная планета, — хрипло пробормотал он, — десять месяцев зима, остальное лето. Всё! Подснежники... Делов не будет. — И Архип Валерьевич повлачился, прихрамывая, к выходу.

— Постойте! — попросил Глебушон. — Я бы хотел, Архип Валерьевич, продемонстрировать компьютерную модель падения. И может быть, вы вспомните! И вы увидите... Буквально минут десять-пятнадцать, чтобы нормально перезагрузиться. А то ноут опять глючит... И вы увидите, под угрозой калифорнийский городишко Санта-Роза...

Иван стал возиться, нажимая в ноутбуке кнопки.

Через пятнадцать минут зал Голубого дворца стоял пуст. В камине догорали документы, свёрнутые в трубочку и перевитые лентами. Пылала Декларация о независимости, тлел пятнистыми огнями проект Конституции. Несколько человек сидели вокруг двух роялей, сдвинутых валетом, и занимались любимым делом — выпивали, если мороженое и беседой вразнойбой.

— Это же бессовестно так людей обманывать!

— Люди всегда обманываются.

— А что в этой бутылке?

— Фанта.

— Всякая человеческая судьба — катастрофа. В этом и фокус.

— А где же дядюшка Клаус?

— На встречу с консулом уехал.

— Люди показали себя, каковы они: и власти, и плебс.

— Это тебя не оправдывает.

— А что в той бутылке?

— Всякая Вавилонская башня непременно должна быть разрушена, если она настоящая Вавилонская. И люди должны уныло разойтись или с ужасом разбежаться. Вот и разошлись.

— А это что за мороженое? Когда-то было «Каштан» за двадцать копеек.

— Когда-то было фруктовое по восемь. Вкуснее ничего в мире человечество не придумало.

— Давайте ещё по стаканчику...

Снежана и Глебушон сидели так близко друг к другу и так взявшись за руки, сплетя пальцы, что Рич чуть было не подавился мороженым, осознав увиденное. Вспомнил с тоской:

— А я ведь и кольцо с бриллиантом в виде астероида Sneg заказал.

— Прямо с кратерами?

— С кратерами, с кратерами, — убито ответил Рич.

Он что-то другое хотел сказать, сказал, наконец:

— Женатость — это такая штука... такая... Я как-то был... Что у нас с тобой было бы после постели — никто не знает.

— Я бы хотела взглянуть на кольцо, — сказала Диана.

— Оно твоё, — ответил Рич и выставил на клавиши серебряную коробочку.

В зал по ступенькам сбежал Сато Минато и вежливо обратился к Снежане:

— Сюда, госпожа, хотели войти люди с оружием. Они были очень сердиты. Они взломали оружейную комнату. Я подумал, они хотят кого-то убить. Может, я ошибся. Но некоторых обезвредил. Другие отправились за подкреплением. Если бы мы покинули этот прекрасный дворец, подумал я, было бы разумно.

ЭПИЛОГ. Август золотой

Стоя перед огромным университетским глобусом, изучая на мониторе электронные карты, Глебушон и Снежана выбирали оптимальную точку для наблюдения. Вариантов, как и думали, оказалось много. Ошибиться не хотелось. Sneg, войдя почти по касательной в атмосферу в районе городка Санта-Роза, может там полностью разрушиться. Но может и отскочить от атмосферы, как теннисный мяч от ракетки, пролететь над Тихим океаном и всё-таки рухнуть где-то у истоков реки Колымы, в Магаданской области России. Длина кривой от Санта-Розы до колымских истоков, уточнили, шесть тысяч триста километров (3900 миль!). Вот и не ошибись! Притом, что основная часть маршрута, а это около 80% пути, пройдёт над пустынными водами Северного Тихого океана, пересечёт краешек полуострова Аляска и горловину Камчатки. Решили: в Санта-Розе для наблюдения подходящая точка — гора *Худ-Маунтин*. А в конце предполагаемого маршрута — в посёлке *Усть-Омчуг*, стоящем на стрелке рек *Омчуг* и *Детрин*, хорошо бы поставить камеру на вершине сопки с загадочным названием *Чихара*. Ещё одну камеру для подстраховки с противоположной стороны долины — на горе Геркулёс. Если веер осколков отклонится на север, то дотянется до реки *Берелёх*, до города *Сусуман*, воспетом Ракетой и Грибоядовым. Там есть отличная площадка для наблюдения — трёхгорбая сопка Три Богатыря. И, как вариант, гора в тридцати километрах, прикрывающая Сусуман с востока, величественный *Морджот*, древний вулкан.

— Эстетическая красота предмета — оболочка заключённой в ней истины! — изрёк непонятное Глебушон и показал ещё одну точку на глобусе, на карте Колымы.

Чартерный борт из Сан-Франциско приземлился на аэродроме города Магадан. Попрыгав по горбатым плитам, лайнер замер напротив здания аэровокзала «Высоцкий».

Снежана и Глебушон спустились по трапу.

— Какое небо низкое, — сказал Глебушон, глянув на тяжёлые облака.

— Вылетали — жара. А здесь уже осень, — поёжилась Снежана. — Сразу захотелось на юг.

Их встретил Сато Минато, прилетевший в Магадан тремя днями раньше.

— В августе здесь и снег случается, — сказал он.

— Всё хорошо? — спросила она.

— Всё. Необходимое приобрёл, — ответил Минато. — Но придётся обойтись без парикмахера и камердинера.

Рассказал, что самой большой проблемой при подготовке было сохранение инкогнито Снежаны. Никто из руководства области не прознал о её визите, не примчался встречать в аэропорт.

Рабочие выкатывали из грузовой утробы самолёта корпусные детали вертолёта, выносили ящики и тут же собирали всё конструкцию как большую игрушку. Это Снежана так придумала: лететь в колымские горы на подарке с прошлой свадьбы. Когда всё было готово, топливо залито в баки, двигатель опробован, хафу-метис Сато Минато уселся за штурвал.

— Не зиде! — скомандовал он по-японски и повторил для замешкавшегося рабочего: — От винта!

За три дня они облетели кольцо Колымской трассы — то пространство, по которому теоретически могут рассыпаться осколки астероида Sneg. В тайге было много пожаров, которые никто не гасил.

В районе Сусумана видеокамеры поставили на западном отроге Морджота и напротив — на высшей точке Трёх Богатырей. В Усть-Омчуге — на горе Геркулес и на сопке Чихара. На Геркулесе, ночуя в палатке, они попали в беду. На их лагерь сильнейший ураган принёс таёжный пожар. Чуть не сгорели. Сато Минато оказался и здесь незаменим. Спас вертолёт и палатку. В Сусумане пережили приключение иного рода. На Трёх Богатырях медведь отрезал им путь к вертолёту. Он вышел из кустов стланика и уселся, грозно рыкнув на Ивана и Снежану. Сато Минато, сидевший в вертолёте метрах в ста от них, этого видеть не мог. Кричать было страшно, бежать было некуда. Вокруг росли кустарники стланика, в котором не укрыться. Глебушон неожиданно для себя разрешил проблему наилучшим образом, Снежане понравилось. Пока мялись, соображая, как им обойти медведя, усилился дождь. Иван раскрыл зонт-автомат. Щелчок и возникновение из ниоткуда огромной чёрной полусферы над головами людей произвело на животное впечатление. Он буквально с поросычьим визгом, бросился в просвет меж кустов. Развивая успех, Иван и Снежана с улюлюканьем кинулись как бы в погону...

Иван Глебушон выяснил, что самое красивое место в интересующем их районе Колымы, — а при хорошем солнце и самое восхитительное в мире! — озеро Джека Лондона. Озеро небесной складкой лежало среди гор, как раз между Усть-Омчугом и Сусуманом. Пик Абориген и примыкающие к нему очень высокие острые горы, стоящие на востоке зубчатой заснеженной стеной, показались Снежане родственниками Скалистых гор Канады.

Лагерь разбили на небольшом островке, разделяющем озеро Джека Лондона и озеро Танцующих Хариусов. Берега оказались на-

полненным осенним воздухом, который словно бы пошевеливался от присутствия в нём чего-то дивно-невидимого, например, цветов и птиц в шапочках-невидимках. При этом цветы и птицы иногда проявлялись и становились явью внутри прохладного ветра. Снежана была в восторге.

Связались с Ричем:

— Как вы?

— Мы тут хорошо, — ответила Диана. — Санта-Роза совсем опустела. Все разъехались. Видно, жить хотят или смерти боятся. Ричард всё время в шахматы играет, отец в бомбоубежище готовит пельмени. Так что у нас после астероида вашего — пельмени, после зрелищ — пицца. И водочка черкасская. Если живы останемся.

— То, что тебе весело — это хорошо, — порадовалась за неё Снежана. — Привет Ричарду. Рада за него.

— Поедете на Худ-Маунтин? — спросила по громкой связи Иван. — Или в убежище отсидитесь?

— Мы с Ричем — обязательно. Синий джип на низком старте. У него джип — синий как небо, так мне нравится! А отец пусть в подвале сидит.

Они посмотрели картинку с камеры на Чихаре. Внизу светился редкими огоньками Усть-Омчуг. Камера на отроге Морджота показала в долине цепочку огней Сусумана. Поняли так, что на Геркулесе камера погибла при пожаре — показывала черноту. То, что случилось на Трёх Богатырях, сами увидели. Знакомый бурый медведь с опаской приблизился к камере, привстал, потянулся лапой к их лицам. Изображение пропало. Глебушон связался с коллегами на Камчатке и на аляскинском острове Унимак. Наблюдатели всюду были в ожидании.

— Ждём, — прокомментировал Иван результат инспекции. — Несколько часов терпения — и мы всё увидим.

— Вода в озере ледяная, — сказала Снежана.

— Диана бы, наверное, полезла купаться, — подумал Глебушон.

— Ты её часто вспоминаешь, — Снежана погрозила пальцем.

— На самом деле — нет, — ответил он. — Даже не вспомнил, просто так сказал. Я о другом... В детстве-юности много читал Джека Лондона. Золотая лихорадка...

— И я читала... «Зов предков» помню. Про собаку, которая ушла от людей.

Сато Минато, поставив палатку, ловил рыбу, Глебушон разводил костёр. Снежана читала в интернете рецепт «Как приготовить уху из хариуса».

Сидели, разговаривали.

— Сато Минато — это имя и фамилия? — решил узнать Глебушон.

— Наоборот: фамилия и имя. У японцев сначала фамилия, потом имя.

Глебушон, раскрыв ноутбук, потерял нить разговора и стал возиться в каких-то графиках, думая о своём, додумался и позвонил Ричарду.

— Для вас новость, — сказал он.

— Что на этот раз? — спросил Рич... У меня сейчас такая партия! Я его зверски просто рву! Я перезвоню.

Перезвонил через полчаса:

— Мы уже на Худ-Маунтин, ждём с минуты на минуту. Что за новость у тебя?

— Значит так! — Иван стал делиться с Ричем своим свежим ображением. — При вхождении в плотные слои металлическая сердцевина астероида расплавится и закипит. Объём металлов при кипении увеличивается. Возможно, в пар даже превратится! Скальная оболочка разрушится, кипящие струи расплытся в атмосфере и выпадут на Землю в виде каких-нибудь осадков, может, в виде града, может, в виде пыли. Семьдесят тысяч тонн...

— На Санту-Розу? Хм! Я не против. Точно, что ли?

— Возможно. Но не факт. Над вами точно при ударе об атмосферу разрушится часть оболочки... Так что вы там поосторожней. Осколки будут. Совсем не исключено, астероид всё-таки полетит дальше, если посчитал правильно, — через Тихий океан, к нам на Колыму. Приезжайте к нам на Колыму, как говорится.

— Будет пожар и не будет золота? — вдруг понял Ричард. — Лучше б ты и не звонил. Не везёт городку. Он уже сгорал дотла. А тут ещё и контейнер с золотом мимо пролетит.

Голос вставила Диана:

— В Калифорнии у них леса всё время горят. Разве это жизнь?

— У нас на Колыме тоже.

Посмеялись.

На скалистых выступях Худ-Маунтин сидели и стояли десятки людей, в небо поглядывали. Некоторые фотографировались на фоне отдалённых гор, долинных виноградников, городских кварталов, состоящих из небольших домиков. На огромной высоте в синем небе возникла белая дымно-огненная струйка, принёсся ужасный грохот, словно от боевой ракеты. Люди, сидевшие на камнях, ринулись под скальный выступ. Огненные камни брызнули с неба, но сам небесный кулак, отшатнувшись от Земли, с воем унёсся на северо-запад. Дерево, под которым стояли Рич и Диана, содрогнулось от удара и вспыхнуло. Вокруг в разных местах загорелся лес. Они, взявшись за руки, побежали по корявой жёлтой дорожке вниз, придерживая друг друга. В просвете открылся вид на город — он горел.

Рич и Диана, запрыгнув в машину небесного цвета, рванули с предгорья Худ-Маунтин, прочь из леса. Остановились у озера, воздух не шевелился, наполненный гарью.

— Улетел к вам, — сообщил, кашляя, Ричард, сбросив на Колыму видео с падающими осколками и пожарами в Санта-Розе.

— Некому гасить? — посочувствовал Иван.

— Тут пожарники — добровольная служба. Сейчас выясним.

— Страшный сон! — сказала Диана.

Ричард показал своё перепачканное сажей лицо и лицо счастливой Дианы, тоже перепачканное.

Сато Минато похрапывал в палатке, забравшись в спальный мешок. Снежана и Глебушон сидели в свитерах и куртках у костра, отбивались от мошки и комаров.

— Знаешь, — она вспомнила, — сегодня вычитала, что Декарт... Это я опять о снежинке!

— Декарт — философ и математик?

— Декарт описал редкую форму снежинки, которую наблюдал. У неё двенадцать лепестков-лучей. До сих пор считается загадкой, что это он видел. Что-то небывалое.

— Как мы с тобой?

— Как мы с тобой.

Им светло вместе было и внутренне весело, но они даже не улыбались. Сидели, прижавшись, она голову пристроила ему на грудь, в жаркий огонь одним глазом глядя.

— Всё забываю сказать, — вспомнил он. — По той же теме. Ещё раньше вашего Вилсона Бентли микрофотографии снежинок делал Андрей Сигсон. В 1870-х он где-то в России жил, в Рыбинске, что ли. Так что он первый по снежинкам... А Кеплер... Помнишь? Описывал снежинки в трактате так: «Пушинки у звездочек располагались в одной плоскости с лучами. Седьмой, более короткий луч торчал вниз, как корень, на который могли опускаться падающие снежинки, и, опустившись, держались на нём некоторое время...» У снежинок, оказывается, есть нечто смягчающее падение. Что-то вроде ножки. Ты знала? Я — нет! Надо бы самому проверить.

Из палатки показалось лицо Сато Минато, покусанное комарами, перепачканное кровью.

— Не комары, — сказал, — звери адские!

Минато отлучился в кусты, умылся в озере, постоял, глядя в небо, слушая гудение комаров.

— У вас, кажется, спор, кто первый по снежинкам?

Они не ответили.

— Да, письменность японцам дали китайские монахи. Но по снежинкам первый, конечно, японец, его имя Укихиро Накайя, — присаживаясь у костра, рассказывал Минато. — У него при университете в Саппоро была лаборатория льда. Умел получать снежинки

с наперёд заданными характеристиками. На заказ делал, изменяя влажность и температуру — любой узор. Мог клонировать. Овец и людей клонировать лишь потом додумались. Укихиро Накайя всё-таки был не торгош, а поэт, называл снежинки *письмами с небес...*

— Почитать бы, что пишут, — сказала Снежана и легко зевнула.

Минато поднялся:

— Ладно, я дальше спать.

— Можно ли придумать азбуку из снежинок, если все неповторимы? — сказала Снежана, прижимаясь.

— Почему бы и нет? — Иван мягко поцеловал её в лоб. — Есть иероглифическая письменность, клинопись, есть вязь. Была ещё узелковая азбука — в империи инков и у древних китайцев...

Под утро и они легли, обнявшись, лицо к лицу. Иван надумал её поцеловать в губы и поцеловал. Она вся задрожала, но повертела пальцем у виска, показав себе за спину.

Уснули сразу. И проспали.

— Предлагаю пройти к вертолёту, госпожа, — запуская двигатель, вежливо предложил Минато. — Желательно бегом-бегом!

Только взлетели, огненный кулак взорвался в рассветном небе где-то под Усть-Омчугом, подняв ураган. Воздух стал серебристо-золотым. От ветра затрепетали лиственницы, приблизился шум осколков. На взгорье вспыхнул стланик. Вертолёт нёсся над озером прочь, едва не касаясь воды, прячась за сопку.

— Это свадебный подарок, — прокричал Иван, показав на золотое небо позади. Осколки сыпались в озеро. — Инсоляция!

По вертолётному стеклу забарабанили золотистые градинки.

Когда золотой шквал утих, они вернулись на свой островок, на свою стоянку.

Догорала палатка и их спальные мешки.

Открыв прозрачную дверцу, Снежана выставила руку наружу. Несколько крошечных золотистых снежинок опустились на её прекрасную узкую ладонь.

— Сколько лучей? — спросил Иван, поцеловав её пальцы.

— Не знаю, — ответила она.

Минато глянул, приблизив лицо к ладони:

— На одной шесть. На второй... двенадцать. Сдвоенная, что ли?

Снежана тут же придумала, чем им заняться. Они стали собирать разносимые ветром золотистые снежинки в ком. Слепили один, тяжёлый, и ещё один, поменьше, и ещё один.

Минато их сфотографировал. Снежана и Иван стоят, обнявшись трепетно, у неё причёска — волосок к волоску, словно б только от парикмахера; он лохмат, а за ними на круглом валуне золотой снеговичок, у которого вместо носа-морковки — стланиковая шишка, зато глаза настоящие — чёрные угольки из костра.

Иван отправил в Санта-Розу ролик и фотографию, Снежана продиктовала вслед:

— Рич, ты принёс мне счастье, устроив мне такое странное приключение.

— Снежный золотой русал! — сказал Рич, увидев фото с золотым снеговиком.

Диана, вздохнув, рассмеялась:

— Почему русал?

И тут же отправила своё: двор сгоревшего дома; дощатый стол с застрявшим в нём каменным осколком; цветасто-расписная миска с пельменями горой, завиток дымка, три вилки; Рич и Диана стоят плотно друг другу, плечо к плечу, их сзади приобнял громоздкий Грибоядов, произнося слово «чиз». При этом лица Рича и Дианы строги, а его физиономия морщится беззубой ухмылкой, сверкая одной — по центру — золотой фиксой.

24 февраля 2022

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

/ Кёльн /

* * *

Что есть артист?
Артист есть ноль.
Ноль, перевоплощенный в роль,
которую напишет автор
и растолкует режиссер.
А что ж душа?
Душа есть сор,
и одуванчик,
и забор
плюс память и воображенье,
и разных лиц отображенье,
и разных слов произношенье,
и с совестью и с Богом спор.
Так что ж артист?
Артист есть боль,
воссозданная лицедейством,
неизъяснимым чудодейством
дарованные хлеб и соль.

* * *

В отчаянии надежд бесцельных
высокий ум поведал нам
способность линий параллельных
вдруг пересечься где-то там,
где за неведомой стеною
иная осень и весна,
где время движется иное,
пространств иная кривизна.
Мечта взамен путей прямых
зовет дорогой рудознатца
к пересечению прямых,
рожденных не пересекаться.

* * *

Помилуй!
Куда ты?
На свете так мирно и тихо.
Спит кошка на печке.
Гнет спелое яблоко ветку.
А ты все бежишь и бежишь от какого-то лиха.
От пули
в грудь
и вдогонку,
неизбежной и меткой.
У тебя на груди
и на спине,
против сердца,
есть светлая точка.
В эту точку
впяваясь в убийстве отточенным взглядом,
день и ночь напролет
целится пуленаводчик,
притеревшись щекой
к деревянной подушке приклада.

* * *

Н.

То Олеги, то Игоря.
То хазары, то половцы.
Маршируют по улице
добрые молодцы.
Облетают дубы за окном у меня,
осыпаются тополи.
А они все мечами звенят,
сапожищами топают...
Хорошо,
твои руки тонки и тревожны, как птицы.
И как стрелки часов,
в твоих пальцах кружатся спицы.
Может, в глаза доглядим,
долюбим до белого снега,
прежде, чем угодим
под безжалостный меч печенег.
Может, средь вьюг и утрат,
вопреки всем приказам Истории,
Ты довяжешь свой плат,
бесконечный и теплый, как море?..

* * *

Какая музыка была!..
Как эту музыку глушили.
Сживали со свету. Душили.
Невинности и прав лишили.
И все же музыка была.
Сон разума рождает чудовищ, —
Но и сквозь сон звучал мотив..
И глухо плакал Шостакович,
Лицо в подушку опустив.

ВОСТРЯКОВСКОЕ ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИШЕ

Я Авраам,
Я Ицхак,
Иаков
И Давид.
Я глина
И огонь,
И стук Господень в двери.
Я урна с прахом тех,
Кто триста раз убит,
И триста раз сожжен,
И триста раз развеян.
Я Сарра,
Я Юдифь,
Я Эстер
И Рахиль.
Я руки гончара, слепляющего пыль
В округлость кувшина для погребенья праха.
На кладбище
Берез сквозная пестрота.
Все снега ждет.
Пространств прозрачных пустота.
Ленивый крик ворон.
И отчужденье страха.

* * *

Дзюнка

Сон, подскажи мне:
Долог ли путь впереди?..
Если проснусь...

Павло МАСЛАК

/ Київ /

БІЛА КВАСОЛЯ В БІЛОМУ СОУСІ

(Із циклу «Дивні оповідки опівночі»)

Я навіть не помітив, що день був напрочуд сонячним, а просто мружив очі. Хоча себе я теж не усвідомлював — автоматично, без будь-яких думок, просто йшов повз будинки справа, повз дорогу зліва, а ногами ступав у середину вуличної плитки, аби не на стики. Не пригадаю навіть, що спричинило появу відстороненості, яку я відчував до всього. Нічні атаки дронів, що не давали спокійно спати? Чи відімкнення світла, коли я серед ночі на електроплитці встигав приготувати «сніданок», а як вечоріло — у темряві напружено тримав стелю кімнати своїм поглядом, аби вона встояла під черговими ракетними ударами?..

Ніби замарений Голем, глиняний Колос чи просто загублена на вулиці лялька я стиха рухався серед облудної тиші. З-за повороту вискочив трамвай червоного кольору, як знак небезпеки, перемкнув рейки з таким гучним клацанням, що я рефлекторно втягнув карк у плечі, а очима пробігся пообіч у пошуках будь-якої западини. Та саме поруч зі мною була зупинка цього трамваю; не роздумуючи увійшов, сів і притулився головою до вікна. З одного боку, я навіть не міг пригадати, о котрій годині вийшов із дому та з якою ціллю, а з другого — відслідковував, як ми повернули на Нижній Вал і перетнули Костянтинівську. За Житнім ринком я очікував звичного підйому Глибочицькою, але трамвай поїхав пагорбами вниз, якимось невідомим мені узвозом. Я насторожився, підвів голову й уважно став оглядати довкілля за вікном.

Навколо вже не було будинків, лише невеличкі дерева в листі, серед ще яскравої, але вже трохи пожухлої травиці. На найближчій зупинці я швидко зійшов.

* * *

— Ну, нарешті! Скільки можна тебе чекати?! — Марічка поводила бровами так рухливо, неначе це крихітна пташечка змахувала чорними крильцями біля її очей.

Я обійняв і поцілував її, радісно вдивляючись у сяючі очі. Трамвай продзенькав та й поїхав собі; проте, як і раніше, внутрішня моя відчуженість дещо лякала. Якби в мене запитали, коли ми з Марічкою познайомилися, чи як довго з нею зустрічаємось, я б не зумів відповісти.

— Ну, ти вже всі свої справи повирішував?

— Та напевно... — і не знаючи, що ще сказати, спитав: — А як ти? Чим займалася?

Марічка охопила мій лікоть своїми загорілими руками, незадоволено мовила:

— О! А ти традиційно — в куртці... Як отой циган, що й улітку кожуха не скине...

Вона повела мене вузькою стежинкою з пагорба в долину. Коли в мої очі плеснула безкінечна блакить моря з білесеньким піском, ніби краєчком глибокої тарілки, я ладен був перетворитися на камінь. Щоб споконвічно споглядати це диво. Однак Марічка, підстрибуючи, тягла мене вперед (і це було краще, аніж бути каменем!), позирком ловила мій погляд і торохкотіла:

— На пляжі! Купалася! Пірнала! Якась риба мене за ногу вкусила, але легенько... — вона підбрала низ шортів і показала червону пляму на нозі. — А ще Антоніонас на водному скутері мене катав! Ти не ревнуєш?..

Я лише цмокнув ці щасливі очі. Антоніонас був сином Леоніда-са й Текли — хазяїв міні-готелю, тож розважати гостей входило до кола його обов'язків.

Понад пляжем яскравів знайомий невеличкий будиночок, увесь розмальований трафаретними графіті, наче тут вже колись побував Бенксі.

Марічка потерла мою потилицю рукою, притиснулася міцно:

— Я все ще на дієті, ти ж поїж, що вранці приготував... А я поки перевдягнуся — вечоріє...

Тин був із майже зрілого винограду. Я сів на лавку за великим дерев'яним столом під дерев'яним же наметом, скинув куртку, ухопив декілька ягід із грона позаду себе. Прийшла згадка: дійсно, зранку я відсторонив Теклу від розпеченої печі, радісно повідомивши, що хочу приготувати власну страву. І створив своє диво: тонку білу квасолою в білому ж соусі з пахучими травами, які зумисно взяв із собою сюди. Схоже, я почав потроху опановувати реальність.

* * *

Антоніонас, вже цілком дорослий хлопець, підійшов до мене з оголеним м'язистим торсом — чи то в плавках, чи в шортах, біс його розбере!

— Що попоїсти бажаєте? — він чемно склав губи в байдужу посмішку, ніби той Голем, що якось примарився мені уві сні.

— Виключно білу квасолю, що спозарання власноруч приготував! Можна трохи розігріти, але не до кипіння — білий соус цього терпіти не може.

Нащадок еллінів кивнув і почимчикував до літньої кухні, де гувались усі страви. Повернувся він із величезним чавунним чаном.

— Щодо білої квасолі не знаю, але ось є залишки чудового рагу з квасолею!

Із зусиллям Геракла він обернув до мене свою металеву посудину. На її дні я розгледів тушковану капусту, картоплю, дещо пересмажену моркву, окремі фігури великої, майже круглої, рудої квасолі. Хотів було поплескати в долоні, та стримався.

— Юначе... Навіть не знаю, з чим це порівняти. От, скажімо, ви підсмажили тонкі скибки сала — до хрусту, але щоб залишилися пухенькими... туди ж розбили яйце, присолили... щойно білок спікся — перевернули яйце, а сковорідку зняли з вогню та ще декілька хвилин потримали під кришкою... це щоб жовток залишився рідким, але був гарячим... Уявили?

Руки парубійка нібито підтверджували розуміння, тож я продовжив:

— От ви очікуєте саме на цю смакоту, а вам приносять варене круте яйце, шмат сала з холодильника й кажуть: та це те ж саме — яйце й сало, як ви і хотіли!

Антоніонас, схоже, не втямив іронії, оскільки розгублено запитав:

— Так вам що, яечню приготувати?..

Я лише «стрихнінно» всміхнувся:

— Не треба... Мені просто цікаво: хто з'їв мою білу квасолю? Майже детективна історія: з чотирьох кімнат готелю лише три зайняті, одна — мною з Марічкою... Ще в двох — японські туристи: Масао разом із Ніоко та Райден зі своєю Чізу. Ну, і ваша родина... Отже?

Закинувши голову до виноградної стіни, я заплющив очі. Знову повернулося відчуття відстороненості.

Антоніонас потелепав мене по плечу:

— Пане Назарію, так чого ви бажаєте? Можу вас на водному скутері покатати.

Я почав потроху придрімувати, тож відштовхнув його руку, але він все тряс і тряс мене...

* * *

— Шановний! Вже кінцева, Центральний вокзал! Ви ж кудись їхати збиралися? Дивіться, щоб на потяг не запізнилися!

— Так-так, дякую... — хутко піднявся й вийшов.

Міцно зціпивши пальці рук, я вдячно помахав цим подвійним кукалом водієві трамвая. Дещо розгублено озирався навкруги. Ескалатор у переході зі Старовокзальної не працював, тож я довго підіймався ним, а потім ще довше, як риба в каламутній воді, плив скляним ледве освітленим коридором. Дійсно, вже вечоріло, хоча вокзал і не саяв вогнями, як це бувало колись.

«Невже я примудрився заснути в трамваї?.. Раніше такого ніколи не траплялося... А Марічка має рацію — не так вже зараз і холодно, морозу нема... Це ж треба — у транспорті закуняв... І хто ж з'їв мою квасолу?..» — я ніяк не міг примоститися серед власних думок, що стрибали, ніби маленькі камінці в хвилях прибою.

Додому я поїхав на метро. Щоб раптом знову не заснути (я почав цього побоюватися), вигнав усі мислі геть і зосередив увагу не на собі, а на пасажирах. Публіка була звичайною: хтось відчужено видивлявся в чорній порожнечі вікон виключно йому зрозуміле, а більшість шукала те саме в своїх смартфонах.

...Світла в моєму будинку не було.

— Щойно вимкнули! — доповіла мені консьєржка.

Що ж, це цілком відповідало анонсованому графіку відімкнення. Крім того, я вже давно пристосувався до такого режиму: у термосі завжди гарячий чай, у холодильнику заздалегідь зварені круто яйця, різні консерви в маленьких баночках. Вирішив повечеряти, але не тому, що їсти хотілося, а виключно через розуміння неминучих потреб власного організму. При світлі потужного ліхтарика очистив яйце від шкарлупи, ба навіть не став його розігрівати у ванній кімнаті на завжди гарячій сушці для рушників — тільки час гаяти... Шматочки сала присмачив гірчицею. Запивав усе це чаєм із термоса. Втім їв якість машинально, буцімто уві сні. Все обмірковував сьогоднішню пригоду.

Коли ж я спромігся заснути? Адже я чітко відслідковував увесь рух трамвая... Схоже, що за Житнім ринком, коли на Глибочицьку ми так і не виїхали...

Зненацька мене озорила дещо чудернацька ідея. А якщо я заснув там неспроста — а, так би мовити, «просторово» потрапив у сон? Чому ні? Припустімо, саме там, у тій місцині, знаходиться «територія мого сновиддя», і коли я перетинаю певну межу, то автоматично потрапляю в сон... Ця теорія здалася мені вельми привабливою. Завтра треба буде спробувати поїхати тим самим трамвайним маршрутом і подивитися, що станеться. Якщо я знову «в'їду» в своє сновидіння, то вже там і продовжу цей експеримент: вивчу тамтешню територію з її межами.

Вже в ліжку, засинаючи, я вирішив нічого не розповідати про це Марічці, а просто сказати, що хочу дослідити навколишню місцевість.

Довго спати не довелося: о другій ночі я підскочив від повітряної тривоги, потім знову — вже о п'ятій ранку... Тому пролежав, аж поки сонце не почало гратися з довгими стрічками скочу, що навхрест були приклеєні до віконного скла.

...Вже пізнім ранком я все ж вирішив не їхати трамваєм, а піти пішки. По-перше, йти було недовго від мого дому, а по-друге, я гарантовано не заснув би «випадково», як ото сидячи і погойдуючись у такт колесам. За Житнім ринком подвоїв увагу й пильно стежив за трамвайною колією, поруч з якою рухався. І вийшов до учорашньої зупинки...

* * *

Швидко спустився з пагорба до готелю. На подвір'ї нікого не було — усі мабуть біля моря. У своїй кімнаті я вдягнув плавки і побіг на пляж. Однак він теж був порожнім, навіть Антоніонас кудись подівся, хоча зазвичай він волів більше часу проводити тут, аніж допомагати батькам. Лише на рівнісінькій поверхні моря підіймались і знову занурювались у воду загорілі руки Марічки та її світла голівка. Швидким кролем вона пливла до берега й певно нічого не помічала навкруги.

Я поплив їй назустріч, але повільно — тихим брасом. Коли Марічка вже зовсім наблизилася до мене, беззвучно пірнув та ухопив її за ногу. Вона перелякано верескнула, я ж, виринувши збоку, прокричав:

— Зараз страшна риба тебе покусасе!.. — і рвучко поплив до берега, хоча й знав, що вона плаває значно краще за мене, тож неодмінно дожене: розправа буде швидкою та неминучою.

— Який же ти дурень! От стовбур-бовдур!..

Вкрай рідко вона нагороджувала мене цим прізвиськом, а мало воно свою історію. Якось із друзями ми грали у «лід». Це коли всі ставали колом і починали стрибати та метушитися, поки ведучий не вигукував: «Лід!» Тоді всі мали завмерти, а ведучий характеризував ці застиглі фігури, доки хтось не вибухав реготом — «танув», тобто програвав. Сталося так, що в момент «льоду» я підстрибнув із задертою головою та руками по швах — так і заляк. Марічка, яка тоді була ведучою, подивившись на мою постать, означила: «Стовбур-бовдур...» Після цих її слів «розтанули» усі гравці..

Наразі вона декілька разів мене притопила, а заспокоїлася лише коли ми вибігли на берег і впали на тепле покривало, розігріте піском та сонцем. Марічка гладила мою долоню:

— А я зранку тебе будити не стала, ти погано сьогодні спав — двічі серед ночі вскакував, розмахував руками...

— Та мабуть щось наснилося... — Я поспішно змінив тему: — Куди це всі поділися? Навіть Антоніонаса не видно...

Марічка неквапливо розповіла, що Леонідас із сином десь рибалять, а наші сусіди-японці сьогодні вже від'їжджають, тож зранку подалися до селища по якісь сувеніри. А перед тим Масао мене розшукував, хотів щось повідомити, мабуть ще знайде пізніше — про це вона говорила з таким виглядом, ніби знала набагато більше, але притаювала. Потім несподівано запитала:

— Ти що, відмовився від свого дослідження?..

— Тобто?

Я навіть підвівся й сів. Марічка теж піднялася:

— Учора ти ж казав, що вранці хочеш обстежити місцевість, — вона уважно й серйозно дивилася мені в очі, — повіршувати якісь свої «внутрішні справи».

Відчуття сторонності до всього знову почало накочуватися на мене. Відвів очі — не знав, що й сказати.

— Та ні... Просто прогулятися хотів... Ми ж навіть у селище ані разу не ходили!

Скоса я бачив, що Марічка не зводить із мене пильного погляду.

— Навіть дивно — я теж хотіла «дослідити місцевість», але той пружок берега, — вона вказала на протилежний від далекого «селищного» пляжу бік. — Тож давай до сніданку й проведемо свої досліді...

Сумно посміхнулася.

— Гаразд! — я швидко погодився, аби раптом не передумати. — А потім за сніданком кожен розкаже, що там надібав!

Марічка лише легенько похитувала головою. Я не знав, до чого може призвести цей мій експеримент, куди я вийду та чи зможу згодом взагалі повернутися сюди... Тому скоромовкою додав:

— Якщо зайду далеко, то назад повернусь трамваем... Так що в будь-якому разі ти мене дочекайся!

Ми обійнялися, так і не підводячи очей, а відтак розійшлися в різні сторони.

* * *

Я почув у коридорі грюкання дверима, голоси та шурхотіння валіз. Схоже, наші японські сусіди не лише повернулись із селища, а вже встигли зібрати свої речі для від'їзду. Тож я похапцем вдягнувся, за звичкою навіть куртку натягнув, і вийшов у двір попрощатися.

Дійсно, їхня невеличка компанія стояла з валізами. Масао — доброзичливий чолов'яга з кругленьким, як повний Місяць, обличчям — про щось розмовляв із Теклою. Зведені разом долоні він свічечкою тримав біля грудей, а як говорив, то постійно нахилив голову в шанобливих поклонах.

— Всім привіт! — вигукнув я. — Дуже радий, що ми провели цей час разом! Буду сумувати за вами, а згадувати лише з радістю!

Усі приязно зауспіхалися й замахали мені руками. Усі, крім Масао. Він підбіг до мене все з тією ж «свічечкою», начебто збирався передати Благодатний вогонь, і почав нахилити свою голову ще нижче, а залопотів із таким поспіхом, що я ледве спромігся второпати, про що йде мова:

— О мій високошановний Назарій-сама! Я вже боявся, що не зможу уклонити свою стидку голову перед вами! Бо тоді всі наступні роки намагався б спокутати свою провину! Текла-сан, — легкий уклін у бік хазяйки, — розповіла мені про це жахливе непорозуміння... Ні! Про мою фатальну помилку!

Поки він переводив дух, я запитливо поблимав повіками Теклі. Вона хутенько все пояснила:

— Вчора він зайшов до кухні, побачив страву з білої квасолі, вирішив, що від неї всі відмовились, тож і з'їв її. Сказав мені, що дуже смачно, а я сказала, що це ви для себе приготували, от він і місця собі не знаходить.

А той вже віддихався й заспівав по-новому:

— Звісно, щоб отримати ваше пробачення, великодушний Назарій-сама, я мав би віддати найдорожче — своє життя...

— Стоп-стоп, — зупинив я його, піднявши і розкривши свої долоні, — давайте без крайнощів! Ніяких образ я не маю! Все, забули!

— ...Тому я хочу подарувати вам ось це... — свічечка нарешті згасла, позаяк Масао поліз до гаманця й вручив мені круглу мідну монету з квадратною діркою посередині. — Ця виняткова монета «Маннен-цухо» була відлита в четвертому році Темпьо-Ходзі...

Він знову схилив голову, схоже, навіть очі заплющив, немов очікував на вирок. Ніюко підійшла до мене й тихенько переказала все по-людському:

— Дійсно, це дуже рідкісна монета сімсот шістдесятого року за вашим календарем... І навіть не думайте відмовитися! — додала вона лякливим шепотом.

Я розумів, що відхиливши це підношення, тим самим покажу своє небажання пробачити йому, а там, із цими японцями, дивись, і до сеппуку недалеко...

— Широ дякую вам, Масао-сама, за цей безцінний подарунок! — я теж схилив голову. — А цей квадрат із порожнечою посередині мені бачиться навіть більшим за саму монету.

— О, я чую слова сенсея!

Нарешті ми розпрощалися.

Я чортихався, бо втратив чимало дорогоцінного часу, тож побіг доріжкою, що петляла пагорбом вгору. Мене зацікавив купол, який виглядав красочком з-поза дерев — він нагадував мечеть, а це було дивно. Звідкіля в цьому селищі взятися мечеті? І закликів мулли я ніколи тут не чув...

Доріжка потроху розширилася в ґрунтову дорогу. На черговому повороті я спіткнувся, ледве не впав і щосили вривався в кут кам'яного паркана. Навіть монета «Маннен-цухо» вилетіла з кишені, та я примудрився якимось чином зловити її на льоту. У бруківці під ногами не було одного каменю, от і перечепився. А за поворотом я дійсно побачив мечеть...

* * *

Це була соборна мечеть Ар-Рахма. Отже занесло мене аж на Татарку...

Тут усе було мені знайомим: на вулиці Лук'янівській, якою я щойно піднявся, з обох боків настовбурчувалися старі в'язи, за мечеттю сиро сірів мур мусульманського кладовища, а довкола — майже як завжди — анікогісінько. Так, я вийшов із «території сновиддя», але коли саме — визначити складно. Адже поки я купався в сновидінні, моє тіло сомнамбулою, Големом без жодних думок, просто підіймалося Лук'янівською. І прокинулося воно лише тому, що спіткнулося й налетіло на паркан. «Цікаво, — подумав я, — а що б сталося, якби моє тіло спробували пробудити на території сну?» Та ця думка настільки вжахнула мене, що я миттєво відігнав її.

Але ще більше мене злякало інше: раптом я не зможу звідсіля повернутися до Марічки? Адже вийшов я з боку «території», протилежного до того, де зайшов... Може вона взагалі вже зникла, ця «територія»?..

І що тепер робити? Немовбито стовбур-бовдур я безпорадно стояв неподалік мечеті, кліпав очима, плямкав губами, потирив забите плече.

— Молодий чоловіче! — почув я зненацька стомлений голос за спиною. — Допоможіть бабусі сумку донести! Тут недалечко — онде на Олегівській цей дім!

Звісно, я підхопив сумку та рушив, а бабуся розповідала:

— В онучки день народження, подаруночки з села тягну! Зазвичай зятьок мене зустрічає, але зараз він у теробороні, тож старій самій кульгати доводиться!

Олегівська відгалужувалася від Лук'янівської кроків за двадцять попереду нас.

— Зятьок мій, хоча й не служив ніколи, а спортсмен: на лижах катався та з рушніці пуляв. Тому й узяли його знайпером!

Я сповільнив ходу: а раптом за крок буде вже територія сновидіння? І моє бездумне тіло-зомбі буде й надалі рухатися з цією сумкою, а бабуся почне галасувати, і невідомо, чим усе це скінчиться... Тож про всяк випадок я притримував сумку лише кінчиками пальців, а рухався крихітними кроками. Утім обійшлося.

Передав із бабусею привітання її онучці, повернувся на Лук'янівську, почав спускатися — і саме тоді усвідомив, наскільки реальне життя є важливішим за будь-який сон! Завтра вже понеділок, а я за всі ці вихідні навіть і не почав складати програму, яку мав написати до середи! Усе через цю «територію сну»...

А якщо в моїй програмі зробити щось схоже — умовну закриту «територію», увійти в яку можна буде лише через «блукаючий інтуїтивний оператор»? Це ж зробить її неприступною для будь-якого

зламу! У голові навіть застрибали коди і схеми такого незвичного рішення. Я й сам пристрибував, навіть трохи примружив очі, аби чіткіше уявити щойно придуману структуру.

...Аж поки не почув ячання морських мартинів і далекий плескіт хвиль.

* * *

Марічка сиділа на лавці, підібгавши ніжки під себе, немов маленьке пташеня, і пальчиками дзьобала виноградини. Я всівся поруч і сам ухопив декілька ягід. Ніяк не наважувався відкрити їй ту болочу правду, що вона — лише мій сон... Тож, ніби раптово згадавши, вигукнув:

— А уявляєш, це Масао білу квасолю з'їв! І ось компенсував мою втрату цінною монетою! — я сягнув до кишені, але вона була порожньою. — Дивно... Мабуть устиг десь загубити...

Марічка лише схилилася набік, мов усе це було їй і так відомо. Знічев'я вона вхопила мою голову й притиснула до свого плеча. Заговорила тремтячим, але не тамованим голосом:

— Я маю розповісти тобі дещо... Ти тільки не лякайся, а спробуй усе ж сприйняти... — вона знов і знов гладила моє волосся, не наче цим хотіла згладити сказане потому: — Насправді ти не існуєш... Ми зараз у моєму сновидінні, а ти — лише моє марення, моя мрія!.. І я так тебе люблю!..

Майже підскочивши, я вивільнився з її обіймів і, незважаючи на щемливий сум, почав чи то не пирхати:

— Люба! Це ти у моєму сні! Я все не намілювався сказати про це... Ти просто переносиш на себе мої думки... Адже ти — моя уява...

Брови Марічки стрибнули догори, вона підняла свою розкрити долону, ніби мовлячи: «Одну хвилиночку!»

А далі розпочався театр абсурду. Ми переконували одне одного — кожен у «справжності» самого себе, наводили докази, навіть заперечалися, хто першим вигадав означення «територія сновидіння»... Сильним аргументом Марічки було те, що вперше (за її словами) вона потрапила на цю територію випадково, коли вчора в справах йшла з Подолу на Воздвиженку. Я ж не міг пояснити, чому опинився в трамваї й куди збирався їхати... На якусь мить навіть повірив було, що — дійсно, я просто примара... «Але хто ж тоді мою програму допише?» — промайнула думка. А ще ми зчепилися стосовно того, хто більше пам'ятає про наше спільне життя в цьому сні... Хоча тут ми, схоже, були на одному рівні.

Будь-яка вистава закінчується завісою, і такою «завісою» стала Текла. Вона якраз простувала з будинку до літньої кухні, коли Марічка покликала:

— Пані Текло, а можна вас затримати на одну хвилиночку?

Та з готовністю підійшла, сіла на лавку напроти, дивилася на нас зі щирою радістю й задоволенням, милувалася нами. Зі змовницьким виглядом Марічка майже пошепки проказала:

— А ви можете уявити, що зараз усі ми перебуваємо в сновидінні? Що все навколо — це просто сон?

Розсудлива хазяйка готелю зробила «великі очі»:

— Тобто, ми усі зараз спимо?! — і навіть пирснула.

— Ні, не всі! — я рішуче втрутився в розмову. — Спить хтось один із нас, а решта — його уява, так би мовити, «дійові особи» його сновидіння. То як ви думаєте, хто з нас той, кому це може снитися?

Мимоволі й ненавмисно я казав про все в чоловічому роді. А Текла знову подивилася на нас із задоволенням:

— Які ж ви чарівливі! Якщо все це сниться, то лише мені, але я вже прокидаюсь, бо хочу сніданок для вас приготувати!

Вона піднялась і пішла до кухні, а ми з Марічкою тихесенько розсміялися. Втім треба було завершити і нашу особисту розмову. Я притягнув Марічку до себе, тепер вже сам гладив її голівку, розуміючи, що це востаннє.

— Нема сенсу з'ясовувати, хто кому сниться... Найважливіше в іншому: якщо це мій сон, то я вирішив вийти з нього... і ніколи не повертатися...

— Так, — сумно погодилася Марічка. — Я ніби курець опіуму, який живе лише в своєму прекрасному, але хибному сновидінні, а справжнє життя минає стороною...

Одночасно ми піднялися, вийшли з двору й рушили пагорбом угору — в бік трамвайної зупинки. Марічка щохвилини дивилася на мене, а я, сам не знаю з якого дива, нібито підбадьорити хотів, бовкнув:

— Як сказав горянин Маклауд: залишиться тільки один!

Я навіть підморгнув і всміхнувся. Проте сам зрозумів, як невдало це вийшло, адже посмішка має бути в очах, а не у вигині губ.

...У морі стрімко рухався якийсь човник — мабуть Леонідас із Антоніонасом поверталися з рибної ловлі. Та за мить, за черговим зворотом стежки, він зник, як і саме море.

Вже біля зупинки я невпевнено прохрипів:

— Може попрощаємося?..

Марічка зупинилася і лише стрімко похитала головою так, що її світле волосся стало схожим на ореол:

— Ні... Це ще гірше... — вона просто довго дивилася на мене. — Я боюся тебе забути...

Я й сам із жахом подумав про те, що цей сон із часом зітреться з пам'яті, подібно всім іншим сновидінням, і я вже ніколи не пригадаю Марічку. А вона пішла вперед, майже по самих трамвайних рейках, похиливши голову та не озираючись.

Трамваї завжди з'являються зненацька. От і зараз один з них виник із нічого, почав галасливо дзвонити, гальмувати, навіть іскри з-під коліс посипалися. Я майже стрибнув, ухопив Марічку обома руками і разом із нею притиснувся до металевої сітки автомобільної стоянки.

* * *

Водій трамвая помахав нам кулаком, «одинарним» до речі, і подався своїм шляхом. Марічка випручалася з моїх ведмежих обіймів, погляд її був водночас переляканим і здивованим, немовби вона ще не усвідомила, що трапилося. Несподівано вона почала цілувати мене; майже пританцювуючи, обертала довкола себе, а потім шепнула мені у вухо:

— Ти бачиш?!

Майже навпроти нас, на другому боці вулиці, височів Житній ринок.

Декілька хвилин ми, наче сліпі, що раптом прозріли, торкалися пальцями облич одне одного, мовби не довіряли власним очам і перевіряли все на дотик. Марічка всміхнулася й повчально промовила:

— Я ж казала, що я — справжня! — І дуже легко пояснила: — Просто ця територія сновидіння була не моя чи твоя, а наша спільна!

Перейшли вулицю. Біля Житнього ринку я купив у якоїсь тітоньки букетик перших пролісків і вручив урочисто його Марічці:

— З нашим першим побаченням!

Вона лише розсміялася:

— Дякую! — узяла квіти і з задоволенням їх понюхала. — Зате коли у нас запитуватимуть, де ми познайомилися, відповідь буде проста: «Уві сні!»

Одного я все ще не міг второпати: як так сталося, що ми зустрілися саме тут? Адже я сновидою спускався з Лук'янівської... Але Марічка й це пояснила спроста: вона, виявляється, досліджуючи берег моря, прокинулася на Глибочицькій:

— За «Флагманом», знаєш, є там такий рибний магазин? А розбудив мене великий собака — стрибнув лапами на мене, бо зі своєю хазяйкою переплутав, от ще пляма на куртці залишилася... Потім я пішла назад — ну, далі ти знаєш... Я взагалі думаю, що територія сновидіння може вже й зникла, адже ми з тобою одночасно вийшли з неї...

Я зупинився:

— Можемо повернутися й перевірити!

Марічка вдарила мене по руці своїм кулачком і вимогла з мене обіцянку, що я ніколи й близько до тих місць підходити не буду.

Ми прямували далі вже Верхнім Валом, як діти трималися за руки, постійно позирали одне на одного й усміхалися очима. Йшли собі й ішли, поки Марічка не запитала:

— А куди, власне, ми зараз ідемо?

— Звісно ж — додому!

— «Додому» до кого?

І справді, ми й уяви не мали одне про одного в реальному житті, ще не набули «спільної пам'яті» тут. З'ясувалося, що Марічка живе аж на Оленівській, біля «Розетки», тож вирішили йти до мене. Це майже поруч, та й електрику, судячи з графіку, у мене зараз мали увімкнути. Але ж... Я раптом зупинився:

— До мене?... Розумієш, як би це пояснити... Не найкраща ідея, мені здається...

Марічка ніби відштовхнулася від мене. Сяння її очей раптово згасло, як-от коли вимикають світло.

— Розумію... Ти забув сказати, що на тебе там чекають...

Я замахав руками, мовляв, це не те, про що ти подумала!

— З цими вимкненнями, — мені було якось ніяково, — я вже більше місяця пилю до рук не брав... Не прибрано в мене! Руїна!..

Марічка майже захлинулася щасливим сміхом, а яскраві вогники наново наповнили її очі:

— Найшов, чим злякати! А то я не знаю, який ти нечупара! — вхопивши мене за шию, вона цьомкала й цьомкала в щоки. — От і буде тобі нагода прибрати в квартирі, поки я приготую нам обід! І не переймайся — на кухні твоєї я теж впораюся!

Я лише низав плечима, засунув руку в кишеню — і раптом намацав кругленьку монету. На мить я злякався: адже ця монета зі сновидіння! Це що ж — територія сну розширилася, і сон триває?! Почав згадувати все, пов'язане з цією монетою. Ніби склалося так: на Татарці моє реальне тіло й тіло сновидіння одночасно спіткнулися. Монету почав ловити той я, уві сні, а перехопив я теперішній, реальний. Тому й не було її в кишені — там, за дерев'яним столом біля виноградної стіни, уві сні... Звісно, усе це було дещо дивним.

Та я примружив праве око, а до лівого приклав монету й зазирнув у квадратну прорізь. І побачив оте справжнє диво, яке рухалося поруч зі мною. Страшним голосом я запитав:

— І що ж ти нам приготуєш?!

Марічка лише глянула на моє самотнє око, на монету, розсміялась і повідомила:

— Не одному ж Масао їсти смачненьке! На обід у нас буде біла квасоля в білому соусі!

Анна ГЕРМАНОВА

/ *Оффенбах-на-Майне* /

ПОСЛЕДНЯЯ НА ПОТЬМУ

А кто сказал «последняя»?
 На Потьму ли, во тьму —
 закрыты эти сведения,
 а значит, никому
 справляться не положено,
 и думать не моги,
 хватай тюки рогожные,
 за тамбуром беги.
 С червонца сдача трёшками,
 на Потьму без пяти,
 и вам всего хорошего,
 счастливого пути.
 А вы машите, милые,
 сквозь рыжее стекло,
 вас центробежной силою
 уже поволокло
 по стороне наветренной
 на энской широте
 долой из геометрии
 расчисленных путей
 под волнами, под войнами
 по лагерному дну
 успейте бесконвойными
 к вагонному окну.

Октябрь 2020

ИГРА СО СПИЧКАМИ

Спички есть, немного, но ни одну
 не зажечь, не высветить глубину

тмы неизречённой, подобной той,
в первый день творения над водой.
Тишина входящему, немота
поднялась до глаз, залила до рта,
к темени всё ближе за пядью пядь,
непонятно даже, зачем дышать,
если здесь так тихо и так темно,
что не видно воздуха всё равно.
Мне пора на дно, не теряя сил,
если жернова не перекошил
(где один — небесный, другой — земной)
мой уход и то, что ушло со мной.
Так за камнем камень, за пястью пясть
зев Левиафанов, слепую пасть
миновать на ощупь и ото дна
оттолкнуться вверх, где мерцать должна
в сводах, мне неведомых, в толще вод
память не на вдох, а скорей на вход
в тесное пространство моей тоски,
каменные губы, а в них пески,
на которых яростный мреет свет,
в нём ни упования, ни скорби нет,
в нём завет от Бога, благая весть —
мало или много, но спички есть.

Май 2021

ТКАЧЕСТВО

Все дела и счёты побоку,
не лететь уже нельзя,
о распахнутое облако
самолёты тормозят,
воздух рвётся и качается,
выгибается дугой,
под невидимыми пальцами
небосвод сквозит другой.
По краям трещит материя
у пилотов на виду.
Не теснись ты так потерянно,
возликуй, мой скорбный дух!
Все покровы расплетаются
на основу и уток,
ткань не явлена, и таинства
не сподобился никто.

Время мелом не размечено,
не маячат мне пока
перемётов поперечины
в самолётных поплавках.
Пляшут тени веретёнами,
за звеном гудит звено,
вьются нити обрётённые
и утерянные вновь,
камышы заросшей старицы,
суть виссона и холста.
Где-то небо содрогается
как огромный ткацкий стан.
Облаков кудели есть ещё,
растрепались на ветру,
вдоволь пряжи мне на вретнице,
на монашество в миру.

Июнь 2021

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

«Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно...»

Грибоедов

Кто подстелил соломку,
тот упадёт хитро —
провалится с котомкой
в вокзальное нутро,
в разброд длиннот и пауз
меж рельсовых ужей,
где поперёк — пакгауз
на дальнем рубеже.
За тридевять перронов
загонят неспроста
столыпинских вагонов
особенную статью.
Подтягивай покрепче
колени к голове —
кидается на плечи
наш просвещённый век.
Сидельцы, чудь и мера,
на общий свой аршин

отмерят всем по вере
и на помин души.
Ты воскресенья чуду
поверь и не перечь,
таи себе под спудом
едва живую речь.
За кубометры леса
уносит нас лиса
в бездымную завесу
к безвестным полюсам.
Гремит по стогнам праздник,
в дугу составы гнёт,
там всё разнообразней,
светло и так синё!
Там в котловине мрака
незримые пока,
бессрочного барака
бессчётные зэка.

Июнь 2021

ТАМБОВЩИНА

Оглобли, вздетые молитвенно,
в рассвет врастают. Погляди,
как все колдобины и рытвины,
и вся дорога впереди
не красным и не белым — пламенем
небесно-алым залита,
цвет пенок на варенье мамином
и scarлатины маета,
цвет стёкол в облачных подпалинах,
пасхальных шалей и рубях,
цвет целования прощального,
кровоавой пены на губах.
Меж сосен — солнца поперечины,
рассвета доменная печь.
в таком лесу, насквозь просвеченном,
вольней дышать и легче лечь.
Разматывай портянки бязевые,
ликуй, что лес, а не баржа,
что к двум берёзам не привязывают,
что пули на тебя не жаль.

Июль 2021

ЗВОНОК ДРУГУ

«В нём шинкуют, и квасят, и перчат...»

Пастернак

Шинкуют, и квасят, и перчат,
гвоздики кладут в маринад,
а ты как подхваченный смерчем
из дома ввергаешься в ад,
где крутится жёрнов пудовый,
висит на стене телефон,
вот-вот — и какого-то слова
сурово потребует он.

Прямая погибель — перечить,
но так устаёшь не дышать!
От самоубийственной речи
на миг возликует душа,
выиграет дикарская радость,
и счастье сорваться с резьбы,
и гордость не кланяться ядрам,
не прятать лица от судьбы.

В такую воронку завертит
одним телефонным звонком,
что впору о жизни и смерти
молоть не своим языком
и врать, что ещё не придумал,
из двух выбирая одно:
метаться за мельничным шумом,
молчать за барачной стеной.

Всё кажется — только осмелюсь,
и ту, что глядела сестрой,
узнаешь в этапе на рельсах,
в полшаге от речки второй.

Но, часть избирая благую,
себя проклинаешь стократ,
по-прежнему в доме шинкуют
и что-то кладут в маринад.

Под утро бормочешь в подушку,
казнишься, мол, жив, повезло,
пока тебя медленно душит
звнящее в воздухе зло.

Сентябрь 2021

ОСОБЕННОСТИ ПОЧЕРКА

Особые приметы почерка —
петля на «д», петля на «у».
На полотно и на обочину,
на рыжий гравий и траву
слетают писем треугольники,
мелькают, тают на глазах,
им легче сквозь ушко игольное
пройти, чем в Тулу и Рязань.
Когда завьётся путь верёвочкой,
чего на свете не отдашь
за клоч бумаги упаковочной
и еле видный карандаш.
Плывут особенности почерка,
петля на «у», петля на «д»,
одно письмо дойдёт, а прочие
дождём размочит в лебеде.
И перед тем, как кануть камушком,
исчезнуть в девяти кругах,
сквозь время замаячит тамошним
скользящим почерком рука.
Игла потянет нить суровую,
ещё помедлит на краю,
пока системы поисковые
хотя бы строчку выдают.
Летят особенности почерка,
на «д» — петля, на «у» — петля,
и стынет по лесным урочищам
полян просевшая земля.

Сентябрь 2021

ШТРИХПУНКТИР

Точка-точка-тире, тамбур-тамбур-вагон,
барабанным пунктиром гремит перегон,
вот бельмо семафора, вот мачты рога,
полустанками крутит и вертит пурга.
В полосу отчуждения вбиты столбы,
обстоятельства времени, места, судьбы
по каким-то своим штрихпунктирным осям,
вот и вся изометрия, или не вся?
Невозможно уснуть и уйти в глубину,
ты глотаешь огни, словно окунь — блесну,

и гадаешь вслепую, где нос, где корма,
за бортом только снегом кипящая тьма,
а в окно проводник мимоходом налил
полстакана чернил, полстакана белил.
За плацкарту без мест рассчитайся сполна,
этот общий вагон — деревянный пенал,
в нём под крышкой катаются карандаши
и грохочет в ушах: «напишу!» «напиши!»,
по штaketнику шпал простучит «не забудь!» —
это пепел прощаний колотится в грудь,
это порох пути где-то в горле першит,
это вьюга летит и метёт во всю ширь,
прошивает тебя штрихпунктирная ось,
обнажая симметрию пятен, полос,
всех отметин родимых, примет родовых,
но не сходство — родство ударяет под дых,
перепутаны знаки, размыты следы,
не напиться железнодорожной воды.
Этот поезд в огне не сгорает, гудит,
белый колокол света несёт впереди,
где-то справа гремит за вокзалом вокзал,
где-то слева щемит, будто ты опоздал
или выпрыгнул сдуру не там и не к тем
и не можешь уйти, всё стоишь в темноте,
словно ловишь летящий над рельсами шум:
«не забудь!» — «напиши!» — «напиши!» — «напишу!»

Октябрь 2021

ПРИВИВКА НА КОРЕНЬ

Немного погоди, сынок,
немного погоди,
привитый к сердцу черенок
выходит из груди,
вот замер, отмер и пошёл
отщёлкивать отсчёт —
вершок, вершок да корешок —
надолго ли ещё?
Пока не кончится завод
и не осядет пыль,
ты не услышишь, как зовёт
и тянет лечь ковыль.
Когда уткнёшься головой
в сплетение корней,

к подвою припадёт привой
и схватится верней.
Замрёт и отомрёт стрелок,
сверкнёт огонь в стволе,
пробитым днищем котелок
приладится к земле,
её всей мерой зачерпнёт,
уляжется плотней,
к чему тут спех, к чему тут счёт —
на ней или под ней!
Когда, ветвясь, уйдёшь во тьму
системы корневой —
к чему сжигать, и лгать кому,
и награждать кого,
и кто там перед кем в долгу —
нет ни имён, ни лиц.
Архив сожгут, родным солгут
и наградят убийц.

Ноябрь 2021

СВИДЕТЕЛЬ

Персты не вложишь — не поверишь
своим глазам, чужим речам,
следам от римского бича,
открытой ране в подреберье.
Дела и помыслы чисты,
и нет уверенности чище,
когда на свежем пепелище
глядишь, куда вложить персты.
Кругом исписаны листы,
на них — военные потери,
но ты не веришь, нет, не веришь
и ждёшь последней правоты.
Вложи персты себе в гортань
и жди не правоты, а рвоты.
Смотри на трупы тех, кого ты
в листах потерь недосчитал.
Вложи персты в персты в гробу
и жди, в свою же смерть не веря,
когда печать и числа Зверя
проступят у тебя на лбу.

Апрель 2022

БЛАГОВЕСТ

Прощёное проще простого
и пуще пустых номеров
распалось на тело Христово
и слов невесомую кровь.
В огне мы не мерили брода,
и встали Великим постом
на грядках по всем огородам
сосновые вешки крестов.
Гряди к нам, Страстная седмица,
у церкви святы куличи,
где чёрный пакет плащаницы
из братской могилы торчит.
В Четверг мы — «примите, ядите»,
а в Пятницу — плат на столе.
Кресту предаётся Зиждитель,
а мы предаёмся земле.
К пасхальной взойдём литургии,
взлетим высоко, не вернёшь,
наш благовест — в земли другие,
мы — смертью поправшие ложь.

Апрель 2022

ПОМИНАНИЕ

Я научилась вам, беззвучные слова:
Ирпень, Гостомель, Бородеянка, Буча.
Немеет мой язык и слух измучен,
а тело брошено в канаве истлевать.
Я дальше не пойду, останусь здесь навек
добычей псов, горелым мясом в танке.
Ирпень, Гостомель, Буча, Бородеянка,
ни в вашем воздухе, ни в водах ваших рек,
ни в чёрной пахоте, ни в мареве морей
отрава наших тел не растворима.
Пять сотен лет прельщаться Третьим Римом,
сто лет всем миром воздвигать Четвёртый рейх,
твердить о всадниках последнего суда,
не знать ни эллина, ни печенег
и кончить тем, что сквозь коросту снега
не видеть свежих ям в разбитых городах,
не видеть тысяч трупов обгорелых,
зарытых наспех между двух обстрелов,
и смрада трупного не слышать никогда.

Мне не уйти от этого огня.
Христа помянешь — помяни Иуду.
Ирпень и Буча, вы теперь повсюду.
Помянут вас — помянут и меня.

Май 2022

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Свет мой, зеркальце моё,
станем ли смотреть,
как над городом поёт,
разрастаясь, смерть,
как в копейку, в белый свет
бьёт по площадям,
как дома, которых нет,
нам в глаза глядят.
Телефон, экран, вода,
зеркальце моё,
через край плывёт беда,
не сдержат её,
наполняет кровью рот,
не дойдя до губ,
чьи-то жизни раздаёт
по ночам ютуб.
Свет ночной, айфон седьмой,
станем ли смотреть:
с понтом в кремль к себе домой
заезжает смерть,
по багровому ковру
зло вползает в зал,
выливается к утру
в оружейный залп.
Свет мой зеркальце, скажи,
долго ль до утра?
Скольким детям завтра жить,
скольким умирать?

Июнь 2022

ПУЗЫРИ

Держать нельзя бежать
Отбить нельзя бомбить

Налепят запятых
Хоть выноси святых
Попрёт за ратью рать
Мостить собою гать
В боку с дырой герой
Себе могилу рой
Кадиллом и болтом
Кувалдой и крестом
Костей в опоры свай
Ещё подсыпь давай
Забрать забрить забить
Забросить и забыть
Внизу на топком дне
Вы все нужны стране
Щебёнкой и песком
Печёнкой и виском
Трамбуются сыны
В трясины невойны
Она пятьсот шестьсот
В один заглот всосёт
И только пузыри
Полезут изнутри
Полопайтесь скорей
Под шелест матерей
Под хлюпанье в пруду
Вот призовут пойду
Всей правды мы не зна
Не всё так однозна

Январь 2023

Давид М.

/ Париж /

ОПЫТ ДУШЕВНОЙ ВИБРАЦИИ

— У тебя нет сердца! Ты... ты бездушный, — отчаянно прошептала она, ринувшись к выходу.

— Постой, в чём дело?

— Сам знаешь.

Честно говоря, я не знал и решил, что в данном случае, штука — лейкопластырь дурацкой ссоры. Остроумная и забавная фраза могла бы рассмешить даже слона, но... напрасно старался. Она исчезла, банально хлопнув дверью, разрушив все слова и смыслы. Наверное, научилась у современных политиков — заменять диалог санкциями. Мне кажется, миру так не хватает спокойного, доверительного разговора без всяческих угроз и запугиваний, военных парадов с танками, недавно окрещёнными «Fleur d'Amour» («Цветы любви»). Не дотянули военные эстеты до Бодлера, постеснялись назвать свои стрелялки «Цветами зла».

Некстати о танках. Мне нравится танка — пятистрочная форма японского стиха, не имеющего рифмы. Вернее танка — это короткая лирическая народная песня о том, как Небу нужна вся краса Земли, а мне — справедливость. Беда только в моей независимости, т.е. на Земле пока ещё ничего не зависит от меня. Впрочем, могу сочинить танку:

Ветер, дыша прибором,
влетает в окно машины,
бездушный и бессердечный
в Данию еду,
чтобы познать тебя.

Чепуха получилась. Прежде всего надо познать себя. В древности мудрецы говорили, что жизнь человека начинается тогда, когда он задаёт себе вопросы: «Кто я? В чём смысл моей жизни? Зачем я живу?» До этого он живёт, как рафинированное животное,

или как нерафинированное. Не так важно, что мы не находим ответов на эти вопросы, трагедия в том, что мы их даже не задаём. Мы тщательно продумываем каждую мелочь для создания уюта своего жилья, но, к сожалению, к своей жизни относимся куда безответственной. Практически никто не знает, зачем он живёт, и вопросы на эту тему застают людей врасплох. Я давно уже понял, что если я сам не напишу сценарий собственной жизни, мне напишут его другие. Впрочем, хватит философствовать и снова погружаться в бездарность ссоры. Просто надо вычеркнуть её из памяти и забыть. Легко сказать, но тяжело нести своё одиночество. Может, поэтому странное затеял я путешествие, и за сегодняшний день проехав на автомобиле более тысячи километров, убедился, что цель облегчает страдание. По закону притяжения — то, о чём мы думаем, то мы и притягиваем. В данный момент хочется скорее въехать в Копенгаген и отоспаться.

Прямая светлая дорога вела меня в страну, жители которой считают себя самыми счастливыми в мире. Надо раздобыть датский рецепт блаженства и, подарив Парижу, развеять тайную тоску одиноких, веселящихся людей.

На экране навигатора неожиданно появилась синяя гладь воды, «проглотившая» автомагистраль. Море! Я уже чувствовал его солёное дыхание, а обманное солнце щедро улыбалось мне, совсем забыв про наступивший вечер, отработывая, таким образом, свою зимнюю спячку. Чернокрылый «Mercedes» нагло обогнал мой патриотический «Renault». Сдерживая скорость нетерпения, резко затормозил, увидев у обочины дороги крепкого скандинава.

— Иварь, — представился он, втискиваясь на переднее сиденье машины.

К счастью, он оказался не любителем поверхностных путевых разговоров и на мои вопросы отвечал коротко и неясно.

— Я из ослов, — произнёс Иварь без улыбки и умолк.

В моей двадцатипятилетней жизни уже были встречи с упрямыми осли и тупыми баранами, но чтобы вот так...

На самом деле мой попутчик оказался художником из Осло, и чтобы смягчить неловкое молчание, я забрасывал его незатейливыми вопросами.

— А почему вы живёте в Дании?

— В Норвегии уже есть художник — Эдвард Мунк. Его «Крика» для пятимиллионной страны достаточно.

Мы въехали на мост — необыкновенный мост через море. Впервые видя такое чудо, я распахнул окна автомобиля, впустив внутрь синь и лазурь.

— Красивый запах, — заметил художник.

«Странно, — подумал я, даже аромат он не чувствует, а видит, интересно в каком цвете? А истину? Может, он способен узреть и её? Ведь мы все в поисках потерянной где-то и кем-то истины, ко-

тору ю никто отыскать и нарисовать не может. А по большому счёту — жизнь, по сути, очень простая штука, и человеку нужно приложить немало усилий, чтобы её испортить».

Мы молчали, погружаясь в прозрачную вечность простора. Немыслимая бирюза неба и моря сводила с ума, заставляя верить, что красота спасёт мир. Хотелось бесконечно ехать-лететь между небом и морем, удивляясь гениальности строителей. А я ведь знал толк в мостах, мостиках, во всём, что соединяет берега. Мне казалось, что я не допустил промаха, став инженером. Но сейчас до меня дошло, что самое главное — навести мост над пропастью международных конфликтов, соединять не только страны и континенты, но и сердца людей. Молодость, порыв упоения жизнью наполнили меня вселенской любовью и дивной чистотой, мне показалось, что я готов приступить к строительству моста человечности.

Взглянув на художника, я чуть не рассмеялся, так изменилось выражение его глаз: потеряв глубину и холодность норвежских фьордов, они стали упрямо-доверчивыми, как у маленького ослика.

Быстро мы привыкаем к прекрасному, а при потере огорчаемся, не умея запастись радостью впрок, набить ею все карманы и постепенно черпать из них восторженное ликование жизнью. Настроение моё упало на дно — оплата за проезд оказалась высокой. Несколько таких мостов — и мой бюджет вылетит в трубу.

— Где ночевать будешь? — участливо спросил Иварь.

— Ещё не знаю.

— Диван устроит?

— Вполне.

— Тогда гони ко мне, в Свободный город!

Ему удалось меня удивить. Родившись в столице Франции, я всегда считал, что единственный город, который можно назвать свободным — Париж. Копенгаген — это же королевство сказок, где до сих пор витает дух Ханса Кристиана Андерсена, а на прибрежной скале застыла в задумчивости Русалочка.

Увидев мою растерянность, художник рассмеялся:

— Ты что, с луны свалился, Christiania тебе о чем-то говорит?

Вот так мы перешли на «ты», потянувшись к простоте и дружелюбию.

— Иварь, искусство жить для меня — это постоянно открывать что-то новое. Сегодня в программе твоя Христиания, при условии, что она близко.

— Не переживай. Это рядом, ведь так называется квартал, находящийся почти в центре Копенгагена, где раньше располагались казармы, но свободолюбивые люди, в сентябре 1971 года захватили освободившуюся от вояк территорию, чтобы жить по-другому — создать самоуправляемое государство.

— Ну, и сколько жителей в этой утопии?

— Около тысячи, но ведь главное — мы экономически самодостаточны, и каждый здесь трудится и отвечает за благополучие всей общины. Мы даже платим налоги Министерству обороны. У нас всё есть: рестораны, кафе, магазины и строгие законы, запрещающие автомобили, воровство, оружие и потребление наркотиков, приносящих вред организму.

— По-твоему, существуют благотворные наркотики, — иронично заметил я.

— Конечно. Стрессосниматель.

— Что это?

— Искусство выжить в этом безумном мире. Прекрати усмеяться, наша идея работает уже 48 лет! Мы поставили точки над «i» и победили.

Иварь с гордостью вытащил из рюкзака маленький флажок красного цвета с тремя жёлтыми точками. Видимо, он уловил на моём лице полное разочарование.

— Ты ничего не понял, — кипятился на полном серьёзе житель Свободного города, защищая эстетику странного знамени.

Мне пришлось с ним согласиться. Кто же сможет разгадать этот ребус? Оказалось, всё просто: в слове Christiania три «i», точки, над которыми стали символами новой жизни. Оригинально, не правда ли? Ведь и Малевич своим «Черным квадратом» поставил жирную точку на старом искусстве, открыв дверь свободному авангарду.

— Стоп! Приехали, — скомандовал Иварь. Притормози тачку — и дальше на своих двоих. Приятно после длительной езды беззаботно расслабиться и полностью положиться на моего нового товарища.

Иварь торжествовал и светился радостью, показывая расписанные фресками-граффити стены Свободного города. С черного фона мне улыбался недурной череп, увитый яркими цветами, на «лбу» которого красовалась надпись «CHRISTIANIA». Растущая у стены трава гармонично вплеталась в композицию. Мы прошли через ворота города. Солнце уже угомонилось, но было волшебным светом от ожерелья китайских разноцветных фонариков. Отчётливо звучала роковая музыка, невольно вызывающая вибрации тела. На террасах кафе царил буйное веселье.

— Это наша главная улица — Пушер-стрит, — объявил норвежец, покупая с лотка какие-то лепёшки.

Быстро проглотив свою порцию, вкуса не почувствовал, но приятный аромат каких-то трав сгладил впечатление. Вскоре моя усталость и сонливость улетучились. Хотелось танцевать, двигаться, перевернуть весь мир. Остановившись у стенда, оформленного в строго выдержанном военном стиле, ошарашенно наблюдал за свободной продажей гашиша и многочисленных аксессуаров для его употребления. Только сейчас до меня дошло, что красивая кружевная травка, растущая на клумбе, не что иное как индийская конопля, т.е. cannabis.

— Ну, хватит столбенеть, ты не на свидании. Ужинать пора. Скорее идём ко мне, познакомлю с друзьями, а завтра взглянешь на мои художества. День выдался утомительный, устал ты, — Иварь пылливо осмотрел меня с головы до ног.

— Вовсе нет. Энергия так и прёт из меня. Хочешь, пробегу стометровку?

— Это дурь прёт из тебя. Ты что, не понимаешь, какую панику ты устроишь своей беготнёй? Все подумают, что снова полицейская облава и рванут в разные стороны, переворачивая столы и ломая ноги. Запомни, здесь категорически запрещено бегать и снимать.

— Неужели девочек снимать нельзя?

— Ну, ты даёшь. Сразу видно, что француз. Мозги по-другому устроены, только бабы в голове. Фильмы нельзя снимать и фотографировать.

«Не так уж и вольно в Свободном городе», — подумал я, входя в жилище художника.

Генетическая память подсказала мне, что с 1970 года здесь ничего не изменилось. Мебель и разные небольшие предметы (Союз нерушимой мебели и стиля) формировали атмосферу той далёкой для меня эпохи. Росписи-обманки на стенах дополняли впечатление. Такие интерьеры не стареют. Мне захотелось на этих стенах написать озорной девиз: «Тряхнём стариной!»

— Как ты думаешь, — обратился ко мне Иварь, я хочу сменить пол.

— Стать женщиной? — удивился я.

— У тебя прекрасное французское чувство юмора, но речь идёт о деревянных полах — белоствольной берёзе, которая бы осветила интерьер. Так мечтаю создать идеальное место, куда можно сбежать от суеты, но не хочется, чтобы квартира выглядела неестественной, как золотой вставной зуб.

— Иварь, у тебя и так страшно красиво. Мне нравятся эти цвета, подымающие настроение.

— Так и было задумано: сила цвета для ярких впечатлений.

Наши эстетические размышления вслух были прерваны приходом его близких людей, которые в беседе оказались недалёкими.

От дуракаваляния, поедая и выпивая всё подряд, разглядывал детали интерьера. Моё внимание привлёк циферблат старых вокзальных часов, на котором, вместо уходящего времени, высвечивались прекрасные лица людей из черно-белых фотографий XX века. Подпись была трогательной: «Друзья, прошу, не уходите навсегда».

Иварь приблизился к моему креслу и протянул самокрутку:

— Держи, это первоклассный стрессосниматель.

Мой организм, с детства привыкший к спорту, впечатлённый первой затяжкой, запротестовал и взбунтовался. Но кто к нему прислушивается? Нам ведь важнее мнение окружающих, чем недовольство печени и лёгких. Пусть душа уже не полна желания, а тело всё

в изнеможении, пусть, всё равно, на вопрос моего министерства внутренних органов: «Что происходит?» — отвечаю очередной затяжкой ароматной травы. Ни к чему мне здравомыслящие советы, я же не в стране Советов, а в Свободном городе.

Губительная пауза забытья... Мне кажется, я вышел из себя и наблюдаю за всем со стороны, раскачиваясь на качелях жизни в одинокой муке поиска чего-то главного, вечно ускользающего, как узор калейдоскопа.

Отчаянное пробуждение. Тяжелое и непонятное. Где моё тело, биологическая сущность бытия? Химическая фабрика гормонов и ферментов вышла из строя. В поисках потерянного тела, осторожно шарю глазами по пустой гостиной. В окно с любопытством заглядывает солнце. Горько-терпкий запах кофе драл сухую глотку. Истомлённая голова вросла в спинку кресла, в котором я как сидел вчера, так и уснул.

Появился сердолик художника.

— Ты плохо выглядишь, — констатировал Иварь.

— А ты плохо глядишь. Принеси-ка лучше чашку чая, пожалуйста.

Горячий зелёный чай и холодный душ поставил меня на ноги, но норвежец смотрел на меня с опаской.

— Молодчина, Иварь, что догадался заварить именно зелёный чай.

— Не забывай, что я художник, поэтому и чай подбирал к цвету твоего лица. Кстати, ты ещё помнишь картину Эдварда Мунка «Крик»? Этой ночью ты её озвучил и довольно-таки впечатляюще.

— Я ничего не помню, но если я всех напугал — это твоя вина.

— Ты меня осуждаешь, презираешь, обвиняешь?

— Я не Бог, чтобы быть беспощадным.

— Пойми, мне хотелось освободить тебя от социальных условностей, ненужных вещей и глупых слов, которыми человечество заполнило мир, называя это прогрессом. Разве мы живём? Живём ли мы или теряем время? Или теряем разум, производя оружие.

— Скажи ещё, что теряем рассудок, употребляя наркотики.

— Послушай, юноша, — горячился Иварь, — у тебя шесть чувств, включая чувство юмора, а у меня — тысячи. Гляди! Это не картина, это догадка на пути к открытию истины.

Он вытащил на мой суд внушительных размеров холст. Мрачная абстракция совершенно была не в моём вкусе, а может, и вовсе безвкусная, что-то вроде теней подсознания или глубокого обморока души.

— «Лицо Истины» — торжествующе произнёс автор.

Подойдя вплотную к полотну, я решил проверить, правда ли, что лицом к «Лицу» «Лица» не видно. Неправда. У меня был только один выход — раскланяться и удалиться. В этом случае деликатные слова неуместны, это хуже грубости.

Бродить днём по городу социального эксперимента необычно интересно, и смотреть надо в оба, чтобы не пропустить настенных росписей, оригинальных скульптур и зданий. Остановившись перед огромным деревянным великаном с добрыми руками и прочитав надпись: «Мир в наших руках», задумался: мир-то в наших руках, но что мы с ним сделали... Я не критик и не нытик, но наше отношение к планете напоминает мне глядение мясника в глаза коровы, которая нервно думает, чего сегодня он пожелает на обед: молока или мяса.

Цветастый дом, привлёкший моё внимание, оказался просто магазином, где продавались открытки и картины для туристов. Плакат в революционном стиле гласил: «Повоюем красками! Пусть полем сражений станет искусство!» Для всех желающих «повоевать» лежали листы бумаги, цветные карандаши, пастель. Склонившись над белым чистым листом, я вспомнил первый в жизни снег, когда ещё думал, что небо, раскрыв свои нежные ладони, выпускало белые прохладные лакомства. Мне нравились воздушные ласкания снежинок, весёлых, шаловливых, чистых. Хотелось нырнуть в белую спираль или повалиться на пушистом снежном ковре. Девственность бумаги я испортил подписью: «Первый снег». Взглянув на мою «картину», строгая галерейщица покрутила пальцем у виска и не сдержавшись, пробурчала: «Псих!»

— Психея, — ответил я, умирая со смеху. Не удивительно, что настроение подпрыгнуло к облакам, а уютная тропинка привела меня к озеру. Синим сиянием оно звало меня к себе, а тихая ласка утреннего, ещё не успевшего устать солнца, располагала к купанию, но меня насторожило отсутствие пляжных тел. Может купаться запрещено, как и бегать?

Увидев молодую женщину с зелёными красноречивыми глазами, вежливо спросил:

— А где люди? Травку собирают?

Она удивлённо посмотрела на меня.

— Сегодня день обрезания.

— ?

— Обрезания деревьев, — укоризненно уточнила она, словно проникнув в мои глупые мысли.

Как объяснить ей, что мужчины и женщины — две разные нации, поэтому и мысли у нас разбегаются в разные стороны.

— Хочешь поучаствовать?

— Увольте. В обрезании я не спец.

— Тогда заглянем в ателье. Наша мастерская — единственная в мире.

Так заинтриговать может только женщина, но благодаря ей мне удалось проникнуть в экономическую тайну Христиании. Честно скажу, меня поразила страстность, с которой работали молодые люди. Казалось, они лезли из кожи вон, чтобы как можно лучше со-

орудить эко-эстетический прицеп к велосипеду, в котором можно отвозить детей в школу, перевозить вещи и даже катать своих любимых... собак. Восхищенный ловкостью их движений и особым светлым выражением лиц, почувствовал, что где-то забилося моё сердце. Если увидите легко катящуюся «люльку», прицепленную к велосипеду, знайте, что создана она замечательными людьми Свободного города.

Мне даже взгрустнулось, когда, увидев надпись: «Выход в зону евро», я шагнул в обычную жизнь Копенгагена, совсем забыв, что датчане самые счастливые жители Земли. Вскоре они напомнили об этом самым удивительным образом: громким смехом и поцелуями у фонтана «Аисты».

— Что за карнавал жизни, — обратился я к молодожёнам, одетым в близнецовские майки в красных сердечках.

— Традиция такая, — объяснили мне «сердечники».

— Какая?

— Если мужчина и женщина поцелуются на этом месте, то сохраняют любовь и счастье на всю жизнь.

— А при чём здесь аисты с фонтанирующими лягушками?

— Влюблённые видят только друг друга, а тот, кто наблюдает за бронзовыми лягушками, далёк от любви.

Поблагодарив их за «сердечный» ответ, ещё раз окинул взглядом любвеобильный фонтан и улыбнувшись аистам, приносящим «kinder-surprise», бесцельно зашагал по пешеходной улице. Элегантная дама, заметив мою нерешительность, попросту заграбастав меня, проговорила: — Я знаю, что вы ищете. Затем подвела меня к витрине ювелирного магазина.

— Смотрите, этот маленький золотой паровозик 19-го века тянет по железной дороге вагончики, нагруженные рубинами, изумрудами, сапфирами и алмазами. Вы слышите, как бойко он свистит, выпуская пар?

— Слышу и удивляюсь, как его до сих пор самого не свистнули!

Она явно знала толк в шутках и по-детски аппетитно рассмеялась. Тогда я понял, что счастье в Дании вливается с рождением, естественно, как день в ночь. Когда я путешествую, слова благодарности стараюсь произносить на языке страны, показывая уважение к её культуре. Я знал, что «спасибо» по-датски «так», а вот большое «так» то как? Пришлось выложить ей все слова, которые Петр I привёз в Россию из Дании: апельсин, анекдот, рутина, тарелка, ставшая тарелкой и т.д.

С трудом отыскав свою потрёпанную тачку, первым делом очистил её от рекламы, текст которой бросался в глаза: «Не взрослейте, это — ловушка! Велосипед спасёт тебя и мир от старения. Крути педали, если ты даже стар или SUPERстар!»

Призыв развеселил меня и растрогал до невозможности... бросить мой «Renault» и крутить педали. Это замечательно, что в

Копенгагене велосипедисты доминируют над автомобилистами, и правильно делают, но при чём здесь я — двадцатипятилетний шапалай, желающий побыстрее домчаться в Хельсингёр, замок Гамлета — Кронборг.

«Бить или не бить», — пронеслось в голове при виде странного типа, прислонившегося к дверце «Renault» и неодобрительно бросающего косяки в мою сторону.

«Попробую стать дипломатом», — подумал я, устремив свой взор в потолок небесный, где солнце, ослепив и покорив собой небо, вывернуло его наизнанку, заново залив совершенной лучезарностью.

— Как высказать эту красоту? Как овладеть языком цвета и радости? — обратился я к незнакомцу, который тут же расслабился, добродушно улыбнувшись, шагнул вперёд и с искренним любопытством уставился в высь.

В единый миг моё тело скользнуло в автомобиль, но выхлопные гады (газы) испортили весь шик дня.

— Как вам не стыдно отравлять природу, а ещё и француз, — убийственно прокричал «зелёный».

Удивительно, но я не сгорел от стыда. Может, плохо нас учили в школе или, растеряв в компьютерном веке инстинкт самосохранения, мы мчимся на сияющих тачках навстречу зияющей экологической катастрофе, не обращая внимания на стоны Земли.

Вдали показались золотые шпили замка Кронборг, но не было радости встречи. А ведь давно мечтал пройтись по следам принца Датского, подняться на бастион, где холодной ночью Гамлет встретил призрак отца, войти в покои королевы, где случайно был убит спрятавшийся за висящими на стенах коврами отец Офелии — Полоний. Досадно, что именно здесь всё показалось ненужно глупым. Подогревая своё воображение, представил Гамлета современным крутым парнем с мобильником в кармане и автоматом Калашникова в руках, гоняющимся по замку за убийцей отца, но залежавшаяся, зачерствевшая мечта не возрождалась. Почему-то потянуло в тёмные и влажные коридоры казематов. Наверное, я был их единственным посетителем, поэтому даже обрадовался, наткнувшись в полумраке на каменного воина Хельгера Датского, опирающегося на свой меч и дремлющего в ожидании звуков боевого горна. Трудна была служба простого солдата, в обязанности которого входили не только война, но и мир, вплоть до собирания нежных цветов для королевского стола. Наградой служил древний напиток: на каждого датского воина выдавалось 8 литров пива в день! «Пить или не пить», — выбора не было, ибо «сухой» закон строго запрещал употребление H₂O, дабы холера не победила доблестную датскую армию.

Вот такой чепухой развлекал самого себя, пока не сработал рефлекс собаки Павлова: в замке Гамлета поэзия Шекспира, взявшая на себя бремя истории, произвольно лезла в голову. Куда

было деться от известного монолога Принца Датского и что делать, чтобы не погибли замыслы от долгих отлагательств? Подстёгивая себя несмирением судьбе и финансовой реальности (денег кот наплакал), принял непутёвое решение пути — вернуться в Париж через фьорды Норвегии, таким образом осуществив давнишнюю мечту. Жизнеутверждающим был и диагноз навигатора, определивший расстояние до столицы Норвегии, менее шестисот километров. Если повезет, переночую в Осло. «Что значит, повезет», — подумал я, руль в моих руках, а «Renault» доезёт наверняка. Полный вперёд.

Сумерки... День и вечер слились в прощальном поцелуе. Чувствуете ли вы в это время какое-то освобождение и вхождение в новый мир таинственных теней и звуков? Мне кажется, что именно сумерки напоют мелодию моей жизни, и мне останется только сыграть её.

Абрикос луны ритуально превратился в золотой колобок. Тёмный беспредел ночи утомлял до предела. Невозможно избежать обольщения сном, но надо дотянуть хотя бы до заправки.

Дотянул. Слов не было. Электрошок.

Пересчитал ещё раз — пятьдесят! Ровно столько было электрокормушек для экологических автомобилей с элегантными линиями, питающимися только направленным движением электронов, т.е. электричеством. Это совершенно справедливо, что имя гения XX века, сербского ученого Никола Тесла, мечтавшего изменить путь человеческой цивилизации, присвоено этим электрокрасавицам, но если бы он знал, как дорого обладать ими. С жалостью окинув взглядом верный «Renault», ставший вдруг жалким пережитком прошлого, вошёл в уютное помещение с удобными креслами и диванами, где расслаблялись счастливые владельцы «Тесла». Перспектива провести ещё одну ночь не в горизонтальном положении меня не прельщала, поэтому решил блеснуть оригинальностью: снял обувь и с чувством растянулся на кожаном диване, укрывшись от удивлённых взглядов старой курткой с блеклой надписью «PARIS. SACRE COEUR».

Яркое солнце погасило последние крупинки звёздочек. Я вышел в необъятность мира и утра. Божественное ощущение юности, прелесть радостного обещания дня. Задира ветер свистел в могучих кронах деревьев, и мне нравилось таинство звуков многоликой природы.

При свете дня вдруг бросилась в глаза оригинальная крыша, покрытая дёрном с цветущей сочной травой, своего рода — естественной изоляцией. Потом такие биопокрытия будут встречаться на каждом шагу, а сейчас под травяным козырьком заметил единственную бензоколонку. «Какая везуха», — подумал я, но тут же почувствовал тревожную пустоту, чего-то не хватало. Оглянувшись вокруг да около, нигде не приметил мой немый «Renault». Неужели выбросили на помойку? Нет, этого не может быть, — подсказывало чутьё. Радость в каждом шаге улетучивалась, и еле волоча ноги, на-

правился с расспросами к «живодёру», торгующему оленьими рогами, шкурами и забавными троллями, чем-то смахивающими на хозяина. Недостатки своей внешности продавец сполна компенсировал широкой улыбкой, являющийся для меня условным знаком, своего рода скрипичным ключом, без которого не звучит музыка сердца. Подойдя ближе, сообразил, что колёса «Renault» выглядывают из-под оленьих мехов. Наверное, на лице моём отразилось детское выражение найденного счастья. Моё радостное приветствие произвело квантовый эффект, утонув в его ухмылке и агрессивном монологе.

— Какого чёрта ты поставил этот гроб на колёсиках на моё законное место? Я не собираюсь всю жизнь использовать твой драндулет вместо прилавка. Ах, эта тачка ещё передвигается. Да что ты говоришь, прямо из Парижа? Ну, был я в вашем вонючем городе, познакомился с французской демагогией. Вы же демонстрируете миру самый преступный пример, обогревая зимой открытые террасы кафе, топя дровами мраморные каминны, и при этом трубите на всю планету о глобальном потеплении. Вы — экономически грешны, зарабатывая на своём искусстве жить, т.е. есть и пить, а о природе забыть, совершенно забыв, что Земля у нас одна. Мне было жутко ходить по каменным ловушкам улиц без цветов и деревьев, где не было ни души, только тела, одетые скучно и однообразно. Вот тогда я понял, вернее, почувствовал на собственной шкуре, что Париж, современный Париж, если увидеть, то можно умереть.

Он меня достал больно и обидно. Родившись в Париже и став его частью, я любил этот город и был готов постоять за него. Связав в узел нервы, сжал кулаки. Даже ветер стих и испуганно лёг у ног. Шагнув вперёд и взяв оленьи рога, решил нацепить их на голову «шкурнику» и сказать что-то остроумное, ведь убивают не ненавистью, а смехом. К сожалению, в английском языке отсутствует резвость и живость французского, и некоторые шутки становятся глупыми, если их облечь в слова. Видимо, мой вид был настолько устрашающим, что «тролль» быстренько стал сворачивать свою лавочку, а потом, к моему удивлению, сверкнув озерцами света в глазах, миролюбиво пробурчал:

— Извини за издержки хорошего воспитания. Наверное, никому не нужно моё душевное и сердечное расточительство. Как неблагодарен путь по спасению человечества.

В его улыбке было сочетание несочетаемого, и я слушал историю, длиною в жизнь, рассказанную им, еще долго. Наверное, меня засосала опасная трясина доброты. Открыв багажник, разделил на двоих оставшийся парижский багет, и мы, как ни в чём не бывало, захрустели сухариками. В свою очередь, норвежец предложил мне какое-то аппетитное ублажение, но моя гордость была сильнее голода. Он, конечно, не понял, что дать, намного легче, чем брать. Захлопнув дверцу «Renault», я захлопнул возможность дальнейшего диалога, а жаль, ведь в букете его слов чувствовались не только

шпы, но и удивительная правда наблюдательного человека. Меня поразило его невиданное до сих пор отношение к жизни. «Запомни, — говорил он, — Осло — это не город, это образ жизни».

Прощание наше испортили неизбежные выхлопные «гады». Вдогонку я получил нагоняй:

— На этой гадости больше в Норвегию не приезжай, иначе превратишься в злого тролля. Ты меня слышишь?

— Слышу, слышу. Это моё последнее танго.

— Какое манго? Сейчас сезон клубники.

«Странно, — подумал я, — у нас в магазине круглый год клубника, а у них только сейчас».

Несмотря на пресыщенную усталость и ненасыщенность желудка, я с любопытством устремился в центр Осло, оставив тачку при въезде в город.

Их знаменитая пешеходная тусовка Karl Johans утопала в фонтанах, цветах и музыке. Лакомиться незнакомыми мелодиями — моё удовольствие. Звуки арфы зазывали прохожих, приглашая всех в музыкальное путешествие. Юная арфистка была бледна и взволнована, что так несвойственно уличным музыкантам. Казалось, что её душа бодается с повседневностью. Я искал её глаза, но поймал растерянный взгляд, и так захотелось поддержать девчонку, придать уверенности в себе и своём таланте, что я пошел на преступление. Плохо разбираясь в ботанике, все растения делились для меня на две категории: розы и остальные цветы. Выбрав, а потом и вырвав из клумбы жёлто-оранжевое чудо природы, я подарил ей.

Вместо смущения, на её лице отразилось удивление, смешанное с любопытством.

— Как вы узнали моё имя?

Я всегда был в восторге от женской логики и выходил из сложных ситуаций просто, зная, что женщины предпочитают сами отвечать на свои же вопросы, получая желаемые ответы. Так и сейчас, бледность девушки расцвела румянцем, и она продолжила:

— Меня зовут Сарисине, как и этот цветок.

Мне пришлось поспешить ей на выручку, и чтобы более не смущать девчонку у прохожих на виду, подкинул ей клёвую фразу:

— Характер — это власть над самим собой, талант — власть над другими. Продолжайте властвовать!

Ей было так хорошо, как может быть только во сне.

— А можно полюбопытствовать, кто это сказал?

— Сегодня — я.

Вслед мне трогательно пела арфа.

Мою беспечность захлестнуло дурацкое чувство голода. «Ещё не вечер», — уговаривал я бессовестный желудок. Выжав последнюю каплю воды из бутылки, лёгкий и ничем не обременённый бездельник, я засмотрелся на электрического робота-газонокосилку. Он пе-

редвигался легко и бесшумно, «поедая» на своём пути, траву, напоминая армейского парикмахера, превращающего головы новобранцев в миллиардные шары.

Любознательность остановила меня возле группы туристов, и мне удалось подслушать экскурсовода: «...после пожара 1624 года Осло был отстроен заново королём Дании Христианом IV. В его честь, на протяжении трёхсот лет, город носил имя Christiania».

«Круто», — подумал я, ехал в Осло, а очутился снова в Христиании. Жаль, Иваря нет рядом, любителя подтрунить надо мной и произносить поучительные фразы, вроде: «искусству, как и жизни, надо отдаваться полностью, иначе пройдут мимо». Мне наплевать на красоты выражений, ведь я уловил неуловимое, что самое удивительное в жизни — эта сама жизнь, несущая сногшибательные сюрпризы и вечную насмешку над нашими планами.

Гид продолжал утомлять публику: «...дворец 19 века, где и в настоящее время проживает королевская семья. Торжественная церемония смены караула под звуки военного оркестра проходит один раз в день, и вы на неё уже опоздали», — как-то злорадно произнёс он, отпугнув большую часть слушателей. Меня это не впечатлило, и я продолжал слушать: «...скульптура самого известного норвежского актёра, танцовщика и хореографа Per Aabel. Он прожил долгую жизнь в 97 лет, сохранив гордую осанку, запомнившуюся зрителям в роли Jean de France. Отец актёра учился танцу в Русском балете Дягилева и передал сыну все секреты русского актёрского мастерства».

Поспешив «познакомиться» с актёром, сыгравшим комедийную роль норвежца, покорённого Парижем до такой степени, что, перечеркнув прошлое, он назвался Jean de France. Тут же вспомнилась недавняя стычка с продавцом «рогов и копыт», жестоко распинавшего мой Париж, а сейчас, в центре Осло, словно реванш, блистают золотом слова Jean de France! Наверное, с голодухи глупое чувство национальной гордости так шибануло в голову, что я победоносно огляделся вокруг. Никого. Только одинокой оглоблей стоял черно-волосый мальчуган, на шее которого синел оберег «вырви глаз». Этот талисман моментально погрузил меня в ликующий мир детства — Стамбул, где наша семья прожила несколько лет, а мне было в то время приблизительно столько же годков, как этому мальчонке.

В нашем классе французской начальной школы, расположенной на берегу Босфора, училось несколько турецких детей, с которыми я быстро подружился. Их родители рвали меня на части, приглашая постоянно в гости, надеясь, что француз внесёт в дом европейские традиции и язык Мольера. Скажу сразу — надежды не оправдались, наоборот, бойко заговорив по-турецки, я с шаловливым удовольствием «играл словами», такими как «дурак» — остановка автобуса, или «бардак» — стакан, вызывая хохот моих новых друзей. Мне запомнились турецкие ковры, вкусные блюда с непривыч-

ным ароматом, голубые вазы, и в каждой квартире у входа — синий счастливый глаз из стеклянной пасты. Такие талисманы в форме глаза предохраняют от сглаза, негативной энергии, лести, зависти — короче, несут удачу и счастье. Их, как амулеты, носят на шее, в кольцах, браслетах, цепляют на сумки и чемоданы. Французы, клюнув на синеглазое счастье, называли его между собой «вырви глаз». Но меня впечатлил талисман-великан на мощной груди продавца семитов, который ловко неся на голове поднос с горкой горячих бубликов, громогласно оповещал весь квартал: «Семит, Семит-т». Этими вкусными семитами я лакомился каждый день, удивляясь, что в мире до сих пор существуют антисемиты.

Подойдя к мальчишке с турецким счастливым глазом, увидел несчастные глаза, полные слёз. По-английски он не говорил, по-норвежски я знал только «спасибо». Выжимая из памяти забытые турецкие фразы, мне пришлось сесть за руль машины времени и на всей скорости вломиться в детство.

— Мне семь лет, — произвольно произнёс я по-турецки.

Мальчуган от неожиданности вытаращился на меня, но потом улыбнувшись, представился:

— Кемаль. Мне скоро будет восемь.

Общий язык был найден. Воспоминания детства спасают человека.

У родителей Кемалья, владельцев турецкого ресторана, не было другой возможности, как брать сынишку с собой на работу. Такие каникулы мальчику так осточертели, что сегодня он сбегал, исполнив свою мечту — посмотреть смену королевского караула, проходящую со всей пышностью военных выкрутасов. Впечатлённый зрелищем, Кемаль позабыл обо всём на свете, включая обратную дорогу домой.

— Не горюй. С таким амулетом мы быстро отыщем твоих родителей — успокоил я ребёнка.

Вскоре состоялось «возвращение блудного сына». После восклицианий, объятий и слёз меня, как почётного гостя, усадили за стол и всячески угождали. Соблюдая предельную уважительность и помпезность, я отдал должное многоголосью турецкой кухни. Рубашка моя трещала под натиском всевозможных блюд, но я не сдавался. У мамы Кемалья был особый дар незаметно приносить радость — точную сладость, напомнившую мне стамбульское детство.

Иррациональное тепло разлилось в сердце, а может, душе? Хотелось спасти мир своей любовью, и я понял, что все люди — единая семья. Но я человек, и сонное состояние мне не чуждо. Мой поиск предназначения закончился на синей тахте в комнате отдыха Кемалья. Скользя взглядом по настенным часам, запрограммировал пробуждение через тридцать минут. «Надо и честь знать», — подумал я.

Яркий запах чеснока и укропа помог мне принять вертикальное положение. Взглянув на тик-так, глазам не поверил, хотя знал, что часы могут идти, даже когда стоят или висят, но чтобы так... Неужели я проспал тринадцать часов! Наскоро умывшись, распахнул окно. Через прозрачную стену ливня реальность казалась фантастической, а на сердце моём — покой, доброжелательность, умиротворённость.

Кемаль, весь радостный, снова потянул меня к столу. Удивительная чуткость и деликатность этой семьи, отношение ко мне, как к родному, остались навсегда в моём сердце.

Серебро дождя сменилось золотом солнца. Пора взяться за ум, вернее за руль — до Бергена колесить ещё 460 километров.

— Светлой дороги, брат, — грустно прошептал Кемаль, протягивая мне синий талисман.

Народное поверье утверждает, что счастливый глаз «работает» только тогда, когда его дарит чистый, добрый человек, а ещё лучше — ребёнок. Проницательный мальчишеский взгляд застиг меня врасплох. Порой мы стыдимся прилива наших чувств, невольных слёз, а по большому счету — стыдиться надо отлива.

Современный человек дорогу (а ПУТЬ?) не выбирает, отдавшись полностью власти навигатора. Так и я, «отдавшись», еду по какой-то пустынной разбитной, вернее, разбитой трассе, по которой, видимо, прогулялись пьяные слоны, оставив глубокие следы, заполненные дождевой водой. «Renault» негодовал. Заметив у въезда в посёлок зелёные почтовые ящики под навесом, остановился поприветствовать почтальона-велосипедиста и похвалить за умную придумку: вместо того, чтобы шастать из дома в дом, служащий почты разом освобождается от немногочисленных писем и газет, продолжив «прогулку» на велике к следующей деревне. Миролюбивый пейзаж и блаженность дня я нарушил дурацкой шуткой о пьяных слонах и получил в ответ свирепый взгляд и античеловеческую фразу:

— Самый большой враг природы — человек!

Может, он и прав, но что делать? Существует много разных дипломатий для прикрытия проблем и лишь легкомысленные вещи серьёзно обсуждаются, а серьёзные — легкомысленно.

Берген встретил меня праздником — заканчивался фестиваль парусников, привлёкший любителей и знатоков из многих стран. Было на что посмотреть. Даже небо меня удивило. Оно казалось больше, чем где-либо — широкое, без горизонта, тянущееся до конца света трепещущими парусами. Ко мне пришло доверчивое, распахнутое удивление красотой. В бесконечные просторы моря уходил величавый фрегат. «Это же «Штандартъ Петра Великого»», — невольно вырвалось у меня.

— Ошибаетесь, молодой человек, — произнёс стоящий рядом зануда мужского рода.

— Читайте, что написано на борту, если вы знаете русский.

— Я историк, а не полиглот, и перед вами современная копия «Штандарта».

Этот «не полиглот» достал меня своими очевидными подробностями. Может, сообщить ему, что слово «история» в переводе с греческого, означает «анкета», словно для него созданное — господин Анкета.

— Спасибо, что вы доказали очевидное и вероятное. А как вы думаете, чем отличается Пётр Первый от современных государей? — спросил я историка.

— Ростом! — победоносно улыбнулся он.

— Чувством юмора. Представьте себе — театр. Знатная публика с нетерпением ждёт начало спектакля. Появляется царь и звучит музыка. После увертюры подымается занавес, на белой стене хорошо освещенной сцены, крупными буквами написано: «Первое апреля!» Занавес опускается. Вы можете представить, как зрители возмущались дерзкой шуткой, а Пётр Великий, рассмеявшись, сказал: «Вот вольность комедиантов». Теперь вернёмся в наше время и подбросим этот розыгрыш главам государств ведущих стран мира.

— Могу представить их лица. Ха-ха-ха.

Смех развеял нашу неприязнь, а занудность историка растаяла от турецких вкусняшек, подаренных родителями Кемалья. Нахальный праздничный шум и лукум помогли справиться с внутренней неловкостью и глубже узнать собеседника, показавшегося мне зрителем собственной жизни. При прощании историк предложил мне адрес бесплатной ночёвки в живописной местности по дороге к Гейрангер-фьорд. Соблазнительное условие сна — сбор клубники, показался мне забавным и вкусным пустяком. Включив погромче музыку и приказав железным коням «Renault» чуть помедленнее, направился в клубничную даль. Музыка Эдварда Грига была встряской для всех органов чувств. Её свежесть, пропитанная норвежской природой, духом народности, самобытность, дошла до меня именно здесь, в этом густом первозданном лесу. Огромные деревья, как добрые великаны, приветствовали меня, и я не заметил, как очутился вдруг перед указателем: «Дом-музей Э. Грига». Неправдоподобная правда! Дом в викторианском стиле был закрыт, но можно было пройти через сад к скале, где похоронены Эдвард и Нина Григ. Где-то звонили колокола, не нуждаясь в слушателях. Спускаясь к музыкальной хижине композитора, где он творил, скрываясь от посетителей, поприветствовал бронзового Грига, вышестепенного в натуральную величину — 1 м 53 см. При таком изяществе тела он обладал крутым характером и вопреки всем запретам женился на своей двоюродной сестре Нине, а будучи в Париже, Эдвард Григ наотрез отказался играть, отменив все концерты, возмущенный делом Дрейфуса.

Выйдя на берег озера, я присел на скамью. Тишина. Вода в обрамлении сосен и небесная бездна. Я люблю это слово — без дна.

Казалось, здесь ничего не изменилось, только расстояние стало более узким между григовской музыкой и мной. Неподвижность воды создавала гипноз покоя. Этот отдых был так нужен моей усталости. Происходящее приобрело вдруг прошлое и будущее, всю глубину, время остановилось, слушая музыку Грига. Как ясно и светло смотреть в какое-то никуда, захлебнувшись в этом просторе, найдя мелодии нить и жить утро своей юности.

Маленькая тучка, портящая синеву неба, разрыдалась, расстроилась мелкими слезами дождя, которые в лучах солнца, засияли радугой. Ну, как въехать на автомобиле в эту радужную арку, не вспугнув гармонию? Мы думаем, что знаем, как управлять вселенной, мы даже взыскательны к ней, но всякий раз она доказывает нам свою вечную вольность.

Лес внезапно иссяк, уступив место клубничным полям. На самом деле, парижанину трудно было определить культуру этих земель, просто догадался, увидев у дороги продающиеся ягоды. В беседке-киоске, украшенном со всеми прихотями норвежского вкуса, юная румянощёкая «клубничница» с чистой зеленью глаз старательно пыталась привязать традиционного мохнатого тролля к резному навесу. Мгновенно оценив преимущества моего почти двухметрового роста, смеясь, сказала:

— Повесь, пожалуйста.

— Тебя?

— Нет, его, — с размашистым жизнелюбием и смешливостью в глазах ответила девушка.

Выполняя просьбу, взглядом перебираю её черты — хороша чертовка с чёрным морем волос. Густой волной исходил шарм молодой дерзости, мощной струёй била первая женственность. Упоительно пахло клубникой, а вкус её не имел ничего общего с тем «натюрмортом», который я покупал в Париже. Суровая тётя, появившаяся внезапно, прервала завтрак на траве и, выслушав мою просьбу о ночлеге, коротко ответила:

— Двадцать килограммов.

— Многовато, столько мне не съесть, — ответил я шуткой.

Тётка была непробиваемой.

— Есть запрещено. Собирать надо, аккуратно. Идем.

Под хохот племянницы меня вывели на плантацию. Скинув майку и удивив вечернее солнце бледностью своего тела, я старался, как мог, но ароматные спелые клубнички сами просились в рот, а тара, выданная тётушкой, оставалась полупустой. Безмятежность души нарушилась неприличным урчанием в животе, болью в спине и онемением ног. «Неужели появление квантовой механики не повлияло на механизм сбора клубники», — думал я, бросив на чашу весов мой утомительный труд. Я никогда не верил в судьбу, считая, что всё в наших руках, но в этот вечер я перестал верить

весам: то, что они показывали — было насмешкой. Девушка сочувственно, но со смешинками в голосе вынесла приговор:

— Ты слишком большой... для этой работы.

— Ты имеешь в виду, большой балбес? Можешь звать меня просто Филя. Она захлебнулась собственным смехом.

— С твоими бицепсами лучше идти грузить готовую продукцию.

Я остервенело грузил. Солнцу стало жаль меня, и оно поспешно скрылось на западе. Свой сон я честно заработал и подумал, что могу сделать доброе дело всем страдающим бессонницей — подарить клубничный адресок.

Утром небо плакало дождём, отдавая земле грусть и печаль одиночества. Слышалась песня клубничницы. Она пела мечтательно, с девичьим томлением о чём-то невыразимом и в то же время, полном радости жизни. Здесь я забыл груз взрослости, колючки бытовых проблем. Уже давно мне хотелось увидеть мир, вернее, взглянуть миру в глаза, но нужен был внешний щелчок, подтолкнувший к действию. Все мы, в основном, живём в замкнутом, хорошо организованном пространстве, порой не замечая звёздного неба, не зная, как зовут соседей, забывая дни рождения близких. У нас множество разных глупых страхов, мы существуем в комфорте нелепостей, происходящих от ошибочного восприятия вещей. Мы впитываем в подсознание особый тип потребительского мышления, и вышибить его не так уж просто. Здесь, соприкоснувшись с природой, произошло очищение и прозрение, что жить мы должны как дети, в мире доверия, не боясь быть несовершенными. Ощущение счастья без всякой видимой причины охватило меня, и что-то радостно замурлыкало внутри.

Небеса выделяли чудеса света и тени. На крутом отрезке дорожного серпантина внезапно засиявшее солнце опасно слепило глаза. Этот узкий поворот на краю пропасти не для слабонервных, а мне адреналиново хорошо продолжать головокружительный подъём по дороге «Орлов». Со скал, парящих в поднебесье, открывается невероятный вид на уникальную реальность Гейрангерфьорда. По жилам протекла синева неба. Невыразимо я люблю всё, что вижу: ленту яркой сине-фиалковой воды, обрамлённой высокими заснеженными горами, каскады водопадов, не случайно прозванные «Жених» и «Семь сестёр». Наверное, высокомерные (семь струй падают с высоты 250 метров) сёстры, дав жениху от ворот — поворот, довели его до пьянства — уж очень «Жених» по форме напоминает бутылку.

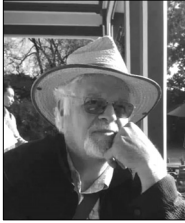
Достигнув вершины и отбросив безобразие сутолоки больших городов, я погружаюсь в полное образие природы, вежливо склонив голову, дабы не потревожить свод небесный. Воздух чист и напоен незнакомыми ароматами, напоминающими какие-то дорогие духи, но гораздо свежее. Мне, парижанину, впервые оказавшемуся

tête-a-tête с природой, трудно отыскать правильные слова, они и не нужны, всё равно им не выразить всю глубину моего восторга. Покой, как сложно мы говорим, теряя настоящие имена. А как политики запутываются в словах, даже жаль их. А чего проще выполнять назначение человека — быть им. А ведь мы — тираны природы. Не осмыслив девственной красоты, безжалостно вмешиваемся в её жизнь, стремясь «окультурить дикую», выстригаем из живой зелени правильные геометрические формы, упиваясь временной властью, превращаем пустыни в города, а города — в пустыни сердца. А здесь — без края сосущая глаза синь. H₂O присутствует везде и во всех состояниях. Солнце, обратив горный снег в бег и плеск воды, расцветчивает водопады цветными радугами. Струями бьёт настоящая жизнь, вечная жизнь, пропитанная мощной энергией и блаженной свободой, где природа позволяет говорить о ней самой.

Сдерживая стремительный разбег «Renault», спускаюсь к фьорду, сопровождаемый водопадом «Фата невесты», струящимся со скал лёгким кружевом. У природы для меня был большой запас нежности. Я прислушиваюсь к её эху в теле, снимаю ненужные атрибуты городской жизни и босиком мчусь к идеальной глади воды. Почему земля вдруг задышала под ногами, почему небо и море обрушилось в душу? Может быть, я вступил в иной мир, где жизнь души находит соответствия с жизнью природы? Я искал глазами небо и не находил, всё слилось воедино: море упало в небо. Мне повезло увидеть эту многоликую синеву, но ведь и у беспредела должен быть предел, а его не было. Мой Париж — это место тесноты со взбалмошными, взъерошенными, заброшенными душами. Вдруг до меня дошло, что я часть Земли, а не Парижа. С наслаждением опускаю ноги в холодную прозрачность фьорда. Я слушаю зов Вселенной, ощущаю себя ответственным за судьбу планеты. Я отвечаю за краски радуг, за лазурь неба и синь моря, я отвечаю на всё — любовью.

Воз-Дух Земли остался во мне.

Сумерки... День и вечер слились в прощальном поцелуе.

Джон ЕЛЛІСОН

/ Крайстчерч, Нова Зеландія /

Переклад з англійської Олени Мордовіної

ТИ, ДЕІНДЕ

пляжний вітер змінює
увагу до тих речей які мають значення

пісок звичайно та обривки
водоростей заплетені у волосінь

пошарпаний край мотузки
що причепився до каменю та коряги

і крики чайок
вирвано з цієї сторінки та викинуто

тепер я повернувся
до цих місць, які мене знали

випробовуючи присутність
і твою відсутність завжди, прислухаючись

до тієї розмови
перебираючи ці порожні місця

за прибоєм тиша
що навіть східний вітер не заважає

і на мить
все нерухомо і в цю мить

ми слова, туга за тим
щоб бути сформованим на губах іншого

ПОЕЗІЯ — ЦЕ ЩЕ ОДИН ЗАСІБ ВИМІРЮВАННЯ СУТНОСТІ РЕЧЕЙ

Мамо, ти була глибокою криницею, і я ніколи не розумів тебе, поки ти не померла. Звільнене тіло — глибока безодня. Пустота. Анульовано. Давним-давно я прийшов через тебе, тепер я впадаю в тебе. Занурення колосальне. Коли нитка обривається, свінцевий відвіс падає, і, оскільки це не дзига, він відразу ж котиться до повної зупинки, вкладаючись під незручним кутом. Це вказує не на що інше, як на неминучість ентропії. І все ж, після падіння, він ще відчуває відсутність. Він вимірює смерть. Четверо чоловіків — мій батько, двоє моїх братів і я — стоять навколо її відкритої труни, кардинальні точки її життя. Коментуємо неприродний нахил її голови. Наша мати, татова дружина, завжди мала таку царствену, струнку поставу. Ми, чоловіки, вперше за двадцять років разом. Зараз шпindel зламаний, ділення нашого компасу перекошені. Ми, ще живі, вже ніколи не будемо разом.

ВИХОДЯЧИ З НІЧНОГО КАФЕ

і ти гадаєш, що можеш просто провести лінію під минулим, ніби це здатне на щось впливати але єдина лінія, яка коли-небудь мала значення проходить прямо крізь тебе до горизонту

Марі Лаво¹ створила б для тебе зілля якби ти тільки міг знайти її в цьому лабіринті поміж Парижем та Новим Орлеаном, Арлем та Мехіко переміщуючись у мареві гашишу й абсенту

ти прощаєшся з людиною за барною стійкою запізнє добраніч жінці, яка вже залишила тебе, яку ти насправді ніколи не знав і виходиш у глумливий День мертвих

---

¹ Марі Лаво була відомою вільною креолкою Луїзіани, королевою вуду. Я уявляю, як Вінсент Ван Гог мандрує, відвідує її в стані марення, можливо, разом з Артуром Рембо, шукає «Втрачений рай» і знаходить досить переконливе розуміння Сатани.

поки ти п'єш мескаль, і смієшся, і танцюєш
La Calavera Catrina вимальовується дуже близько і це занадто
особисте серед черепів і чорнобривців
де кожен образ на карнавалі — це ти сам

«Розум — це своє власне місце і сам по собі він
може перетворити пекло на рай або рай на пекло...»
і це все, що ти можеш зараз, прямувати
до точки зникнення, де зустрічаються всі лінії

ЖІНКА, ЯК СИРІЯ

вона носить свою країну як шрам
якщо придивитися, то можна побачити, що війна все ще триває

її волосся палає від розривів касетних бомб
бік її шиї розмапований хімічними реагентами

місто Алеппо падає повз її вуха
і біженці, висипані з човнів, тонуть в її очах

маленька дитина — не її — ховається в складках її сукні
з величезними очима, зануреними в завтрашній день

вона нахилиється, щоб підняти дитину, яка тепер стане її
несе її у всесвітній мережі своїх обіймів

коли вона виходить на берег, вона сама
весь світ дивиться тільки на Королеву і Україну

або ще кудись відлітає
все на Заході знов поспішає до себе

коли вона ступає на берег, світає
коли вона ступає на берег, вона стає всіма

РОЗБИТИЙ АНГЕЛ

Я можу їх зрозуміти
тих, що здаються, просто дозволяючи собі зануритися
впасти в матерію

як космічний корабель
коли повторний вхід занадто крутий/занадто глибокий

зламаний ангел розтягнувся в багнюці

а потім ця жахлива тиша

іноді все здається занадто складним
і очевидно, що ми не робимо з цього
нічого доброго, витрачаючи всі подарунки...

навіть невидимому загрожує зникнення

де колись стояла святиня, сяюча
на світанку — пусте місце

і ми нічого не можемо зробити

крім того, щоб увійти туди, заволати

а потім почати

знов

Дирк дер ВАРТ

/ Брюссель /

ВАНИЛЬНЫЕ ПЛАСТИНКИ¹

1

Руд повернулся ко мне, держа в руке флэшку.

— Никак не могу привыкнуть. Помнишь, у родителей были такие большие пластинки. Они еще смешно назывались... Ванильные пластинки.

Брат просидел в тюрьме, в общей сложности, семнадцать лет, с первого своего участия в вооруженном ограблении — у одного из подростков тогда нашли нож. Все новое за пределами тюрьмы вызывало у него удивление. Светодиодные лампочки с пультовым управлением или музыка в авто, которым я дал ему порулить. В следующий раз по этой дороге мы везли его в крематорий.

С тех пор я начал видеть призраков.

2

Кристине хотелось курить, но при Джоханнек она этого не делала, а та нарушила приватность еще до того, как Кристина успела выскочить. Девушка открыла было дверь на террасу со стороны кухни, однако поняла, что даже если она выйдет, чтобы быстро выкурить свой айкос, то Джоханнек побежит за ней. Придется подождать до аэропорта. Поскольку терраса образована была со стороны улицы высокой стеной, Кристине казалось, что за окном еще сумерки, но когда она ступила на мокрый пол и взглянула вверх, то увидела в треугольнике над собой клочок голубого неба с белыми облаками. Кристина выбросила обрезки овощей в белое ведро «для органики», задвинула москитную сетку и дверь — и вернулась к столу допивать свой кофе.

---

¹ Отрывки из романа. Перевод с нидерландского Елены Мордовиной.

Ринус уже сделал тосты, и все семейство намазывало овощное месиво с авокадо на хрустящий хлеб. Кристина отказалась от омлета, но все-таки не удержалась и положила кусочек сверху на тост с овощной пастой. Джоханнек жевала насупившись — ее не брали в аэропорт.

— Джоханнек, пока ты будешь одеваться, самолет уже улетит, — уговаривала Линн.

— Но я быстро. Я умею быстро, ты же знаешь!

— И в восемь утра у тебя занятия онлайн. Не расстраивайся, тетя Кристина скоро снова прилетит. Сначала бабушка, а потом снова Кристина.

— Ты забыла свою косметику в ванной, — Ринус уже успел съесть свой завтрак и проверял, все ли вещи собрала Кристина. — В стиралке ничего нет?

— Да я еще кофе пью. Соберу, когда накрашусь. Все остальное собрано, спасибо.

— Через пять минут в прихожей!

— Ринус! — с тех пор, как брат обзавелся собственной семьей, Кристина уже стала подзабывать, какой он зануда.

— Пять минут! Конечно, никто тебя не гонит, все будут только рады, если ты не улетишь.

— Да! Да! Да! Не улетит! — Джоханнек от радости запрыгала на диване.

— Только не вздумай что-то прятать! — вдруг улыбнулся Ринус. — В детстве, когда я хотел, чтобы гости задержались подольше, я прятал чью-нибудь туфлю и с невинным видом удивлялся, когда родители и гости переворачивали вверх дном прихожую в поисках пропажи. Кристина этого не помнит. Скорее всего, ее тогда еще и на свете не было. В первый раз это сработало, а во второй — мой трюк уже раскусили, и я даже не успел порадоваться задержке гостей.

— И зачем ты это рассказываешь сейчас? — Линн начинала сердиться.

С быстротой и всепроникающим свойством ртути Джоханнек уже была в ванной Кристины и разглядывала косметику.

— А это тушь, да? Тени для век? Давай я тебя надушу на дорожку своими духами.

Запихав косметику во внешний карман чемодана, Кристина подставила шею племяннице и оказалась в сладком ванильном облаке детских духов.

Ринус уже выкатил желтый чемодан Кристины в прихожую. Настало время прощаться. Прощание было таким томным, слезливым и горестным, что Кристина даже вздохнула с облегчением, когда они с братом вышли на улицу. Она так и не привыкла к тому, что садиться нужно слева от водителя. За их отъездом наблюдал утренний мальтийский кот, расположившийся возле мусорного я-

тачка с пакетами «органики». Рядом с пакетами лежала раскрытая пачка спагетти с лучами высыпавшихся макаронных соломинок. «Почти полная», — подумала Кристина. С тех пор как она поступила в университет и стала жить одна, она непроизвольно стала замечать такие вещи. Надо же додуматься выкинуть целую пачку спагетти! Умытая вчерашними дождями Марсаскала сияла в лучах утреннего солнца.

Автомобиль спустился к набережной мимо церкви святой Анны. Там уже открывались кафе и магазины, работники выставляли столики, а кое-кто из посетителей уже пил свой утренний кофе.

— Когда приеду к вам надолго, выберу себе кафе и буду каждое утро ходить пить кофе, курить и разглядывать гуляющих по набережной, как это делают местные жители.

— Джоханнек тебе не даст. Она все равно встает раньше тебя.

Снова прокатывались за окнами автомобиля маленькие крашенные балкончики, похожие на разноцветные шкафы, желтые стены каменистых равнин и огромные листья опунций, нависавшие над этими стенами. На опунциях повсюду виднелись «прикли пEARЗ» — опунциевые плоды, вареньем из которых Линн угощала вчера Кристину. Возле автобусных остановок толпились взрослые, спешившие на работу, и школьники в одинаковых спортивных костюмах.

— У них что, первым уроком у всех физкультура, что ли?

— Это у них школьная форма такая. Я первое время тоже удивлялся.

Толстый полицейский в черной балаклаве размашисто жестикулировал на дороге.

— Опять дорогу перекрыли, — Ринус тяжело выдохнул. — Вон, ниндзя мне что-то знаками показывает.

— Ниндзя полис.

— Они их по весу, что ли отбирают?

— Ниндзя должен быть тучным, как туча, и сливаться с темной ночью. Чем туча крупнее, тем лучше.

— Долго привыкал к правому рулю?

— Да нет, за пару дней привык. Я уже до этого пробовал на Кипре, когда мы в отпуск ездили, так что никаких проблем не возникает.

Ветер, как и в день приезда, трепал листья высоких пальм. С утра было уже тепло. Кристина пожалела, что надела свитер, но решила не снимать. Они попрощались возле металлических заграждений. Девушка просканировала билет и помахала брату на прощанье. Она еще долго махала ему с эскалатора, а потом с застекленной галереи на втором этаже — он тоже продолжал махать, пока

она не скрылась из виду — похожий на доброе огородное чучело в красной клетчатой рубашке. Она уже по нему скучала.

Они схватились за верхний лоток практически одновременно. В ту же секунду мужчина отдернул руку и уступил его Кристине. Она бросила в один лоток кепку и плюшевую курточку, в другой — сумку, на ходу вытягивая ремень из кожаных брюк. Вещи поехали, а она прошла через раму, не вызвав дополнительных вопросов. Когда она снова затягивала ремень, то заметила, как тщательно ощупывают платок мусульманской женщины, которая вообще-то стояла в очереди впереди нее. Оказавшись в дьюти-фри зоне, Кристина задалась целью найти духи, которые перебьют запах детских, но при этом не будут слишком резкими. Она переходила от одного стенда к другому и выбирала. На табло еще даже не были указаны гейты — брат привез ее слишком рано. Она остановила свой выбор на «*The vert*» от *Л'Окситан*, отчасти потому, что когда-то у нее были такие духи и она помнила, что они обладают резким травяным запахом, способным перебить даже табак, но все же сомневалась, не пахнет ли от нее теперь смесью двух духов — детских ванильных и травяных. Кафе напротив выхода из дьюти-фри было переполнено, и она отправилась чуть дальше, в «Хард-рок кафе», перед которым был расположен магазинчик этого бренда — с футболками, банданами и даже слюнявчиками. Все это было каким-то невыразительным, чрезвычайно коммерческим, далеким от музыки и невыразимо пошлым.

Однако в самом кафе звучала приличная музыка, отчасти забытая — сейчас на экране мелькал Рони Джеймс Дио — и можно было поразглядывать костюмы селебритиз в ожидании, когда тебя заметит бариста. «Фендер Стратокастер» гитариста «Аэросмит» с автографом, куртка Джастина Тимберлейка, футболка Слэша... возле белого пиджака Мадонны она остановилась в задумчивости. Может ли такая вещь оказаться в кафе захудалого, как все южно-европейские, мальтийского аэропорта?

— Думаете, пиджак не настоящий?

Она обернулась на голос за спиной и увидела мужчину средних лет, который несколько минут назад уступил ей пластиковый лоток для вещей.

— Не исключено, что каждый, кто останавливается перед этим экспонатом, задается тем же самым вопросом.

— И как бы вы на него себе ответили? — голос мужчины был ничуть не вкрадчивым, не заигрывающим, скорее, это просто был голос скучающего человека.

— Этот пиджак достаточно знаменит, — в задумчивости произнесла Кристина. Но задумалась она не о пиджаке, а о том, стоит ли продолжать разговор с этим человеком. — Вряд ли у заведения в принципе может быть столько лишних денег, чтобы его приобре-

сти. Скорее всего, это точная копия того пиджака, но об этом не напишут даже самым мелким шрифтом.

— Не исключаю также того, что владелец заведения действительно мог приобрести этот пиджак, и у него есть даже сертификат на тот случай, если журналисты заинтересуются, не обманывает ли он публику. Однако хранится эта коллекционная вещь у владельца дома, а здесь он с полным правом обладателя вывесил копию.

— Возможно. Если так поступают даже музеи, почему бы этот фокус не повернуть владельцу кафе?

— Почему бы владельцу кафе не обучить персонал хотя бы иногда обращать внимание на посетителей?

— В этом я с вами абсолютно солидарна, — Кристина наконец улыбнулась.

— Тогда предлагаю занять столик вот здесь, недалеко от стойки, и подождать, когда появится бариста или официант.

— Хорошая идея.

— Могу ли я поинтересоваться, как вас зовут? Мое имя Берт, я возвращаюсь в Брюссель с конференции.

— Приятно познакомиться! Кристина. Тоже лечу в Шарлеруа, но дальше — не в Брюссель, а в Антверпен.

— Похоже на первое знакомство в клубе анонимных алкоголиков. Я вообще не очень умею знакомиться, привык представляться официально. С трудом научился при знакомстве с девушками не называть фамилию и научную степень.

— Дайте угадаю. Вы профессор.

— Ну вот, таки разболтал. А вот и наш официант. Бросил меня и убежал.

— Сервис на высоте. А в какой области вы работаете, профессор?

— Искусственный интеллект. Достаточно популярно сейчас, но на самом деле, моя узкая специализация звучит весьма одиозно даже для меня, пожалуй, не стану вам этим докучать.

— Мой брат тоже программист. Я знаю, что все это на самом деле очень скучно. Я приезжала его навещать, европейский офис его компании располагается на Мальте, и они предложили ему приехать и поработать здесь, чему он очень рад. Может, вы видели серое высотное здание прямо возле аэропорта — там название его компании — «Рейн лайн» — светится красными буквами.

— Не обратил внимания.

Над ними уже маячил официант.

— Что вы будете?

— Капучино. Я уже успела позавтракать, так что только еще одна чашка кофе для бодрости. Вы, кстати не знаете, где здесь курят?

— Сам не курю и другим не советую.

— Понятно. Я только айкос. Это так, баловство, — она поймала себя на мысли, что снова начала оправдываться. И снова перед совершенно незнакомым человеком.

Когда они допивали кофе, Кристина попросила его посмотреть, не появился ли на табло номер гейта. Берт сидел прямо напротив входа, и ему должно было быть хорошо видно табло отлетов.

— Выходы девять и десять. Пойдемте?

— Еще немного посидим. Время есть, лучше уж сидеть здесь, чем толпиться у выхода на посадку.

— Тем более что официант не торопится со счетом. Так что еще минут десять нам здесь обеспечены в любом случае.

В очереди на посадку они попрощались. Он встал в общий поток, а Кристина отошла левее ленточного ограждения — в очередь на приоритетную посадку. Купить «*Прайорити*» ее заставило то, что полупустой чемодан ей таки нужно было тарабанить обратно. Туда она везла коробку «*Лего*» с огромным замком из «Холодного сердца», которая по габаритам превышала установленные размеры для бесплатной ручной клади, поэтому она решила взять багаж. Тем более, она пообещала брату привезти бельгийского пива. Багаж в этом случае — идеальное решение. А на обратном пути она выбрала «*Прайорити*».

— Но ты же могла просто вытащить эти пакеты с «*Лего*» из коробки — тогда бы, возможно, они поместились в ручную кладь, — сказала Линн, догадавшись, что багаж Кристина заказала только из-за этой коробки.

— Я тоже об этом думала. Но, во-первых, это не так торжественно — мне было бы не по себе. Ты же знаешь, распаковка — это самое главное в подарке. А во-вторых, ты в курсе, какие сейчас ограничения по бесплатной ручной клади на этих бюджетных авиалиниях? Год назад они еще их уменьшили: *сорок — на двадцать — на двадцать пять*. Это даже не рюкзак, это размер моей сумки.

— Ну, тебе к нам все равно ничего брать не надо: смена белья, косметика — остальное тебе всегда выдадим тут, вплоть до зубной щетки. Знай, что мы всегда тебя ждем, и для тебя у нас всегда найдется постель, полотенца и даже моя одежда, в которую я сейчас все равно не влажу.

— Спасибо! Это очень окрыляет. А подарки мы в следующий раз будем покупать здесь. Тем более, я смотрю, у Джоханнек так меняются предпочтения, что за ними не уследишь.

Впереди в очереди на посадку она узнала семью, которая только что сидела с ними в кафе. Взрослых она бы не заметила, но на девочку невозможно было не обратить внимания — огромная кудрявая пена смоляных волос с маленьким красным бантиком — это выглядело до того нарядно, как будто девочка только что выпрыгнула из мультфильма... ну, скажем, «Эй, Арнольд!»,

хотя Кристина сейчас уже не помнила точно, какие именно там были персонажи.

А позади нее уже шумела семья с тремя детьми — мама едва успевала догонять младшую девочку, которая напомнила девушке Джоханнек в самом раннем детстве, а двое старших мальчиков висели на папе. Бюджетными авиалиниями обычно летали семьи. А она уже скучала по своей.

На контроле быстро отсканировали ее билет и сличили паспорт — и теперь она стояла вместе со всеми остальными внизу за стеклянными дверями под теплыми порывами мальтийского ветра. Их держали за ленточным ограждением в ожидании разрешения на посадку, и ветер постоянно норовил сорвать ленту. Мальчик из белокурого семейства взял на себя обязанность держать ее, а его младший брат, повторяя за ним, тоже ухватил ленту ручонками чуть поодаль от брата, и так они и стояли рядом, зажав ее в поблевших кулачках.

Сначала к огражденной толпе подъехала черная машина — в багажное отделение загрузили несколько чемоданов, пожилой мужчина со своей дамой уселись на заднее сидение — и только после этого выпустили на зебру остальных. Путь был коротким, таким, что она дошла до своей хвостовой двери быстрее, чем к ней подъехала черная машина с ВИП-семейством. Вместо традиционного приветствия тощий суетливый стюард о чем-то говорил по рации и не обращал внимания на входящих в салон пассажиров.

Кристина попросила бородатого плотного мужчину поднять ее чемодан на полку. Не потому, что сама не могла этого сделать, а потому что ее подруга постоянно учила ее, что надо быть женственнее — никогда не делать ничего самой, а сначала просить окружающих тебя мужчин. На удивление, сработало. Наконец-то она перестала стесняться хотя бы в простых ситуациях — когда в случае отказа, которого она так боялась, она действительно может сделать все сама.

Она уселась в свое кресло 31В и стала наблюдать через иллюминатор, как работник летного поля устанавливает столбик для ленты ограждения — задрав голову, он передвигал этот столбик то левее, то правее, как будто для его установки ему нужно было ориентироваться по утренним звездам. Преодолевая сопротивление ветра, он натянул ленту — и к самолету устремился основной поток пассажиров.

Оказалось, что новый знакомый, с которым она коротала время в «Хард-рок кафе», сидит в тридцатом ряду. Он улыбнулся ей, когда закидывал свою сумку на полку, а затем, дождавшись, когда схлынет основной поток пассажиров, и убедившись, что она сидит в одиночестве, пересел к ней:

— Не возражаете?

— Нет, что вы.

На него с неодобрением покосился бородатый, который помогал ей положить чемодан на полку. Еще бы, девушке помог он, а подсаживается к ней какой-то посторонний наглец.

— Посадка закончена, стюард уже закрывает багажные отделения — так что можем продолжить наше общение.

— Раз никто больше не придет, тогда я передвинусь к окну. Когда летели сюда, я толком не могла рассмотреть ни горы, ни море — неудобно было заглядывать через соседа.

Однако вопреки его прогнозам в салон зашли две новые пассажирки, одна из девушек, брюнетка с бирюзовыми прядями, села на крайнее место в тридцатом ряду, а вторая уселась рядом с ними — и девушки стали активно переговариваться.

— Вы можете сесть рядом с подругой, — обратился профессор к той, которая села рядом. — Как раз впереди мое место.

— О! Что вы говорите! Это действительно ваше место? — эмоционально отреагировала девушка.

Они уселись вместе в тридцатом ряду и все время полета о чем-то весело болтали. Кристина наблюдала, как они склоняются друг к другу и как подходят друг другу по цвету — одна в бирюзовом свитере, другая — с бирюзовыми прядями. «Интересно, — думала она, — такое цветовое совпадение случайно или это подругилесбиянки, которые таким образом хотят подчеркнуть свою близость? Впрочем, почему обязательно лесбиянки? Просто подруги».

Разговорчивый профессор тыкал пальцем в стикер на желтой спинке переднего кресла, указывая на дату:

— Две тысячи двадцатый — еще относительно новый «Бонинг», бояться нечего, хотя я и не доверяю этим бюджетным авиакомпаниям. На всякий случай у меня припасена пара бутылочек — снабдила сувенирами принимающая сторона. Удивительные местные ликеры — один на плодах опунции, второй менее экзотический — на инжире. Если станет страшно — говорите. Они специально выпускают их в стограммовых бутылочках, чтобы можно было взять в салон.

— Я слышала, что в самолете нельзя распивать свой алкоголь. Впрочем, я этим не увлекаюсь, поэтому не могу сказать наверняка.

Самолет уже бежал по взлетной полосе.

— По-моему, стюарды тут, как и официанты в местных кафе, не особо обращают внимание на пассажиров. Ах, обожаю этот момент!

Самолет оторвал шасси от бетона и набирал высоту, толчками подбрасывая пассажиров в секундный вакуум. Где-то впереди одновременно заплакали дети.

Под крылом промелькнули расчерченные на маленькие квадратики участки мальтийские пригороды, кукольные домики и дорожные развязки, затем побережье. Кристина хорошо различала волны, разбивающиеся о скалистые берега. На пустынных обрывах видны были непонятного происхождения натянутые тенты. Сосед оживился.

— Видите эти натянутые тенты? Скорее всего, это замаскированные орудия, — указывая на береговую линию, он навис над Кристиной своим грузным телом, впрочем, ни в одной точке не касаясь ее. Она посчитала невежливым делать ему замечание, просто втянула живот и постаралась не дышать.

— Мальта — крохотное островное государство, — продолжал профессор, плюхнув свое тело обратно в кресло, — однако у него имеется своя армия, и они достаточно серьезно к этому относятся. Так что я уверен, что это какие-то пограничные войска.

— В наше время ничего нельзя скрыть. Все доступно даже самому дремучему обывателю.

— Конечно, нет нужды что-то тщательно скрывать, когда все до сантиметра просматривается со спутников. Но все равно удивительно. Еще сто лет назад роскошь полетов была недоступна. А теперь любой человек может вот так запросто уподобиться богам и поплыть по облакам. Но мы этого не ценим, не ценим. Относимся к этому, как к данности.

Кристина перестала его слушать и разглядывала морскую гладь, рябившую от волн. Барашки появлялись и исчезали, создавая иллюзию космической глубины. Она даже не представляла, насколько велики эти волны, которые она разглядывает сейчас с высоты. Кого она может среди них разглядеть — огромный корабль, дельфинов, маленькую рыбацкую лодку? Она вглядывалась в морскую бездну и не находила там ни единой подсказки — только индиговая синева и белые мигающие штрихи. Через минуту самолет влетел в облака. Кристина надела наушники, включила музыку для медитаций и постаралась заснуть.

Когда она проснулась, девушки на переднем сидении снова громко щебетали. Та, что с прядями, перегнулась через подругу и что-то фотографировала через стекло иллюминатора. Кристина взглянула в окно. Они пролетали над красно-коричневыми горами очень низко. Заснеженные хребты зигзагами переходили один в другой, и красоту этого смятого огромной рукой каменного массива невозможно было передать словами. Кристина тоже взяла свой айфон и стала фотографировать горы. Глупо, конечно. Как все. Ничего из этого великолепия картинка не передаст. Но все же. Удержаться было невозможно.

Сосед обрадовался, что она наконец проснулась, и снова начал радиовещание:

— Мы пролетаем с вами над заснеженными Альпами. Это незабываемое зрелище. Где-то здесь может находиться гора Монблан. Может быть, вам, милая девушка, даже повезет ее сфотографировать. Я не знаю точно, где пролегает маршрут, но у нас с вами все шансы ее увидеть.

Внимание соседа начало казаться ей назойливым.

— Конечно, — не получая ответа от Кристины, он продолжил разговор с самим собой, — вряд ли это Грайские Альпы, и Монблан мы отсюда не увидим, если быть реалистами. Скорее всего, мы летим через Пеннинские, вероятнее даже, через Бернские Альпы. Но хочется же иногда помечтать.

Профессор поднялся, открыл дверцу отделения для ручной клади, и видимо, порывшись в своем портфеле, не доставая его с полки. Он извлек прозрачный зип-пакет с двумя небольшими бутылочками и пластиковые стаканчики.

— Кстати, о помечтать. Приглашаю вас разделить со мной этот напиток богов, фирма-производитель так и называется — «Амброзия», что только укрепляет меня в моих предвкушениях.

— Не откажусь, пожалуй, — с улыбкой ответила Кристина.

Профессор действительно был несколько навязчивым, однако казался просто безобидным болтуном, так что она даже рассердилась на себя, за то, что этот милый человек вдруг стал вызывать у нее раздражение.

— Вот тогда, держите свой стаканчик.

Кактусовый ликер, как наиболее экзотический, они распили первым. Вкус действительно оказался необычным, с некоторой терпкостью и незнакомыми оттенками сладости. Инжирный по сравнению с ним был просто приторной липкой микстурой. Профессор зазвенел пустыми бутылочками, пряча их в пакет, и снова поднялся, укладывая его в портфель.

Два часа полета подходили к концу. Еще минут сорок — и самолет станет снижаться. По салону медленно ходила высокая молодая мусульманка, впереди нее уверенной походкой топал малыш. У нее было удивительное лицо — оно выплывало, казалось, из глубоким древности. Такие лица она видела только в дедушкиных подшивках «*Нэйшнл Джеографик*» — годов шестидесятых, когда еще на фотографиях можно было увидеть представителей по-настоящему далеких от цивилизации племен. Ее взгляд был устремлен куда-то за далекие горизонты, из вечности в вечность. Она сияла этой уникальной красотой, как черный бриллиант. И при этом была обыкновенной мамой, гуляющей с малышом по салону самолета.

При посадке снова плакали дети, сосед о чем-то непрестанно бубнил, но несколько глотков спиртного сняли напряжение, и теперь его болтовня совершенно ее не раздражала — она смотрела в окно и любовалась крохотными бельгийскими пейзажами, как

будто в магазине, где продают ландшафты для игрушечных железных дорог — эти аккуратные домики, водонапорные башни, фермы с крохотными тракторами, опоры высоковольтных линий — все казалось по-рождественски игрушечным, таким родным и таким домашним. Колеса загрохотали по бетону — и на огромной скорости они полетели по прямой, а затем самолет снизил скорость, и они помчались по развилкам аэродромных полос.

В коридорах, ведущих к залу получения багажа, тоже была реклама зоопарка, как на Мальте — как будто все приезжие во всех городах мира первым делом стремятся попасть в зоопарк. Величественные львы, тигр-альбинос и настороженные сурикаты смотрели на нее с больших лайтбоксов. Кристине не нужно было получать багаж, поэтому она поспешила к выходу. Надо было еще разобраться, где здесь автомат для продажи билетов на автобус и где, собственно, происходит посадка.

На металлических креслах расположилось знакомое семейство с тремя детьми — мама заново упаковывала младшую в коляску, едва удерживаясь от истерики, а мальчики, как всегда, крутились возле отрешенного и безмятежно спокойного отца. Кристина сразу увидела, где находятся автоматы по продаже билетов на междугородние автобусы, и взяла себе один, действующий целый день. Ближайший рейс ожидался через полчаса, но ей еще надо было найти, где происходит посадка. Она впервые летела из этого аэропорта, а когда приехала, чтобы лететь отсюда на Мальту, то не совсем поняла, где их высадили и как она добралась от автобусной стоянки до терминала, и тем более не понимала, как найти дорогу обратно. Ее семья обычно не пользовалась бюджетными авиалиниями, и они всегда летали из центрального аэропорта Брюсселя. Но студенческая жизнь заставляла ее экономить, и она искренне не понимала, зачем тратить в пять или десять раз больше и лететь «Бельгийскими авиалиниями» или «Люфтганзой», когда можно с тем же комфортом обратиться «Райанэйром».

Найти выход к автобусной стоянке оказалось легко. Перед тем как зайти, она выкурила айкос на площадке для курения — хотя можно было курить на любом открытом месте, она всегда предпочитала это делать на местах для курения сигарет, чтобы не причинять даже минимального неудобства окружающим. По ту сторону турникетов на прощанье обнимались подруги — одна в бирюзовом свитере, другая с бирюзовыми прядями в волосах.

3

В Шарлеруа было холодно. Теперь Кристина уже радовалась тому, что надела свитер под плюшевую курточку. Пальцы мерзли без перчаток. Она прошла через турникеты и побрела вдоль ав-

тобусных остановок в поисках той, где останавливается ее. Таблички указывали направление: Льеж, Брюгге, Брюссель. Кристина остановилась возле своей платформы, на которой уже стояли некоторые пассажиры с их рейса. Садиться на металлические скамейки в такой холод не хотелось. Она подпрыгивала, чтобы согреться. До посадки в теплый автобус оставалось еще двадцать минут.

И тут она увидела его — своего соседа-профессора, идущего вдоль автобусной стоянки, он как раз миновал платформу на Брюгге и приближался к ее остановке, размахивая портфельчиком. Увидев Кристину, он радостно замахал ей и ускорил шаг.

— Толком и не попрощались. Хорошо, что я вас встретил.

— А вы разве не на брюссельский автобус садитесь? Или наш тоже останавливается в Брюсселе?

— Вовсе нет! Я оставил машину на третьей парковке, а это, к несчастью, единственная из четырех, до которой нужно добираться на автобусе. Вон тот белый, в самом конце стоянки. Предлагаю вам свою компанию! — он открыл портфель, и порывшись в нем, достал пакет с пустыми бутылками. — На машине ехать гораздо комфортнее. Мой автобус уже стоит, и через десять минут мы уже будем ехать в машине в направлении Брюсселя. Надеюсь, я не похож на похитителя юных дев? Вы же меня не боитесь? Дайте только выбросить бутылки.

Профессор отошел к мусорному контейнеру, и Кристина услышала, как звякнули бутылки «Амброзии». Неудобно было отказывать такому приятному человеку. Как будто она его боится. Это может его оскорбить.

— Нет, ну что вы! — она посмотрела на табло. Восемнадцать минут. Так и околеть можно. — А давайте, поехали!

Профессор подхватил ее чемоданчик. Они добежали до белого автобуса и поднялись в салон. На входе профессор показал куаркод со своего телефона и отсыпал мелочь.

— Здесь надо платить? Давайте я заплачу за себя.

— Это за парковку, вы здесь ни при чем. Располагайтесь, где вам удобнее.

— Господи, как тепло! Уже жалею, что не осталась на Мальте подольше.

В автобусе с ними ехала та невероятной красоты молодая мусульманка с мужем и ребенком, а также пожилой мужчина африканского происхождения в широком салативо-зеленом клетчатом пальто, надетом поверх обычной черной парки, и элегантных клетчатых брюках. Такая стрит-многослойность наверняка была следствием холода, а не изучения модных трендов, но выглядело это изумительно — именно потому, что не было какой-то дизайнерской выдумкой. Из-за чего она всегда вглядывалась в стрит-фэшн, особенно в стрит-культуру небогатых районов, она даже собиралась

посвятить истории интеграции стрит-фэшна в индустрию свою следующую курсовую работу.

Автомобильная стоянка номер три больше была похожа на огромное кладбище, тем более что указатель на кладбище они тоже только что проехали. Огромный заснеженный пустырь, окруженный забором с колючей проволокой, на котором теснились покинутые хозяевами автомобили. Над кладбищем взлетал самолет — можно было наблюдать взлет очень низко. Они зашли на стоянку вместе с семьей, ехавшей с ними в автобусе. Африканец растворился в тумане.

Когда они шли по заснеженной дорожке к машине, она вдруг испугалась и стала ругать себя за то, что согласилась на предложение незнакомца. Особенно вдруг страшно стало, когда та семья исчезла из вида и они остались одни на этой огромной пустой стоянке. Она вдруг почувствовала запах мочи. Видимо, здесь не было туалетов, и некоторые не отказывали себе в возможности облегчиться, спрятавшись за соседней машиной.

Но вот профессор пикнул пультом — в ответ ему мигнули огни большого черного «порше», и страх пропал. Она хотела было сфотографировать номера, но профессор открыл багажник, чтобы положить ее чемодан, и кивком головы предложил садиться в машину. Оскорблять его недоверием ей не хотелось, номер она запомнила, но фотографировать не стала. Дверца захлопнулась.

— Никогда этот куар-код не работает, нажму на кнопку, — провозгласил он, когда они подъехали к автоматическим воротам. Он опустил стекло водительской дверцы и нажал на кнопку связи с диспетчером. Никто ему не ответил и не запросил номера квитанции. Ворота просто открылись, выпуская машину со стоянки.

4

Комиссар полиции Казимир Гнедич вышел из припаркованной машины и пересек по диагонали синий квадрат парковочного места для инвалидов, наступив на пиктограмму, изображавшую колясочника. Напарник едва поспевал за ним.

— Сколько раз проезжал мимо и никогда не думал, что однажды здесь пообедая. Как-то в голову не приходило. Слишком необычно. А когда слишком необычно, кажется, что тебе не по карману.

Казик усмехнулся:

— Сейчас сам все увидишь.

Они поднимались по пустой белой лестнице. Поворот, еще поворот. Направо — заснеженная детская площадка с гаргантюанскими фигурками уродливых утят и насекомых на пружинках, за ней — выход на наружную лестницу: «Бон вояж», налево — сияющая надпись «Ресторан» — слово, которое всегда отпугивала Жана. Он

предпочитал менее пафосные кафе, бистро, закусочные, только не этот вот «ресторан».

Однако ресторан оказался обычной столовкой. Проезжая мимо этого моста-ресторана, Жан всегда представлял себе нечто особенное за этими стеклянными витринными окнами, особенно когда вся эта конструкция светилась в ночи теплым оранжевым светом. А тут он увидел почти пустой зал, обычные столики без скатертей и кресла с дерматиновыми сидениями, потрескавшимися, словно кора деревьев. Из глубоких трещин местами торчал поролон. Очереди к стойке тоже не было. Они взяли подносы и стали выбирать ланч по светящемуся меню.

— Мне, пожалуйста, болоньезе, — голос комиссара отвлек Жана от размышлений.

— Просто пасту или меню?

— Давайте меню. Что там в нем? Кола и десерт. Хорошо. Где взять десерты?

Парень указал на светящуюся витрину, и Казик направился к ней.

— И мне возьми. Я тоже беру меню.

— Тирамису или шоколадный? — закричал Казик на весь пустой зал.

— Шоколадный.

Жан взял бургер-меню и прихватил для напарника фанту из холодильника. Комиссар Казимир Гнедич всегда пил фанту.

Они выбрали столик над исходящим потоком автомобилей. Это было волшебное зрелище — сидеть над этими потоками. И не просто сидеть, а еще и наслаждаться десертом. Комиссар всегда начинал с десерта — после нормального сытного обеда никогда не хотелось никакого сладкого дерьма, а вот умять десерт, пока ждешь горячее спагетти — милое дело. Тем более, Жан уже пожирал свой бургер, и смотреть на него было невыносимо.

Терраса для курения была закрыта. Он взгляделся в глубину — что-то мелькнувшее там его насторожило.

— Я выйду покурю.

— Терраса вроде закрыта. Холодно, никто не сидит уже на открытом воздухе.

Казик дернул ручку, убедился, что терраса закрыта, и подозвал работника кафе:

— Откройте, я выйду покурить.

— Терраса закрыта на зиму. Курите на улице.

Казик предъявил свое полицейское удостоверение:

— Не очень-то вежливо выгонять посетителей на улицу, когда в ресторане имеются специально отведенные для курения места.

Жан только покачал головой. Так злоупотреблять служебным положением! Однако работник тут же принес ключ и пепельницу.

Оказавшись за стеклом, Казик достал сигарету и закурил. Затем Жан увидел, как напарник вынул свой айфон, вставил гарнитуру в ухо и стал медленно с кем-то говорить, опершись задом о столешницу единственного на террасе большого стола.

Казик подошел к одетому не по погоде сутулому блондину в красной футболке, который сидел в торце стола, непринужденно скрестив руки на груди. Он сразу же, как только выбрал столик и бросил взгляд на террасу, заметил этого парня.

— Раньше я тебя здесь не видел. Впрочем, неудивительно, в такое место обязательно должен был кто-то прийти. Идеальное пространство для таких, как ты, да? Пустынно, никто тебя не тревожит, и за жизнью проезжающего сброда можно понаблюдать.

Парень в красной футболке молчал. Ему неинтересно было отвечать. Большинство из них неразговорчивы. Именно поэтому они выбирают такие места. Им уже неважно, холодно здесь или тепло — им не нужно тепло. Им не нужна пища и вода. Главное, чтобы было пустынно и не суетно. Однако иногда их тянет к людям. Просто понаблюдать.

— Подожди. Мне кажется, я где-то раньше тебя встречал? Двойное убийство под мостом святого Аманда!

Блондин едва заметно кивнул.

— Ты несколько лет просидел под этим мостом. Тоже хорошее место, я бы и сам там поселился в твоих обстоятельствах. Убийство так и не раскрыли, насколько я помню. Можешь даже не говорить, как тебя зовут. При случае запрошу дело.

— Олаф.

— Олаф. Как снеговика? Из детского мультика? Хорошо, Олаф. Казик, — полицейский ткнул себя пальцем в грудь. — Будем знакомы. А пока я пойду перекушу. Всего доброго! Чус!

Полицейский затушил сигарету в пепельнице и покинул террасу.

Пока Казик курил на террасе, принесли пасту болоньезе. Это были самые обычные столовские макароны-перышки, залитые обжаренным фаршем, не очень обильно разбросанным по коричневому соусу. Он потряс над порцией пакетиком с сырными крошками и приступил к обеду. Жан уже доедал свой десерт.

— Ты с кем-то говорил по телефону? Начальство звонило?

— Личное.

Они оставили подносы на столе для грязной посуды и направились к выходу. До Рождества было еще далеко, не настало еще даже время Адвента, а в зале уже стояла елка, возле которой висела гора настоящих игрушек — плюшевых гигантов, кукол, коробок с разными роботами.

— Они что, продают их здесь? Иначе какой смысл выставлять здесь настоящие игрушки. Ладно там, медведя можно взять поиграть, а коробку с паровозом никто ведь не позволит распечатывать.

— Ты во всем пытаешься найти дополнительный смысл. Возможно, все гораздо проще, и владелец решил, что гораздо дешевле вместо новогодних декораций выставить коробки с настоящими игрушками.

— Брр-ррр. Холодно. Поехали на лифте.

— Никогда не пользовался здесь лифтом.

— Просто для тепла.

— Сейчас в машине будет тепло. «Ответственный за содержание лифта — компания “Кувейт ЛТД”». Откуда здесь Кувейт? И зачем я вообще это прочитал? Мне что, больше не о чем задуматься в этой жизни?

— Господи, сбылась мечта идиота — посидеть в этом ресторане! Лучше бы не сбывалась. В моих иллюзиях он был гораздо привлекательнее. С прекрасными дамами, фужерами и приборами на салфетках.

— Прекрасная дама там была. Поглощала какую-то дрянь и пялилась на тебя из угла, а ты, как всегда, ничего не заметил, — проговорив это, Казик снова вытянул из пачки сигарету.

5

Казик никогда их не искал. Они появлялись в самых неожиданных местах, вдруг вспархивая яркими красками в проемах окон заброшенного здания, как девушки на знаменитом фото Ормонда Джильи. Летом их даже не отличить было от бомжей, заселяющих самые неудобные углы — летом везде тепло, и никогда не поймешь, кто это там сидит на раскладном стуле среди овощных коробок — обычный бродяга и наркоман или один из них. Зимой было проще. Вот и сейчас, обратив внимание на молодого человека, сидевшего у заброшки над заливом, он задался сомнениями. Это был старинный мальтийский особняк из желтого камня, парадная дверь была забита жестью, уже успевшей проржаветь, балясины балкона крошились, ступени поросли каким-то тропическим плющом, но все равно он создавал впечатление внушительного аристократического родового гнезда.

Никогда раньше комиссару уголовной полиции Казимиру Гнедичу не приходилось бывать на Мальте. Крохотный аэропорт не отличался от других островных аэропортов, на которых ему приходилось бывать. Он вполне мог спутать его с аэропортом того же Корфу, куда он однажды летал в отпуск — тот же самый модернизм шестидесятых, изрядно поизносившийся и потрескавшийся. И хотя они катили по обновленной полосе, другие полосы были покрыты поистине вулканическими трещинами, тщательно залитыми каким-то темным составом. Казимир забрал багаж и, еле отбившись от тщательно зализанного бодрого юноши лет сорока с туристическими брошюрками, пошел на выход. Встречающих было

немного, и все местные таксисты и аэропортовые проходимцы пялились на него и на сотрудника мальтийского интерпола, который приехал его забрать.

— Вам не повезло с погодой. На прошлой неделе еще купались, а в последние дни постоянно штормит и дождь. Зимой хозяйничает *григаль*, такое иногда бывает — просто светопреставление! Приедем, пока не забыли — покажу вам видео, как три года назад на набережную выбрасывало рыбу. Водители останавливались на трассе и просто подбирали ее с асфальта. Не поверите своим глазам!

Пальмовая листва над припаркованными машинами угрожающе шумела. Воздух был влажный и теплый — приятно вдыхать после бельгийских холодов. Они уселись в старенькую, но не такую плохую «хонду сивик» с правым рулем, и понеслись в направлении столицы. По дороге мальтийский полицейский коротко ознакомил прибывшего с распространенными заблуждениями и реальной географией архипелага.

— Помимо Мальты — все забывают — на нашем балансе, так сказать, еще острова Гозо и Комино. С Комино проблем не бывает — население два с половиной человека...

Они припарковали автомобиль возле пиццерии с желтыми маркизами напротив департамента, такого же древнего обшарпанного здания, как и все, мимо которых они проезжали, над которым, однако, гордо развевался флаг страны. Коллега кивнул на табличку у входа:

— Полиция Мальты — старейшая в Европе, учреждена в самом начале девятнадцатого века, как можете видеть. Однако с интерполом мы начали сотрудничать только в семидесятых.

Судя по интерьеру, в семидесятых здесь все и застыло. В кабинете было по-домашнему уютно, в верхней арочной створке окна лениво вращался допотопный лопастный вентилятор. Сотрудница предложила им кофе, и Казимир пожалел, что не захватил с собой бельгийского шоколада в качестве сувенира. В этой обстановке такой презент смотрелся бы вполне уместно. В департаменте так же лениво, как вращался местный вентилятор — лениво, но планомерно — вот уже с полувековым стажем, занимались прежде всего мошенничеством и отмыванием денег, наркотрафиком и деятельностью международных картелей.

— Семья живет в районе залива Марсаскала, сразу за церковью святой Анны, сейчас мы с ними созвонимся, а после обеда я могу вас туда отвезти. Думаю, всем будет комфортнее, если вы встретитесь с ними дома, заодно посмотрите обстановку. Если вы предполагаете, что девушка могла не вылететь с Мальты, обратите внимание на первую реакцию родственников. Запрос в аэропорт мы уже подали. Но перед обедом мы вас поселим.

Здание, в котором находилась служебная квартира для командированных, находилось в новом квартале, в одном из одинаковых кирпичных домов с белыми балконами, похожими на кирпичики Лего. В полной тишине ему даже был слышен звук, с которым они в свое время к этим домам прищелкивались. Настолько в этом квартале все казалось ему игрушечным.

Они прошли вдоль длинной стены, как бы в узком тоннеле, продуваемом сквозняком, и подошли к подъезду. Коллега объяснил ему, что такие туннели сооружают специально, чтобы по двору гулял ветер и охлаждал стены, потому что летняя жара бывает невыносимой. В идеальном чистом подъезде пахло средством для уборки.

— До вас тут приезжал коллега из Норвегии, одного бизнесмена пырнули ножом просто на улице, но поскольку бизнес его был несколько сомнительным и имелась вероятность, что он связан с некоторыми конторами, незаконными конторами, или почти законными, занимающимися здесь отмыванием денег, это дело потребовало присутствия представителя Норвегии. В квартире убирали, но надо немного подождать, чтобы выветрился запах табака. Конечно, мы не можем вам запрещать, но рекомендуем не курить в квартире. Воспользуйтесь балконом.

6

Выпал первый снег. Казик заметил это не сразу. Спустившись с утра на кухню, он не стал включать обогреватель, а вместо этого сделал несколько упражнений для плечевого пояса — руки вверх, руки в стороны — скорее, чтобы согреться и придать значимости ленивому утру, пока поджаривались тосты и брюзжала кофеварка. Взглянув на потолочное окно, вместо неба он увидел только мутное пятно — окно было засыпано снегом. Он раздвинул шторы, чуть не наступив на одну из них. «Клоте-клоте¹, Дрис ван Нотен!»² — шторы до сих пор были не подрезаны и стелились по полу, как брюки одного из знаменитых костюмов Дриса. Поднял планки жалюзи — и в душе вдруг вспыхнула радость, яркая, как в детстве, когда смотришь на первые снежинки, падающие на землю, на покрытые белым одеялом черепичные крыши с черными проплешинами вокруг каминных труб и тонкий дымок, проплывающий от соседей сквозь эту снежную красоту. Тут же вспомнилась мелодия из телевизионной передачи «Пеппи и Кокки», из каких-то детских ощущений тридцатилетней давности — и напевая эту мелодию, он наваливал на тосты все, что нашел в холодильнике — сыр, салями, консервированный перец, остат-

¹ Клоте (нидерл.) — проклятье, черт побери.

² Дрис ван Нотен — известный бельгийский дизайнер.

ки листьев салата. Сдобрив всю эту красоту «Самбал олеком», он уселся завтракать.

Жена профессора вместо того, чтобы сгладить ситуацию, начала вчера расписывать, какой ее муж хозяйственный и домовитый, обустроивает летний домик возле монастыря под Брюсселем, хочет сдавать туристам посуточно. Она, конечно, рассказывала это не для того, чтобы навредить мужу, а простодушно приукрашала его образ в глазах вежливого и, несомненно, по-доброму расположенного к ней комиссара. И ехать надо было именно сегодня. Поскольку по той же простоте душевной она полностью перескажет свой разговор с полицейскими мужу, а тот, если он все же имеет отношение к делу, откладывать сокрытие улики не станет.

Автомобильные «дворники» первым движением сдвинули сугроб с лобового стекла, шурх-шурх — смахнули оставшееся, — и Казик медленно вырuling с дворовой парковки на свою улицу. Когда он только купил этот свой «мицубиши», то не отрегулировал зеркала после предыдущего хозяина. Тот, видимо, был пониже ростом, и Казик этого не учел. Кресла отрегулировал, а на зеркала внимания не обратил. Поэтому получилось ситуативное слепое пятно, которое возникало только в случае, когда машина движется навстречу с его же скоростью. Он так это понял, когда пытался разобраться. В общем, задел машину мужика с соседней улицы — просто не увидел, что машина стоит на перекрестке слева, куда он поворачивал. Немного задел, все порешали в итоге, обе машинки — как новенькие, и зеркало на СТО ему заодно отрегулировали. Но с тех пор на этом своем монстре он особенно осторожно ездил по маленьким улочкам, даже если они ему были хорошо знакомы и катался он по ним уже очень много лет.

— Жена у него дура, конечно. Вспомнил, как один раз допрашивали мать мужчины, который совращал собственную дочь, когда ее отпускали к нему на побывку, — Казик рассказывал это, как будто оправдываясь перед напарником, которого вытаскил в такую погоду в нерабочее субботнее утро, чтобы проверить дом, даже адрес которого пробывать пока было незаконно — не соответствовало процедуре. — Пожилая женщина искренне не могла в это поверить, и чтобы выгородить сына, стала плести чушь, которая ему только больше могла навредить. Мол, он такой заботливый отец, когда ее к ним отпускают, он все время проводит с дочкой. На зимних каникулах он даже взял отпуск на работе, чтобы быть все время с ней. Я понимаю, что полно нормальных отцов, которые проводят все время с детьми, и укладывают их спать, и купают. Нет, там случай был абсолютно доказанный, плюс у него в компьютере нашли залежи детской порнографии. «Он фотограф, он работает и днем, и ночью. Постоянно сидит за компьютером, когда не на работе. Он очень трудолюбивый и делает все, чтобы заработать и помогать де-

вочке». В общем, напомнило мне ту историю. Непременно надо было взглянуть на этот домик возле монастыря.

Объехать монастырь не получилось — единственная дорога была перегорожена бетонными блоками, поэтому автомобиль пришлось поставить на парковке возле центрального входа. На вазонах с геранями, которые как-то даже умудрялись цвести этой теплой зимой, еще лежал снег.

— У нас нет никаких оснований просто запросить разрешение на обыск?

— О чем ты говоришь? Мы просто едем взглянуть. Даже хорошо, что она так незаметно обмолвилась. Я не стал акцентировать на этом внимание. Надеюсь, она об этом даже не вспомнит в разговоре с ним, и если там что-то есть, мы сможем дать запрос о круглосуточном наблюдении.

— Даже если там что-то есть, круглосуточное наблюдение ничего не даст. Ну, навещает он этот домик время от времени, ну, привозит стройматериалы какие-то. Йозеф Фритцль, как ты помнишь, двадцать четыре года удерживал в подвале дома свою дочь... своих дочерей, детей... Фу, блядь, мерзость, даже не хочется вспоминать. Двадцать четыре года. Ты можешь себе представить? И, к слову о любящих женах и матерях, никто ничего не заподозрил.

Они медленно шли вдоль монастырской стены в направлении поселка — впрочем, это был даже не поселок, а несколько разбросанных по холмам домиков, скорее всего, старых фермерских построек, которые позже новые владельцы приспособили под жилье. Карминно-красная стена монастырского строения была высоченной, и если на уровне второго этажа окна были обычного размера, то на уровне первого они были скорее похожи на бойницы — узкие, высокие, но также перегороженные решетками — до смешного — в одну или две струны. За некоторыми из окон пробивался свет.

«Интересно, почему такие окна именно на первом этаже? — размышлял Казик. — Как бойницы они не годятся — кто стреляет из подвалов? Бойницы, по идее, должны быть вверху. Наверное, для сохранения тепла. Но почему тогда на втором этаже (если это второй), обычные окна? Возможно, летом они жили в верхнем этаже, а зимой отапливали только нижний, а верхний закрывали?»

— Я не верю, что жена не знала, — продолжал кипятиться сержант. — Как можно не замечать очевидных вещей? Каждую неделю им надо было покупать тележку еды. Когда дети были маленькими — памперсы, постоянно детскую одежду разных размеров. У меня один ребенок, и когда я езжу в супермаркет и выкладываю на ленту продукты, сложно этого не заметить. Неужели за все эти годы он не встретил в магазине никого из своих соседей? Даже если ездил в супермаркет без жены. Допустим. И тогда еще в ходу были наличные, и жена не могла проследить по его карте, ку-

да уходят средства. Допустим, она не смотрела чеки, которые у него по карманам были рассованы — хотя, я в это смогу поверить в самую последнюю очередь среди всего перечеленного. К тому же, в глубинке все друг друга знают, все эти продавцы магазинов, соседи, которые должны были видеть, как часто он навещал тот якобы пустой дом и что привозил.

«Или на верхнем этаже вели обычный для монахов образ жизни, а в нижнем у них были пыточные и ритуальные секс-комнаты», — подсказывал Казимиру дьяволенок с левого плеча. Так они шли мимо этих вертикальных фонариков в неприступной стене. Казик вполуха слушал рассуждения сержанта и пытался отогнать глупые мысли. Стена собственно здания закончилась, и потянулась заградительная стена, словно старинное серебро, подернутая тонкой зеленой патиной. «Серебро не бывает красным», — шепнул на прощание дьяволенок и заткнулся.

— Ты еще слишком молод, мой друг, — наконец-то вклинился он в рассуждения напарника. — Я вполне допускаю, что эта курица не то что ни о чем не догадывалась, но любой странности находила оправдание. Обыватели могут быть чудовищно слепыми.

— Но не настолько же! Месяц, два... ну, год. Я могу себе это представить. Но двадцать, сука, четыре года! Жену тоже надо было привлекать.

По зданию и заградительной стене тянулись сухие ветви плюща. На стене здания плющ уже высох — и ветви напоминали серые вены смерти, дельту реки, волосы мертвой возлюбленной. На заградительной стене, дотянувшись до верха, плющ еще зеленел, а кое-где он выглядывал из-за стены, с территории монастыря, выбиваясь сквозь несколько рядов колючей проволоки — как пытающийся сбежать узник. Дальше забор стал ниже — и отойдя на довольно значительное расстояние, они уже могли рассмотреть всё вытянувшееся по линии горизонта монастырское строение — с монолитным комплексом зданий, башнями и укреплениями, составлявшими единый ансамбль. Зрелище было впечатляющим и таинственным.

— Именно поэтому я и решил взглянуть на его загородный домик. Придраться там не к чему: он довез девушку до брюссельского вокзала, потому что было холодно. Вполне логично. Ничего странного. Попрощался. Больше не встречал. Даже телефонами с ней не обменялся. Что ты ему предъявишь? А взглянуть надо. Чтобы это тоже не превратилось в двадцать четыре года. Как, кстати, ты помнишь, что именно двадцать четыре? Не зря в отделе ходят слухи, что у тебя феноменальная память.

— «Калибан».

— В смысле? — Казик остановился и огляделся вокруг. Не сказать, что место было совсем безлюдным. Несколько раз они встретили мужчин и женщин, гуляющих с собаками. За забором было все

еще зеленевшее поле. Там, где забор был невысок, а кое-где уже даже повален, можно было увидеть футбольное поле, площадку для тренировок охотников и вышку для стрельбы по мишеням.

— У группы «Калибан» есть песня «Двадцать четыре года», посвященная этим событиям.

— Что за группа? Впервые слышу.

— Немецкая. Да должен был слышать, она с девяностых существует.

— В таком случае, название группы провидческое.

— В каком смысле?

— Но скорее, тут речь не о предвидении, — он продолжал разговаривать сам с собой, уловив, что Фаулза сержант не читал. — Просто если изначально у тебя установка именно на такой трэш, жизнь всегда подкинет тебе материал для песни. Но я трэш не слушаю, честно говоря. Металл вообще не люблю.

Там, где забор был повален, они увидели хибарку. Хибарка, очевидно, тоже принадлежала монастырю. Дверь в нее была не заперта. Во дворе кроме двух деревянных стульев стояло нечто, похожее на школьную парту пятидесятых годов. Сначала Казик подумал, что это парта, но потом понял, что это фрагмент храмовых сидений — скамейка со столом. Его смутило, что эта парта была черного цвета. Однако, для храмовых скамеек стол слишком широкий. Возможно, при монастыре была школа, и это действительно парта.

Напротив, через дорогу, за живой изгородью боярышника и коваными воротами, украшенными по всему полю черными — а на стыках створок золотыми — акантовыми листьями, мерзли ухоженные ряды виноградника. Виноградник был небольшой, но видимо, имел историческое значение, поскольку за воротами находился информационный стенд с копией старинной карты этого виноградника в виньетке из монастырских зданий. На огромной винной бочке, увенчанной литым чугунным рукопожатием, также имелась какая-то табличка.

Он подошел поближе к изгороди и всмотрелся в табличку. Тут он почувствовал, что кто-то так же напряженно всматривается в него. В сплетении веток боярышника, за трепещущими, еще местами зелеными, но поредевшими листьями, как в колючей клетке, сидела маленькая зарянка. Распушившись, почти перестав дышать, птичка внимательно смотрела на него своими черными булавочными глазами. Он медленно, стараясь не спугнуть зарянку, отошел от изгороди. Птичка не шевельнулась, пока он продолжал этот маневр. Хотелось, конечно, ее спугнуть, чтобы она вспорхнула или хотя бы шевельнулась, но в этот раз победил ангелочек на правом плече. Тем более, комиссар был здесь не на прогулке.

За виноградником виднелось словно гребенкой расчесанное поле, и чуть в сторону от этого поля, возле леса, уже можно было разглядеть дом, который они собирались осмотреть.

Гюнтер АЙХ

/ 1907–1975 /

Перевод с нем. Леонида Бердичевского

ПРОСМАТРИВАЮ...

Всем известно,
что Мексика вымышленная страна.
Так же как, открывая на кухне буфет,
нахожу в нём истину, похороненную
в ненаписанной мною книге.

Рисовые зёрна возникли
много веков тому назад.
За окном ветер отдыхает
в стороне от дороги.

ИСТИНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Происхождение благодарит истину
появляясь в песке корней,
измерив движение воздуха,
как может только птица.

Благоразумнейшее из извращений,—
собраться к перелёту ласточек к горам
вечерами, не задумываясь ни о чём...

Иное — в камнетёсной беседке,
при ярком сновидении,
вспомнить бабушкину загадку:
«Закрой глаза.
Сможешь ли ты услышать что-либо,
прислушиваясь к себе?»

ТВОЙ ДЕНЬ

Твой день фальшиво ползёт,
твоя ночь залита звёздами.
Тебя не оставляют мысли, —
терзая постоянно.

Так можно себя доконать,
при бесконечном ожидании
единственной лодки у реки.
Ноги твои — дерева ствол,
ты ищешь место швартовки.

Ты должен вернуться туда,
где дождь пьёт свежую зелень.
Шаги твои торопливы,
твои слова и гримасы вульгарны.

Ты становишься молчаливым,
как комар, испуганный штилем,
как цветок, лишённый ветерка.

ЛЕМБЕРГ

1. Город на множестве курганов
в блёклой желтизне.
Колокольные перезвоны
тонут в дребезжании
узнаваемых ритмов.

2. Он запелёнат в вечный страх
перед скрипами трамваев.
Пустыри пестрят сорняками,
даже перед сорванными воротами.

СВАЛКА

Всё начинается с крапивы, —
её ощущают как мировую грусть
при порывах ветра,
как скрип кроватных пружин.

Когда сдирается золото на чашке
с рисунков цветов и винограда,
как заставить себя разобраться, —
где откровенье, где любовь, где мысль?

Как обнаружить издѣвку в шутке?
Как соединить черепки по эмали
в состоянии душевного возбуждения?
Как вырастить собственное пламя?

В заржавленном шлеме
сохранить полновожье?
Заметить изгибы птицы при её купании?
Восстановить растраченную душу.
Заслужить милость пощады?

НА ОСТРОВЕ ХЕЛЕНЧЕНЗЕЕ

Мой осенний полёт во Вселенной
свободен, как ветер, как опавший лист.
Задерживается сбор винограда.
На гору всю валит снег.

Мой малыш не желает видеть и есть пищу.
В окно врывается сухой ветер, —
судорога зябкости слегка морозит.
Вихрят опавшие листья ясеня.

Из лесу долетает хилый дождик.
Цепляется к доске объявлений.
Трубный звук с коровьего пастбища.
В замочной скважине бабий хохот.

Мой осенний полёт по Вселенной
захлебнулся сумерками. Чёрные листья
извиваются, кокетничая, как змеи.
Желтеют стёкла окон в безумии света.
Слышу смех моего малыша,
поднимающий мой взгляд с колен.

Елена УЛИССОВА-ПИАНКО

/ Париж /

ДАМЫ И МУХА

В ресторане замка Шантйи сидели две интеллигентные пожилые дамы. Сквозь маску густого макияжа пробивались следы их бывлой красоты. Одну из дам знакомые шутивно-иронично называли *Изящная руина*, другую, на год помладше, — *Жалоба прошлого*. Приятельницы попивали чай на английский лад. На столике стоял молочник со сливками, в серебряном чайнике был крепкий чай, на хрустальном блюдечке лежали шоколадные конфеты, крекеры, и к ним — тающие во рту взбитые сливки Шантйи.

Прямо над столиком на потолке сидела прелестная муха. Её вытянутое тельце строгих пропорций, зелёные удлинённые глаза, прозрачные крылья с синевой пленяли ярким блеском. Божественные силы наделили муху бессмертием и волшебными чарами: она не только оставалась вечно юной, но могла понять множество языков, чего были лишены народы Вавилонской башни после Всемирного потопа. Муха-волшебница, Муха-фея, Муха-полиглот.

Фее было очень жаль дам, ведь они, в отличие от неё, сильно поблекли с годами. И она решила украсить их самой собой. С мелодичным жужжанием взлетела Муха в воздух и опустилась на декорльте *Изящной руины*.

— Ой, что это на тебе? — воскликнула *Жалоба прошлого*. — Да это же муха. Неужели она сядет потом и на наши конфеты?

И *Жалоба прошлого* замахала над подругой шёлковым платочком. Муха взлетела, но неудача не поколебала её желания помочь бывлым красавицам. Сделав несколько кругов под потолком, она уселась на щёку *Жалобы прошлого*. Тут взмахнула рукой старшая дама, сгоняя с лица младшей непрошеную гостью. Непонятливые старушки-подружки!

Взлетев и снова заняв стратегическое место на потолке, Муха-волшебница погрузилась в воспоминания минувших времён. Каким успехом пользовалась она у французских аристократок в XVIII веке! — конечно, пока головы кокеток не оказались под лезвием гиль-

отины. Вот это была незабываемая эпоха, не то что сегодняшняя неудача! А ведь Муха, как ей казалось, мечтала сделать только приятное: наградить дам искусством обольщения. Прильнув к груди *Изящной руины*, ей хотелось подчеркнуть благородство и великолепие былой красавицы, прикоснувшись же к щеке *Жалобы прошлого*, крошечная фея надеялась придать её лицу прежнюю обольстительность. Нет, увы, не поняли дамы языка символов, закричали, согнали с неприязнью! А вот прежние жеманницы были страстно увлечены мушками и умели чёрными кружочками и полумесяцами оттенять белизну кожи. Само название «мушка» льстило самолюбивую Мухи-фею. Не раз видела она, проникая в апартаменты дворцов, как прелестницы старательно наклеивали кружочки тафты и бархата: скромницы — на подбородок, кокетки — на уголки губ, страстные «любезницы» — у виска или на декольте. Некоторые светские львицы, забавляясь, покрывали себя множеством мушек!

Попробуй-ка тогда разгадать их кодовый смысл! Хранились мушки в специальных коробочках. Изящные изделия, эти коробочки! На них чаще всего изображались галантные мифологические сюжеты: Амур и Психея, Афродита и Адонис, Зевс и Леда... А ещё наша фея гордилась названием пародийного рыцарского ордена: *La touche à miel*. Прелестная герцогиня дю Мэн крошечного роста — не выше восьмилетней девочки — придумала орден и принимала в него избранных. Под её своевольную скрипку плясали лучшие умы Франции: Вольтер и д'Аламбер! Правда, под медоносной мухой, *La touche à miel*, подразумевалась трудолюбивая пчёлка, но всё-таки и муха не была забыта.

Наша чародейка сожалела, что мода на мушки пропала в XIX веке. Однако с Belle Époque интерес к насекомым всколыхнулся с еще большей силой. Лучшим из ювелиров той поры наша крылатая волшебница считала Рене Лалика. Правда, она немного переживала, что замечательный творец увлекался жуками, кузнечиками, осами, не говоря уже о бабочках и стрекозах. И всё же мухи из стекла, эмали, перламутра и драгоценных камней заняли достойное место в коллекции прелестных изделий, внушая нашей Мухе чувство гордости.

А вот сегодня какой позор и унижение испытала она с дамами! И всё же Муха-фея подавила в себе разочарование, решив прислушаться к разговору подруг, тем более что знания различных языков делали её гениальным лингвистом.

— Знаешь, Юлия, а давай-ка вспомним разные интересные истории, которые происходили с нами, — предложила *Жалоба прошлого*, отодвинув чашку с чаем.

— Великолепная мысль! — откликнулась Юлия, — для меня самые яркие воспоминания — это полёты. К сожалению, они остались далеко в прошлом.

— Что же в этом интересного? — раздражённо возразила её спутница, — все летают самолётами. Я помню, ты рассказывала об экскурсии на вертолёт с лётчиком и гидом, когда отдыхала на острове Реюньон; а в турецкой Каппадокии тебе запомнился полёт на воздушном шаре. Но ведь это доступно всем.

— Я говорю совершенно о другом. Знаешь, Аннетт, лет с пяти во сне я часто летала. Нельзя сказать, что полёты были радостными. Кошмары, связанные со страшными сказками, населяли мою голову. Чаще всего меня преследовала ведьма. Мучительница не летела в ступе, не было у неё ни костяной ноги, ни верных помощников — гусей и лебедей, как в русских сказках. Во сне ведьма бежала, пытаясь схватить меня за лодыжки. Я мчалась, чувствуя затылком жаркое дыхание. И тут случалось чудо: я отрывалась от земли и взлетала. Но мой полёт не был лёгким и свободным. Почва, как магнит, притягивала к себе. И всё же я парила в нескольких метрах от земли, и в этом заключалось моё спасение. Сон повторялся часто. И каждый раз я себя убеждала: проснись, проснись, тогда ужас прекратится. Пробуждение было радостным, силы зла оставались за опасной чертой, в ином измерении. Удивительно, что моё лёгкое детское тело в кошмарах становилось свинцовым и тянуло вниз. Полёт был вынужденным и нежеланным.

— Но это случалось только в детстве? С возрастом ты перестала совершать полёты? — продолжала спрашивать Аннетт.

— Ты ошибаешься, полёты во сне продолжались у меня ещё долго. Только со временем я усовершенствовала технику взлёта. Больше не надо было отрываться от земли, я просто вбегала на самый высокий этаж дома и выбрасывалась из окна.

— Ты делала это с удовольствием?

— Нет, вынужденно. Каждый раз вылет из дома был подвигом, шагом к воле и избавлению. Зато сам полёт стал наслаждением и длился долго. Я научилась во сне погружаться в природу, чаще всего ночную, удивляясь тому, что не чувствовала ни холода, ни усталости, что могла на какое-то время повиснуть на ветке дерева, а затем продолжала лететь без всяких усилий.

— Значит, ты превращалась в птицу? — задала вопрос Аннетт.

— Я думаю, примером для меня служили белки.

— Белки? Но ведь их можно видеть повсюду, на заборах, в садах и парках. Они же прыгают, а не летают.

— Нет, не они. Белки обыкновенные, векши, несмотря на свою ловкость перемещения, не стали моими наставницами. Видишь ли, мне было пятнадцать лет, когда родители, зная моё увлечение природой, сделали мне прекрасный подарок — отправили на каникулы в Квебек, в кантон Дюдвель. Там я жила в деревушке Мальбертон. Загляденье! Сплошные смешанные леса с кедрами, клёнами, буками, лиственницами и елями! С рюкзаком за спиной и жидкостью против насекомых (тут наша Муха вздрогнула от неудовольствия),

я уходила днём в походы. Но вот как-то раз, рассматривая у хозяев книгу по зоологии, я обнаружила, что здесь живут белки-летяги. В Квебеке их называют Grands polatouches. Внешне они уступают векшам. Их шубка не ярко-рыжая, и нет у них хвоста с красновато-огненным отливом. Шерсть у них коричневая, лишь брюшко белое, зато хороши их большие чёрные глаза. Белки-летяги ночные жительницы. Представляешь, они могут летать на расстояние до 50–70 метров! С верхних веток спускаются постепенно вниз, подруливая хвостом и используя воздушные потоки. Какие умницы! И я задалась желанием увидеть их. Тайком от хозяев уходила в сумерки в лес, преодолевая страх. Луна, верная помощница тех, кто страдает бессонницей, освещала путь. Ночные вылазки стали наваждением. Хозяева не понимали, почему я бледная, почему лихорадочно блестят глаза. Беспokoились, не больна ли я. Но вот однажды мне либо померещилось, либо на самом деле белка-летяга плавно спустилась неподалёку от тропы. И я сказала себе: довольно, стоп, нельзя истязать себя дальнейшими ночными поисками. С тех пор я больше не бродила ночами, как сомнамбула, мирно спала, и научилась полёту, о котором рассказала тебе. Ну а теперь настала твоя очередь поведать мне свои тайны.

— Я расскажу о том, что произошло со мной в десятилетнем возрасте. Тогда мой отец работал во французском дипломатическом корпусе в Москве. Он решил доставить нам с мамой удовольствие и отправил летом в Туркменистан. Всё казалось необычным и привлекательным: экзотическая природа, милые приветливые жители, умеющие довольствоваться малым и не унывать. Жили мы в скромном домишке. И вот почти сразу как поселились, в моей комнате вечерами стал кто-то стучаться в пол. Я удивилась и захотела, не обращаясь к маме и местным жителям, посмотреть, откуда идёт странный шум. Опустившись на корточки, увидела около стены придвинутый большой камень. Отодвинула его в сторону, и тут на меня выползла хорошенькая змейка. Она проползла мимо, сделала круг по комнате, вернулась ко мне. С первого же раза я рассмотрела её. Миниатюрная, не больше 40 сантиметров, коричневая, подобно твоей белке-летяге, и с изящной светлой полоской по бокам в виде зигзага — вот что значит геометрия в природе! И с этого момента мы стали друзьями. Когда она уползала из комнаты, я придвигала камень, но при малейшем шорохе за стеной открывала ей путь. Мне было особенно приятно, когда она обвивалась вокруг моего запястья или щиколотки. В такие моменты я могла бы соперничать с мамой, у которой были красивые украшения. Одно из них больше всего нравилось мне: золотой браслет из двух перевитых змеек с глазами-изумрудами. А у меня теперь была настоящая змейка, живая, подвижная, замечательная! Наши с ней встречи продолжались неделю. Но вот однажды к нам пришёл местный биолог. «Вы знаете, что в Туркменистане надо опасаться змей? — ска-

зал он нам с мамой. — В этих краях живёт большая змея, гюрза. Взрослые особи достигают двухметровой длины. Её яд смертелен. И всё же гюрзе не сравниться с песчаной эфой. Змейка маленькая — меньше метра — но такая удалённая! Она в пять раз ядовитее кобры. Неосторожные люди погибают от её яда».

— И ты рассказала маме, чем занималась вечерами?

— Нет, скрыла встречи со змейкой. Но я перестала открывать ход. Змейка-подружка долго стучалась, а я цепенела от страха. Постепенно шорохи прекратились. Недели через две я всё же отважилась и откатила камень. И что же? У входа моя змейка лежала мёртвой!

— Да, сколько непостижимого есть в природе! — вздохнула Юлия. — Если подходить рационально, то она, вероятно, предпочитала греться на твоём теле, а не в песчанике; а если уйти в сказочный мир, то к тебе приходил влюблённый принц.

Муха подумала: дамы правы, многое остаётся тайной для смертных, не то что для неё самой. И фея насекомого царства прониклась симпатией к Аннетт и Юлии. И хотя она видела, что время смыло их внешнюю привлекательность, что слои пудры лишь сильнее подчёркивали их возраст, но живость ума и внутренняя красота у этих дам сохранились. Могут ли смертные мечтать о большем? Наверное, нет!

Юрий БОБРОВ

/ Мюнхен /

* * *

Темно-зеленые листья одуванчиков
на моем балконе
в ожидании Нового года
и ветерка перемен.

* * *

Я, наверное,
грешен.
Но кто-то прощает
мои грехи.

* * *

Приятная маркиза
вернулась из Парижа.
В порту глотнула пива,
газету полистала,
и алая гвоздика
к плечу её пристала.

* * *

Столь много философии
рождает тоскливое перо.
И речи праздные
так возвышают душу...

* * *

Бросаю монету
достоинством в 2 евро
на асфальт —
орел или решка?..
Но тут подходит
промежуточный трамвай.

* * *

Опять книги разбросаны...
На ламинированной бумаге —
вензель, и скоропись
гаснет на ветру,
как выстрел в поле.

* * *

Снеговики во дворе.
Стук в окно.
Окно заперто изнутри.
Мысль, как сумасшедшая бабочка,
бьется во мне.

* * *

Рука на плече друга...
Возвышенных птиц полёт.

* * *

Муравей ползет
по граниту,
тянет нитку
времени за собой.

* * *

Поезд ушёл...
А по мне: так он никогда и не приходил.

* * *

Господь уберёт
от дешевого счастья:
дом, полный холодильник
и красотка-жена.

* * *

Это заманчивое слово: «Свобода».

* * *

Бумага стерпит...
Иногда взбрыкнет.

ЛЕСЯ ТЫШКОВСКАЯ

/ Париж /

ЕЕ ДЕРЕВО

— А как ты себя чувствуешь? — голос подруги заражал бодростью и оптимизмом.

— Только начинаю себя чувствовать, представляешь? Столько лет душа пыталась говорить со мной через тело, а я не слышала её голоса.

— Тогда я очень рада за тебя — ты на верном пути. А физически?

— Ну, я только начинаю идти, поэтому ещё не исцелилась окончательно... Но мне гораздо лучше. — Она поспешила закончить разговор, чтобы выйти из душной машины. Но едва отойдя, почувствовала головокружение и замедлила шаг. И вдруг увидела пожилого человека, фотографирующего на планшет дерево. Это было её любимое дерево, которое она снимала много раз весной, удивляясь, насколько оно похоже на страдающего от боли человека. Как ни странно, соседнее дерево с ровным стволом не привлекало её внимания и попадало в кадр только ради сравнения. Она с гордостью показывала фотографии окружающим, пока не услышала:

— А почему ты фотографируешь больные деревья? Разве ты любишься большими людьми?

Тогда она не обратила внимания на фразу подруги, и только сейчас она всплыла, давая понять, что это дерево, так же, как и все другие, которые притягивали её внимание последнее время, были отражениями её души. Ты больна! — кричали они ей языком жестов. Но она оставалась глуха.

— Это дерево я фотографировала много раз, — бросила она фразу человеку, стоявшему с планшетом.

— Вот как? — доброжелательный тон его голоса тем не менее все не говорил о желании остановить съемку и продолжить разговор.

Она прошла ещё несколько метров и поняла, что далеко уходить опасно: можно упасть в любую минуту. Посмотрела под ноги, чтобы убедиться в твердой опоре и почувствовала себя уверенней.

Я смотрю на дорогу, — повторяла она, чтобы зацепиться за слова и не упасть. А потом изменила фразу: когда я концентрируюсь на дороге, у меня меньше кружится голова. А потом изменила ещё: когда я иду своим Путем, у меня перестает кружиться голова!

Она так обрадовалась найденной фразе, что посчитала прогулку завершенной и повернула обратно.

— Так вы говорите, что фотографировали это дерево? — мужчина складывал планшет в рюкзак.

— Да, но не понимала, зачем. А сейчас понимаю: оно несло для меня персональное послание. Я фотографировала все высохшие и больные деревья, не понимая, что это моя душа больна. Вот, видите — следствие? — она смущенно указала на свой ошейник.

— Да, это дерево, несущее послания, — подхватил он, не заметив её жеста. — Его хотели срубить, но я заклеил метку клеем. Только вы никому не говорите. Вот, смотрите. Я нашел на земле и наклеил кору на метку.

— О, здорово! Огромная вам благодарность от этого дерева от людей, которым оно ещё может принести послания. Было бы обидно, если бы его срубили.

— Да, человечество больно и нуждается в посланиях... А вы видите это место, которое я заклеил? Это тоже послание. Посмотрите внимательно.

— Сейчас сфотографирую и посмотрю на снимок дома. А как вы его заклеили?

— Обыкновенным клеем для дерева. Видите? Я надеюсь, они не заметят...

— Похоже на слезы...

— А потом я залез наверх...

— Как же вам это удалось?

— Просто карабкался! Голыми ногами и руками.

Она вспомнила, как сама не так давно забралась на ветку плакучей ивы — правда, та была более доступна — и с каким удовольствием сидела там, не желая опускаться на землю. А потом смеялась, рассказывая друзьям:

— Представляете, это же надо было провести в университете восемь лет и всю жизнь сгибаться над письменным столом, чтобы в конце концов понять, что быть обезьяной на ветке — не так уж плохо.

— Ну, какая же ты обезьяна! Ты, скорее, дриада, — отвечали самые продвинутые.

Она посмотрела на ноги мужчины. Он носил сандалии без носков. Наверное, чтобы карабкаться в любую подходящую минуту.

— Невероятно! — наконец отреагировала она на его реплику.

— Сейчас найду видео...

— Да я вам верю. Вопрос в том, для чего вы это сделали: для дерева или для себя?

— Я вскарабкался, чтобы просто взглянуть сверху на то, что происходит внизу... Поскольку в повседневной жизни я растворен в прошлом настоящем и будущем...

— В каком смысле — растворён?

— Я хочу сказать, что нет прошлого, настоящего и будущего, а есть...

— Одновременность?

— Да! И чтобы увидеть эту линейность человеческого мышления, нужно подняться над ним, обрести измерение.

— А разве невозможно его обрести, приставив лестницу и не рискуя своей жизнью?

— Нет. Поскольку чтобы трансцендировать, нужно усилие. Я вам скажу больше: когда я оказался там, я понял, что смогу в будущем перелезть с одной ветки на другую на соседнем дереве...

— А не проще перейти от одного дерева к другому, тем самым сократив путь?

— Конечно проще. Это то, что делает всё человечество. Но это кратчайший путь. В нем нет отстранения и измерения, которое появляется, когда человек преодолевает, поднимаясь над плоской картиной, а потом преодолевает ещё и ещё... Человечество слишком привыкло жить в комфорте. В замках, огороженных глубокими рвами. Со всеми предоставленными удобствами...

— Простите, я вынуждена вас оставить. Вы мне уже подарили столько посланий, что мне нужно их срочно переварить.

— Конечно! — он совсем не выглядел обиженным. — И не забудьте про послание на стволе!

— Не забуду. Но для меня оно может быть отличным от вашего.

— Конечно. Все люди разные.

Она повернула к машине. Теперь прогулка была действительно исчерпана. Она с благодарностью думала о тех, кто спас её этим летом и вспоминала другое дерево, которое фотографировала десятки раз, перед тем, как однажды прийти к нему, но увидеть срубленный ствол, из которого уже прорастала новая жизнь. Её оставили жить в этом теле на этой земле, а её большое дерево постепенно выпрямляло спину и покрывалось зелеными листьями. Она, конечно, знала, что и это дерево когда-либо всё равно снесут, и что мужчине удалось продлить ему жизнь только на короткое время. Но уходя от образа всё дальше, повторяла: я — уже не это большое дерево, я разогну свой позвоночник, научусь опираться на себя, свою силу, напитывать себя соками земли и тянуться к небу, насыщаясь дождями и ветрами, радоваться жизни. И я не дерево рядом. Мне не нужно выбирать между ними. Просто подняться и посмотреть сверху вниз, объединяя ровное и кривое, здоровое и больное.

Она шла по тропинке, и ей казалось, что головокружение уменьшилось. Дома, посмотрев на фотографию, на которой были запечатлен заклеенный участок ствола, она ничего не обнаружила. Больные деревья больше не несли ей посланий.

Григорий ВАХЛИС

/ Иерусалим /

**Из книги
«Такая долгая зима»**

СЕНТЯБРЬ

I

Шоссе уходит за город, и лес
все видит, все запоминает.
В округе мало есть подобных мест,
по крайней мере, я других не знаю.

Там мусор тлеет в ломаных кустах,
и остро пахнет гарью утром ранним.
И слышно, как проходят поезда,
когда бредешь в некошеном бурьяне.

Осенний свет беспомощен и тих,
постройки за железною дорогой
почти невидимы, и все-таки без них
пейзаж был веселей — а так убог он.

Собачий труп еще висит. Петля
сверкает свежеею росой, и в общем,
смерть тут, в кустах, одной забавы для,
не редкость поутру в полузабытой роще.

Уже сентябрь. Все еще висит.
На проволоке, посреди поляны.
И ветер труп собачий шевелит,
в следах земля — разглядывать не манит.

Воскресный день. Почти что тихо, и там, за стеной, «последние известья» соседи слушают... Так что тебя манит идти от голоса людского к лесу?

Живого голоса... Как будто среди них (а может, ими) ты уже отмечен, и вечностью проглоченные дни неотвратимо движутся навстречу.

II

В овраге — лес. По дну бежит тропа. Вокруг листва, листву колышет ветер, здесь листопад — вот! Вот, еще упал! Но всех не перечесть и не заметить.

Из города туда, где ты стоишь, ползут дома, ступени, водостоки... Нет ничего тревожней стен и крыш, когда нигде не спрятаться от окон.

Деревья ждут, воздеты к небесам. Немеет лес в мольбе тысячерукой. Теперь его разверстые глаза полны неотвратимую разлукой.

И ветви голые хватают небосвод, сплетая пальцы в нерушимый невод. Ты эту бездну переходишь вброд, ты смотришь вверх — тебя пронзает небо.

Там, в синеве, где тонет синева, — сухой листвы неразличимый шорох, туда летят последние слова, там воздух спит в своих глубинных норах,

там промысел осеннего суда — лист улетает, небу неподсуден. Его несет — нас занесло сюда, но, видимо, недолго тут пребудем...

Сутулые, скользят, скользят листы по улицам, и тянутся к оврагу, где в страхе затаились я и ты, как прочие — беспомощны и наги.

Доносит ветер поминальный вой,
они уходят, покидая город
(их шарканье плывет по мостовой),
неотличимы от песка и сора.

Они в бреду. Уходят всей толпой.
Зима смиренно дышит им навстречу,
и голоса идущих на убой
ты слушаешь — но их невнятен речи.

Скольжение листа есть естество,
его полет непостижим и светел.
Уходит, навсегда оставив ствол,
и падает — один на целом свете.

Невидимый до смертного креста.
Листва есть лествица в непостижимой чаще,
где мы с тобой трепещем, два листа,
но в чаще неприметен лист дрожащий.

И мы с тобой того же естества —
листва и лес, от края и до края,
и где сыреет под ногой листва,
над нами тяжела земля сырая.

Уже зима, все замела зима,
за огородами, где брошенная роща
еще стоит, да только нету нас,
и сетует — и мы с тобой возропцем!

* * *

Горчичник уличного фонаря
все слабее, но каждый раз
тридцать первого декабря
ровно на́ год тускнеет глаз.
Уходят шорох, касанье, свет,
голос в прозрачном лесу.
Ты думаешь — этого нет,
а это значит — тебя несут.
Боль уходит, покидая тебя,
забывая обжитый дом...
Кто-то, волосы теребя,
оправляет твою пальто.
Он еще ненавидит слово «успех»,
торопливую кровь в сплетении жил
за суету — но быстрее всех,
всего быстрее проходит жизнь.

* * *

Падает дождь золотой на реку, город и остров,
как посветлела вода в черном пролете моста!
Вспыхнул осколок стекла — так ослепительно просто
вдруг обрывается жизнь, так безнадежно проста.

Свет золотой на воде — или волна золотится?
Или пылают светло сами причал и буксир?
Комнаты полупустой угол опять осветился —
зеркала огненный край в памяти, стертой до дыр.

Так ли тебя я любил, так ли тобой любовался,
так ли дрожал на стекле чутко горящим огнем?
Падает свет золотой, словно во сне улыбаясь,
падает с черных небес, падает ночью и днем.

Издаেকে долетит утренний скрежет трамваев,
в золоте пасмурных вод тихо плывут облака.
То ли горят в вышине, то ли под мост улетают,
и небеса подо мной, а надо мною река.

* * *

Вот из камней сочнется молоко.
Верблюдов гонит ветер, гонит ветер.
И семечко-кочевник так легко
живет на белом свете, белом свете.

Едва очнется в каменной пыли,
в горячий ветер пустит корни, пустит корни.
И встанет над землею ком земли,
скиталец в мире горнем, в мире горнем.

И до начала, до скончания лет
над бездной носится легко и грозно.
Восходит Млечный путь, яснее свет.
Верблюды лижут звезды, лижут звезды.

* * *

Ты кричишь мне «ау!», чуть белеет твой плащ сквозь кусты,
и смеешься опять, беспечально, светло и бездумно.
Я уже разумею, что окно и стена, — это ты,
что соврали над глиной худые кларнеты и трубы.

И когда через площадь, как в прошлую зиму, бегут
муравьиной бессмыслицей толпы по серому снегу,

разумею, что жизнь продолжается тут,
как последняя встреча, что Бог посулил нам, но не дал.

Вот желтеют аллеи, и снова смыкается круг,
и скамья, и кусты, и никто никогда не разбудит.
Мы как прежде с тобой. Разумею навеки и вдруг,
что как прежде с тобой, — никогда уже больше не будет.

Там в цементные шорты одетый, играет горнист,
повисает забытая нота над клумбою голой.
Я сегодня услышал — пронзительно ясен и чист
над моею постелью опять раздавался твой голос.

Собирай же каштаны в нашем парке, кричи мне «ау!»,
ничего кроме дня, кроме этого тихого смеха.
Мама! Мама! — ты где, погоди! Я иду!
Мама! Мама! Ты где? — меж деревьями катится эхо.

* * *

Вкусившему смерть слышится стон,
ветер терзает куст.
И становится ложью то,
что исходит из уст.

Море шумит. Когда на песок
выкатит черепа,
чуждым гортани злым языком
вирши начну кропать.

Гекзаметр и двустопный ямб,
капризный брахиколон,
вот и всё, что ранит меня
от начала времен.

Мешался с мужеским бабий пот,
сплеталась с ногой нога,
и достались Парису плоть,
а Менелаю — рога.

Дул в свирель козлоногий бог,
желтели глаза в упор.
И Эсхил оттачивал слог,
а Клитемнестра — топор.

Гекзаметр и двустопный ямб,
анапест, брахиколон —
гром и ветер слышатся нам
от начала времен.

Александр СПРЕНЦИС

/ Киев /

ИЗ КНИГИ «ЗАПИСКИ МИСТЕРА СНЕКА»

О Чехове, Ильфе...

В «Записных книжках» Чехова записи рецептов и сугубо медицинские указания придают своеобразную окраску всему корпусу «Записных книжек».

Так же как и у Ильфа таблицы выдержек фотоаппарата и номера телефонов: это как антураж, абрис всего материала.

Техническая и просто прикладная информация сами по себе малоинтересны, но в контексте художественного произведения они «работают» на текст и придают ему особую окраску, особый шарм.

Эффект усиливается подачей текста сплошь, целиком, без выделений из общего текстового потока.

Эта особенность делает текст домашним, одомашнивает его, становится ближе к Читателю. Читатель с текстом — на короткой ноге (в хорошем смысле).

* * *

В нашей стране, чтоб избежать несправедливости, нужно умереть. Или уехать. Что, впрочем, одно и то же!..

* * *

Боцман по фамилии Лоцман и наоборот.

* * *

Поэт. Очень хороший. Бабник и алкоголик. Стихи пишет об одиночестве. Но... не сильно верится.

Для осознания своего одиночества нужно хотя бы полугодичное отсутствие в крови алкоголя...

* * *

На Страшном суде меня может заинтересовать лишь одна деталь: будут ли присутствующим подавать кофе.

* * *

По гороскопу я — рыба. Люблю потрепаться. Значит я — трепанг.

Таблица

Азбука Морзе
Шрифт Брайля
Таблица Менделеева
Болезнь Альцгеймера
Лошадь Пржевальского
Скрижали Моисея
Маска Тутанхамона
Шапка Мономаха
Кольцо Нибелунгов
Чаша Грааля
Песни вагантов
Сын полка
Кепка Ильича

* * *

Почтовый ящик Пандоры.

* * *

Текст должен обжигать. Как у А.Платонова.

* * *

Жизнь моя теперь, как черствый хлеб — не угрызешь!

* * *

Безумные тени осени мечутся за окном...
Вечер холодной осени...

* * *

Кто я? Да так: инструктор по музыке.

* * *

Осиротевший скворечник.

* * *

Столкнулся с самим собой и получил тяжелые увечья!

* * *

Супермаркет.

Востроносая старушка вынюхивает цены...

* * *

Я женщин обожаю. Но вида не подаю!

* * *

— Кто герой?

— Я герой.

— А что же вы молчите? Мы тут с ног сбились, вас ищем!..

* * *

И всё у нас какое-то пошарпанное — и люди и вещи... И горизонт никудышный и никуда не зовет...

* * *

Завтра — это сегодня как вчера.

А послезавтра — это завтра как сегодня.

* * *

Всё плохо. Даже когда светит солнце. Нет, солнце это хорошо и радостно, но... как-то отдельно.

* * *

Страна Вечного Понедельника: и во вторник — понедельник, и в среду — понедельник. И в четверг, и в пятницу, и в субботу... И даже в воскресенье...

* * *

Пол-литра нирваны.

Сто грамм самадхи.

* * *

Кому мил сердцу Тадж-махал, а кому дóрог пункт приема стеклотары...

* * *

Конфеты с летальным исходом.

* * *

— Поклянись!

— На Библии?

— Да на чем угодно! Хоть на «Вкусной и здоровой пище»!..

* * *

Страна может умереть, но при этом никто этого может не заметить. Больной умер, не подозревая об этом.

* * *

Барышня от зависти пожелтела.

* * *

Пошел делать копии своих стихов. Заплатил 36 гривен, потом зашел в магазинчик и купил молочные сосиски. Заплатил тоже 36 гривен. Это как понимать? Совпадение? Судьба? Насмешка жизни?

* * *

Мераб Мамардашвили сказал, что повесть Юрия Олеши «Зависть» это донос на русского интеллигента. А что не донос? Любое острое и меткое слово возможно прописать по графе «донос». И весь реализм — тоже.

* * *

Прелестный дизайн туалетной бумаги!

* * *

Я как скворец — тащу всё в свой «литературный скворечник», где всё перемешано... Листочки, обрывки, записочки...

Скворечник — хороший образ. Легкий и непринужденный... Летящий!..

* * *

Весна. Цветет сама по себе. Без нас. А мы попрытались и скукожились. Люди — выдохлись на противостоянии и теперь просто выживают. Им теперь до фени социальные катаклизмы. Религия ушла на второй план, и по сути ничего существенно не решает — одни словеса. Когда речь идет о выживании, культура почти пере-

стает быть актуальной и нужной. Просто не до нее. Религиозные праздники тоже увяли — от них социальный эффект почти нулевой. Флаги, что называется, выцвели...

* * *

Нюра и Валя
Любят Нерваля.

* * *

Я активно отдыхаю и беспробудно тружусь.

* * *

В шуме дождя больше смысла, чем в проповеди с амвона...

* * *

Издать указ о запрете курения и питья. С дамским полом — пока повременить.

* * *

Жестоковыйные времена.

* * *

Её сермяжные руки.

* * *

Верующих — уважаю.
А неверующих — еще больше!

* * *

Так же как и все. Как и всегда. С тем же исходом.
Аминь!

* * *

Больной N.: капризный, но тихий.

* * *

Мужчиноженщина.

* * *

Правильные ли мы задаем вопросы об окружающем нас мире?

* * *

Вдова в белом брючном костюме.

* * *

— Скажите, как пройти на кладбище?

— А вам зачем?

* * *

Две уборщицы из супермаркета. Говорят о... реинкарнации!
Я чуть не уронил кефир!

Подошел и осторожно осведомился на счет обсуждаемого предмета.

Одна из них вежливо спросила: «А что вы об этом думаете?»

* * *

На руинах собственного тела.

Объявление

«Вышиваю денежные знаки».

* * *

...И Чоран, вечно проклинаящий свою жизнь...

* * *

...расслабиться, отдохнуть... прогуляться по кладбищу...

* * *

Паспорт (мой, твой, её...).

Это не документ. Это приговор.

* * *

От венецианского зеркала до рентгеновского снимка.

* * *

Она смотрела не него с такой любовью, что было ясно: её будущее — в его деньгах.

* * *

По сравнению с Окуневской культурой (граффити, лет эдак 20 тысяч тому назад) авангард XX века кажется детским садом...

* * *

Бесполезный мужчина.

* * *

Предлагаю слова «деликатный», «утонченный», «застенчивый», «нерешительный», «заботливый» из словарей убрать.

Совсем убрать! Нафиг они нужны? Только засоряют словари! Выбросить нах*р!

* * *

Никому не нужны старики и старухи...

* * *

Искусство злоупотребления.

* * *

Высказывание Сен-Жон Перса, не требующее комментария: «Много ли значит литературный успех между рождением и могилой?».

* * *

Осень. Сыро и противно. И невесело. И на душе хреново. Хреново снова! Жизни нашей хреновая основа!

* * *

Постоянное ощущение сиротства.

Ведь всё вокруг держится на нитке иллюзии, на рыбьем меху. Ободраное, обшарпанное, серо-буро-малиновое...

* * *

Любовница: статус любовницы не прочен и юридически не оформлен — он вне закона.

А у жены — печать в паспорте и это серьёзно!

Любовница — это как шляпа на вешалке — захотел, надел, захотел, снял!

А жена — это винт, который «ввинтили» в голову мужика и закрепили шайбочкой в загсе!

Ты наколот на булавку закона и соскочить с неё уже нелегко!

Возможны потери. А также ушибы и падения.

Любовница почти всегда недовольна своим статусом, так как он — призрачен. Она ничья, даже если она чья-то. А некрасивая жена (само собой!) уже владелица собственного имущества т. е. мужа, и у неё есть на него бумажка из загса. «Чей Вася? Мой! Он мой муж, а ты кто, лахудра пришлая?»

Т. е. муж — это серьёзно. Жена тоже серьёзно. Это статусные понятия. А любовница или любовник — это как ветер или радуга в небе: сейчас есть, а спустя час — уже нет!

Поэтому (чаще всего!) от жён или мужей не уходят. А если уходят, то не к любовнице (любовнику), а к следующей жене, следующему мужу.

* * *

«Меняю эмпатию на денежные знаки».

* * *

А ведь придёт время, когда некому и некого будет хоронить!
Единственная надежда, что всё исчезнет одновременно!..

* * *

От барышни пахло рыбой, и вся поэзия куда-то улетучилась!

* * *

В старости есть своя прелесть — страсти уже меньше одолевают тебя, не сбивают с толку, и ты уже меньше зависишь от них!

...И когда ты любишь золотом осени, проходящая красивая женщина уже меньше отвлекает тебя: впечатлила, но не больше... Твоё сознание и ум продолжают пребывать в созерцательно-возвышенном настроении, состоянии...

Жизнь как бы подсушивает тебя, убирает лишнее, делает всё вокруг более прозрачным и даже невесомым... проступает основа твоей жизни, её суть, — ты в точке, которая на краю жизни и смерти, в полосе перехода от бытия к небытию... это как открыть дверь и закрыть.

Остатки страстей продолжают обуревать твою душу, а как же без этого? Всё что полагается — всё остаётся! И боль, и отчаяние. Но порывов и любовей все меньше, а страданий и боли — всё больше и это есть непреложный закон бытия!..

* * *

Когда мне говорят: «Бог есть!»,
я возражаю: «А как же Бах?».
Когда говорят: «Бога нет!»,
я возражаю: «А как же Бах?».

* * *

Дама: «Я вас нихт ферштеен!»
Он: «Нихт что?»

* * *

Раньше дарил ей стихи, цветы, короче, весь мир, а теперь — чулки, посуду, нитки...

* * *

Проженный лирик.

* * *

Книги цветут закладками...

* * *

Шариковы, Подшибниковы...

* * *

Диагноз зашкаливал.

* * *

И тут выходит к нам гений в трусах...

* * *

Очередь к врачу вымерла естественным путем.

* * *

Храбрый был человек — ходил на тещу с голыми руками!

* * *

Трудно думать о возвышенном, когда по столу бегают тараканы!

* * *

Поднатужиться — и не сделать!

* * *

Грациозно штопал носки.

* * *

Даже грустные мысли должны идти стройными рядами!

* * *

И тут появляюсь я, злой и некрасивый!

* * *

Осиротевшая телефонная книга.

* * *

Веселый запах свежих огурцов.

* * *

Не женщина, а Тунгусский метеорит!

* * *

Лирические спазмы.

* * *

Малюта Сократов.

* * *

Руины моего либидо.

* * *

Приятно под звуки классической музыки пересчитывать купюры!

* * *

Страна вся в праздниках, как нищий в лохмотьях.

* * *

Метастазы любви.

* * *

У ясновидящей проблемы со зрением. «Доктор! Я вижу только первые три строчки!»

* * *

Подвижный как ртуть. И такой же ядовитый.

* * *

У бабника не окоём, а окоёб.

* * *

Некоторые женщины воспринимают общественный транспорт как личное оскорбление.

* * *

Стоит такая жара, что если мне скажут: через час тебя расстреляют — я и бровью не поведу...

* * *

В саван? Нет, не надо. Лучше заверните меня в какой-нибудь персидский ковер. Можно в дешёвый.

Надежда РУНДЕ

/ Дингольфринг /

МЕНЯ ЗИМА ОЧАРОВАЛА

Меня зима очаровала,
 Давая повод злиться снам,
 Сегодня я не ночевала,
 Всю ночь бродила по лесам.
 Я, не скрывая любопытства,
 Тревожила уставший лес,
 Смотрела, как дремали птицы,
 Как осыпался с сосен блеск.
 Как зло топорщились иголки,
 Не пропуская чужака,
 Как ветер голосом негромким
 Сгонял на север облака.
 Я лесу спела много песен
 И говорила — он молчал,
 Дремал — печален и чудесен —
 И потому не отвечал.
 Луна светила, слишком сонно
 Теряя свой неясный свет,
 А ночь разбуженная томно
 Ждала свиданья. Шёл рассвет.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Заведёшь ты сама карусель
 В голубом индевеющем парке,
 И прокатимся вместе, метель,
 Мы на этом холодном подарке.
 Золотых фонарей маяту
 Мутный лёд раскидает на корте,
 Мы задует с тобой лишь к утру
 Их как свечи на праздничном торте.

ЗИМНЕЕ

Памяти мужа

Я не отвечу — ты молчишь,
Меж нами гладь да тишь,
Своё кино ещё кручу,
А ты уже летишь.
Ты не глядишь по сторонам
И по воздушным трассам,
Отныне не доступный нам,
Взмываешь первым классом.
Лишь видишь в окна, что светло,
Родители седые,
А рядом белое пятно —
Апостолы святые.
Кружатся, солнечно летят
Молиств моих косынки,
Несёт их пара голубят
Сквозь небо, по старинке.
И мы разорваны с тобой
На две полоски ткани,
И нет надежды мир земной
С твоим связать руками.
Тебе открыт небесный свод,
Клубишься в звёздной пыли,
А на земле полно забот,
Снега поля укрыли.
Я голубя сажаю в снег
И кутаю в платок,
И распрямляется вовне
Крыло, как лепесток.
Он вырывается из рук
И в облака летит,
Он точно знает свой маршрут
И нас соединит.

09.01.2021

Алла ДУБРОВСКАЯ

/ Нью-Йорк /

ТРИ ЭТЮДА

Тише, Маша!

Сама удивляюсь тому, как хорошо помню этот день. Может, если бы все, что тогда происходило со мной, повторилось еще раз, или даже два, из памяти бы стерлись такие странные и мельчайшие подробности, как назойливая муха, прорвавшаяся сквозь марлю, припиленную кнопками к раме больничного окна, в другой половине которого виднелась густая июньская листва. А может, она влетела в дверь вслед за рыженькой женщиной в халате, не могу вспомнить его цвет, да и кто помнит цвет тех, пропавших хлоркой хламид, выдаваемых во всех больницах той поры. Женщина была худенькой, с большим, как бы прилепленным к ней животом. Она не могла разродиться вторые сутки. «Гуляй еще», — сердилась на нее акушерка. Со мной было проще. Обманутая врачом на три недели, я была уверена в том, что рожать мне рано. И все же, было что-то не то, чтобы говорящее, а, скорее, подсказывающее, что внутри меня что-то происходит и надо бы узнать, что это такое. Никакого бурного отхода вод не произошло, а именно этого я ожидала, насмотревшись фильмов с роженицами, застигнутыми врасплох в самых неподходящих местах для совершения сакрального акта рождения новой жизни. Удивительно, что мама моя, имеющая двоих детей, начисто забыла этот опыт и ничего путного сказать не могла. Отец ребенка к происходящему имел отдаленное отношение и во всем последующем участии не принимал. Была суббота. Я помню неторопливость нашего завтрака, легкое волнение, нехитрые сборы: «Вот увидишь, они отправят меня обратно...» — и дорогу пешком по лиственничной аллее в районный роддом, а вернее, в больницу им. Семашко. Дальше — предбанник приемного покоя с резиновым ковриком, круговые разводы на линолеумном полу, мокрая швабра рядом с пустым ведром в углу, бьющий в ноздри запах карболки и торопливое прощание с мамой: «Ну, я тебя подожду». Ос-

тавшись в одиночестве в пустом коридоре и поджав ноги под стулом, я покорно сложила руки на животе, в котором что-то слегка шевельнулось несколько раз. Почему что-то? Там был мой ребенок. Волнение нарастало. «Пересменка у них...» — милые нянечки, вас я тоже помню, с вашими мосластыми руками и повелительными интонациями. Хозяйки приемных покоев и пунктов по приему стекло-тары, обмененной на истертые рубли с медяками. Эта, прошлепав мимо, поняла мое покорное одиночество в пустом коридоре. Пожалела. Часы в деревянном футляре на стенке отмеряли минут сорок, когда, наконец, появилась тетка с выбившейся из-под белого колпака прядью обесцвеченных волос. «Посмотрите, пожалуйста, может быть, я уже рожаю», — попросила я с неприятной заискивающей интонацией. Тетка снисходительно задала положенные вопросы. «Ну, иди раздевайся». Кресло за ширмой в соседней комнате. То самое, металлическое с растопыренными подпорками. Взобралась. Растопырилась. Зажмурилась. Тетка, засунув в меня руку, в мое живое: «Да. Ты рожаешь...» Ну вот, домой, значит, меня не отправят. Сажу в полинялом халате и чужих растоптанных тапках без задников, похожих на уши больного зайца. Хотя, почему на уши больного зайца? Не знаю. Мне так хочется. Та же нянечка повела меня кафельными коридорами в ту самую палату с мухой и рыженькой женщиной. Помню, что палата была просторной, человек на десять. Мне досталась вторая от окна койка. На первой лежала кругленькая брюнетка с волосами до плеч, разобранными на прямой пробор и припиленными легкомысленными заколками, то ли с бабочками, то ли с цветочками. У другого окна кто-то тихо мучился от накатывающей время от времени боли. Если мне и было тревожно, то совсем немного. Рыженькая тут же подседа с жалобами. Наверное, она так подсаживалась к каждой новой роженице. Они менялись, а она оставалась. Не помню, сочувствовала ли я ей. Пытаюсь вспомнить. Нет, не помню. Время там как бы повисло и остановилось. Глядя на рыженькую, я думала, как это странно устроено: обязательно приходит то, что кажется, будет еще нескоро. Однажды говоришь себе: «Ну вот, уже завтра». И когда оно наступает, каждый его миг становится прошедшим. Получается, что ты живешь на стыке времен — и разобраться с этим невозможно. Время моего ребенка начнется, когда я рожу, или оно уже началось? Еще я успела подумать, что рожаю как-то не так, как себе представляла. А рыженькая все жаловалась. Потом в мою память влетела акушерка: «Колпино закрыли, — известила она. — Женщины, будем стимулировать!» Стимуляцией оказалась пара уколов, после которых мир изменился: качнулись плафоны под больничным потолком. Живот потянуло книзу. «А где здесь туалет?» Я дошла туда, до этого туалета, но там встала, вытянув руки и держась за скользкие кафельные стены. Бурая жидкость потекла по ногам. Мне было все равно. Все равно, потому что пришла настоящая боль. Как ее опи-

сать? Тело расщеплялось, оно готовилось к отторжению того, что носило в себе и растило, чему давало свои соки, и не было в этом ничего таинственного и торжественного, а был один физиологический акт, который предстояло исполнить. Ни о чем подобном я тогда, конечно, не думала, а просто маялась, стоя, вытянув руки и держась за стены. Кто-то бухнул в дверь. Собралась с силами, руки от стенок отлепила, открыла дверь и по коридору — в палату. А на моем месте женщина сидит. Не знаю, откуда взялась. Из Колпино, говорит. У них роддом закрыли «на проветривание». Меня немного отпустило, но сесть не могу, а лечь некуда. У окна та, которая тихо мучилась, уже кричит. Пришла акушерка. Откинула с нее одеяло, запустила руку ей между ног. Я смотрю. Ничего не вижу, потому что опять боль накатила. Схватила за спинку кровати. Женщину увели, или она сама ушла, уже не знаю. Держусь за спинку кровати. Нянечка приходит. Тебе передача, говорит. Господи, от мамы. Она же там, за дверью приемного покоя все это время ждала, потом на рынок сбегала, нет, «сбегать» она никак не могла. Стать не позволяла. Торопясь, проследовала. Клубника, примятая в пластиковом пакете. Где же она успела ее помыть и оторвать зеленые хвостики? Есть это совершенно невозможно. «Возьмите себе», — нянечке говорю. Та возражать не стала. Ты, говорит, иди сюда. И на освобожденной кровати пятно кровавое с клеенки чем-то подтирает. Я туда ложусь и последнее, что слышу — свой крик. Он несется к потолку. Кричу, и все в палате кричат. А я еще и думаю, какой у меня неприятный голос. Или это не мой? И ничего, кроме боли. А из Колпино все везут, потому что акушерка опять пришла к нам в палату. Или это уже другая была? Посмотрела, что там у меня делается, цепкой рукой схватила и сжала. «Скоро», — говорит. Меня опять немного отпустило. Акушерка принялась за ту, что возле окна с волосами на прямой пробор и заколками. Та тоже кричит. «Ты где работаешь?» Зачем она это спрашивает? Не знаю. Мне все равно. «В торговле», — отвечает. «Ну, торговля, пошли рожать». «Торговля» исчезла, а на ее месте уже рыженькая лежит, та, что разродиться никак не могла и, кажется, рожает. У меня спина вся мокрая, клеенка скользкая подо мною, хочу встать. Встаю в проход между кроватями и держусь за спинки. Так легче. Сколько времени прошло — не имею понятия. Когда же это все кончится? Акушерка приходит. Они мне на одно лицо, не знаю даже, сколько их там. Ну, говорит мне, пошли. Куда идти-то? Сил особых нет. Да тут недалеко, говорит. Иду, а сама за стенку держусь. Теперь уже большая пустая палата, в каждом углу по тому самому креслу. Светло. Солнце бьет через окрашенные стекла окон. Взираюсь. В меня снова лезут цепкие пальцы, и тут откуда-то сбоку раздается громкий телефонный звонок. Отдается в голове. Акушерка уходит, что-то говорит. Слышу: «Так она у меня сейчас рождает». Возвращается. «Это из Колпино звонили, про тебя спрашивали. У тебя там кто ра-

ботает?» — «Подруга. Мы вместе работаем». — «А ты где сама-то работаешь?» — «В жилконторе». Акушерка удивляется: «Так твоя подруга-акушерка работает в жилконторе?» А сама живот мой в стетоскоп слушает. «Ну давай, жилконтора, тужься! Давай!» Тужусь. Мне уже давление меряют. «У тебя что, всегда повышенное?» — «Вроде нет»... — «А ну, давай тужься еще, загубишь мне ребенка!» Тужусь. Тужусь. «Давай еще. Голова уже видна. Ты давай не останавливайся». Чего-там уже вдвоем возле меня. Господи, да все ли в порядке там с моим ребенком? «Тужься, жилконтора!» «Жилконтора» тужится из последних сил, что-то выкальзывает из меня и подхватывается чужими руками. Мне показывают маленькое тельце, залепленное слизью. Глазки плотно закрыты. Личико наморщенное, размером с кулачок. Вдруг открывает крошечный ротик и слабенько попискивает. Девочка. Ее перекидывают на животик и несут под кран в раковину. Я вижу, как ловко и привычно обмывают. Потом уже показывают запелёнатую, тихую. Глазки снова закрыты. Два семьсот, говорят. «Ой, — пугаюсь я. Она что, недоношенная?» — «Очень даже доношенная, просто маленькая». Ее уносят, а я лежу на том же кресле. Соединять ноги и опускать нельзя. Неужели еще не все? Чувствую, что кровь из меня стекает куда-то вниз, под кресло. Вдруг я потеряю слишком много и умру? Мне уже нельзя умирать. Спросить некого, все у другого кресла, где рождает рыженькая. Там что-то серьезное, мне ничего не видно. Рыженькая старается тужиться. «Давай-давай, — говорят ей. — Голова уже вышла. С открытыми глазами лезет, не иначе, как пацан. И впрямь пацан. Первый за все утро, а то все девки да девки. Он сидел долго, выходить не хотел». Рыженькая счастливо что-то отвечает. Тут одна вспомнила про меня. На живот мне нажала, за что-то потянула. На печенку похоже. В пластиковом пакете это унесла. Ну вот и все. Теперь надо с кресла сойти, освободить место для следующей. Перелегла на каталку, нянечка меня выкатила в коридор и все. В смысле — лежу на каталке насквозь мокрая от пота и еще чего-то липкого, и не просто лежу, а трясет меня отчего-то. Очень сильно трясет, просто зуб на зуб не попадает. В книгах про такое пишут — «содрогается всем телом». Именно. Помню, что ни одной мысли в голове не было. Если еще утром я думала о том, что ожидаемое завтра наступило и стало сегодня, то в коридоре на каталке ничего не думалось, даже о каждом миге, превращающемся в прошлое. Там времени не было. Исчезло. Осталось дрожащее тело. Потом стало холодно. Пришлось сползти с каталки, а идти — не могу. Так и стою, жалкая и замерзшая. Если время где-то и было, то только не в том коридоре. Нянечка, моя спасительница, мимо шлепает: «Ну чего с каталки-то слезла? Замерзла? Жди, когда доктор освободится, зашивать тебя будет». И помогла мне обратно взгромоздиться, потом еще покрывалом накрыла. Я потихоньку согрелась и даже вздремнула.

Кажется, вечерело, когда меня снова куда-то вкатили. Там стояло то самое кресло, и доктором оказался молодой человек. Скорее всего, студент-практикант. Перебраться с каталки на кресло никто, конечно, не помог. Легла. Молодой человек, молча звякнув каким-то инструментом на столике, подсел поближе, немного повозился где-то там, между моих ног, и вставил в меня иглу. Самую настоящую. Это и было «зашиванием», вернее, его началом. Шил на живую. Анестезию принципиально не делал, или у них не было? Колпинские разобрали, что ли? Он вставляет иглу, я дергаюсь. Он вставляет иглу, я дергаюсь. «Тебя как зовут?» Молчу. Перевожу дух. «Как фамилия-то?» — спрашивает. «Дубровская». «Ах, Дубровская! «Тише, Маша! Я Дубровский!»». Начитанный попался. И что вы думаете? Зашил.

Дальше провал. Еще дальше — палата. Солнечное прекрасное утро. Мы перевалились в него, в тишину, в знакомый с детского сада запах подгоревшей каши, в куски мягкого ржаного хлеба, переслащенного кофе из бака с краником, в звуки шаркающих разношенных шлепанцев, в первый боязливый взгляд на свое лицо в зеркале больничной уборной. Странные фиолетовые пятна. Это половившиеся от напряжения сосуды. Низ живота тянет. Наверное, начали заживать швы. Распирает грудь. Тело живет своей жизнью. Ему предназначено материнство. В этом много страха и физиологии.

Время снова пошло. Оно запускается тогда, когда чего-нибудь ждешь. Я ждала встречи с тобой.

Эмиграция

Эмиграция сводит с самыми неожиданными людьми. Так случилось, что со мной познакомилась довольно пожилая дама с остатками былой красоты на лице. Она как-то заинтересовалась мной, пригласила в гости в свой большой и одинокий дом, в котором кроме нее жила еще раскормленная такса, страдающая общими с дамой болезнями. В гостиной на каминной полке стояли семейные фотографии. Фотография дамы в молодости привлекла мое внимание: прекрасное лицо в ореоле белокурых волос, прозрачные, видимо, небесного цвета глаза (фотография была черно-белой), рука с тонким запястьем, поддерживающая остренький подбородок. Разговорились. Наташа, так звали даму, страдала от одиночества. Скорее всего, этим я и была обязана ее приглашению. Дети разъехались, муж, кажется, не первый, в другом штате. Тогда это показалось странным. Сейчас я этому не удивляюсь. «А что вы посоветуете мне почитать?» — полюбопытствовала она. Давно оторванная от родины, она сохранила интерес к русскому языку и литературе. Я и посоветовала «Искупление» Горенштейна. Странный это был выбор, можно было назвать десятки других имен. Но по велению какой-то

неведомой силы предложена была именно эта книга, которую я ей и доставила при следующей встрече. Через неделю книга была возвращена с нескрываемым возмущением.

— Вижу, вам не понравился Горенштейн.

— Это же все неправда!

Ответ заинтересовал:

— Что неправда?

— Немцы так не расстреливали!

Это было даже не столько неожиданным, сколько ошеломляющим. Напротив меня сидела грузная немолодая женщина с тяжёлым двойным подбородком, выщипанными по старой моде бровями и когда-то небесного цвета глазами, сейчас казавшимися обесцвеченными.

Отечные пальцы в кольцах. Она до сих пор давала уроки игры на фортепьяно. «Должно быть, артрит», — некстати подумалось мне.

— Уж я-то знаю! Автор пишет о том, о чем не имеет представления.

Что-то не позволило мне задать вопрос в лоб. Все-таки я была гостем в этом пустом и одиноком доме. За чаем выяснилось, что Наташа жила в оккупации, еще когда была совсем юной девушкой. Мне не запомнился ее рассказ о том времени, он был какой-то невнятный, а вот то, что в Штаты ей удалось въехать не сразу, запомнила: «Кто-то написал донос, что я была связана с нацистами!» — возмущение в голосе казалось искренним. Все это было настолько необычно, что я стала расспрашивать о Наташе старушку Сэду, которая кое-что о ней знала. Мир тесен в провинциальном городке, старушка Сэда, у которой я жила в ту пору, была дружна с Наташиной матушкой, умершей до моего появления в этой истории. Глаза небесного цвета и белокурость Наташа унаследовала от отца, австрийского коммуниста, бог знает каким ветром занесенного в советский Минск. Он погиб до ее рождения. Несложные математические вычисления помогают предположить, что причина его смерти все же была иной, чем та, которая настигнет его товарищей по Интернационалу десятью годами позже. Приемным отцом Наташи стал «очень хороший человек. Доктор. Еврей», — армянское Сэдочкино «р» в последнем слове прозвучало немного грассированно. При этом она многозначительно взглянула на меня. Потом началась война, и бежать из Минска они не успели. Семья доктора попала в гетто. Дальнейший рассказ был повторением кадров многочисленных фильмов про войну. Жителей гетто выстроили в длинную цепочку, которую обходили нацисты, глядя в лица обреченных людей. Наташу сразу же отделили от толпы, вырвав у матери. Дальше — просто фантастика. Один из офицеров был покорен красотой шестнадцатилетней девочки. Судя по фотографиям, она действительно была хороша. Он женится на ней. Отправит ее с мате-

рию в Вену, где она будет учиться музыке. Дальше в Сэдочкином рассказе последовал провал. Видимо, ей были неизвестны подробности бегства Наташи в Сербию уже после поражения Германии. Нацист исчез из повествования, но, видимо, запомнился кому-то, написавшему на нее донос. Не случайно же она знала, как расстреливали немцы. Уже в Сербии она вышла замуж снова и оказалась вместе с мужем в Америке. «Как же ее впустили с таким прошлым?» — удивилась я. «Ну, она была к тому времени беременна. Второй муж к нацистам отношения не имел. И потом, знаете, красота — страшная сила!» — расширив глаза, Сэдочка снова обдала меня очередью грассированных звуков.

Недавно мне снова попалась эта книга Горенштейна. Что же там так возмутило Наташу? Философско-библейскую часть в этом заподозрить было нельзя. Рассказ о дочери, написавшей донос на собственную мать, тоже. Скорее всего, эти два предложения:

«Нужно перенести несколько братских могил из центральной части города на кладбище. В войну хоронили где попало...»

Сейчас уже нет в живых ни Сэдочки, ни Наташи. Она-то знала о немецкой пунктуальности. Где попало расстрелянных не хоронили.

Невидимый свидетель

Выбора не было: кровать помещалась только вдоль одной стены, правда, можно было лечь головой напротив окна, в которое заглядывала желанная гостья — ветка дерева неизвестной породы. Крошечные размеры комнаты меня вполне устраивали. Переезд и обустройство нового места настолько измотали, что обычно чуткая к любому шуму, я крепко спала первую ночь. Все пошло к черту на второе утро. Шум за стеной не оставлял ни малейших сомнений: там была спальня, причем, кровать соседей стояла вдоль той же стены, что и моя. Так я стала невольным свидетелем интимной жизни неизвестной мне пары.

«Ты же можешь им постучать, мол, я все слышу», — приятельница явно потешалась над моей проблемой. «Вообще-то они занимаются тем, чем положено заниматься семейным людям в их спальнях», — засомневалась я. «Тогда купи ковер — звуконепроницаемый».

Про звуконепроницаемые ковры никто не знал, пришлось купить простой. «Так это ж гипсокартон! Гвоздь входит, как в масло, по самую шляпку». Нанятый мужик деловито встукал гвозди в тонкую стенку. Потом повесил ковер, пообещав его скорое падение: «Не удержится, — розовая пятерня в рыжих волосках проворно схватила протянутую десятку. — Звоните, если что». Ковер держался, но не препятствовал проникновению раздражающих звуков. Беруши приглушали, но и только. Было что-то удивительное в регу-

лярности и длительности невидимых сцен. «Ну терпи-терпи!» — моя приятельница была сторонницей решительных действий. Но каких? Эти люди жили в другом подъезде, я не знала даже номера их квартиры. Дом преимущественно был заселен престарелыми корейскими парами. Иногда у моей двери шелестел плащом одинокий китаец, живущий наверху. У русской тетки через площадку по выходным пели романсы. Было еще семейство греков. Но кто жил за тонкой перегородкой, разделяющей наши кровати? «Наверное, латиноамериканцы», — в моем представлении только они могли так самозабвенно исполнять супружеский долг.

Но я ошиблась. Однажды за стеной стало происходить что-то неожиданное: среди ночи там закричали на английском языке то, что кричат друг другу время от времени люди во всем мире. «Ненавижу тебя! Как же я ненавижу тебя!» — солировал женский голос. Мужской отвечал набором стандартных американских ругательств. Под утро они затихли. Женщина плакала. «Ну вот», — почему-то расстроилась я. Днем в той спальне что-то двигали, наверное, мебель. «Неужели разведутся?» Мне бы воспользоваться воцарившейся ночью тишиной, но сна как ни бывало. Я прислушивалась к малейшему шороху за стенкой. Там было тихо. Непривычно. Тень от ветки чертила узоры на подоконнике и потолке. Странное беспокойство не давало уснуть. Наверное, я успела привыкнуть к жизни этих людей за тонкой перегородкой. Сказать, что мне их не хватало, было бы преувеличением, но их вторжение в мое одиночество оставило след. Уснула я под утро, а уже следующей ночью была разбужена знакомым крещендо. «Ну, слава тебе, Господи! Помирились!» И я задремала, дождавшись затишья.

Больше рассказывать особенно нечего. Через какое-то время из-за стены донесся детский плач. Счастье было в том, что раздавался он из глубины квартиры. Потом ребенок подрос и топал довольно громко по спальне родителей. Там же они снова ссорились, мирились, двигали мебель, красили нашу общую стену со своей стороны и, да, занимались тем, чем занимаются ночами все супруги. Догадывались ли они о моем существовании? Вряд ли. Я оставалась невидимым свидетелем их жизни, пока не произошло совершенно непредвиденное событие: наш пятиэтажный дом сгорел, вернее, сгорела его половина, проходящая по той самой общей стене. Изрядно помыкавшись, я нашла новое пристанище, но это уже совершенно другая история, в которой ничего не будет о соседях за тонкой стенкой.

Геннадий МАНУЙЛОВ

/ 1943–1996 /

Известный кустанайский поэт и публицист Геннадий Степанович Мануйлов во всех смыслах был человеком неординарным. Моё личное осознанное знакомство с ним состоялось в 1993 году, когда я была ещё студенткой факультета русской филологии, а он признанным мэтром, которого в городе каждый знал в лицо и которому кланялись при встрече. Геолог по профессии прослыл заядлым пушкинистом, мог за просто прочесть наизусть «Евгения Онегина» и всю жизнь собирал всё, что связано с именем Пушкина. Его деятельность как пушкиниста-исследователя была известна далеко за пределами Казахстана. По его приглашению дважды Кустанай посещал правнук поэта Г. Г. Пушкин. В 1979 году Мануйлов организовал в Кустанае Пушкинский музей. Родился Г. С. Мануйлов 25 августа 1943 года в Кустанае, а ушёл из жизни в сентябре 1996 года, но остались его стихи, а в них — любовь к Пушкину.

Надежда Рунде

* * *

Курчавый отрок, словно ветер,
Неугомонен, резв и мил...
Ещё Державин не заметил,
Портрет Жуковский не дарил.

В кругу лицейского союза
Ещё не первый по уму,
Ещё божественная Муза
Приходит изредка к нему.

Ещё свободой не рискует
За вольнодумство, и пока
Тела казнённых не рисует
Он на полях черновика.

Ещё не в ссылке, не в опале,
И не «Онегина» творец.
Ещё на свете нет Натальи,
И Николай — совсем юнец.

Ещё не раб, не камер-юнкер
В надменной свите при дворе.
Пока ещё мальчишка юркий
С туманным мненьем о царе.

И не стоит он, чуть сутуля
Под дулом плечи среди снегов...
Всё впереди ещё. Но пуля
Уже отлита для него.

В КРУГУ ЛИЦЕЙСКОГО СОЮЗА

Он целый день рассеян, возбуждён,
Дерзит друзьям и невпопад хохочет.
Чего он добивается, что хочет,
Что с ним стряслось? Неужто он влюблён?

А ночью, когда улицы тихи
И Царское в объятиях Морфея,
В четырнадцатой комнате Лицея
Горит свеча и слышатся стихи.

Он пишет ей, которая с ума
Свела весь курс, — Бакунина сестрица.
«Ах, Катенька, в тебя ли не влюбиться,
Когда любви жаждешь ты сама!»

А он поэт. Сам Бог ему велел
В прелестных дев без памяти влюбляться,
Им посвящать стихи и восторгаться —
Удел поэта. Сладостный удел.

Но, как назло, не ладится строка.
Он рвёт бумагу, комкает, и снова
Обдумывает найденное слово,
Рисует профиль в уголке листка.

А за стеною тонкой спит давно
Первейший друг, забав весёлых спутник,
Ещё не государственный преступник,
А лицеист по прозвищу Жанно.

...Закончен стих, и Пушкин в коридор
Выходит, и по лестнице на выход
Крадётся кошкой, сдерживая выдох,
Чтоб не заметил строгий гувернёр.

А ночь стоит, прохладна и свежа,
Плывёт луна меж туч неторопливо,
И дует ветер с Финского залива,
И он влюблён, и жизнь так хороша...

НОЧЬ В МИХАЙЛОВСКОМ

На Михайловские рощи
Опустилась тишина...
Тускло светит месяц тощий,
Сороть в сон погружена.

Снова к Липовой аллее
Путь-дорожка привела,
Где когда-то, вся алея,
Анна Керн с поэтом шла.

Ни огня, ни дуновенья.
Липы старые тихи.
И про чудное мгновенье
Вспоминаются стихи.

На скамейке до рассвета
Просижу, смежив глаза,
Чтоб услышать рядом где-то
Их шаги и голоса...

* * *

На Чёрной речке вечная зима.
В любое время года — непогода,
В которой боль великая народа
И русская история сама.

Что май бурлит — не верь своим глазам.
То вьюги свист. Здесь даже знойным летом
Ты рядом с окровавленным поэтом
Идёшь по снегу вязкому к саням.

Здесь даже в светлый полдень — полутьма,
И облака нахмуренные низко
Прносятся, касаясь обелиска...
Цветы живые... Вечная зима.

БЕССМЕРТЬЕ

Он смерти ждал. Кружилась голова.
Пора с семьей, с друзьями попрощаться.
Припомнились поспешные слова:
«Когда поправлюсь — снова будем драться!

Жаль не могу. Аренд приговорил,
И царь просил покинуть мир навечно
По-христиански. Кабы Путин был,
То помирать намного было б легче».

Данзас молчал. Морошку принесли.
В дверях застыла бледная, как вата,
Любимая мадонна — Натали,
Которая ни в чем не виновата.

Ах, как она блистала на балах!
Как извелась в рыданиях и столах!
И слезы навернулись на глазах,
Когда детей вносили полусонных.

Тоска. Теснит дыхание. Туман.
И ничего нельзя уже поправить.
«Возьми, Жуковский, перстень-талисман,
Сними с руки — мне тяжело — на память».

А Петербург бурлил. На Мойке лед
Звенел. Толпа гудела и качалась.
Валил проститься с Пушкиным народ.
Кончалась жизнь. Бессмертье начиналось.

Людмила МАРШЕЗАН

/ Париж /

СТРАШНЫЙ СТРАШУН БОИТСЯ ЛЮБВИ

Пьер не хватал звёзд с неба. Он их выращивал. Звёзды — кристаллы. Фиолетовые аметисты с разной густотой цвета. Зелёные, как юность, изумруды. Дивной прозрачности аквамарины. Он дирижировал богатством цветовых оттенков специальными затравками. Травил, творил, мечтал. «Новый кристалл — самая выгодная выгода для человечества. Соединить несоединимое. Рисковать и экспериментировать. Ведь если кристаллы выращивают, значит это кому-то надо», — думал Пьер. Это имя, в переводе с греческого, означает «камень».

Однажды, изменив перепад температур, получил неожиданную странность в виде гвоздя. Коллеги прозвали его невероятно, но очевидно: «Каменный Гвоздь». Пьеру понравилось. Он был любителем острых ощущений.

Дни за днями протянулись в года. Вдруг кристальная жизнь потускнела. Пандемия. Улыбки мира спрятались в «намордниках». Люди забились и забылись в своих норах. Карантин. Ветер свободно гонял мусор по опустевшим улицам Парижа. Церковные колокола проглотили язык. Бог надел маску безразличия. Иногда нездоровую тишину нарушал цокот копыт. Патруль конной полиции развлекал любопытных. Вечерами несколько минут Франция рукоплескала. «Браво», — кричали оставшиеся в живых героям в «белых халатах». Пьер тоже выходил на балкон. Аплодировал. Кивком головы приветствовал соседей. Феминистку справа окрестил «Антитело». Ему казалось, что в Средние века в её роду сожгли всех красавиц. Спасая тело, природа столетиями убивала красоту. Иногда проблески возрождения мелькали в её глазах, но до блеска было далеко. Спускаясь с Пьером в лифте и осмотрев его с головы до... она произнесла: «Равенство женщин можно достичь только кастрацией мужчин». Гвоздь перестал пользоваться лифтом.

Лохматый сосед слева, художник, шагал по балкону насвистывая, а может, просвистывал свой талант? Разговор с ним ограничи-

вался красноречивым молчанием. Доброжелательный Пьер соседями не интересовался. Они отвечали взаимностью. У каждого была своя жизнь. А, может, и не было. Кто знает?

Пьер родился и вырос в этом доме, вблизи Люксембургского сада, на тихой улочке. Её классическую монотонность оживлял странный дом напротив. Он был покрыт новой белой и подвижной «кожей» с выступами и разными рисунками окон. Удивление прохожих вызывали фальшивые руины у входа: искусство вышло на улицу. Пьер тоже. Ему захотелось купить домик для птиц и повесить на дерево. Единственное на этой улице. Зелёные ветви — руки каштана — тянулись к его балкону. Увы, все магазины, кроме продуктовых, были закрыты. Гвоздь не узнал свой Париж. Где же праздник, который всегда? Жалюзи ресторанов и кафе опущены. Клиенты отпущены до лучших времён. Когда же они наступят, вот в чём вопрос. Исчез счастливый кофейный аромат парижского бытия. Прежде тесная столица стала пугающе просторной. Освободившаяся от автомобилей и присутствия человека природа буйствовала цветением. Щемяще пах шиповник. Его цветы преступно пролезли через решётку института физико-химической биологии. Пьер замедлил шаги. Аромат дикорастущих роз напоминал детство в деревне, где сейчас проживали родители. Жаль, что невозможно приехать к ним. Карантин не позволяет. Гвоздь звонил им каждый день. Отец держался молодцом. Работа в саду приносила ему радость. А вот мать... Несколько дней назад она потеряла близкую подругу. Прощание было запрещено. Мать страдала и увядала. Возненавидела слово «эпидемия», назвав его «страшун». Страшный страшун. Ночной кошмар преследовал её: чёрные, жирные, головастые запятыя нападали на красные, стройные восклицательные знаки жизни и пожирали их. Мать перестала пить чёрный кофе. И вообще, всё перестала.

Пьер мастерил на балконе птичий домик. Получился дворец. Золотой. Другой краски дома не оказалось. Синий пустычок неба над головой и щедрость апрельского солнца подняли настроение аж до второго этажа странного дома. В лазурном длинном платье, с золотым шнуром на тонкой талии, появилась девушка. «Милые друзья», — проговорила она в микрофон. Улица оживилась. Публика вышла на балконы. Все ожидали продолжения, словно второго пришествия. Она улыбалась. Солнечные лучи сплетали нимб над её головой. «Меня зовут Стелла. Сегодня, в мой день рождения, я подарю вам несколько песен». Стелла, включив музыку, профессионально исполнила неаполитанскую песню. Бешеный успех. «А сейчас предлагаю вместе спеть самый главный гимн нашей жизни...» Антитело напела «Интернационал». Стелла, сияя улыбкой, жестом остановила её, продолжив фразу: «...гимн любви». Щедрой волной лилась любовь её голоса. Никто не осмелился подпевать. «Encore! Ещё Encore!» — умоляли слушатели. Она продолжала без всяких кокетств. «Я спою стихи русского поэта со вселенской душой Мари-

ны Цветаевой». Пьер даже вздрогнул. Как он сразу не догадался. Певица русская. Ведь подобный акцент слышался у преподавательницы русского языка и литературы в лицее. Гвоздь сосредоточенно вслушивался. Ему казалось, что эта песня о нём и для него: «Стихи растут, как звёзды и как розы...» Сосед слева уже не шагал, а внезапно скрылся с балкона. Только в конце песни стали понятны его «художества». С букетом цветов шиповника он красовался под её балконом. Стелла сбросила ему золотой пояс и, втащив цветы, радостно рассмеялась. «С днём рождения!» — пропели традиционно зрители. Интуиция подсказывала Пьеру, что настал момент выделиться из толпы, удивить её какой-нибудь остроумностью по-русски. Но он только томился и молчал. Вдруг неожиданно для себя, прямо с балкона, полез на дерево вешать птичий домик. Публика замерла. Опасный номер. Антитело заверещала: «Вызывайте пожарных. Немедленно. Он сейчас грохнется». Никто не шелохнулся. Все взгляды были прикованы к любителю острых ощущений. Так Пьер оказался гвоздём программы. Он ловко прицепил «золотой дворец», бросив Стелле фразу по-русски:

— Кстати о птичках, с днём рождения!

Она расхохоталась.

— Как звать-величать?

— Пьер.

— Шутишь? Я не хочу, чтобы ты камнем упал вниз.

— Всё предусмотрено. Моя фамилия Крылатый.

Стелла смеялась. В переводе с латинского её имя означало «звезда».

Закатная медь солнца. Все в плену эмоций. Хотелось любить весь мир и сеять добро. Её глаза стали брызгами яркого света. «Я люблю вас, мои друзья. Звоните, не забывайте». Стелла продиктовала свой номер телефона. Головокружительная высота её голоса, щедрость и открытость, праздничное изобилие любви сроднило всех. Душа Пьера заливалась душевной волной стыда. Он понял, что каждое его утро — это восхождение к вершине эгоизма дня. Гвоздь не забивал себе голову мыслями, что соседи тоже люди, имеющие имена, сердца, души. Трудно соединить иногда человека с людьми. Стелла снова завладела микрофоном: «Я не прощаюсь с вами. Просто умолкаю, чтобы вы услышали небесный хор звёзд». Как мираж, она исчезла в глубине квартиры.

Проще было выйти из себя, чем из дому. «Правила безопасности» карантина требовали заполнения специального пропуска. Радиус передвижения — один километр. По теории невероятности жизни Пьер столкнулся с русской певицей нос к носу. Даже в потёртых джинсах она выглядела Звездой. Глупо было идти рядом, соблюдая дистанцию в один метр. Она торопилась. Вместе с другими волонтерами-энтузиастами Стелла ишачила для бедных. Распаковывала тяжеленные ящики с продуктами, сортировала, скла-

дывая в индивидуальные пакеты. Пьер представил очередь «Бомже мой». Запах немых тел. Хрупкую Стеллу, желающую накормить и спасти мир!

— Ты рискуешь жизнью. Он так опасен, страшный страшун.

— Что это?

— Так мать назвала эту чёртовую болезнь.

— Не волнуйся. Нам выдают маски и перчатки. А маме передавай привет и скажи, что она замечательно придумала «страшуна». В таком виде он превратился в плюшевого страшилку, совсем не страшного. Он даже сдружил нас всех, правда?

— Конечно. Но береги себя. Нам нужен твой голос, — тупо ответил Пьер.

— Только голос? — издевательски произнесла она, ускорив шаг.

Гвоздь остался один. Долго смотрел ей вслед. Стелла не обернулась.

Пленительный час заката. Шепот листьев каштана. Стелла пела по просьбе молодожёнов из соседнего дома. Каждая её песня была приглашением в путешествие. Разнообразие и разноцветие репертуара завораживало. Бесконечные овации в её честь. «Спасибо, Стелла! Будь счастлива!» — благодарили соседи.

Счастье? Тише. К счастью надо красться,
Зубы сжав и притушив огни,
Потому что знает, знает счастье,
Что всегда гоняются за ним.

После этих строк, прочитанных Стеллой, наступила тишина. В прорехе старенького изношенного неба сияла юная озорная звезда.

Дождь стёр с лица неба солнце. Пьер с зонтом поджидал Стеллу. Он бездарно играл в дружбу. Даже самому себе не хотел признаться, что влип. По уши влюбился. Слыша её быстрые, упругие шаги, терял голову. Терял ключи. Терял чувство юмора. Таких женщин он никогда не встречал. Волшебное свечение шло от неё. Ему казалось, что она чувствовала себя причастной к несовершенству мироздания и стремилась исправить его. Самые простые фразы кружили ему голову.

— Здравствуй, — улыбалась Стелла. Это значит, что я желаю тебе здоровья.

— Помню. В лицее училка русского языка рассказывала. Она так старалась вложить в наши головы и сердца что-то светлое, заставляла учить стихи М. Цветаевой: «Закон звезды и формула цветка».

— Замечательно, что во Франции изучают наш солнечный язык. Вслушайся, и ты поймёшь присутствие бога солнца Ра.

— Уже нашёл. РАдуга! Видишь, зацепилась за купол Пантеона.

— Пётр, а ты РАЗумный. Имеешь светлый ум. Впрочем, РАно говорить, мы мало знакомы, и я не открыла твой внутренний ХРАМ. Мне кажется (она подняла глаза к небу), твоя душа — это небеса, где нет беса, где чистота и свет.

— УРА! — прокричал Гвоздь.

— УРА-а-а, — рассмеялась Стелла. Мы — непобедимы, потому что даже сами слова излучают свет и доверие.

— Хорошо говоришь, товарищ, — произнёс Пьер с акцентом «отца народов».

— Товарищи... Это слово разбойников и пиратов. Нападая и грабя, они кричали: «Товар ищи!» Поговорим о другом. Литература, культура.

— Согласен. РАдость, — он хотел сказать «моя», но не посмел.

— ОтРАда. Я тебе, Пьер, РАда.

— Знаешь, Стелла, я хочу сказать что-то важное. Я — РАстяпа.

Она развеселилась так, что неизъяснимая синева её глаз превратилась в аквамарин.

Страшун ежедневно убивал сотни французов. В подъезде дома феминистка вывесила плакат: «Мужчины страшнее китайской Пандоры! В прошлом году в мире погибло более пятидесяти тысяч женщин от насилия мужчин!» Какая-то отважная дописала: «Помирать, так с мужиком!»

А погода всё хорошела. В открытое окно Пьера вместе с ветром влетело чувство беспричинного счастья. Хотелось заглянуть за горизонт: что там? Изящно забыв про стыд, Пьер загорал на балконе. Благодарить! Вернее, БлагоВзять у солнца.

Вечером вся улица ждала появления Стеллы, но её не было. «Может, позвонить», — подумал Пьер, но не решился. Утром он напрасно ждал её у подъезда. Лёгкое чувство тревоги охватило его. «Устала беневольт», — успокаивал сам себя Пьер и прогонял неуютное ощущение сквозняка в душе.

Вскоре по дому разнеслась весть: Стелла заболела. Высокая температура. Сухой кашель. Страшный страшун. Она не могла говорить по телефону, но прислала короткое сообщение: «Ужасная боль в лёгких».

Пьер отчаянно названивал доктору Ги Леже, другу их семьи. В конце концов Ги ответил истощённым голосом:

— Не паникуй. Вылечим. Рецепт пришлю электронной почтой. Найди толковую медсестру, впрочем, в данный момент это сложно. В первую очередь, вколоть лошадиную дозу витамина Д. Ежедневно принимать цинк плюс витамин С. Следи за температурой и держи меня в курсе. Будь!

В вестибюле дома соседи в масках о чём-то спорили. «Что за бал-маскарад», — подумал Пьер, вернувшись из аптеки.

— Мне плевать на болезнь. Среди всех жильцов этого дома я самый компетентный человек, — заявила феминистка.

— Почему, Клер? — поинтересовался художник.

— Потому, что я псих!

— Психолог?

— Нет, психотерапевт. На пенсии. Ведь Стелле нужна профессиональная помощь, а не художественная самодеятельность.

— Вы умеете колоть? — спросил Пьер.

— Предпочитаю накалывать, особенно, таких как ты.

— Я говорю о Стелле. Вот предписания врача и лекарства.

— Разберусь. Для Стеллки я всё сделаю, пусть поёт девочка.

Неожиданно она прослезилась. Всем стало неловко. Мы стыдимся прилива чувств. А, может, надо стыдиться отлива?

Жители улицы были встревожены ухудшением состояния Стеллы. Они приносили ей всякие вкусности, но аппетита не было. Силы покидали её. Одолевал сон. Клер самоотверженно боролась за её жизнь. «Светлая, добрая Клер», — благодарно думал Пьер. Раньше он даже не знал её имени. Он был порядочным... эгоистом.

Ночные страхи и утреннее отчаяние терзали Пьера. Стелла... Нет эпитетов для неё ни в одном языке. «Душа болит. Это хорошо, — думал он. — Только бы она выздоровела». Как молитву повторял Гвоздь имя Стелла.

Любимый Париж не спасал его. Дома и улицы без возраста и любви. Он не узнавал почерк города. Растревоженный эпидемией воздух душил его. Время сошло с ума и остановилось. Звуки растеряли речь. Он обратил внимание на юную зелень травы, пробивающуюся в щелях асфальта. «Пусть в этой жизни будет только жизнь!» — просила душа Пьера.

За окнами замаячил май. Но ландышами не пахло. Никто не продавал «первого мая привет», традиционные белые букетики. Мы порой не замечаем очаровательных мелочей повседневности. Только потеряв, понимаем, как они были дороги нам.

А природа расслаблялась и отдыхала от человека. Небо — от самолётов. Море — от кораблей. Бездна — от подводных лодок. Ночью видела сны согретая солнцем земля.

Утром Пьер решительно оделся и ушёл добровольцем туда, где раньше работала Стелла. «Придурок майский, — подумал о себе Гвоздь. — Ну, буду целый день пахать. Ну, и что? Кому это надо? Моей совести?» Оказалось, это надо многим. Физический труд принёс облегчение. Вечером он позвонил родителям. Мать гордилась им. Он ею восхищался. Ей удалось победить непобедимое. Спасла математика. Как? Очень просто. Ведь школы закрылись на карантин. Не у всех детей получалось заниматься самостоятельно. Вот и пригодился её опыт работы в лицее. Собрала нескольких подростков. Прошлась по программе и только потом растолковывала новый материал. Ученикам понравилось. Их число росло в арифметической прогрессии. Она была счастлива.

— Мама, дорогая, послушай, дети могут быть переносчиками страшуна.

— Страшун не может отменить закон Пифагора. Пьер, эти дети промыли мою душу и стали родными. Ты увидишь, когда приедешь.

— Когда это будет?

— Скоро сынок. Пойми, страшный страшун не страшен. Мы победим его!

— Чем? У нас в стране даже масок не хватает. Таблицей воображения?

— Любовью!

Пьер получил сообщение от Стеллы: «Я хочу стать птицей и поселиться в твоём золотом дворце. Он ещё не занят? Каждое утро я буду петь для тебя потому, что ты РАдушный».

«Как взбудрить её? — ломал голову Гвоздь, как поднять её птичье настроение?»

Он ответил: «Стеллка! Ты — Звезда, и оставайся ею. Немедленно выздоравливай! Я начинаю красить квартиру в золотой цвет. Для тебя!»

Ясновидящая Клер вечером сообщила: «Стелле стало лучше!»

Коридор засверкал золотом. На этом краска закончилась. Пьер сфотографировал и отослал Стелле.

На следующий день, опираясь на Клер, она вышла на балкон. Синий плед подчёркивал синь её глаз, синяки под глазами, бледность лица. Она улыбалась. Все аплодировали и кричали: «УРА!» Стелла взяла микрофон: «Ваша любовь и забота спасли меня».

Больше она не смогла произнести ни слова, слёзы и кашель душили её.

Нежность Камня. Вот такое было внутреннее состояние Пьера. Ему хотелось беречь и служить ей, прославить имя её новым кристаллом. «Я любой ценой добьюсь её», — вбивал себе в голову Гвоздь. А сердце уже знало, что Звезда бесценна.

Виталий АСОВСКИЙ

/ Вильнюс /

ОТЕЦ ПИШЕТ

«мы роём могилу в воздухе там будет не тесно....»

Пауль Целан, «Фуга смерти»

У отца изменился почерк
он пишет воспоминания
о войне о фронте о жизни о смерти
его почерк все неразборчивее
не на мониторе
по бумаге карандашом

Отец пишет что помнит о жизни и смерти
пальцы дрожат рвётся бумага
корчится будто от пламени
слова пропадают
словно с песчаного берега
море смывает годы
время это огонь и вода
почерк
искорёженный взрывами воспоминаний
неразборчивый лучше не будет

Может это сумеют прочесть
те кто был рядом кто видел
как воздух взрывается в комья
осколки остаются в теле
через годы начинают
напоминать о себе
двигаться к сердцу

Отец продолжает писать
на бумаге каракули как куски арматуры

взорванных воспоминаний
подлетают впиваются в тело

Отец продолжает писать
словно сунули в руки лопату
рыть могилу в меркнувшем воздухе
отбрасывать комки кислорода
ровнять осыпающиеся стенки

Все темнее
звезды только песчинки в раскопанной почве
плодородной от праха братьев дяди старухи соседки

нечем дышать
очень тихо

Он продолжает писать
чтобы все поместились
шесть миллионов родных
все другие
в земле не хватает места
надо резать воздух лопатой
вышвыривать звезды и кислород

Пусть читают те
кто видит как наполняется воздух
пластиковыми мешками
нечем дышать
над невесомой могилой

Отец продолжает писать
он спешит слишком мало осталось
тех кто думал
что они все осколки уносят в себе

Он не может снова
ловить плечами осколки
он может писать и он пишет

переполняется воздух

ОЧАРОВАНИЕ ВСТРЕЧ СЛУЧАЙНЫХ

Очарование встреч случайных,
одних-единственных ночей,
без длительных хлопот венчальных,
без обязующих речей.

Очарование встреч случайных!

Когда почувствует душа
с другой согласие внезапно
когда нечаянно, дыша,
вдохнёшь волос пьянящий запах;

уединяясь — ото всех —
переплетая губы, пальцы,
пройдя застенчивости панцирь,
струится нежность без помех.

— О сколько нежности во мне!
— О как ты ласков, друг случайный!
И в приближающееся дне
прощанье будет без печали.

Твоя любовь, любовь моя,
едва слетевшись, разлетелись.
А большего ни ты, ни я
друг ото друга не хотели.

Ушёл.
В груди моей — звезда!
Быть может, это и печально —
любовь единственно чиста
в очарование встреч случайных.

Галина КОМИЧЕВА

/ Киев /

* * *

Разгорелось небо на закате, —
что творит природа, что творит!
Как принять, небесная загадка,
дикий твой, кровавый, колорит?

Я хочу побыть ещё минуту
послесловьем прожитого дня.
Из какого тайного сосуда
выплеснулось зарево огня?

Что за боги разрывают в клочья
прошлого обманчивый простор?
Оказалось, что не так всё прочно,
что казалось прочным до сих пор.

* * *

С кочки на кочку, через болото
выйдешь к домам. А найдёшь ли ночлег?
За не знакомым тебе порогом
встретится ли не чужой человек?

Близко уже... На зелёной равнине
виден тропы узнаваемый шрам.
Под деревьями конь белогривый...
Будет с кем поговорить по душам.

* * *

Падает свет на ладонь подорожника,
солнце всем телом легло на луга,
маки горят в ожиданье художника
(он всем на свете слуга).

Синие ирисы, вытянув шею,
томно поют о любви.
Если ты знаешь, кто их затеял,
имя его назови.

* * *

У сосен красные стволы,
у солнца старые привычки, —
как мальчик, наигравшись в спички,
забаву бросит до поры.

Давно мы не были в лесу,
здесь где-то есть одно болото,
где в стиле позднего барокко,
или скорее — рококо,
сплелось и спелось что могло,
чего на свете не бывало,
но в память намертво легло
и ощущеньем заковало.

Здесь беспощадно и умно
земное время верховодит,
и тени стрелки переводят
туда, где тайно и темно.

ЛЕСНОЙ ИСПОЛИН

М. Н.

Корявое, старое дерево-Дуб,
мой бог и папаша, мне веткою машет
и приглашает в магический круг
силы своей и могущества даже.

Он не растение вовсе, но дух,
Дуб-исполин в темноте непроглядной.
Живность мохнатая пляшет вокруг
его запредельной исповедальни.

Не перечислить его тайников —
столько их скрыто в большом организме.
Думаю я, он из тех стариков,
что прожили несколько жизней.

* * *

Ноябрь тебя уводит далеко
в свободу думать и молчать подолгу,

в досужих мыслях проводить прополку
(работу эту делать нелегко).

Боль ветки сиротливой брать взаимы,
бродить по городу, людей не замечая,
не сетуя на сырость, не скучая
в предошущенье праздников зимы.

ГЛИНЯНЫЙ ЗВЕРЬ

*По впечатлению от глиняных
анималистических скульптур
киевской художницы Мили Галушко*

И пришёл ко мне глиняный зверь,
я его, вот вам крест, не звала,
а пришёл ко мне глиняный зверь
и уставился прямо в глаза.

Осмотрев мой домашний дизайн,
он спросил меня: «Кто здесь хозяин?»
От такой неожиданности
начала я такое нести,
мол, не я тут хозяйка, а он.
Ведь бывают такие минуты...

Наконец, совладав с собою,
и решив не сдаваться без бою,
я спросила: «Из чьей ты утробы?»
И ответил мне зверь: «Я добрый».

* * *

*Светлой памяти университетской
преподавательницы философии
А.И.Фортовой по прозвищу «Кассандра»*

Разговор был возвышен и нетороплив...
То ли косточки вишен, то ли косточки слив
извлекая ножом, чтоб варенье варить,
мы могли б за Всевышнего
новый мир сотворить.

О, Кассандра! О, — в фартуке!
как пророчили вы крах совдеповской Трои,
ложкой жестикулируя.

А варенье впадало в цвет запёкшейся крови...
Я внимала вам нежно и нисколько не верила.

* * *

Душа моя, лошадка загнанная,
не прирученная, увы!
Абсурдом времени израненная,
не ждёшь ни от кого любви.

Не раз оболганная, битая,
куда ты нынче собралась?
Куда сошлёт тебя наитие
на этот раз?

ИЗ СЕРБСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Добрый молодец Богу молится,
с просьбой дивною, с просьбой слёзною:
«Дай мне, боженька, золоты рога
да серебряны на них веточки.
Я насквозь пробью плоть сосновую,
посмотреть хочу, что в ней деется».

И дал Бог ему золоты рога
да серебряны на них веточки,
так-то молодец плоть сосновую
одолеп, а там — млада девица.

Молвил он тогда тихим голосом:
«Как мне быть с тобой, красна девица?
Не дадут тебя твои кровные,
я бы взял тебя, да мне боязно».

И на то ему млада девица
так ответила: «Не проси меня,
не проси меня, — не дадут братья,
а возьмёшь меня, тут и смерть тебе.

У меня братьёв — девять воинов,
девять воинов в шапках волчьих,
да у всех братьёв сабли вострые,
не дай бог тебе с ними встретиться.

Грех те смерть принять,
мне — позор сбежать.
Позови меня,
я пойду за тобой».

Єгор ВАЙСКОП

/ Київ /

ФАНТОМ

НОВЕЛА

Вільготний весняний ранок просторо заплив у привідкрите вікноце моїх покоїв і від долу до стелі оповив їх ароматом чудних цвітін каштану. Неохоче розтуливши очі, сонним зглядом я пробіг вздовж свого тіла й прокинувся — нога: відстрілявся. Вночі знову тривожив зациклений, невідступний сон — площа, тиша, дув води. Твоя тінь — струнка, трепетна і мерехтлива, неначе випірнула, заледве проявилась на мулкій воді і знов пощезла. Це ти навзнак мені мелькнула, — міркую я, і бадьоро встаю з ліжка, обпершись на милицю.

Доходжу ванни, вмиваюсь і розглядаю себе в дзеркалі довше, ніж зазвичай (спішити мені нікуди): рожеві щоки, довге чоло і душевний проникливий погляд — ніби не змінився, принаймні, на лиці, — пробую переконати самого себе, але не силуюсь, бо наперед знаю, що лукавлю. Тоді шукаю іншої розради і пригадую: весна, ранок, каштани. Йду на балкон — грітись під струменями сонця і надій.

Телефон спалахнув, коли я пив каву. Трохи розлилась у моїх сполоханих руках — злиже кіт. Беру слухавку за третім дзвінком, щоб не випорскувати невдоволення безпосередньо в розмові. Чую страшне хрипіння прокуреної гортані, в дружньому тоні й у доброму гуморі з неї виверглося:

але я не почув того,
що на мене
виверглося.

Відповів навгад:

— Не переживай, усе розрулиться, головне — що я живий.

— Ну да, ну да, — згоджувався ти і про щось окремішне думав, а тоді несподівано додав: — Вона прийде, Діма. Точно прийде.

Твій голос обірвався мінорною струною, і його ущипливі відголоски затинялися межі веремії нерозбірливих думок, вібруючи у скроні все тихше і тихше, допоки не загускнули на штиль. Тоді я залився сміхом. Бо так і не дійняв, з ким балакав.

Площа,
тиша,
дув води.

Все ще на кухні, я впав на стільчик і закинув голову. Мізкую: усе воно на міщанство змахує, цивілізована людина мусить снідати у власній їдальні або в кафе! А поза тим, на ум щось незбагненне навертається:

земля — нерівна;
вітер, сон, вода — свобода. Полотна.

Ще досі не звикши, з цікавістю, нібито чужо, розглядаю щербату лисоню культу. Ятрить: і я шукаю в пам'яті Св. овечку, яку мав колись зобидити, бо чом інакше мені б ятрило? Хочеться згадати безтурботні роки дитинства: солодкий смак вати і солоний — крові, учнівства — протерті в колінах штани досі десь валяються, студентства — обірваного й загубленого: відключений канал пищить строкатими полосами.

Вирішую прогулятись — колись гуляв щодня. Неквапом одягаюсь, спускаюсь на перший поверх, йду на набережну, попутно цмулячи легку цигарку.

Площа,
тиша,
дув води.

* * *

Я хотів стояти на просторій площі твого міста, де сонце бігло шугає поміж героїв і ніжно сідає за парком. Тоді звечорілий легіт тягне за собою прісний запах озера, і я дивлюся на небо, як на незмірний океан, в путівці до мрії який неодмінно перетну.

Прогулювались разом з Лілією. Ми познайомились одної чарівної ночі в Буді, коли темна смужка пірсу приховує найпалкіші поривання люблячих молодих сердець, коли карамельне сяйво мостів солодко хлюпотить в Дунаї, в очах вогнем блистять жагучим... Твоя тінь — струнка, трепетна і мерехтлива, неначе випірнула, заледве проявилась на мулкій воді і знов пощезла.

Вона ще не знала горя, чи то пак трауру (через рік помер її батько), безтурботно вона куштувала морозиво (пломбір в шоколаді, на кшталт нашого «Хрещатика»), сміялася із моїх жартів, а потім стишено, лагідним голосом розповідала про свою квітчасту Батьків-

щину, про Будапешт, про життя, яке воно є: складне, цікаве й непередбачуване. Останнє непокоїло її найбільше. Лілі раптом змовкла, і я поглянув їй у змокрілі вічі. Дівчина несміло запитала:

— Скільки у нас часу?

Я взяв її за руку і пообіцяв відповісти наступного дня.

Площа (позаду),
тиша (над головою),
дув води (зблизька).

— Подивись, Лілі. Подивись, моя чарівна, на цей піщаний годинник, — казав я, указуючи на Колесо часу. — Бачиш, як швидко біжить пісок, як без упину цівкою тече і никне серед безлічі піщанок? Так от, це не пісок біжить — це життя наше, розміряне по крупицям, журливим паводком знекровлюється!

Вона прижала свою чорну голівку до моїх грудей і більше не питала про час, дарований нам і нашим бистротечним стосункам.

Прощались під понурим каштаном. Жовтіла осінь, котився блакитноокий дощ. Ти пообіцяла навідатись найближчим часом в гості, і зворушений твоєю обітницею, я довірив тобі ключі від своєї квартири, ніби серце своє розчинив і пустив у сокровенне й інтимне — особисте; сподіваючись, що колись таки ти прийдеш і ми продовжимо нашу нічну розмову про Батьківщину, Місто та життя, яке воно є: складне, цікаве й непередбачуване. Іще додав на кінець: у нас каштани веселіші...

Ах, твоя тінь! Така струнка, така трепетна і мерехтлива, неначе випірнула, заледве проявилась на мулкій воді і мало не втонула.

...я знову тебе обіймав, втрачаючи життя, пізнавав наново свою любов.

* * *

Присмерк ліг на Оболонь, а маленький дощик заляпотів по іржавим козиркам, по шибкам тривожно засік. Ти зайшла в мою обшарпану оселю — зацокотів паркет (ти на підборах?); ліками війнув протяг, змішавшись з твоїми парфумами. Передусім ти набрала води в ліжку й полила орхідею (ще дивувався, чому вона не цвіте), потім почула чиєсь вдоволене вурчання і заглянула на кухню. В сяєві місячного диску, на штиб прожекторного, лежав мій чотирилапий і снів солодкими котячими снами. Ти не наважилась прогнати його зі стола. Після: ти подивилась у вікно, подумала про щось, присіла і, чого ніяк не очікував, розплакалась.

На мить забувши про власну неміч, підхоплююсь із ліжка і підстрибом несусь на твоє ридання. Невже ти мене не помітила, — тривожно завважую мимохідь. Стаю перед тобою віч-на-віч, згина-

юсь, заглядаю в твоє розчервоніле обличчя і беру за руку, як колись на Дунаї. Але моя рука минає повз тебе, наче не з плоті зітка-на, парю розходитьсь, мов димок. А ти все крізь мене дивишся...

Відступаю від тебе на кілька кроків. Хочу збагнути твої теперішні думки, тому перемикаю увагу на місце, куди так зосереджено і журно ти вдивляєшся — чи не кіт, жирнющий, тобі напакостив? Тоді дивлюсь пильніше: столик, на ньому рясно пописаний хлястик, трохи заляпаний кофем. Ти впізнала мій почерк і впала у відчай, адже прочитала:

«...втрачаючи життя, пізнавав наново свою любов».

Ти ще довго вглядалась у ніч, як і ніч туманно гляділа на тебе. Журчала весна. Котився блакитноокий дощ, котився по козиркам, по шибкам.

Богдан ГАСЮК

/ Івано-Франківськ /

* * *

Погляд скований димом, мов стриножений кінь у степу,
пасовище торішнього листа під ногами йому
догорає смиренням і нестерпно втинає стопу,
а він твердо упнувсь — заміряючись стрибнути в пільму.

Лише зирком крізь дим, де кочують попражені хмари,
а за ними сховалося сонце, мов горошок в стручку,
лише тіні кудлаті по тичці, лише тінь до краю
обвивається тісно, обіймаючи темінь струнку.

І твій погляд вгорі, як в стручку, визріває за сонцем,
і крізь сни споглядає на світ, і крізь хмари, мов сонце,
і так дико дригочуть розгупані явами скроні
аж заходишся слізьми, аби радість множити болем...

* * *

Ліс шепоче — ніч шипить,
двері темні опівночі
отворяють лябіринт —
і виходять чорні в клоччях,
і несуть пісну кутю,
і дванадцять срібних ложок
на стола кладут краю.
і дванадцять перехожих
тих, що їм імен нема,
місяць тісто на морозі —
і на заячих слідах.
аж подзенькують ґердани,
і маленькі дзерькала
розлітаються — як брами

перед божого чола.
і виносять із печери
світ ізпечений на дні,
і кладуть його, де двері
зарубляються в стіні.

* * *

Паліте ватру, кидайте кости,
жалі кидайте,
най верхи йдуть!
зійдуться тіні, певне, о шостій,
о сьомій крила свої складуть.
Попід перину з самого моху,
гладенькі крильця в зелений пух,
А ви кладіте свою тривогу,
бо скоро данец — великий круг,
Довкола ватри,
Довкола в коло
Заскачуть тіні біліші в дим,
Надує ватра черлене воло,
розпусить світло, мов херувим,
І буде чорне тікати в корчі —
Вогке пропаде,
засохне слід,
Бігтимуть біди світ перед очі,
А очі зійдуть у чорних бід...

* * *

криками крутиться осінь межі крижин,
гейби під небо проситься,
та нестарчить їй сил.
і засідає межі ялин — ніби дим — аж відгомін котиться
ув вологість щілин і хреститься там, сповідається тіням духів забутих,
іно дим — ніби з файки — із уст випливає,
і меж пір'їн птахові тулиться,
бо стужа за всіма стежить зі стежки,
якою осінь ішла, але замела шляхи всі — війна...

Татьяна РЕТИВОВА

/ Киев /

* * *

За живой цветущей
изгородью
буковинской
в сучавском парке
затаился ландыш
или ангел
победоносный

И сирень затмила
своим благоуханьем
вой сирен на тех
других берегах,
возле которых
вновь озвучивают
свою мольбу
призраки полководцы.

Перелетные птицы
с поля битвы
исполняют
музыку сфер в древних
буковинских парках,
под мерцающими звездами,
вдохновляя *Somnium Scipionis*.

О, и где ты, Сципион Африканский,
нашего времени? Неужели это наш
Генерал Ллойд Остин, который
осмелился подтвердить, что
Карфаген должен быть разрушен!?
Со всеми воинскими почестями...

* * *

Бывший муж мой
Лучше бы был
Бывшим имперцем,
Чем настоящим.

Даже отец мой
Успел переосмыслить
Свои взгляды
На родные пенаты.

Но я не о первом
Муже, если что,
А о втором, впрочем,
Какая разница?

Ведь же, как рече
Феврония, с одной
И с другой стороны
Лодки вода одинакова.

А «Савл, он же Павел»,
Хотя Каин — он не Авель.
Но ни тот, ни другой не
Обратил на меня внимания.

Ибо я безлика
Половецкая баба,
И видали они
Меня в гробу.

* * *

Отец покойный мне
одолжил своего
Ангела Хранителя,

на время этой войны.
Изначально Ангел
явился мне во сне,

его транс персона
висело в западном
окне, за моим

левым плечом.
Нынче оно вкратце
следит за каждым

моим движением,
соблюдая дистанцию,
пока я, как сомнамбула

брожу там, на Корчеватом,
где били нашу ТЭЦ восемь раз.
Не добили. Не парься, говорят

аналитики этой недопустимой
третьей ВВ. Дома я передвигаюсь
через время пространство

измеряя траекторию ракет.
Тайком Ангел сдувает всю пыль
с моего стеклянного зверинца

во время своих бесконечных
посещений. Иногда оно даже
вселяется в мои солнечные

лампочки для сада и тусуется
с другими похожими духами.
Мерцай, мерцай, звездочка.

РАКЕТНЫЕ ПОСЛАНИЯ

ты же начал это
со словами

ДЛЯ ДЕТЕЙ

кириллицей
высеченных на
ракетах
запущенных
в краматорск

как будто издеваясь
над мариупольским
театром где раньше
тысячи искали
убежище пока
виклали слово

ДЕТИ

за и перед
самим театром
на мове твоей

затем было
пасхальное
послание одессе
богородица дева
радуйся благо
датная мария
птна прогони

а вот и чехи
тоже вписали

ЭТО ЗА ПРАЖСКУЮ ВЕСНУ 1968 г.

на своем западно
славянском по своим
ракетным системам
ради мира пере
данных украине

а поляки
без запинки
отчеканили

ЗА КАТЫНЬ

на своих ракетах
и в нидерландах
своевременно
напомнили что
это ракетное
послание

НАША МЕСТЬ ЗА МН17

пусть их все
запустят прямо
в сердце твое

МОЯ ТРЕВОЖНА ВАЛІЗА

Я никуда
не поеду...
От**бьтесь
уже.

А так, еду,
нет не,
куда, на
Буковину.
Китайский
новый год,
от ворот
поворот.
Не ждите меня.

Или еду. Беру
двух собак
и четырех кошек
на передержку.
Нет, сама еду
на передержку,
собак и кошек
не беру. Не еду же.

Оставлять
на произвол
судьбы всех
двух собак
и четырех кошек?
Но вдруг еду, куда,
на Буковину.
Опять? 100 евро
через пункт
пропуска,
в Румынию.

В этом году
Черного тигра
уже
мартовские иды
на носу.
Кто кого
в каком бреду...

Олександр ГАЛЬПЕР

/ Нью-Йорк /

ПАРИЖ ОЧИМА ПАНК-ПОЕТА

Лувр

Почуте у черзі, з кавказьким акцентом:
— Де тут Можна Лізу?

* * *

Блукаю величезним музеєм, духовно збагачуючись, так би мовити, у повній тиші. Тут дзвінок на телефон від тьоті Іди з Канади:

— Тьотю Ідо! Не можу розмовляти. Я в музеї.

— Ні! Ти маєш це почути.

Охоронці в залі на мене зашикали і вигнали на вулицю. Я продовжив:

— Ну, що трапилось?

— Я просто подумала, що раптом ти мені захочеш купити якийсь дорогий подарунок у Франції, щоб ти навіть про це не думав. Нема чого тобі витратити свої кошти! Але якщо захочеш для Цилі Абрамівні брелок із Ейфелевою вежею, то я тебе не зупинятиму!

Дулькін

Нью-Йоркський друг рекомендує екскурсовода Дулькіна перед поїздкою до Парижа:

— Він найкращий екскурсовод столицю Франції.

— А чим він кращий за сто інших? Що знає такого, чого інші не знають?

— Він мені показав ресторан, де всі президенти країни зустрічаються із таємними коханцями, та готель, куди вони потім прямують.

* * *

Вештаємося із гьорлфренд і Дулькіним Парижем. Він усе докладно розповідає та показує — справжня енциклопедія. Дулькін, виявляється, був гей-активістом. Сидів у Радянському Союзі за ці справи. Потім його на особисте прохання президента Франції вислали з Москви. Юля постійно відстає від нас тому, що фотографує все поспіль і забігає до магазинів одягу. Дулькін утомився їй робити зауваження, що вона нам зриває всі плани, і накричав. Юля розплакалася. Довелося їх мирити. Дулькін пообіцяв їй показати найкращий магазин жіночого одягу, де навіть він закуповується, коли має нового бойфренда. Тепер Дулькін її найкращий друг. (Чи подружка?)

Зголодніли і зайшли до кафе. Я доручив Дулькіну замовити правильний паризький сніданок. Він знову посварився з Юлею. Він замовив їй тепле вино з корицею, а мені каву з кальвадосом. Гьорлфренд обурюється:

— Я не хочу вранці алкоголь. Я хочу чай із лимоном.

— Будеш в Америці пити свій чай. А тут жінки п'ють гаряче вино з корицею.

— Але ж я хочу чай!

Я врятував становище тим, що випив і свій кальвадос, і її тепле вино.

Вийшли з кафе, гуляємо Парижем далі. Дулькін вказує на будинок із гордістю:

— Тут, на другий день у Франції, я звабив мого першого француза-слависта. Яке у нас було пристрасне кохання! Він усю ніч кричав: «Ще! Цветаєва! Ще! Ахматова! Ще!».

* * *

Наш екскурсовод ділиться спогадами:

— Мій старий друг — дисидент Птичкін — відсидів десять років у ГУЛАГу, а в Парижі другого дня після приїзду потрапив під машину. Отримав купу грошей. Був дуже задоволений. Повернувся до Москви та купив собі квартиру. Усі йому дуже заздрили.

* * *

Дулькін скаржиться:

— Ти знаєш, що публікацію «Доктора Живаго» Пастернаку повністю ЦРУ профінансувало? У середині минулого століття це були найкращі спонсори та популяризатори сучасної російської літератури. А нещодавно я їм приніс мій антипутінський роман і зовсім небагато за нього просив. Не взяли. Ідіоти!!! ЦРУ, звичайно, вже не те, що було за часів моєї молодості. ЦРУ вже зовсім не те! Адже яке було гарне агентство! Таке розвідагенство занастили! Які там працювали інтелектуали! А зараз? Жах! Одні рагулі! Очі б мої не бачили!

* * *

Дулькін перед розставанням:

— Ось тут поряд є «Кафе Де Флер», на авеню Сент-Жермен, це куди провідні французькі поети приводять своїх нових дівчат.

Юля вимагає негайно, щоб я її показав усьому чесному літературному світу.

Ми зайшли до «Де Флер» і сіли під портретами Бодлера та Хемінгуея. У залі було п'ятдесят осіб. В основному жінки. А де ж чоловіки? Я нічого не розумів, і як мене попередив Дулькін: у будь-якій незрозумілій ситуації в Парижі — пий кальвадос. Після третьої чарки розуміння ситуації не надходило.

Тут до моєї гьорлфренд підійшла французенка, щось сказала і відійшла. Через п'ять хвилин інша. Що відбувається? Офіціантка, на щастя, пояснила:

— Сьогодні у «Де Флер» — жіночий день. Після п'ятдесяти років феміністського руху ми нарешті цього досягли. Французькі поетеси приводять показати своїх нових бойфрендів чи партнерів, якщо вони є лесбіянками.

— А що вони казали моїй гьорлфренд?

— Що вони люблять її поезію, та й її новий бойфренд нічого так. Лише випити любить.

«Нічого так?» Я натхненно випив п'яту чарку кальвадосу.

Пер-Лашез

Дош як з цебра. Тільки зайшли на цвинтар, як за помахом чарівної палички, зупинився.

Могила Джима Моррісона. Натовп людей з усього світу. Згадав, як тридцять років тому хотів покінчити життя самогубством під його музику. Як слухаю *The Doors* і зараз, коли погано. Допомагає. Гьорлфренд хотіла сфотографувати поряд. Відмовився. Це не туристична пам'ятка. Це святе. Це мій Ісус Христос.

Едіт Піаф — підходимо до могили та слухаємо її на *Ютубі*. Несе поверх могил її голос. Підходимо, а там уже три пари. І теж її слухають на *Ютубі* телефонами. Французів немає зовсім. Вона їм потрібна?

Оскар Уайльд — постамент обнесли склом, рятуючи від вандалів та графіті. Біля могили англійська актриса читає подрузі монолог із його п'єси напам'ять. Подруга записує та негайно виставляє на фейсбук.

Модильяні — ледве знайшли постамент. У дуже поганому стані. Ніхто про нього не знає. Якби дали десь свідчення, що він був коханцем Ахматової і наставив роги Гумільову, тоді хоч би росіяни

набігли. П'ять років тому його картина продавалася за 170 мільйонів доларів. Можна ж було кілька тисяч підкинути на те, щоб привести могилу в нормальний стан.

Пруст — новий постамент. Порожньо. Ніхто до нього не приходить. Хто може ці величезні медитативні романи в наш божевільний час дочитати? Може, коли вийду на пенсію, якщо доживу, то спробую знову прочитати.

Бальзак — справжня велика пам'ятка. Нікого немає. У дитинстві прочитав кілька книжок. Про що — хоч убий не згадаю. Тільки пам'ятаю, що одружився він у Бердичіві, як і належить справжньому письменнику. Я теж поїду туди одружуватися, може. А ще Бальзак помер від виразки, заробленої надмірним споживанням французьких вин. Яка героїчна смерть!

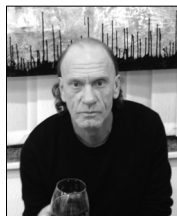
Свіжа могила гламурного французького актора, який загинув, катаючись на лижах, зовсім недавно. Кошик квітів і вкладена листівка: «Ти був моєю справжньою любов'ю. Марія». Ось навіщо тобі, Маріє, цей гламуриш?

Могила китайського олігарха. Всі написи китайською мовою. Цвинтар взагалі закритий. Тут більше не ховають, можливо, тільки великих діячів французької культури за спеціальним дозволом уряду. Як він тут опинився? Ми знаємо як. Пожертвував цвинтарові мільйонів десять євро. Купив собі місце у вічності, щоб лежати поряд із великими. Інші китайські олігархи, напевно, давляться від люті! Навіть тут усіх обскакав!

Десь тут ще безсердечний Шопен (серце окремо поховано у Польщі), Мольєр, але настав час уже в барі випити кальвадосу. Вже дванадцята година дня, а ще анітрішечки.

Артур НОВИКОВ

/ Киев /

* * *

Я нахожу ненайденные вещи
Что в мире что в себе что просто так
То скрытое что кажется зловещим
То явное в чем неба виден знак
И кажется сродни Экклезиасту
Переживу и слово и язык
Весь опыт что скопился так напрасно
Всю память как один короткий блик
И на плоту где девочка Геката
Играет с мотыльками над огнем
Напьюсь вина забвения с Пилатом
К Иешуа мы позже с ним зайдем

* * *

Желток
Трава внутри песка
Пляж пуст
Провисли облака
Случайной птицей воздух рвет
На сизых вод неслышный ход
Безлюдье
Видимый предел
Как странно берег опустел
И ни следа на плёсе нет
Ни тени
Свет
Бездонный свет
Возможно где-то города
Аэропорты поезда
Кафе метро карманы дня
Но в свет зашёл —
и нет меня

* * *

поставлю с утра Альбинони
адажио скрипки с органом
достану селедочки с луком
немного налью: полстакана
Вивальди с утра эксцентричен
затаскан и слишком известен
а скрипка с органом — прилично
и мир не настолько уж пресен
Томазо торжественно плавен
звучит музыкальным сфумато
вторые налью полстакана
глоток за глоточком — стаккато
торжественно скрипки вступают
орган гармоническим фоном
пора закурить — это свято
и третий стаканчик наполнить
селедка лежит на тарелке
наброском к вечеру да Винчи
и жизнь уж не кажется мелкой
гармония в малом отлична

* * *

Тепло
Под лампой мухи роем
И недоеденный кебаб
Который день идут гастроли
Не помню город
Так ослаб
Стакан наполню и в гримёрку
Актер на сцене не умрет
Шекспир сегодня
Завтра Лорка
И Достоевский — Идиот
Бухает прима с режиссером
Две скрипки — в стельку
Как играть?
Но все покроеет Терпсихора
От Еврипида — наша мать

* * *

бутыль гитара?.. нет Верлен
а может так — сплошной Вертинский?
но что сравнений бранный тлен
далекий ли когда-то близкий

мелькнул серебряный фонарь
от Петербурга до Берлина
эпоху может быть и жаль
была! была! теперь былина...
шампанским вылит Пляс Пигаль
Курфюрстендамм строфой забытой
и не есенинская даль
помашет издали ракитой
сезаны времени ушли
сезоны вечности настали
по звездной движемся пыли
в неканонической скрижали
мы собиратели эпох...

* * *

леди
одна не танцует
бликуют на стеклах
следы поцелуев
в ванной слегка аромат
deja vu
полотенце забилося плачет в углу
недопитая чашка
опрокинут стакан
кто уходит? — она
докурила Gitanes и захлопнула двери
смех сирени на крышах
sa va bien ma Paris
мы по-прежнему дышим
что поставить? не знаю
скрипит тишина
настоящая леди
не танцует одна

Дина ДРОНФОРТ

/ Франкфурт-на-Майне /

КОЛОКОЛА

Колокол в голове.
Маяться, не уснуть.
Не прорастай, не верь.
Не забывай, забудь.

Гулки колокола.
Ветром качает дверь.
Разве сестрой — была?
Не прорастай. Не верь.

Бой колокольной мглы.
В пальцах юркая ртуть.
Долгое слово — «мы».
Не забывай. Забудь.

АВАТАР

Тебя к себе самой ревную.
Кто ты — ни муж, ни сын, ни брат.
Меня желаешь — но другую,
а настоящей и не рад!

Как справиться с дыханьем ночи,
что тьмой подрёберной дрожит,
истомой строчки-многоточья,
что око разуму смежит?

Как выжить в тяготе бессонниц,
в желаний споре и мольбе?
Кто ты, вчерашний незнакомец,
так подчиняющий себе?

Быть может ты лишь только остров
в жару полуденных широт,
Летучего Голландца остов,
что за туманами плывет.

На ветке светлячок — мерцаешь,
манишь по тайным уголкам,
приветным кровом зазываешь
на пир хохочущим волкам.

Пусть так. Пропасть с тобою в чаще
согласна. И стремлюсь на свет,
холодный и ненастоящий,
туда, где будущего нет.

МАРСИАНКА

Так не схожи с тобою осанкой,
так разнится наш разговор.
Или я родилась марсианкой,
иноземкой фарсидовых гор?

Всё к ногам — виноградники, кровля
и шербет в тени для меня.
Исполняются беспрекословно
изволения праздного дня.

И ковры, и нежнейшие дыни...
Но ведёт в иные края —
из объятий немилых в пустыни —
марсианская вера моя.

Евгений ДЕМЕНОК

/ Прага /

ЭКСПРЕССИОНИСТ

— Он был чудачком. Гениальным чудачком. Одним из тех чудачков, чья судьба интересуют многих, но никто не желал бы её повторить. Родители назвали его библейским именем Давид. Хотя, даже не зная его имени, любому сразу же было понятно, что он принадлежит к библейскому народу, который, будучи изгнанным из дому, расселился чуть ли не по всей земле. Нашему городу повезло — в лучшие годы евреев тут была добрая треть.

Соломон Львович снял с носа очки, протёр их и без того кристально чистые стёкла и снова водрузил их на нос.

— Дедушка, ты больше тридцати лет живёшь в Вене, но до сих пор называешь Одессу «нашим городом».

— А как иначе? Ты прочитал, кстати, слова Жаботинского об Одессе, которые я прислал тебе год назад, как раз в конце декабря?

Соломон Львович с улыбкой посмотрел на смутившегося Леона.

— Можешь не отвечать. Надеюсь, хотя бы к моему возрасту прочтёшь. И не забудь — на языке оригинала!

Он завёл эту традицию десять лет назад — собирать у себя в конце года всю семью, детей и внуков. Тогда ему было шестьдесят. За это время количество внуков прибавилось, более того — появился первый правнук. И вот сегодня — фулл хаус. Они с женой, трое детей, пятеро внуков и правнук.

— Папа, скажи, как ты мог выбрать для жизни Вену? Ты, который с утра до вечера рассказывает об одесском море и солнце?

Приехавший из Неаполя старший сын, Илья, не слишком рисковал — именно он привёз родителям правнука.

— Вы всё знаете сами — в восьмидесятые Вена была одной из главных остановок на пути из Союза. Подавляющее большинство евреев тогда уехало дальше, а я застрял. Застрял в паутине искусства.

— Да уж, застрял основательно.

Мила, средняя дочь, кивнула головой в сторону тянущейся в обе стороны от отцовского кабинета анфилады комнат, все стены

которых были от пола до потолка увешаны живописью. В дальних комнатах стеллажи были битком забиты картинами. Соломон Львович с женой Розой тут и жили, на втором этаже, прямо над своей галереей, в нескольких комнатах, которые Роза смогла с боями освободить от картин.

Соломон Тульчинский стал за эти тридцать лет одним из крупнейших венских торговцев искусством. Немецких, австрийских, чешских, венгерских художников он знал так хорошо, словно родился и вырос тут, в австрийской столице, причём вырос в семье потомственных торговцев живописью и антиквариатом. Слушая его немецкий, сложно было догадаться, что школьные годы он провёл на Молдаванке. Выдавало его лишь то, что стены его кабинета были увешаны работами исключительно одесских художников.

— Папа, не слушай их, продолжай.

Лёня, младший сын, прилетевший к отцу из Нью-Йорка, давно уже просил его рассказать о художнике, чьи экспрессивные и порой слишком эротичные работы с крупными подписями, сделанными рукой ребёнка, занимали у отца целую стену. У него был свой мотив — своего сына он тоже назвал Давидом.

И вот, наконец, папа созрел.

— Вы же знаете, что мы с братом всю свою жизнь занимаемся поисками талантов, недооцененных мастеров и незамеченных работ, у которых есть потенциал. Открыть талантливого художника — огромное счастье, такое случается лишь раз или два в жизни. Для этого должно совпасть слишком много факторов. Давида Тихолуза открыл, увы, не я. Его открыл мой давний одесский друг Славик, галерист и коллекционер. Но я приложил руку к тому, чтобы Тихолуз стал известным. Хотя продлилась эта известность совсем недолго. Родителей его никто не видел. Судя по всему, они умерли довольно рано, когда он был ещё юношей. Воспитывали Давида дядя с тётей. Дядю звали Зелик Блуверберг, и он был художником. Именно от дяди к Давиду пришла та искра, то желание рисовать, которое стало в его жизни главным. Давид восхищался дядиным творчеством, хотя на самом деле Блуверберг был весьма скромным графиком, не добившимся никаких значимых результатов — у него даже не получилось стать членом Союза художников. И всё же дядя спас племянника дважды — в первый раз дав ему профессию, а во второй — позволив хоть как-то выжить в девяностых. Именно за дядиными работами приходили поначалу в ужасную квартиру Давида перекупщики. Сотни отсыревших листов лежали в ней повсюду. Собственные работы Давида тогда никого не интересовали.

— Ой, папа, расскажи об ужасной квартире! — воскликнула Мила.

— Дойдёт и до неё очередь, потерпи немного. Хотя о том, как выглядели родители, можно было составить себе представление. По крайней мере, я видел однажды в руках Давида портрет его отца —

крупная голова в профиль, белая рубашка, галстук. Типичный одесский инженер. Давид говорил, что жили они недалеко от художественного музея. Возможно, отец немного стеснялся выходить с сыном на люди, но, в конце концов, поведение Давида не выходило за пределы нормы, а для родителей их ребёнок всегда самый лучший. С помощью таланта и дядиных связей Давид смог поступить в Одесское художественное училище, которое так и не окончил. О годах его учёбы сейчас ходят легенды — вроде бы он учился там семь лет, из них четыре — на первом курсе, откуда его постоянно отчисляли и вновь принимали. То, что он не от мира сего, бросалось в глаза сразу, и хотя в среде художников это выглядело естественнее, чем в среде, например, инженеров или экономистов, но всё же и там это было немного слишком. Рассказывают, что от кабинета к кабинету Давид ходил медленно, чуть ли не прижимаясь к стене, чтобы никому не мешать, и избегал любых разговоров. Полнейший социопат. Но на самих занятиях часто менялся — прилив вдохновения меняет поведение. В конце концов его выгнали окончательно и бесповоротно — после того, как он написал постановочный портрет всего тремя красками, синей, зелёной и красной.

Внезапно прозвенел звонок. Все вздрогнули.

— Это Сёма. Явился — не запыхался, — улыбнулся Соломон.

— Я открою, папа. Сиди, — поспешил сказать Илья.

Пока он спускался из хранилища в галерею на лифте, вся семья сгрудилась у окна, из которого виднелся Штефансдом. Стоявшие у входа Семён с женой, словно почувствовав, что на них смотрят, подняли головы вверх и помахали им.

Через минуту они уже были в кабинете Соломона. Семён был младше брата на семь лет, и в кругу венских арт-дилеров, *Kunsthändler*, об их с женой Кирой стильных нарядах ходили легенды. Вот и сейчас Семён пришёл в каком-то невообразимом цилиндре и с новой тростью в руках. Он словно пытался стать персонажем одного из многочисленных портретов венских буржуа начала девятнадцатого века, которыми была завалена его «Галерея старых мастеров».

Увлечение брата одесскими художниками он не разделял.

— Ты так и не снял со стен своего Тихолуза? — быстро оглядев кабинет брата, насмешливо спросил Семён. Или по-прежнему надеешься продать его кому-то как Сутина?

— Для этого придётся очень постараться. Давид подписывал свои работы со всех сторон. Разве что ты мне поможешь, — с усмешкой парировал Соломон.

— Сёма и Шлёма, — вдруг отчётливо произнесла Милена.

Четырёхлетняя дочка Милы была голубоглазой блондинкой, жила с родителями в Вене и была всеобщей любимицей.

Мила покраснела, но все расхохотались. Любивших взаимные перепалки братьев так называли частенько, и они об этом прекрасно знали.

— Дядя Семён, папа как раз рассказывает о Тихолузе, — сказал Лёня.

— Ну что ж, любопытно будет послушать. Со мной он делиться не любит.

Жена укоризненно взглянула на Семёна.

— Молчу, молчу.

— Вот именно. Слушай молча, — сказал Соломон. — Так на чём я остановился?

— На том, что Давида выгнали из училища, — сказала Мила.

— Да-да, точно. Где, как, на что он жил в восьмидесятые и девяностые — совершенная тайна. Говорят, он подолгу лежал в психбольнице. Говорят ещё, что одно время дружил с Кирой Муратовой и её мужем Евгением Голубенко и регулярно у них столовался, пока Голубенко не выгнал его из дома — якобы Давид начал неровно дышать к Кире Георгиевне. Я не удивлюсь, если он делал какие-то бестактные предложения — сексуальность в нём всегда была через край, но сочеталась она с дичайшей социопатией. Жил Давид одиноко, в совершенной нищете и в таких ужасных условиях, которые даже на Молдаванке редко найдёшь.

— Папа, ты обещал рассказать о его квартире, — напомнила Мила.

— Ладно. Я приехал нему в 2008 году, почти сразу после того, как его «открыли». Жил он на Заньковецкой, совсем недалеко от нашего бывшего дома, в крепком дворовом флигеле, на первом этаже. За дверью, оббитой ужасно засаленным и рваным дерматином, мне открылось царство даже не чудака, а сумасшедшего. Между редкими оставшимися на полу досками проглядывала земля. На верёвках в узком коридоре висели гроздь дурно пахнущей старой одежды. Крошечная кухня, соседствовавшая с туалетом, была грязной до невозможности, при этом на стенах висело множество порнографических фотографий, собранных, вероятно, в течение нескольких десятилетий. В двух комнатах царил полумрак — свет почти не пробивался сквозь давно не мытые окна. А главное — по всей квартире был разлит удушающий смрад, вызванный невероятной сыростью. Обоев на стенах не было, от них остались лишь зеленоватые разводы. Повсюду были навалены отсыревшие книги, рисунки, листы печатной графики, доставшиеся от дяди. И картонки, холстики — работы уже самого Давида. Так как единственный круглый стол был полностью завален книгами, рисовал Давид у окна, на узком подоконнике — днём туда едва пробивался скупой свет. Единственной свисавшей с потолка голой лампочки ему было явно недостаточно.

— Впечатляет. Но ты же любишь такое, — покачивая носком начищенной туфли, насмешливо сказал Семён.

— Сёма, не придирувайся. Вспомни, где ты вырос.

— Дядя Семён, пожалуйста, позвольте папе рассказать. Второго шанса услышать эту историю может не быть, — сказал Лёня.

— Хорошо. Молчу.

— При этом любой, кто брал в руки его работы, сразу понимал, что имеет дело с талантом. Энергия просто была с этих отсыревших картонов. Естественно, ни в каких выставках Давид не участвовал. Естественно, он о них мечтал. Он рассказывал о том, что иногда выставлял свои работы дома, на полу, вдоль стены, и ясными ночами их освещала луна. Он называл это лунным вернисажем. Открыли его совершенно случайно. Ангел явился ему в виде Алёны, спивающейся торговки со Староконного рынка. В тот день она случайно оказалась в Городском саду, где художники продавали свои работы. Начался дождь, и ничего, как обычно, не продавший Давид уныло поплёлся восвояси. Одна из работ выпала из папки прямо в лужу, но он этого не заметил. Алёна где-то слышала о том, что искусство — это ценность, и на живописи можно заработать. Она подняла картонку, догнала Давида и предложила её купить. Тот был поражён до глубины души. С тех пор она стала ходить к нему домой, покупать за гроши живопись и рисунки и продавать их с небольшой (ей она, наверное, казалась огромной) наценкой. У моего приятеля Славика был на Староконном свой человек, «бегунок» по имени Саша, который выискивал там спрятанные сокровища. Одесса, конечно, не Вена, но всё же и там никто никогда не знал, какой шедевр могут вынести на продажу родственники умершего художника или новые владельцы расселяемых коммунальных квартир, в которых десятилетиями накапливались кем-то когда-то любимые вещи. Произошло неизбежное — Саша увидел Алёну и работы Тихолуза, которые она раскладывала на старой клеёнке, расстеленной прямо на асфальте. Работы эти произвели на выдавшего виды Сашу такое впечатление, что он в невероятном возбуждении позвонил Славика и сказал, что тот должен увидеть всё сам. Славик увидел, остолбенел и купил всё, что было у Алёны в тот раз.

Семён, а следом за ним и все присутствующие в комнате, за исключением лежавшего в коляске правнука, невольно посмотрели на стены. С многочисленных картонов и холстиков на них смотрели изображённые в невероятных эксцентричных позах обнажённые женщины, фигуристки и гимнастки, невероятно грудастые снежные бабы с ярко-красными сосками, ярко-красные же сочащиеся арбузы, штормовое море, двухэтажные дома Молдаванки, портреты стариков и множество автопортретов.

— Да уж, экспрессионист чистойшей воды. Это не Коровенко. Но и не Сутин, конечно, — произнёс Семён.

— Ты даже знаешь фамилию Коровенко? — спросил с иронией Соломон.

— Да так, изредка интересуюсь на досуге.

— Да, это не бесконечная серия портретов дворян в костюмах восемнадцатого века, которые годами создавал прятавшийся от публики Василий Коровенко. И не радостная, наивная в лучшем смысле слова живопись Евгении Ганичевой, писавшей на обороте своих работ фразу «Спешите делать добро». В лучших своих образцах живопись Тихолуза полна экспрессии и животной страсти. И да, это не Сутин. Но Сутин, Сёма, не был сумасшедшим. Во всей истории с Тихолузом есть одна вещь, которую я ценю больше всего.

— Какая же?

— Скажу позже.

— Ладно. Так что там было дальше?

— Работы Тихолуза заметил не только Славик. Их начали покупать коллекционеры и перекупщики. Слухи о нём дошли и до директора музея современного искусства. Тот приехал к нему домой и был потрясен до глубины души всем — и условиями жизни, и талантом художника. Он предложил Тихолузу бесплатно снабжать его красками и холстами и обещал выкупать всё, что тот нарисует. Так в квартире Давида появился первый мольберт. Попал к нему домой и Славик, просто вынудивший своего «бегунка» дать ему адрес. Впечатление, то есть потрясение, было таким же. Получив первые деньги, Давид тут же обзавёлся подругой. Когда я пришёл к нему впервые, она голая по пояс лежала на грязном матрасе, постеленном прямо на полу, и читала книгу, не обращая на меня ни малейшего внимания. Давид сказал тогда, что зовут её Ольга, по образованию она филолог и обожает Мандельштама. Сам он тоже часто принимал гостей в одних плавках. Но ты же знаешь — тех, кто часто общается с художниками, трудно удивить.

Соломон сделал паузу и вновь с улыбкой посмотрел на брата:

— Хотя... Тех, кто общается с живыми художниками. Ты этого не любишь.

— Соломон, это уже слишком, — в голосе Киры зазвучала обида.

— Тётя Кира, не обращайтесь внимания, — сказал Мила. — Папа, так что было дальше?

— И в пятьдесят четыре года на Давида обрушилась слава. К славе вообще мало кто готов, а уж тем более человек такой душевной организации. Две его персональные выставки, одна за другой, открылись в декабре 2008-го во Всемирном клубе одесситов и в Музее Западного и Восточного искусства. Первые в жизни выставки. Обе организовал Славик, купивший к тому моменту добрую сотню его работ. Перед открытием он волновался, не понимая, как Давид будет себя вести. На удивление, тот чувствовал себя совершенно уверенно, рассказывая на телекамеры об учёбе в художественном училище и своих художественных предпочтениях. Видно было, что он ошеломлён свалившимся на него счастьем. Славик рассказывал, что, когда Давид догадался о том, что именно он устроил эти выставки, то долго благодарил, говорил, что никогда не представлял,

что его картины могут висеть в музее, да ещё и в таких рамках. Для одесской публики Тихолуз стал совершенным открытием. Поражало всё, но в первую очередь контраст между силой живописи и образом художника — его детскостью и наивностью. Каждая работа была подписана по нескольку раз, снаружи и на обороте. Детским почерком, крупными буквами. Чаще всего так: «Давид Тихолуз. Одессит, художник, еврей». Но часто можно было увидеть и более подробные подписи. Например, вот.

Соломон поднялся, снял со стены небольшой портрет, перевернул его и начал читать: «Портрет моей тётки Хавуси. Это портрет моей родной любимой тётки Хавы Кисилевны Оксман, сестры моей матери и большой любительницы кошек, очень способной и умной женщины, рассказывавшей мне маленькому сказки "Про мыша". Автор "Портрета старушки" — Давид Наумович Тихолуз. Одесса, 1975 год».

— Или вот.

Соломон взял в руки небольшой пейзаж. Одесские крыши, кроны деревьев. Серое, серебряное, зелёное.

— Он называется «От души — душе». Послушайте: «Писал пейзаж Давид Наумович Тихолуз в 17 лет в Одессе, в переулке Сеченова (бывшем Рождественском, номер девять, квартира шестнадцать). Подписал Давид Тихолуз в двадцать шесть с половиной лет, год рождения тысяча девятьсот пятьдесят четвёртый, одиннадцатого декабря. Этот пейзаж призван. Теперь, когда после девяти лет лежания за шкафом, как безумный пейзаж, теперь, когда в двадцать шесть с половиной лет отроду я вновь вешаю его на стену, он призван напомнить мне, что тогда, в семнадцать лет, я был хорошим человеком! И не таким, как теперь. В этом пейзаже заключено всё моё тогдашнее мировоззрение и мироощущение. Вся моя душа в то время, когда я был очень молод и глуп. Пейзаж написан с маленького искреннего этюдика художником-живописцем и колористом. Искренно!»

— Да уж, впечатляет, — вырвалось у Ильи.

— Сочетание несочетаемого всегда поражало в нём тех, кто с ним общался, а особенно видел впервые. В 2009-м мы записывали с Давидом интервью. Для записи пригласили его в кафе. Он говорил умные, парадоксальные вещи, при этом жадно, причмокивая, поедая сэндвич. Он рассказывал о том, что уже в училище его стали называть экспрессионистом, говорили даже, что у него лицо экспрессиониста, и он с этим соглашался. Говорил о том, что главное для него в живописи — колористика. Цитировал Ван Гога, Джерома Клапку Джерома, Лермонтова, читал наизусть Мандельштама. Говорил ещё о том, что был одно время увлечён поисками синего цвета, как Матисс. Оказалось, что в детстве его возили в Москву, в Пушкинский музей и Третьяковку, и он ярко это помнит. А современных

выставок, естественно, не видел, ездить никуда не может, никаких планов не строит. Да что я, собственно...

Соломон поднялся, достал с одной из полок тонкий том со странным названием «Смутная алчба», перелистал страницы.

— Вот, послушайте. Концовка нашего интервью поразила меня тогда больше всего:

«Многие люди строят для себя планы на следующий год. На 2010 год какие-то планы у вас есть?»

— Я читал Дарью Донцову, как тётка спрашивает свою племянницу, совершенную недотёпу-ученицу, которая никак не могла учиться, и страшно всех этим раздражала. Она её куда-то собиралась отдать замуж. И спрашивает её эта тетка: «Есть ли у тебя какие-то планы на будущее, девочка?» Ну, она и ответила: «Колготки достирать, телек поглядеть!» Вот и у меня — планы работать. Создавать красоту. Я хочу сказать, что мне нравится в искусстве красивое, и не просто красивое, а та красота в природе, которая способна сделать человека лучше хотя бы на короткое время. Мне кажется, искусство должно пробуждать доброе. Хотя художники в основном это делают, слава Богу. У них этого не отнимешь. Но у каждого есть что-то, что ему лучше отвечает. Как говорил Бальмонт: «Я в мир пришел, чтоб видеть солнце». Мне кажется, что он сильно это сказал, но мне солнце всегда очень нравилось. Египтяне, ацтеки, — все они уважали Солнце. А я, как говорится, типичная жертва искусства. Так как говорят, что искусство требует жертв, так вот, перед вами типичная жертва искусства. Но всё же я сторонник того, чтобы на жизнь иметь светлый взгляд, веселый и по возможности добрый. Для этого надо наслаждаться красотой природы и попытаться куда-то выйти за пределы города. Я не какой-то там страшно верующий. Я просто, скорее, может быть, атеист. Но дело в том, что я так люблю изучать всякие старинные тексты, что только теперь на старости лет я прочёл некоторые из давно известных книг, типа Евангелия, Библии, еврейских молитв. Как-то неудобно абсолютно ничегошеньки не знать о том, во что верил твой народ или другие народы. Ведь это даже создавало культуру. Сколько художников Средневековья кормилось благодаря изображению Девы Марии! Только ленивый и глупый не написал Мадонну. Это было то же самое, что Ленин для скульпторов. Ленина один скульптор гладил по лысине и чуть ли не со слезами благодарил: «Кормилец ты наш...». Может, так же Мадонна или Христос. Ведь это же скольких художников он кормил и поил! То же Распятие. Бедного еврея распяли в 33 года, и вот сколько столетий он кормил и поил художников! Я плачу: где мои 33 года по глупости? 33 года — это роковой возраст. Я же говорил, что я жертва. Но даже не искусства, а жизни. А искусство эту жизнь как-то освещает. Если что-то и может осветить нашу жизнь, то это, наверное, солнце и искусство».

Соломон замолчал и закрыл книгу.

Молчали и все вокруг.

Наконец Семён произнёс:

— Мощно.

— Да, мощно. И почти всё это время Давид жевал свой сэндвич, а в конце завернул не съеденные корки в салфетку. Когда я предложил просто заказать ещё один, он ответил:

— Не нужно. У меня практически нет зубов, так что эти корочки я буду дома размачивать в тёплой воде и потихоньку жевать.

— Боже... — вырвалось у Милы.

— А что было дальше? — спросил Семён.

— Эти две выставки оказались первыми и последними в его жизни. Неожиданная, пусть весьма скромная, слава и вдруг появившиеся деньги сыграли с Давидом злую шутку. Работы больших форматов, которые он пытался делать на заказ, в большинстве своём были слабыми. Он сам признавался, что давно отвык писать на больших холстах. Тем не менее, он не забывал регулярно просить за них деньги в музее, иногда приезжая туда на такси — неслыханная прежде роскошь, — и даже подшофе. После одного из таких визитов ему отказали в дальнейшем сотрудничестве. Внезапно возникшую известность, как вы знаете, следует тщательно поддерживать, но Давид, конечно, не был на это способен. Первые восторги прошли, и очень скоро о нём опять забыли. Работами его интересовались лишь немногие одесские коллекционеры. Более того, их начали подделывать — благо, это было несложно, — что ещё больше ударило по его только-только наметившемуся относительному достатку. Весьма и весьма относительному.

— Даже так? Подделывать? — удивлённо спросил Семён.

— По крайней мере, об этом ходили упорные слухи. И он опять вернулся в то состояние, в котором пребывал всегда — в состоянии одиночества. Одиноким, наивным, беспомощным, честным романтик. Когда Давид говорил о том, что не строит особых планов на 2010-й год, он словно предчувствовал свою кончину. Солнечным декабрьским днём он шёл по Екатерининской улице, внезапно пошатнулся, лёг под дерево и умер. Для тех, кто его не знал, в свои пятьдесят пять он выглядел дико — бедно одетый человек не от мира сего, со стёршимися зубами, одутловатым лицом и крашеными в белый цвет волосами. И если даже сбитого трамваем Гауди в родной Барселоне узнали не сразу, то никому почти не известно художника Тихолуза в Одессе могли не узнать никогда. Родственников у него не было, денег тоже. Но Давиду повезло — он был евреем. В кармане лежала единственная бумага из «Хеседа», она-то его и спасла. В дело включился реб Велвл Верховский, и в полном соответствии с еврейскими традициями на следующий день Давида похоронили на еврейском кладбище. Святое братство, «Хевра кадиша» взяло на себя

расходы, как обычно это бывает при похоронах одиноких или бедных евреев. О его смерти узнали не сразу. Когда узнали, несколько коллекционеров пыталось получить в полиции разрешение на доступ в его квартиру, понимая, что всё, что там находится, безвозвратно пропадёт. Из этого ничего не вышло. Что стало с наследием Давида, никто не знает. Через год после его смерти в Клубе одесситов прошла выставка его памяти — на ней были работы из частных коллекций. После этого о нём забыли окончательно.

— То есть у него было всего два года счастливой жизни? Ну, относительно счастливой? — спросила Мила.

— В том то и дело, что нет. Я думаю, что вся его жизнь была счастливой.

— Странное утверждение, — пробурчал Семён.

— Я объясню. Я ведь сначала думал точно так же, как и вы. Но потом, живя рядом с этим работами, — он окинул взглядом стены, — полностью пересмотрел свои взгляды. В его жизни было то, что всегда вытягивало его из пучины безумия, из одиночества, из отчаяния. Это была живопись. Он ведь беседовал со своими картинами. Все эти записи на обороте — фрагменты этих бесед. И ещё две вещи — удивление перед красотой мира и страсть. Страсть, которую он выражал с помощью своей живописи, давала ему смысл жить, давала энергию выживания. Это было даже не сублимацией сексуальной энергии, а прямым её применением.

— Папа, осторожно, нас слушают дети, — тихо сказала Мила.

— Пусть слушают. Они ведь и появились на свет благодаря этой энергии. А удивление и восхищение миром были частью его мировоззрения — мировоззрения большого ребёнка, наивного философа, блаженного человека.

Все замолчали.

Наконец Семён произнёс:

— Шломо, ты меня не убедишь. Я всё равно буду продавать скучные пейзажи своих скучных австрийцев. На них, по крайней мере, есть платежеспособный спрос.

— Да, но ведь живопись тем и прекрасна, что имеет, кроме денежного выражения, что-то гораздо большее, Сёма. И ты сам прекрасно это знаешь. Иначе не проводил бы дни и ночи в поисках не замеченных другими шедевров. Ты же сам говорил, что влюбляешься в каждую купленную тобой работу.

— Я влюбляюсь в неё до того, как куплю.

— Я до сих пор поражаюсь, как ты умудряешься жить за счёт своего бизнеса, если покупаешь больше, чем продаёшь.

— То же самое я думаю и о тебе, — улыбнулся Семён.

— Ну что же, пойдёмте пить шампанское, пока это позволяют наши финансовые возможности, — воскликнула со смехом Роза.

Соломон обнял брата, и они пошли в зал.

Матвій СМІРНОВ

/ Лондон /

ШИББОЛЕТ

Жовтень зайняв рубіж і накрив дощем,
Ріки по вінця, і місто повільно тоне,
Через Йордан мости розбомбили вщент,
Поруч нашвидкоруч наводять понтони.

З правого берега на протилежний бік
Баржами, пароплавами і човнами
Сунеться військо. Хто не втопився — втік,
Вибір за ними, а правда таки за нами.

Правда завжди за нами, та менше з тим.
Із позитивного: вчора мені дістали
Сотню аптечок і сто п'ятдесят пластин
З правильного четвертого рівня сталі,

Глечик олії, що вісім зимових діб
Зможе горіти, як буде така потреба
В разі відключень світла та інших дій
Ворога. Отже бачиш — чорніє небо,

Чуєш — віконним склом пробігає дріж?
Годі перевіряти чужі новини
І сперечатися щодо різниці між
Відповідальністю і почуттям провини —

Хай розбираються і обирають свій
Шлях до Едему через голкове вухо,
То ж відчиняй ковчег, розгортай сувій —
Я почитаю, ти ж-но посидь, послухай.

Он через річку видно в монокуляр
Єфраїмлян коричневі однострої,
Смерті ж плювати і на єфраїмлян,
І на героїв, а надто на негероїв.

Кров і водиця всотаються в пісок,
Казка усоте збудеться, і наснитися
Цей шібболет (єврейською — колосок,
Той що із нього спечена паляниця).

Річка Йордан розділить Захід і Схід,
Мокрі долини й дикі пусті недеї.
Я же Старий читатиму Заповіт,
Про кобзаря Давида, царя Юдеї.

ДОВГИЙ ВІРШ ПРО ЛЮБОВ

Пів земного терміну промайнуло,
Далі тільки хащі та вітровал,
Данте не збрехав... А між тим, минуле
Крізь бетон пробилось, немов трава.

Власне, я поскаржитися не проти,
Роз'ятрити пам'ять старих подій,
Як усі — нормальний міський невротик —
То герой, то жертва Пі Ті Ес Ді.

Але пам'ять — будем відверті й щирі —
Має дивний устрій, і штиб, і кшталт:
Там гуляє протяг, мов по квартирі,
Коли двері навстіж, як той гештальт,

Там декор такий, як замовив власник,
Щоб задовільнити бюджет і смак:
Радісний, убогий, сумний, прекрасний —
В кого як. Скажімо, буває так:

Клишоногий стіл, скатертина мокра —
Це вікно розбив тогорічний шторм,
На полицях — книги та різний мотлох,
Піраміди скриньок, валіз і торб,

Холодидьник «ЗИЛ» (млеко, яйка, шинка),
Під диваном — мешти ТМ «Прогрес»,
На столі — стара друкарська машинка
(Западають літери «ер» і «ес»),

На підлозі жменя барвистих гранул —
Хтось розсипав бісер... В кутку — сувій
Чи шпалер, чи мап — от і весь бекґраунд —
А бекґраунд в кожного суто свій.

Із вікна поглянеш — впадає в око
Що кому: Катéдра, чи Цитадель,
Чи фасад у стилі необароко
(У тридцятих, кажуть, там був бордель),

Кожен з нас пригадає, що захоче,
Що для нього істинне і значне:
Мідний листопад, темно-сірі очі,
Незнайоме місто — пuste, нічне,

Хтось згадає парк і черешню дику,
Написи ножем на її корі,
Універ, гуртожиток, п'ятику
І на ранок — скельця розбитих мрій,

Пригадає хтось, як його до крові
Били у чотири міцні руки
У під'їзді десь на Новому Львові,
Що і дотепер дається взнаки.

Я також вплітався у зайвий дискурс —
Щось там про валізу і про вокзал,
Але «нас гартує, що б'є по писку
Але не вбиває», як той казав.

Мокрі кам'яниці й відсутність моря,
Нетривалість зим і осінній щем —
Необхідний мінімум мініморум
В мене був, без сумніву був... А ще —

Ще була гітара «Урал», а в друга —
Піаніно — коцане і старе.
Ми лабали блюзи, аж в'яли вуха
(Западали клавіші «до» і «ре»).

Я не знаю, що там беруть з собою
Інші — їм властива своя стезя,
Але я майбутнє своє знеболю
Тим минулим, що я з собою взяв.

Я узяв з собою кавалок тиші,
Що існує поруч з нічним дощем,
І свою гітару, й чернетки віршів,
І, звичайно ж, музику теж, а ще

Я узяв дерева — каштани й липи,
Контур башт, дзвіниць, водогінних веж,
Навіть напис крейдою «Не палити»
На воротах нашої школи — теж,

Я узяв з собою нечутні кроки
По бруківці, лагідно-голубе
Небо, листопад, і фасад бароко,
І себе — тодішнього. І тебе.

ЛЮТИЙ 2021 РОКУ

— ...А що війна?

— Війна, my lord, іде. Вона ніде не ділася, триває. Оце я щойно їхав у трамваї — хотів побути посеред людей, послухати, що гомонять у масах — до речі, більшість їхали без масок — my lord, це до добра не доведе, дограються — от би рука тверда за них взялась! А так — що їм Гекуба — аж доки вже самі не вріжуть дуба, усе їм, бач, мов з гусака вода. Сидять собі, й чекають, аби зникла ця паморозь, що заліпила вікна і окуляри... Отака біда.

— А що ж війна?

— А, так, війна, авжеж! Я запитався у людей в трамваї — в трамваї про війну ніхто не знає, в таксі і у метро, доречі, теж. Таке саме у храмах і трактирах, маєтках шляхти, у міських квартирах — вино, розмови та безглуздий треш. Говорять про врожай і про оброк, воли ревуть, що в них не повні ясла, що з нами їм, my lord, уже все ясно, і для волів це є гіркий урок. І навіть сиві лучники на стінах втомилися і скаржаться постійно, що дембель ніби й службі вийшов строк. Між тим в обозі твориться страшно — гнилий фураж, розбіглись маркітантки, невинних коней запрягли у танки, аби не витрачатись на пальне, на лицарях дешеві мідні лати, ландскнехти — й ті не хочуть воювати в кредит, і вітер в полі верби гне... Лише одна передова чота, засівши понад хмарами на вежі, іще обороняє наші межі — сади, городи, селища й міста — але уже немов святою стала, і ні для нас, ані для супостата це майже недосяжна висота. А ще, my lord, народ таке верзе! Про вас, my lord, про свій порожній шлунок, що світовий таємний залаштунок наслав, мовляв, смертельне ГРЗ, що сніг іде і танути не хоче, лютує інквізиція і ночі все довшають, а лютий ледь повзе...

— Ну так, повзе, але ж весна гряде! І не буває березня, якому не передують лютий — он додому летять птахи... Хіба ж не так?

— Та де! Окрім весни є ж речі важливіші, my lord — наприклад, гроші, смерть та інше...

— ...А що ж війна?

— А що війна? Іде...

КЛЮЧ

Виходячи із дому, не забудь
Узяти ключ на випадок, якщо
Повернешся, а там уже нікого —
Таке буває. Отже, вимкни газ,
Залиш котові їдло, і про квіти
Подбай — полий, розсунь усі фіранки —
Хай дивляться у світ. На підвіконня
Постав один з вазонків — це сигнал,
Який залишиш для самого себе:
Одного дня, дорогою назад,
З аеропорту, порту, чи зупинки
Тролейбуса, вертаючись із мандрів,
Які тривали не один десяток
Років, чи місяців, чи просто кілька тижнів —
Хтозна — та хоч би навіть і годин,
Отож, коли ти будеш крокувати
Через подвір'я до дверей знайомих,
Пригадуючи, як і через що
Пройшов ти сам — і що пройшло крізь тебе
Або повз тебе; як тебе любили,
Як зневажали, як не помогли,
Як врятували — втім, ти ні на кого
Образи не тримаєш, тільки вдячність
І спогади про всі оті місця —
Міста, райцентри, ферми, лісопарки,
Зимові пляжі, приміські городи;
Грозу у травні, або шторм на морі,
Що мало не розбив твій корабель,
Чи дощ, який так гучно у вікно
Тролейбуса гамселив (підтікало
З-під рами на підлогу); як хворів
І думав, що кінець, але на диво,
Наперекір усім своїм прогнозам
Оклигав, от хіба що трохи схуд
І зачіска змістилася у спектрі
З рудого до латунного. Так от —
Тепер, своїм крокуючи подвір'ям
Коли ти очі догори піднімеш
І у своєму власному вікні
Побачиш, що рослина у вазонку
Зів'яла, висохла, розсипалась і впала —
Отут тобі і знадобиться ключ
Що ти узяв, коли виходив з дому.
...Якщо замок не поміняли, звісно.

Римма ЗАПЕСОЦКАЯ

/ Лейпциг /

ПОСЛАНИЕ

Светлой памяти Л. С. К.

И этой ночью заснуть не удавалось. В последнее время к хронической бессоннице добавились сильные боли в позвоночнике и затрудненное дыхание. «Господи, — шептала она, — дай мне терпение!». Она лежала неподвижно с закрытыми глазами и вдруг почувствовала, что боль отступила и дышать стало легче. Но сон даже не приближался, и она снова начала вспоминать до сих пор находящие отклик в душе события своей долгой жизни. Столько было пережито, и даже ей самой уже с трудом верилось, что она всё это вынесла, смогла преодолеть и не сломалась.

Она родилась в смутное время, вскоре после начала Гражданской войны, через полгода после переворота, который победители назвали Великой Революцией. Ей дали имя Руфь — так она была записана во всех документах. Но для близких, для старших и ровесников она всегда была Рутой. Именно этим именем ее называл любимый дедушка, и сама она в детстве и молодости при знакомстве так представлялась — Рута. Ее раннее детство прошло в немецкой колонии в Коканде, в Средней Азии, куда в самом начале XX века ее дед, врач-энтузиаст, оставив свою успешную практику, приехал из Германии, чтобы, следуя клятве Гиппократа, помогать нуждающимся во врачебной помощи обездоленным жертвам бушевавших в этом регионе эпидемий.

Каждый раз, думая о своем дедушке, таком близком и дорогом, таком важном в ее жизни человеке, она испытывала щемящую нежность и боль невозвратной утраты. Для самой себя, в глубине души, она так и осталась Рутой, любимой внучкой своего деда. Как часто Рута за полвека после приговора и лагеря, при необходимости сделать правильный выбор, вспоминала один самый острый и поворотный момент в жизни. И этот момент тоже был связан с ее дедом. В послании, адресованном своей любимой внучке, и в том особом способе конспирации, которым он

воспользовался, рассчитывая на ее чуткость и сообразительность, проявились и его незаурядная натура, и нравственный императив, управлявший всей его жизнью. И в этом Рута всегда стремилась подражать своему деду. От него она еще в юности узнала и сделала своим правилом трех «Л», это было кредо любви — к людям, которые рядом, к миру, в котором живешь, и к своей профессии.

Вспоминая потом неоднократно то, что написал ей дедушка, когда она находилась в следственном изоляторе и чувствовала себя обессиленной, на грани нервного срыва, Рута вновь и вновь поражалась содержанию послания, которое он передал своей единственной и горячо любимой внучке. Ведь дед с младенчества воспитывал ее и души в ней не чаял, но не просил прежде всего о себе подумать, даже ради близких, как поступили бы почти все для спасения, облегчения участи попавшего в беду дорогого им человека. Нет, ее дед просил, требовал от нее совсем другого. А это послание она получила после предъявления ей следователем на очередном ночном допросе напечатанных в газете заявлений ее матери и мужа, еще до приговора заранее отказавшихся от дочери и жены, опозорившей высокое звание советского человека. Каждую ночь она подвергалась допросам, ей не давали спать и заставляли дать показания на знакомых, которые якобы вместе с ней состояли в антисоветской организации.

Тем утром Рута еле держалась на ногах после возвращения в камеру после очередного ночного допроса. И тут ей принесли разрешенную передачу от деда. Там были перечисленные на листке бумаги продукты и утепленные дамские панталоны. Увидев этот предмет женского белья, Рута удивилась. Она была молодая, здоровая, и климат в Киеве, где Рута жила в последние годы со своей семьей, не был суровым. Сначала она подумала, что дедушка так проявляет заботу о ней, ведь эти панталоны могут пригодиться во время этапа, особенно зимой. Но интуиция подсказывала, что всё не так просто и в этом есть какой-то особый смысл. В камере не разрешалось иметь ничего острого, режущего и колющего. Но ногтями и зубами Руте удалось подпороть верхний шов и вытащить из панталон резинку, на которой было написано: **«Никого не называй и ничего не подписывай. Лучше умри»**. И это послание деда вызвало у Руты такой прилив энергии, придало такую решимость, что она тут же забарабанила в дверь, и когда ее снова привели в допросную, сразу сказала следователю: «Я никого не назову и ничего не подпишу. Можете меня сразу расстреливать!». Ее тон, и взгляд, и выражение лица были так красноречивы, что вскоре Руту вывели в коридор, и «тройкой», так называемым судом, прямо в коридоре ей был объявлен приговор: 5 лет лагерей. И вскоре Рута отправилась по этапу, где ей действительно пригодились присланные дедушкой панталоны.

Осудили ее по той позорной статье, по которой ей сразу было предъявлено обвинение. До сих пор Рута не могла спокойно вспоминать эти кафкианские факты своей биографии. Задержали ее якобы по доносу уборщицы, подслушавшей лекцию, которую кандидат наук Руфь Моисеевна Готлиб в Киевском университете читала студентам по истории культуры, пересказывая, в том числе, и «Метаморфозы» Овидия. Как выяснилось позже, уборщица плохо понимала русский язык, но каким-то образом смогла определить, что преподаватель говорит о неприличных вещах, и проявила бдительность.

Рута снова погрузилась в нахлынувшие воспоминания о тех до сих пор травмирующих ее душу событиях. Она же могла уехать накануне ареста и, возможно, избежать пятилетнего рабства в ГУЛАГе и даже более страшного испытания — предательства близких людей. Ведь ее хороший знакомый Павло Тычина, в то время министр образования Украины, предупреждал Руту о том, что ее в ближайшее время должны арестовать. Он назначил ей встречу у памятника Шевченко и там сообщил, что видел ее имя в «чёрных» списках, и посоветовал немедленно уехать из Киева вместе с дочерью. Но она не последовала этому совету, хотя не была наивной и многое уже знала и понимала: ведь еще в МИФЛИ в 37-м году и позже в течение нескольких лет на ее глазах арестовывали преподавателей, уводили их прямо с лекций. Но всё равно она отказывалась верить, что именно ее может это коснуться, хотя уже полным ходом шла кампания против «космополитов», а Рута по своему происхождению и образованию, несомненно, была «космополитом».

И Руту тоже увели прямо с лекции, на глазах у студентов. Дальше всё было как в тумане. Ее привели в квартиру, где она жила с дочерью и мужем, не так давно вернувшимся из армии. В квартире, в подтверждение доноса, сразу же был обнаружен набор открыток «для взрослых», и Руту, оглушенную всем происходящим, во что разум отказывался верить, повели через площадь к зданию, где находилась эта жуткая организация. Муж Руты был дома, когда ее привели, и он шел рядом с ней, растерянный и недоумевающий, повторяя одно и то же: «Ну как же так, это просто недоразумение, сейчас во всем разберутся и тебя отпустят!». И Рута, поражаясь наивности мужа, который был значительно старше нее, преподавал до войны философию, а сразу после окончания войны был назначен комендантом Бухареста, смотрела на голубое небо, на красивые дома вокруг и думала, что, вероятно, видит всё это в последний раз.

О лагере она вспоминала редко. Весь пятилетний лагерный срок остался в памяти грязным заплесневевшим пространством, где все силы уходили на то, чтобы оставаться собой, пытаться сохранить самоуважение в условиях, когда людей обращали в скотское состояние, вытравливая само понятие о человеческом достоинстве.

Находясь среди уголовниц и рассказывая в своем бараке по вечерам разные истории, сказки и легенды (вот когда пригодилась ей начитанность и хорошая память!), Рута даже сумела заслужить их уважение и покровительство. И это было важно для выживания, ведь матёрые уголовницы в лагерных условиях могли быть очень жестокими.

Но один эпизод не уходил из памяти, и не было сил прогнать мучительное воспоминание о том, как в промозглое и слякотное осеннее утро на вокзале перегоняли колонну заключенных, среди которых была и она, и в этот момент на платформе остановился пассажирский поезд. Колонну эзков заставили упасть на колени прямо в грязь и до земли опустить голову, обхватив ее руками. Рута и сейчас переживала эту унижительную для своего человеческого достоинства ситуацию, когда мимо шли пассажиры и воспринимали как преступников этих распластанных в грязи эзков, и ее в том числе.

Рута не могла спокойно даже вспоминать об этой кошмарной главе своей жизни, когда ее публично унизили, лишили звания кандидата наук, обвинили в явном абсурде, осудили и отправили в ГУЛАГ, и тем более не могла говорить и писать об этом. И то, что она достойно вела себя и ее совесть была чиста, не меняло для нее сути дела, поэтому Рута вычеркнула этот период из своей официальной биографии, как будто его и не было. Последние двадцать лет на кафедре германистики, где она преподавала, к ее юбилеям выпускали научные сборники, с неизменным предисловием, включающим факты ее биографии. И там не было упоминания о ее пребывании в ГУЛАГе. Хотя Руте, не привыкшей к утаиванию правды, было непросто поддерживать такую неполную и искаженную версию своей биографии. Ей неловко было вспоминать, как в одной посвященной ей телепередаче она буквально проговорилась, и внимательный зритель мог это заметить. Чтобы избежать упоминания об этом самом травматическом периоде жизни, Рута в телепередаче даже сочинила альтернативную реальность как более благоприятный вариант своей биографии. Она рассказала о встрече с Тычиной и сообщила, что по его совету уволилась с работы и через некоторое время уехала из Киева в Москву, где пять лет существовала «на птичьих правах», занимаясь переводами. А в действительности эти годы она провела в ГУЛАГе. Затем Рута рассказала, что в одном городе ее мужу сначала пообещали дать им обоим работу по специальности, но затем отказали со словами: «Вашу жену с такой биографией мы взять на работу не можем». Эта невольная проговорка могла вызвать недоумение: какая «такая биография» послужила препятствием для ее устройства на работу?

После этого отказа Рута с мужем и дочерью оказались в отчаянном положении, ведь жить и работать в больших городах ей было запрещено, и даже в провинции, как выяснилось, у нее было мало

шансов. И тут неожиданно их обоих взяли на работу в пединститут, позже ставший университетом, и дали жилье в городе N. Там она вырастила дочь, написала вторую кандидатскую и докторскую диссертации и преподавала, руководила местным отделением общества Гёте и создала свою научную школу.

И опять, в который раз, Руту пронзило воспоминание о предательстве матери и мужа, и она снова находила аргументы, чтобы их в душе оправдать, понять и простить. Ведь ее мать была кремлевским врачом, и на фоне кампании против «космополитов» могла особенно опасаться за свою безопасность. Но одновременно Рута понимала, что для матери не было ничего важнее карьеры, и она была очень эгоцентричным человеком. Едва родив дочь, мать скинула девочку на своего отца, никогда ее сама не воспитывала, да и материнских чувств особенно не проявляла, по крайней мере, память Руты этих проявлений не сохранила. Мать дожила до ста лет, и Рута до конца ее навещала в кремлевской больнице.

А своего мужа Рута оправдывала тем, что он в тот момент не видел, вероятно, другого выхода. Ведь у них был ребенок, и муж, тоже будучи «космополитом», должен был оставаться на свободе и воспитывать дочь. И она даже иногда пыталась убедить себя, что просто забыла, как сама его об этом просила, думая о благополучии их дочери. После выхода из лагеря Рута вернулась к мужу, и они прожили вместе до самой его кончины. Она с жалостью вспоминала, как часто он молча виновато смотрел на нее. За все годы после ее возвращения ни разу у них не зашел разговор на эту тему, ни разу Рута не упрекнула его, но всегда видела и чувствовала, что он всё помнит и чувствует свою вину.

Думать об этом было тяжело, и Рута вновь начала вспоминать счастливое время детства и юности, годы учебы. После Коканда семья переехала в Самарканд, где отец Руты был главврачом в больнице, и она училась там в гимназии. Она вспоминала среднеазиатский быт, прекрасные ковры ручной работы и, конечно, природу, все те экзотические, но привычные для нее реалии, которые окружали ее в детстве. Отец Руты несколько лет возглавлял медицинский центр в Воронеже, поэтому она в подростковом возрасте жила в этом городе и неоднократно видела находившегося там в ссылке Осипа Мандельштама, который был пациентом ее отца.

Поскольку Рута была не рабоче-крестьянского происхождения, а из семьи интеллигенции, она не имела права со школьным аттестатом сразу поступать в вуз, и ей пришлось уже в подростковом возрасте сначала поработать в геодезических партиях, затем пойти работать на завод и учиться на рабфаке. Но после окончания рабфака она поступила в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории) на германистику, тем более что немецкий язык, родной язык ее бабушки, был и для нее родным, она заговорила на нем раньше, чем на русском.

Рута в студенческие годы серьезно занималась велосипедным спортом, играла в сильную волейбольную команду. На старших курсах института она вышла замуж за своего преподавателя философии, перед самой войной родила дочь. Муж Руты сразу после начала войны ушел на фронт. Она получила диплом в середине июня 1941 года, а когда началась война, сначала уехала с грудным ребенком в Коканд, где в то время жил ее дедушка, там она работала в военкомате. Через два года, оставив дочку на попечение деда, Рута тоже отправилась на фронт и была военным переводчиком. В это время она встретила со своими родителями, оба они возглавляли прифронтовые госпитали, и сохранилась даже фотография, где они сняты втроем. В конце 1944 года, после освобождения Киева, Рута начала преподавать там в университете, и вскоре к ней приехал дедушка с ее маленькой дочкой.

Сразу после окончания войны Рута вынуждена была на некоторое время уехать из Киева и снова оставить дочь на попечение деда. Она была направлена на работу в международную комиссию по возвращению похищенных нацистами культурных ценностей. До сих пор у нее сохранились в памяти яркие впечатления о первом послевоенном месяце в Вене, где тогда находились войска союзников. Потом ей долгое время тяжело было слушать музыку Иоганна Штрауса, которая постоянно звучала тогда на улицах разоренной Вены. И ее поражало, что фермеры вокруг австрийской столицы жили сытно, имели излишки продуктов, но они настолько не любили Вену и венцев, что не продавали в город почти ничего из продовольствия. Рута тогда, помимо основной работы в комиссии, читала лекции в Венском университете и часто привозила на кафедру продукты своим полуголодным коллегам. И она с улыбкой снова вспомнила историю, характерную для менталитета австрийцев, даже представителей образованного сословия. Как-то раз сотрудники кафедры пригласили Руту на чаепитие, где все вытащили из сумок и пакетов свои «кухены»¹, а также бутерброды, но даже не подумали ее угостить, и она осталась сидеть с пустой тарелкой.

И еще Рута, снова улыбнувшись, вспомнила об одном забавном эпизоде того времени. Как-то раз она пришла в американский штаб, который примыкал к стене знаменитого венского зоопарка, где тогда не имели возможности досыта кормить животных. Рута и ее коллега по международной комиссии беседовали в комнате на втором этаже, у открытого окна, и вдруг она вздрогнула и отпрянула, потому что прямо перед собой увидела морду жирафа, который, в надежде, что его покормят, подошел незаметно и положил голову на подоконник.

---

¹ Kuchen (нем.) — выпечка.

Тут мысли ее снова переключились, и Рута с тяжелым вздохом подумала о своем любимом внуке, судьба которого сложилась так драматично. Он был талантливым скрипачом, во время службы в армии играл в полковом оркестре. Сразу после аварии в Чернобыле весь оркестр послали туда, и ребята играли для ликвидаторов последствий аварии. На фотографии, которая была в книжном шкафу за стеклом, стояли прямо на взорвавшемся 4-м блоке музыканты оркестра со своими инструментами, улыбающиеся юноши в летней военной форме и без головных уборов. Рута иногда смотрела на это фото, зная, что все эти ребята стали жертвами лучевой болезни. Уже после армии внук Руты по-прежнему играл на своей очень ценной скрипке, которая, впитав радиацию, продолжала его заражать. В результате он на репетиции потерял сознание и попал в реанимацию. Ставить диагноз «лучевая болезнь» тогда было запрещено, и только благодаря связям в медицинском мире из-за заслуг ее деда и родителей Руте удалось получить правильный диагноз. Было проведены интенсивные курсы лечения, и внук Руты выжил, но потерял здоровье, и судьба его была исковеркана.

Давно умер ее муж, дочь и внук жили далеко, и Рута видела их редко, но она не чувствовала себя одинокой и брошенной. Вокруг всегда были люди, ее ежедневно навещали друзья и коллеги, многие из которых были ее учениками. Ведь у нее было несколько поколений учеников, которые занимались наукой и преподавали, некоторые даже стали профессорами.

И ясно понимая, что у нее совсем мало времени осталось, Рута снова подумала о своем антифашистском архиве, где находились важные документы и свидетельства, собранные ею сразу после окончания войны, когда она объездила почти все нацистские концлагеря. И она тревожилась о сохранности своего уникального архива.

Мысли Руты снова пошли по кругу. Как в калейдоскопе, возникали воспоминания — картины ее детства в Коканде и Самарканде, отрочества в Воронеже, завод и рабфак, годы учебы в МИФЛИ, и опять Коканд, фронт, Киев, Вена, снова Киев, где она защитила свою первую кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству Э.Т.А. Гофмана. Потом пятилетнее нахождение в земном аду, и снова жизнь, преподавание и научная работа, участие в Гётевских конференциях в Веймаре. Потом опять нахлынула тревога о здоровье дочери и внука. И перед тем как погрузиться во внезапно окутавший ее сон, Рута увидела внутренним взором своего любимого дедушку. Он шел ей навстречу и улыбался. За окном уже светало.

ПАЛАД

/ Київ /

ЖОРЖИНАМ СМУТКУ

шалом жоржинам смутку і траві
туманові що плине на покоси
одну по одній брами дощові
люб'язно прочиня гадзиня-осінь

зблиск сонця прохолодний наче хром
подекуди майне в щілину хмарну
зіщулена адамовим ребром
блага тепла верба
але намарно

КВАЗАРНЕ

Ми будемо хворіти через день,
по черзі. Почнемо від сьогодні.
Щоб зичити наснагу та натхнення,
зажурних, смішних, лагідних пісень.
Жеврітиме між схрещених долонь
рудаве пасмо зірки Прометея.
Як хтось, ослабший часом, зойкне: «Де я?»,
то другий не залякне остронь.
Свавільно небосхил не смів би щоб
вбиратися в оздобини зірочі, —
одну, хронічно-гостру із хвороб,
ділитимем щоденно і щоночі.
Ми будемо згасати через день.
По черзі. Мов квазар, або лампади.
Сам янгол-охоронець, Бога ради,
зійде до нас на заспіви пісень.

ПРОМІНЧИК

Юнацький шал щоліта догора,
коли у ниви прийнято пологи.
Здійма із вогких хашців на-гора
осіння Гідра пазури вологі.

Повз осінь ту — скаженну матір злив —
мов блудний син від батькової хати,
до хуртовин мандруючи завзятих,
тобі я серце, Квітко, завинив.

Від дрижаків їжачилась земля.
Вітри в калини цупили намисто.
Твій погляд грів та пестив іздала,
маякував і кликав променисто.

Я знав — нам бути разом при кінці.
Не мав жаги та жодних справ до інших.
Та в строк відчув, що тане у руці
твій Аріаднин шовковий промінчик.

Із вантажем трофеїв громіздких,
набувши досвід, незамінний наче,
вернув до тебе.
Втім, на жаль, побачив:
хтось цілував тебе, мов пелюстки.

ДОЩ

Похмуре дійство —
дощ іде.
Сто тисяч кіл тремтять на водах.
Аж геть бракує ЛСД,
аби відчути щастя подих.

Хаос асфальту і багна.
Гілок та вітру дивні гейми.
І ти,
розхристана,
сумна,
ідеш наосліп навперейми.

Обсіли крихти кришталю
довгасті вії і волосся.
Тендітна — саме, як люблю.
Хіба що те мені здалося.

У скронях пульс дублює крок.
Ледь неслухняні, наче, ноги.
Шкода, не видно до зірок —
я попрохав би допомоги.

Аби Одарка та Карась
зійшлись, мов пальчики до жмені.

Блищить обручка —
ти чиясь...

Знов дощ і я,
два прокаженні.

МАВ БИ

ти мій квиток в безвихідь
виток моїх мовчань
вітер хитає віхоть
ламкий мов лелеча

мав би гойдать натомість
пестить до майже сну
нашу з тобою повість
дивну й ущент сумну

наче школяр що вітер
з дошки вчорашній день
скиглити мав би вітер
вогких своїх пісень

швендять окістям гаю
юшку трусить пісню

я тебе забуваю

я набуваю сну

БОРГ

Під стелю блакитну, високу
Жбурляю думки знавісні.
За кілька краплин твого соку
Нема чим віддячить весні.

Любов'ю?
Та щойно не стало.
Мов спраг безрезневих котів.
І хворого серця замало.
І січених нервів-дротів.

Рамена трясе від напруги.
Із горла знущається ком.
Сумніше немає наруги,
Ніж бути весні боржником.

* * *

Дерева узбічч, мов натомлені олені,
тавровані зблиском вогнів мандрівних.
Заледве спитається хтось, чи вдоволені,
поливши шлях гуркотливий та біг.

Хіба що, неквапний у сутінку легкому,
розчулений скальд чарівної доби
не втримає смутку та зойкне лелеково,
поплеска стегно молодички-верби.

Обачно пита: чи омріяна мавка є?
Чи вийшла шукати пригод по світах..
Най навіть на те заскавчить та загавкає
сполоханий струсом стурбований птах.

ШАРІЛОСЬ МІСТО

Шарілось місто перлами прикрас
числених марев, різьблених примхливо.
Посутінково ніч чавила з нас
іще надвечір надлишкове пиво.
Автівок зойки ковзали у вись,
на кшталт скавчань Дідони до Енея.
Ми мали б десь під ковдрою злягтись,
най навіть мряку маючи за неї.
Та все ішли крізь сні та зойки ці,
намацати не в змозі певний сховок.
Ти прутня затискала у руці
та множила відлуння від підковок.
Нечасті перехожі осторонь
либонь не помічали від утоми
нахабні мандри-пестощі долонь,
що обома блукали ледь свідомо.

Помалу острах викритості щез.
У хід пішли усі природні дані.
Ба, навіть регіт хлопів з Пе-Пе-еС
не зіпсував нам втіхи на майдані.

ОСНІЖЕННЯ В КОХАННІ

Агов, то давно не смішно!
Мерщій порозпитуй всіх —
мов хрущ у квітучу вишню,
пірнаю в безжальний сніг.

В отім мовчазнім полоні,
повз брязкіт льодових криць,
повзе мені сніг на скроні
та пагорбами сідниць.

Живий сніговик, та й годі —
хоч дудли той антифриз
від зрад генетичних кодів,
від змін кінетичних рис.

Затерпли недужі крила,
що в'язні від батога.
Погруддя моє зомліле
корінням глибин сяга.

Підмурря, либонь, задурно
згризе навесні вода.
І лячно мені, і журно.
Твоїх сподівань шкода.

Та вірю, поглянеш дивно,
замріяна і ясна:
— Моя снігова людино,
я знаю тебе, я зна..

Хурделиці — геть! — патлаті,
приречені бранки сяйв.
Палати, чимдуж палати —
до скону! — пообіцяй.

Наум ВАЙМАН

/ Тель-Авив /

ЖЕРТВА — ЖРЕЦ — ЦАРЬ

Развеселился, наконец,
Изведал духа совершенство,
Уверовал в своё блаженство
И успокоился, как царь,
Почуяв славу за плечами —
Когда первосвященник в храме
И голубь залетел в алтарь.

Так Мандельштам «нарисовал» себя в 1914 году...

Нынче уже признано, что еврейская тема в творчестве Мандельштама — «один из важнейших, чувствительнейших нервов его поэзии»¹. Но я постепенно прихожу к выводу, что все гораздо «серьезней», что жизнь и творчество поэта (а это вещи нераздельные) стали кульминацией столкновения культурных начал еврейской и русской цивилизаций. Для Мандельштама это столкновение стало личной судьбой, жертвенной, но и феноменально плодотворной, он вместе со всеми соплеменниками прошел этот губительный путь от иллюзий ассимиляции до катастрофы, оставляя в стихах раскаленные следы своих шагов².

«Русский поэт Осип Мандельштам» — стал фанатичным проектом Иосифа Хацкелевича Мандельштама, задуманным и направленным еще его матерью Флорой Евсеевной Вербловской, которая, в отличие от «немецко-еврейской» линии отца, далекого от ассимиляции в русской культуре, была из семьи русифицированных интеллигентов, стремящихся к полному и окончательному отрыву от еврейства³.

---

¹ Григорий Кружков, «Рубище певца: Мандельштам и Йейтс»

² «Бега кровного следы», называл он поэзию («Дрожжи мира дорогие...», 1937)

³ Приходилось родней клану Венгеровых, выкрестов, еще до революции ставших частью истории русской культуры. Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920), крестился после окончания гимназии и закончил юридический факультет Петербургского университета, известный критик и историк

Именно мать приобщала поэта к достижениям русской культуры и даже приняла активное участие в первоначальном «продвижении» литературной карьеры Осипа Эмильевича, о чем, не без издевки, поведал в своих мемуарах Сергей Маковский, редактор «Аполлона», где состоялась первая публикация стихов Мандельштама:

Через минуту появилась дама, немолодая, довольно полная, бледное взволнованное лицо. Ее сопровождал невзрачный юноша лет семнадцати, — видимо конфузился и льнул к ней вплотную, как маленький, чуть не держался «за ручку». ...Вошедшая представила мне юношу:

— Мой сын. Из-за него и к вам. Надо же знать, наконец, как быть с ним. У нас торговое дело, кожей торгуем. А он всё стихи да стихи! В его лета пора помогать родителям. Вырастили, воспитали, сколько на учение расходу! Ну что ж, если талант — пусть талант. Тогда и университет, и прочее. Но если одни выдумки и глупость — ни я, ни отец не позволим. Работай, как все, не марай зря бумаги... Так вот, господин редактор, — мы люди простые, небогатые, — сделайте одолжение — скажите, скажите прямо: талант, или нет! Как скажете, так и будет...

Когда мемуары увидели свет, Мандельштам озлился на Маковского, почуввав в явно надуманном «монологе еврейской торговки» антисемитский кураж (Флора Вербловская была талантливой пианисткой, и вовсе не «торговкой»).

Материнский проект приобщения к русской культуре превратился у сына в проект ее завоевания («Войди в их хрящ — / И будешь ты наследником их княжеств»). Подводя ему итог в письме Тынянову зимой 37 года, поэт скажет: «последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я... наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе». Но при этом, уже в начале пути, о чем свидетельствуют самые ранние стихи Иосифа, этот амбициозный проект вызвал внутреннее сопротивление и стал давать сбои. В голосе его, сначала «нелегально», а потом и осознанно, и все чаще зазвучали ноты, неуместные для поставленной задачи, со временем они стали выделяться в мотивы сомнения в выбранном пути и чуждости той среде, которую он возмечтал покорить. Сквозь общеромантическую мелодию «чуждости миру» (поэт всегда одинок и везде чужак) изначально пробивался скрипичный стон вечного иудейского отчуждения. Та-

---

русской литературы; Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941), известная переводчица и литературный критик; Изабелла Афанасьевна Венгерова (1877–1956), известная пианистка и педагог. Венгерovy близкие родственники другой ассимилированной и известной литературной семьи Слонимских.

кова музыка стихотворения 1910 года (автору 19 лет) «Из омута злого и вязкого...» Поэт возвращался к нему через много лет после написания, дорабатывал, — значит, звучащее в нем не умолкало.

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша, —
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.
И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют,
Приветственным шелестом встреченный
Коротких осенних минут.
Я счастлив жестокой обидою,
И в жизни, похожей на сон,
Я каждому тайно завидую
И в каждого тайно влюблен.

Комментаторы академического (в смысле научного аппарата) издания «Камня» в серии «Литературные памятники» (1990) прямо, хотя и не без застенчивой вычурности, увязывают это стихотворение с еврейской темой:

В стихотворении художественно осмысляются автобиографические коллизии, переводимые в историософский план посредством образа «омута», включающего признаки тютчевского «родимого хаоса»... ср. «родимый омут» в стихотворении «Неумолимые слова...» и название главы «Хаос иудейский» в «Шуме времени».

Да, в метафоре родимого хаоса-омута звучит и вынужденное признание в истоке своего бытия и яростное от него отторжение, как от чего-то бесформенного, злого и вязкого, будто он «жестоко обижен» своим происхождением. (Пастернак в письме Горькому скажет об этой «обиде» прямо: «Мне, с моей любовью, задатками и влечениями не следовало рождаться евреем.») Отсюда и «тайная зависть» к каждому. Но, в отличие от Пастернака, он «счастлив» этой «обидой». И уже в этом стихотворении пророческое, или просто интуитивное, видение-видение возвращения к истоку, осознанному, как «приют»: «И никну, никем не замеченный, в холодный и топкий приют». Осознавал как приют, но бежал от него, «всегда бежал»¹.

Убегая от хаоса иудейского, он чеканил звонкую поступь классических строк и мечтал о Риме («Поговорим о Риме — дивный град! / Он утвердился купола победой»), «Молодой Державин», на-

---

¹ «...незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался — и бежал, всегда бежал» («Шум времени»).

звала его Цветаева («Что Вам, молодой Державин, мой невоспитанный стих»). Но пришел в итоге к разорванной, истеричной еврейской прозе: к «Египетской марке», «Путешествию в Армению»¹, «Четвертой прозе», стал и в прозе и в стихах евреем.

Может быть это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия.

«Узел жизни» поминают на всех еврейских надгробиях: «Да будет душа твоя завязана Господом в узел жизни вместе с душами Авраама, Исаака и Иакова». Этот узел — его совесть, в нем он «узнан» и «развязан для бытия» — глубочайшее понимание бытия, как неразрывно связанного с «узлом» происхождения, особенно для еврея. Таков итог к концу жизни (стихотворение весны 1937 года).

Но и в стихах 1910 года он весь в мучительных сомнениях, ощущая выбранный путь как не только жертвенный, гибельный, но и «неверный», изменнический, отсюда и частые сравнения себя со змеем:

Когда мозаик никнут травы
И церковь гулкая пуста,
Я в темноте, как змей лукавый,
Влачусь к подножию креста.
.....
В самом себе, как змей, таясь,
Вокруг себя, как плющ, вивясь...
.....
Я как змеей танцующей измучен...
.....
К чему дышать? На жестких камнях пляшет
Больной удав, свиваясь и клубясь...

Мудрая русская поговорка не зря гласит: жид крещеный — змей верченый...

Христианство принимается Мандельштамом не как религиозная вера, а как знак приобщения к культуре («теперь всякий культурный человек — христианин»²), к русской культуре. «Культура стала церковью», скажет он в той же статье. Как пишет Юрий Слезкин в блестящей книге «Эра Меркурия»: «Это и была настоящая новая церковь». Но отношение Мандельштама к новой церкви изначально окрашено тревожным сомнением:

¹ «И я благодарил свое рождение за то, что я лишь случайный гость Замоскворечья и в нем не проведу лучших своих лет. Нигде и никогда я не чувствовал с такой силой арбузную пустоту России...»

² Статья «Слово и культура» (1921).

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Он — скиталец, «выброшенный на берег», чужой этому берегу, он из омута-хаоса-пучины мировой, Россия для него — Ночь, но он пророчит свою победу над ней, равнодушной и несговорчивой:

Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

В том же стихотворении «Из омута злого и вязкого...» он при публикации выкинул последнюю строфу с тем же мстительным пророчеством:

Ни сладости в пытке не ведаю,
Ни смысла я в ней не ищу.
Но близкой, последней победою,
Быть может, за все отомщу¹.

Эта жизнь его, не связанная живыми нитями со средой, и потому «похожая на сон», есть «пытка», но он не мазохист (как Пастернак) и не ведает в ней сладости, и не ищет смысла, а ищет места. Почему выкинул строфу? Не настало еще время говорить о месте («Я скажу это начерно, шопотом, / Потому что еще не пора...»). И потом, — кто он такой? Хрупкая, пустая (бесплодная, «без жемчужин») раковина, нежилой дом (свою первую книгу поэт хотел назвать «Раковина»). Ведь еврейство закончило свой исторический путь, не приняв Иисуса Христа, так он считал тогда (вместе с очень многими мятущимися в поисках нового «дома»²), и потому не видел себя сыном древней и великой культуры. Осознание своих культурных корней пришло позже, когда о русских писателях — одним из них он так мечтал стать! — и даже о европейских («тоска по мировой культуре») он напишет: «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе, и в особенности в России, несо-

---

¹ Похожий мотив у Бродского в «Стансах городу» Петербургу: «И летящая ночь / эту бедную жизнь обручит / с красотою твоей / и с посмертной моей правотою».

² Та же тоска по Дому и у Багрицкого:

Мне хочется шагнуть через порог знакомый
(С дороги, безпризорная сосна!)
В распахнутую дверь.
В добротный запах дома,
В дымок младенческого сна...

вместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья»¹.

Но вернемся к становлению, к тревоге и страху отдаться русской культуре как новой вере, в 1910 год.

В изголовье черное распяты,
В сердце жар, и в мыслях пустота, —
И ложится тонкое проклятыя —
Пыльный след — на дерево креста.

Крест — символ новой веры, и он принимает его, как символ своей судьбы, но старая «вера», не в религиозном смысле, а в смысле принадлежности, та, что на дне родимого омота, не дает покоя:

Страшен мне подводный камень веры,
Роковой ее круговорот.

Решение — стать русским поэтом, и ни больше ни меньше как каменной плитой в основании новой русской культуры (первая книга названа «Камень») — принято, но оно ощущается гибельным, и потому жертвенным. Сие решение — вопреки всем предчувствиям, крестный путь, и в молитве России, новому беспощадному Богу, стихотворении 1913 года с красноречивым началом «Заснула чернь...», рождается формула этого жертвенного пути:

Россия, ты — на камне и крови —
Участвовать в твоей железной каре
Хоть тяжестью меня благослови!

Молитва-клятва повторяется через 20 лет в обращении к Сталину, ставшему в его глазах воплощением России:

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...

.....

Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубашке
И для казни петровской в лесах топорнице найду.

И в том и в другом случае — двойной смысл клятвы верности каре-казни («несчастья волчий след, / Ему ж вовеки не изменим»): готовность казнить и быть казненным. Это русский «символ веры», он хорошо его понял и глубоко им проникся. «Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи».

---

¹ «Четвертая проза» (1930).

И с ранних стихов он «примеряет» на себя образ Христа, жертвы и изменника («получишь уксусную губку ты для изменнических уст»¹). В стихотворении «Неумолимые слова... Окаменела Иудея», за год до крещения, — образ умирающего на кресте, чья голова висит, как венчик, «на стебле тонком и чужом».

И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

Здесь тот же мотив погружения в омут-приют («соскучившись о милом иле»²), и мотив собственного распятия, своего жертвенного царствования. Через четверть века тема повторяется в стихотворении «Как светотени мученик Рембрандт»:

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под горою спят...

Тогда, в 1910-ом «стояли воины кругом», царственный караул, но теперь, в 1937-ом он никнет в «черно-зеленую темень» немеющего времени «никем не замеченный» («Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят»), распятый как неизвестный солдат. После первого ареста в 1934-ом Сталин написал резолюцию: «Изолировать, но сохранить», но теперь ни воины-сторожа, ни «тот воин», не охраняют его, те — «спят под горой», а тот — «бездействует внутри горы» (и гора, и сторожа, и спец-хран, это все сталинские «нотки»: «Внутри горы бездействует кумир»; «Он свесился с трибуны, как с горы»).

Неизвестный солдат, простой стебель, тростинка — уже не царствует («Ты — царь: живи один»³), а возвращается к истокам, в «родимый омут», но уже не в хаос, а в глубину, торжествующую свой «закон» (иудеи — народ Закона). И не забудем, что Паскаль называл человека: «мыслящий тростник», а Тютчев, в переключке с ним, написал гимн гармонии родового начала:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

¹ «Не искушай чужих наречий...» (1933)

² «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910)

³ Стихотворение Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...»)

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Для Мандельштама, ученика Тютчева-поэта и Тютчева-философа, род — носитель гармонии, «певучести» и «строга» природы — все это таится в «музыкальном шорохе» камышовых, тростниковых зарослей родовой жизни, а индивидуум «ропщет» против него, пытается разрушить этот согласный строй ради своей свободы, для Тютчева «призрачной». Призрачной к концу жизни и для Мандельштама: «Я хочу познать свою кость, свою лаву, свое гробовое дно... Выйти к Арарату на каркающую, крошащуюся и харкающую окраину. Упереться всеми фибрами моего существа в невозможность выбора, в отсутствие всякой свободы. Отказаться добровольно от светлой нелепицы воли и разума»¹.

В стихотворении «Неумолимые слова» появляется и образ исторической смерти еврейского народа, не принявшего Спасителя («Окаменела Иудея»). Так и его — он уже знает — не примет Россия! Эта мысль отчетливо возникает в революционные годы, когда он уподобит Петербург Иерусалиму, на который наступает «ночь иудейская» («Ерусалима ночь и чад небытия»), а Россия снова становится той «Ночью» из «Раковины», вся «пена, туман, ветер и дождь» («В черном бархате советской ночи, в бархате всемирной пустоты»). А он — все больше становится тем, кем и был, «той книгой, которая вам снится».

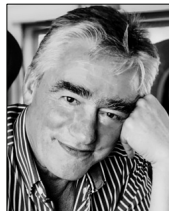
Чужая речь мне будет оболочкой,
И много прежде, чем я смел родиться,
Я буквой был, был виноградной строчкой,
Я книгой был, которая вам снится.

---

¹ «Вокруг «Путешествия в Армению»» (1930)

Борис ФАБРИКАНТ

/ Лондон /

* * *

Потянешь память за верёвочку,
И вдруг, неведомо откуда,
И чёрным хлебом пахнет корочка,
И за стеной стучит посуда.

Нас кто-то, оглянувшись, вспомнит
И даже разглядит сквозь дымку
Вдоль вереницы давних комнат,
На фотографии в обнимку,

«Иди к столу, еда остынет»,
Как из домашнего спектакля,
А кто-то свет вечерний чинит.
И время падает по капле,

Как на свиданье разрешённом,
Где пазлы сходятся в рисунки,
На тонком льду запорошённом
Сквозные трещины и лунки

* * *

А небо над одной страной
Перетекает на другую,
Где свет и цвет, и час иной
Над их землёю дорогою.

Ни развести по сторонам,
Ни перекрасить, ни разметить.
У каждого своя страна
И облака, и сны, и дети.

Широкой солнечной каймой
По краю лезвия заката
Все возвращаются домой,
Чтобы опять уйти когда-то.

И эти переходы дней,
Как перепад температуры,
Вечерних окон без огней
Простые школьные фигуры.

Лежит дорога без конца,
Кривая, вдоль измятой речки.
Вверху у неба нет лица,
Внизу смешные человечки

* * *

Десятый час, июнь, ещё светло,
И виден ветер и пустое небо.
И ходят тени плавно сквозь стекло
И сушат на обед горбушку хлеба.

Они потом играют в наши сны,
Меняют декорации и лица
И каждый вечер за спиной стены
Придумывают, кем бы нам присниться.

И звуки подбирают, как в кино.
Цветные — до утра, зимой — короче.
И что-то осторожное пророчат,
И после плачут с нами заодно

* * *

Я жизнь таскаю за собой,
Верней, наоборот,
Где называется судьбой
Дорожный переход,

Где мы шагаем в полный рост
В изменчивый масштаб.
Я прошлому казался прост,
А будущему — слаб.

Костяшками оконных рам,
Не разжимая рук,
Шаг отбивает старый ямб
И замыкает круг.

Счёт неудачам и любви
Сравнялся на табло.
Но скоро с Богом визави,
Как в тюрмах, сквозь стекло

* * *

Снова холод, стрельба как плохая погода,
будто солнце убили, засыпав землёй.
Мы обнимемся там, от весны до восхода,
ты налей мне любви, не осыпав золой.

Мы живём в этой жизни, где нет больше жизни,
и с тобой согреваем подвальную тьму,
дуют ветры чужие по нашей отчизне,
ты меня обними, я тебя обниму.

Снег идёт так привычно, но долго не тает,
и застывшим ветвям не понять, почему
сбилось время, нет дней, только жизни считаем,
ты меня обними, я тебя обниму.

Так мне жарко с тобой, жалко, в этих минутах,
как всегда, для прощанья не хватит секунд.
Ты меня поцелуй в каждом времени суток,
мне не страшно, но слёзы по-детски текут.

Всё найдётся, что снега с собой хоронили,
ты меня обними, я тебя обниму,
наши дети укрыты, пока не родили,
я молитву шепчу, но не слышно Ему.
Ты меня обними, я тебя обниму
Ты меня обними

* * *

Расставляем слова, чтоб заполнить пустоты.
С этой детской игрой доживём до седин,
Будто нет на земле интересней работы,
Словно каждый из нас в чистом поле один.

От подшитых страниц сохраняются крохи.
Замыкает перо напряжённую сеть.
По профессии мы — соловьи, скomorохи,
Только, вот, не всегда получается петь.

Наши гении славно вершили работу,
За собой проложили надёжную гать.
Русский стих как свеча наступившей субботы,
Чтоб её в воскресенье в церквах зажигать

* * *

Песен не слышать на Украине,
А не петь на Украине — не дышать,
Вот она и спрашивает, сыне,
Как же можно песне помешать?

Дым лежит на неньке Украине,
Надо погасить и разогнать,
Чтоб засеять землю, слышишь, сыне?
Снова сына спрашивает мать.

Отвечает сын, беда, родная,
Ворог землю захватил твою,
Вороньё от края и до края,
Я воюю мамо, мы в бою.

Чуешь, бьют копытом наши кони,
И земля уходит под врагом.
Мамо, супостата мы прогоним,
К нам не ступит грязным сапогом.

Много крови льётся в чистом поле,
Города измучены огнём.
Украина, доля твоя — воля!
Вы не плачьте, ненько, мы споём

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

/ Мюнхен /

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПАМЯТИ

Воспоминанье прихотливо
И непослушливо. Оно —
Как узловатая олива,
Никак, ничем не стеснено...

Владислав Ходасевич

Прошлое доживает с теми, кто
его помнит. Дальше начинаются бо-
лее или менее даровитые описания,
реконструкции, мифы...

Владимир Порудоминский

Я читал эту книгу лет десять назад, когда она, изданная в России, до меня добралась. И, дочитав, пообещал ей, что вернусь: помедлить, подумать, додумать.

Возвращаюсь. Перечитываю. Думаю. О памяти автора книги «Пробуждение во сне» — Владимира Ильича Порудоминского. И о своей.

Если прав Кальдерон, сочинивший, написавший семь веков назад «Жизнь есть сон», то *пробуждение во сне* — это память о *приснившемся*. Фрагментарная, пунктирная, однако давнее, *дальнее* проступает, видится в ней подчас *ближе*, выразительней и подробней, нежели то, что происходило потом, позже, даже много позже.

Таковы свойства памяти. Её время не совпадает с «физическим». Оно обратимо. И эта возможность движения вспять открывает всё новые (верней сказать, всё более старые) забывшиеся было эпизоды и события.

Я обычно сомневаюсь в достоверности мемуаров, авторы коих излагают события своей жизни последовательно и весьма подробно, не забывая при этом соотносить — явственно или «по умолча-

нию» — более или менее существенные из тех событий с происходившим тогда же в стране и в мире. Такое, по-моему, возможно в том лишь единственном варианте, если автор прежде вёл-писал дневники, и они сохранились в его распоряжении. Но российский прошлый век сделал сие занятие, мягко говоря, рискованным — и случаев, когда страницы дневников становились страницами «обвинительных заключений», сыщется в архивах немало. Популярнейший прежде жанр повывмер. Уцелевшие остатки его ушли в подполье. Исключений знаю немного. Помню, как поразило бесстрашие Лидии Чуковской. Но помню и то, как после первых публикаций дневника её отца, ведшего оный — страшно сказать! — почти семьдесят лет, мигом сыскались критики, резко сетовавшие на то, что автор «о многом умолчал»...

А если нет дневника, то *лакуны* памяти заполняются тем, что автор — более или менее подробно — узнал *позже* и — чаще всего бессознательно — связал с пережитым. И таким образом выстроил сюжет.

Память *слоиста*. Если написать о событиях самых, вроде бы, «памятных», ближних, освободив таким образом память от этого, так сказать, *актуального* слоя/груза, добираться до следующего, доселе как бы заслонённого. И далее, слой за слоем. Подобная *слоистость* в определённом смысле «иерархична» — по *значимости*, точнее — по твоим — здесь и сейчас — представлениям о ней. Однако погружение в неё даёт возможность — и нередко — эту «иерархию памяти» перестроить, *переоценить* вспомнившееся (к слову, то же относится к истории, этой, если угодно, *коллективной памяти*).

И есть у памяти нечто вроде «обратной перспективы».

Работу с таким заглавием Павел Флоренский написал век назад. Она — о древней иконописи, лучшие мастера которой решительно нарушали «правила перспективного изображения», показывали «такие части и поверхности, которые не могут быть видны сразу, о чём нетрудно узнать из любого элементарного учебника перспективы». И «зритель с полною определенностью усматривает огромное художественное превосходство в той из икон, в которой нарушение правил перспективы наибольшее»...

Так и с памятью. Разница лишь в том, что *дальний* план памяти — не только на равных, но и подчас отчётливей, *реальней* ближнего. К тому же срабатывает *линза времени*: события, отодвинутые в глубину минувшего, укрупняются, становятся более подробными, будучи при этом, естественно, слегка скорректированы воображением.

Вот, «детский» фрагмент. Середина тридцатых. Живущий по соседству, в том же дворе, «комдив», герой Гражданской войны, приезжая обедать, обычно кратко «велел» шофёру, пока обед продлится, покатать на машине играющих во дворе детей. На «линкольне» его служебном.

«Даже в нынешних моих воспоминаниях является мне не “улица” вообще, какой сделалась она для меня за истекшие с тех пор полвека, а выпирает навстречу каждым домом в отдельности со всеми его приметам, каждой подворотней и подъездом, каждой витриной и вывеской, чуть ли не каждым пешеходом, что попадался нам тогда, полвека назад, и на мгновение замирал, будто схваченный сработавшим глазком фотоаппарата, при виде плывущего вдоль тротуара чуда с никелированной собачкой на радиаторе»...

Наконец, знание того, что было *после*, меняет расстановку акцентов, выделяя ненавязчиво то, что имело наиболее значительные, *резонансные* последствия. Не только в истории, но и в жизни твоей...

Всё это есть — в книге.

Я младше Владимира Ильича на полтора десятка лет, Не так много, чтобы некоторые из поведанных им историй — и эпизодов — не отозвались эхом в моей памяти. Про то ещё скажу.

Однако мне посчастливилось дружить и с несколькими замечательными людьми, которые были сверстниками — и даже старшими современниками — родителей Порудоминского, слушать-запоминать и нередко записывать их рассказы, конспективно, конечно, но стараясь не упустить особо значимые, на мой взгляд, эпизоды, фрагменты.

И потому *достоверность* этой книги для меня несомненна.

И естественны переключки.

Ну, например. «Когда умрут ещё живые, / И те, умершие, умрут»... Концовка стихотворения Сергея Васильевича Шервинского.

И цитата из «Пробуждения во сне»: «...Живое прошлое постоянно и неизбежно заменяется сведениями о прошлом, а само уходит из мира с теми, в ком оно живёт, как безостановочно истаивает льдина, дрейфующая от полюса на юг»...

Пространство памяти, этой, по авторскому обозначению, «другой реальности», очерчено в первой из четырёх частей книги. Более полувека, от самых ранних впечатлений-воспоминаний шести-семилетнего мальчишки — первая половина тридцатых, папа-врач и его пациент Берман, один из бонз ГУЛАГа, чуть позже сгинувший в мясорубке Большого террора, фильм «Весёлые ребята» и лозунг вождя «Жить стало лучше! Жить стало веселей!». И до начала девяностых, «нового времени». Впрочем, это — единственный — и резкий — выход за пределы первых трёх десятков лет жизни, быть может, потому, что *тамошних*, давних современников почти не осталось. Убывают...

«Как-то я оказался свидетелем беседы моего незабвенного друга Натана Эйдельмана с внучкой историка Петра Ивановича Бартенева, издателя “Русского архива”. Неожиданно между ними возник спор. Натан доказывал, оперируя датами, коих помнил

бессчётно, что в некотором году, выскочившим в ходе разговора, наша собеседница не могла встретаться с каким-то историческим персонажем. «Очень даже встречалась! — в пылу спора воскликнула старуха. — Он сам приехал к нам в имение; у него тогда была плохая нога». Натан поднял руки и радостно расхохотался, как только он умел, отдаваясь радости проникновения в прошлое: «Сдаюсь! Перед вашей 'плохой ногой' моя хронология бессильна!»»

Совершенно так же относится Владимир Ильич к пережитому старшими, много старшими современниками, к запечатлённым в их памяти впечатлениям, подробностям, «деталям», которые позднейшая *история*, как правило, не сохраняет.

«Я изучал книги о начале 20-го столетия (теперь уже «прошлого») и книги писателей той эпохи, интересовался «серебряным веком» русской поэзии, тогдашними театром и живописью, в моей голове роилось стократ больше сведений о том времени, нежели у моей мамы, но она читала при свече, удивлялась первым автомобилям («моторам»), стояла ночи за билетом, чтобы услышать Шалапина — Дон Базилио и Мефистофеля, в Художественном театре видела Качалова в Гамсуне, встретила где-то Блока, ходила на поэзо-концерты Северянина, бегала каждый вечер в «Эрмитаж», чтобы услышать несколько песенок Вертинского, — перед этой «плохой ногой» мои сведения бледнеют, как лампада пред светом зари»...

И понятно, что, например, его — шестнадцатилетнего — собственные памятные впечатления от одного из первых концертов воротившегося в конце сорок третьего из эмиграции Вертинского, на который мама взяла его с собой, равно как от появившихся через несколько лет в семье «забугорных» пластинок артиста, были пусть даже восторженными, однако совсем, совсем не такими, как у его родителей.

Думаю, что неплохо понимаю это — потому что в собственной памяти есть, с чем сравнить, верней сказать — сопоставить. Летом пятьдесят четвёртого наша семья отдохала на Рижском взморье, и мама с папой узнали, что в Дзинтари — в «Курзале» — будет концерт Вертинского. Раздобыли три билета и со старшей моей сестрой отправились, оставив меня дома, минутах в пятнадцати от «Курзала». Не усидел — побежал туда, а там, под окнами, — десятка полтора таких же, может, чуть старше. И едва начался концерт, под отвлекший служителей грохот аплодисментов, кто-то из пребывавших внутри ребят постарше открыл выходящие к нам два окна, мы забрались, уселись на пол под окнами и слушали, и, пожалуй, само приключение это впечатлило сильнее, чем услышанное. Однако осенью, ближе к зиме, повели меня родители в кино — на только что вышедший фильм «Анна на шее». И мигом узнал, увидев, «князя»-Вертинского. Правда, больше впечатлило

то, что младшего брата героини сыграл мой одноклассник Петя Мальцев. Пластинки, песни *дошли* до меня позже, ненамного, лет через пять-шесть...

Никогда не *вспоминал* об этом, Книга *напомнила*. Благодарю. Перечитываю...

Повторюсь: это, по-моему, не книга *воспоминаний*, но книга *памяти*. Её драматургия такова, что вполне органично, естественно включает в себя и то, что было *узнано, познано* позже *запомненного*, и срезонировало в памяти — *пониманием* фрагментов, в ней сохранившихся. Говорю о четырёх рассказах, образующих часть книги, озаглавленную «Крайняя плоть». О Холокосте. Много читал о нём. Но, пожалуй, не встречал ничего более, как бы поточнее назвать, *контрастного*, что ли, чем «Неоконченная соната», этого отчаянного столкновения чудовищной какофонии геноцида — с музыкой. Ну, разве, может быть, «Кадиш», прозвучавший от Михаила Александровича на развалинах Освенцима в 1994 году...

В начале книги Владимир Ильич мимоходом упомянул, что у него «ни голоса, ни слуха». Однако, на мой взгляд, «Неоконченная соната» убеждает, что автор замечательных книг о живописи и живописцах и с музыкою вполне в ладу...

Эхо этих рассказов возникнет ближе к концу книги, в воспоминании о двух немолодых евреях, бросивших крупные, успешные фирмы свои и бежавших от Холокоста — из Германии и Австрии, двух «погонщиках ослов», с которыми судьба свела автора в пору войны, в ташкентской эвакуации.

И о девочке Руфи — из Польши, появившейся в середине войны, в сорок третьем, у московских родственников, живущих по соседству. Исчезнувшей так же неуловимо, как появилась, запомнившись на всю жизнь — ночным разговором на крыше во время дежурства, когда налёты на Москву уже стали совсем нечастыми, разговором о еврейской пасхе и о будущей — непременно — встрече в Иерусалиме...

И в финальном «Прощании с ГОСЕТом». С которым и мне довелось прощаться — самое раннее в памяти.

Но про то — чуть позже, Сначала — о фрагменте из второй половины сороковых. О вечере в Литературном институте, о выступающих там студентах-фронтовиках «в полинялых гимнастёрках». И «где-то на задворках этого самого Литинститута уютится, умирая, окончательно затоптанный за великую свою повесть о возвратившемся с войны солдате Андрей Платонов»...

В пятьдесят четвёртом, когда было отменено десять лет существовавшее раздельное — мальчики-девочки — обучение, к нам, в четвёртый класс семилетки у Никитских Ворот, пришла и Маша Платонова, жившая с мамой всего пятью домами дальше моего, на тех самых «задворках», в левом, «жилом» тогда — и долго ещё — крыле Литинститута. Мы и после школы не раз встречались, об-

щались мельком — то на бульваре, то в Юрмале, то в Коктебеле. А в конце восьмидесятых я позвонил ей — за разрешением опубликовать в журнале, где тогда работал, подлинный текст извеченного некогда цензурой рассказа её отца. И напечатал.

К слову, в том же, пятьдесят четвёртом, чуть ли не треть моих одноклассников и одноклассниц, чьи отцы сгнули во время войны, перестали быть «сиротами». Их отцы вернулись из лагерей, куда угодили: кто с фронта, кто сразу после...

А десяток лет спустя поступил я в Литинститут, на семинар к фронтовику Наровчатову, и он приводил к нам — читать стихи — и Гребнева, и Самойлова, и Межирова...

Но вернусь, как обещал, к «Прощанию с ГОСЕТом». К рассказу Владимира Ильича о том, как в сорок восьмом морозным и мрачным январским вечером ходил он на Малую Бронную, в Государственный Еврейский Театр — прощаться с гениальным Михоэлсом, и упоминает мельком, что много позже прочитал в чьих-то воспоминаниях, будто в то самое время где-то совсем рядом, «чуть ли не на крыше соседнего с театром дома, неведомый скрипач исполнял печальные еврейские мелодии». И усомнился — не только потому, что не видел и не слышал, но более — потому, что «очень уж противоречит обстоятельствам места и времени».

А скрипач был. Правда, не там и не тогда...

Летом семьдесят первого года, в Коктебеле, читали стихи в доме поэтессы Ирины Махониной, Только что приехавший отдыхать Генрих Сапгир поначалу, вроде бы, читать не собирался. Однако уступил настойчивым просьбам. И предложил, так сказать, вниманию собравшихся не стихотворение своё, а один совсем недавно сделанный перевод, из Овсея Дриза, умершего полугодом раньше.

Я потом нашёл это стихотворение. Вот оно:

День был фиолетовый,
Облачное небо —
Рыбья чешуя.
Где-то шумели
Трамваи, машины.
А здесь, на Малой Бронной,
Стояла тишина.
И процессией странной,
Жёлто-красно-зелёной,
В тишине
Шли шуты.
Было хмуро и сыро.
Шуты несли
На своих плечах
Прах
Короля
Лира.

Шли осторожно,
Как по краю пропасти,
В своей торжественной нелепости
Великолепные шуты.
Молчанием его оплакивали.
Лишь позвякивали
Бубенчики,
Нашитые
На шутовские колпаки:
«Дзинь-дзинь,
Дзинь-дзинь...»

День был
Фиолетовый.
Плыло небо,
Как большая рыба.
Не рыдали трубы,
И не взвизгивали флейты.
Лишь бубенчики плакали,
Звякали:
«Дзинь-дзинь,
Дзинь-дзинь...»

День был как ночь.
Исказила мука
Маску комика!
Глядите,
Там на крыше домика
Появился седой скрипач.

...И взвилось
Синее пламя волос!
И запела скрипка —
Золотая рыбка!
Плачь,
Рыбка, плачь
Над лицом короля —
Тайной тайн...
Этот старый скрипач
Был великий Эйнштейн.
Но шуты не ведали этого.

Шуты
Несли
На своих
Плечах
Прах
Короля
Лира.

А день был фиолетовый.
Было сыро.

Когда Генрих закончил читать, я сказал ему, что сразу узнал эти похороны. «Откуда?» — «Я там был».

Мы жили на Тверском, 13, напротив, через бульвар от Михозлса. И наш проходной двор выходил на Большую Бронную, к синагоге с двумя лиственницами при входе, которую вскоре после разгрома Еврейского театра «закрыли на ремонт», а потом превратили... в Дом народного творчества имени Крупской, открывшийся через несколько лет, помнится, опереттой Милютина «Почелуй Чаниты».

В тот зимний день отец взял меня, четырехлетнего, за руку и повёл к синагоге, и дальше, к Малой Бронной, пока можно было протиснуться. И я видел шутов с бубенчиками и скрипача на крыше углового дома, сразу узнал их — в стихах.

Стихотворение называется «Фиолетовый день». Посвящено: «Памяти Михозлса». Написано зимой сорок восьмого...

Воротившись в Москву, узнал, что на экраны вышел «Король Лир» Григория Козинцева — с Юри Ярветом и Олегом Далем в главных ролях. Тут же отправился — смотреть. И сразу, чуть ли не с первых кадров, — ассоциация: Юрий Ярвет — Соломон Михозлс. Облик — жест — драпировка-одежда — грим, даже некоторые мизансцены, всё как будто мне знакомо — по эскизам Тышлера и фотографиям Михозлса-Лира. И — контраст-контрапункт: витально-бурлескный Вениамин Зускин — и тростниково-тонкий, негромко-ироничный Олег Даль...

О чём и заговорил дня два спустя с Аркадием Акимовичем Штейнбергом, у него, на Шаболовке. Он видел фильм и сказал, что, придя домой позвонил — о том же самом — Анастасии Павловне, жене Михозлса, и она ответила, что этот Король тоже «сильно напомнил ей Соломона»...

А ещё, добавил Штейнберг, вероятно, ассоциация та усилилась — для него — отчётливо голосом Зиновия Гердта, дублировавшего эстонца Ярвета, интонациями артиста, который, безусловно, видел тот знаменитый спектакль ГОСЕТа в тридцать пятом, интонациями, которые намертво запомнились, вспомнились Штейнбергу тридцать шесть лет спустя.

И заговорили мы о том, что Козинцев, который и сам перед самой войной ставил «Лира» на питерской сцене, по всей видимости, то бишь увидеть можно, выбрал Ярвета и работал с ним над ролью — *по сходству* с тем, гениальным Лиром-Михозлсом, с его трагической судьбой, и артист (знал про то или не знал — Бог весть, да и не важно) справился с режиссёрской задачей замечательно. Напомнив — тем, кто видели, показав — тем, кто не застали...

Тут-то Аркадий Акимович мне и поведал, что тринадцать лет назад перевёл стихи Переца Маркиша «Михозлсу — негасимый светильник», написанные в те несколько дней и ночей, когда, в ожидании назначенных пышных похорон великого артиста, те-

атр прощался с ним. Перевёл — для первой по реабилитации книги стихов Маркиша, вышедшей в пятьдесят восьмом, больше ни в одну *русскую* книгу Маркиша эти стихи не пустила цензура.

Штейнберг снял с полки книжку и прочитал весь цикл...

...Разбитое лицо колючий снег занёс,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы.
Но вытекли глаза двумя ручьями слёз,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:
— О Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, убитый, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберёг,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны...

В этом цикле прямо сказано, что Михоэлса *убили*, или даже *бессудно казнили*, что сделал это «заплечный кат». Маркиш *точно знал*: его жена Эстер рассказала Штейнбергу, что историю убийства Михоэлса «на даче» под Минском и дальнейшей инсценировки «несчастного случая» на ночной улице они с мужем узнали тогда же — от её приятельницы, жены генерала из Белорусского военного округа. И попросила Аркадия Акимовича перевести стихи, упомянув, что обращалась с такою просьбой к Пастернаку, однако тот мягко, но категорически отказался (ныне, зная о тогдашних заботах Пастернака, связанных с готовившейся публикацией романа, понять его отказ нетрудно). Штейнберг вспоминал, что на него сие известие подействовало остро-тонизирующе — он «словил кураж». И перевёл, по мнению знатоков поэзии Маркиша *в оригинале*, конгениально...

Попутно, в разговоре о гибели Михоэлса, упомянул я и последовавшую за ней антисемитскую кампанию, добавив: «Ну, вы это знаете лучше меня». На что последовало: «Вовсе нет. Я тогда просто сидел»...

Я вовсе не отвлёкся — так длинно — *на своё*, просто чтение, перечтение, додумывание уже закончились, откликнувшись на последок самым ранним — *моим*. И поздним эхом...

P.S. Мы с Владимиром Ильичом познакомились очень давно, и мне захотелось благодарно отметить это долгое доброе знакомство, медленно перечитать, быть может, самую *его* книгу, и рассказать об этом.

Наталя ПИСАРЕВА

/ Смілде, Нідерланди /

ПОЕТОВІ

Анатолієві Кравченку

Життя спливає листям на воді
 на твій, на мій та ще на чийсь
    перстеник.
 І вже трепети шепотять
    «прости», —
 вони згорять, як твій колись
    щоденник,
 і як отой останній олівець,
 що записав рядок у віщій свитку.
 ...На небеса відходять навпростець
 лише поети і лише молитви.

КРАПЛИНА ДОЩУ

Чуєш: тиша така, наче міста нема навкруги,
 навіть дощ притуливсь до щоки та й стікає сльозою,
 що спокутує тяжко провини і легко борги
 і до ранку милує вуста льодяною росою.

Смак її — смак отих стародавніх часів,
 що приходять до нас, ніби пращури, вічні і древні,
 залишаючи смуток відлуння своїх голосів
 нашим душам, що з ними і не розлучались напевно..

Ось і знову маленька краплина біжить по щоці;
 наша дійсність сприймається нами, як читана книга,
 де остання сторінка десь там, при самому кінці,
 де хоч слово одне — від нестерпної туги відлига.

Тож давай сподіватись на краще, на милість небес,
що спадає дощем на дерева, на трави осінні...
Придивись, цілий світ в цій маленькій краплинці воскрес,
он, листочок тремтить, а на ньому вона мов перлина.

МЕДЯНИЙ ДУХ

Триптих

1

Медяний дух по яблуках розлився
і вересневі дні, як званні гості,
дарують нам на згадку зливу листя,
прозору і жадану, наче осінь.

Медяний дух і втішить, і зігріє,
солодким зіллям заспокоїть душу,
щоб розповісти, що за нас намірють
такі блакитні і до віку суцї

ті небеса — із плоті та із крові, —
що легко так відчули дух медяний
у яблуках, що визріли із слова
і віддали цілунку смак духмяний;

де ми удвох — із крові та із плоті, —
де світ п'янкий і твій нестримний подих
медяний дух благословить — і потім
легенько зронить яблуком у воду.

2

Медяний дух живе в моїй кімнаті —
мені тепліше в яблучному колі, —
червоні, жовті та зеленкуваті,
вони лягли, як оберіг, на долю...

А за вікном ні вересень, ні грудень,
ні дощ, ні сніг — така собі морока...
Медяний дух для мене ж — все, що буде,
і все, що є, як день у день, до строку.

Як день у день, як ніч у ніч, гортаю
ті сторінки, що живлять дух медяний,
так ніби світ — який, я ще не знаю —
чекає слів — примхливий і бажаний.

Та що слова, коли говорить тиша,
до тебе і до мене промовляє?!
Медяний дух, мов та молитва вища,
зійде на нас десь там — за небокраєм.

3

Медяний дух крізь погляд твій далекий
порине знову в яблуневий простір,
де все, що є, і все, що буде, — легкість;
де почуття дорівнюються зросту

трави, дерев і тих небес, чий поклик
іще пробачить нас і наші тіні,
і дві сльози, що на очах не сохнуть,
забудуть, чи то вечір, чи то днина.

І дві сльози... Стежиночка у вічність
самотньою журбою зачарує....
А може то твоя остання ніжність
у вересневих снах моїх сумує.

І наче сон: медяний дух, кімната
і ми з тобою, різні і незнані....
А яблука лежать, їх так багато,
і дух медяний чути на світанні.

МИТЬ

Наздожене тебе. Безсонна і безтінна.
А втім — лише твоя. Мінлива і гнучка.
І знову, як колись, схилятимеш коліна
перед її вогнем, що душу обпіка.
І знову, як колись, чи пошепки, чи в голос,
десь там, у межах гри, сховавши небуття,
твоя безсонна мить, мов ниточка до когось,
від того, що було і буде за життя.
...наздожене тебе. І раптом зрозумієш,
що вже коротші дні у спогадах, як мить.
І всі твої слова, що їх казати смієш,
немов оті птахи, злітають у блакить.

Геннадий КАЦОВ

/ Нью-Йорк /

«НА КРАЮ ВСЕЛЕНСКОГО ВРАНЬЯ...»¹

Об универсальных смыслах поэтического мира
Александра Кабанова

Границы моей речи указывают
на границы моего Мира.

Людвиг Витгенштейн

пусть зрение мое — в один Гомер,
пускай мой слух — всего в один Бетховен
А. Кабанов, «Лишённый глухоты и слепоты»

Звенит карманная медь, поёт вода из трахей:
а если родина — смерть, а если Дракула — гей?
А. Кабанов, «Звенит карманная медь»

В последние годы об Александре Кабанове там много говорят и пишут, как мало о ком из современных поэтов. Негативных мнений я практически не встречал. Из оценочных отзывов: от «А. Кабанов — поэт выдающийся: ему удалось не просто обновить гармонию, но сотворить свою»², и до «в лице Александра Кабанова русскоязычная силлаботоника достигла очередной вершины своего развития»³. Понятно, что высказывания вроде «се-

---

¹ Из стихотворения Александра Кабанова «Летний домик, бережно увитый...». Здесь и далее — цитаты из стихотворений А. Кабанова, опубликованных в разных периодических изданиях.

² Ю. Казарин. От Бога и до Бога (о стихах Александра Кабанова). Ж-л «Урал», 3, 2015.

URL <http://uraljournal.ru/work-2015-4-1392>

³ И. Полторацкий. Александр Кабанов. Приставка для сына. Литература, 31 декабря 2021.

URL <https://literatura.org/poetry/4800-aleksandr-kabanov-pristavka-dlya-syna.html>

годняшний Кабанов — поэт экзистенциального ужаса <...>, виртуозно управляющийся с нецензурной лексикой»¹, только повышают градус и без того высокого интереса к его поэтике.

Сам же киевлянин Александр Кабанов, как определяет его Википедия — «украинский русскоязычный поэт», называет себя представителем фьюжн-поэзии, и в том же интервью — её отцом-основателем².

Разбавленный, по-гречески, вином —
ночует дождь в бидоне жестяном,
Стравинский, свежескошенный — смеется,
горят плоты, смердит резиной — плоть,
но, как и прежде, верит в нас Господь,
и любит нас, и в руки не дается.

(«Разбавленный, по-гречески, вином»)

Понятно, как ты искусство ни назови — хоть «фонтаном» (в известной пастернаковской традиции), хоть «пылесосом» (в известной традиции — «губкой»), лишь бы эта дефиниция позволяла понять почему, в случае с Кабановым, его поэтика столь магнетична? Каким образом она притягивает своими синтаксисами читателей самых разных эстетических/этических пристрастий, и на глазах становится современной классикой, как фильмы Ларса фон Триера и Вуди Аллена, музыка Филиппа Гласса и Федерико Альбанезе, романы Джонатана Франзена и Томаса Пинчона, концептуализм Ильи Кабакова и графика Бэнкси.

Стихи Кабанова переведены на украинский, польский, белорусский, английский, немецкий, французский, нидерландский, финский, грузинский, сербский и другие языки; популярность его растёт в геометрической, похожей, прогрессии, особенно после 24 февраля 2022 года — начала военных действий РФ в Украине. И к его пятидесяти пяти годам (в октябре 2023-го) каждая очередная поэтическая книга Кабанова была и становится литературным событием.

О чем поёт на кладбище хасид,
кому откроет женщина скворешню,
но этот сад вниз головой висит:
кровь приливает — я люблю черешню.

(«Мы ползаем, как дети по земле»)

С английского, fusion переводится, как «сплав, слияние». Этот термин имеет отношение к искусству, архитектуре, дизайну,

---

¹ Е. Сафронова. Патриарх фьюжн-поэзии. Инфо-портал «Ревизор».
URL <https://www.rewizor.ru/literature/interviews/patriarh-fujn-poezii/>

² Там же (см. 1).

музыке, и означает «сочетание несочетаемого»: совершенно разные, нестыкующиеся, казалось бы, идеи, стили, слова и звуки, художественные направления объединяются здесь непостижимым образом, при этом не теряя целостности формы и гармонии содержания¹.

Иными словами, в нашем случае речь идёт о состоянии сознания (присущем пазлу, голограмме и, вероятно, многосоставным социально-культурным матрицам), в котором поэт находится, пробуя его артикулировать. Состояние фьюжн — «и в разъяренном океане, / среди грозных волн и бурной тьмы, / и в аравийском урагане, / и в дуновении Чумы...». Короче, не позавидуешь, при очевидном понимании того, что сам поэт в таких координатах, возможно, только и способен существовать, и его вдохновение самым естественным образом питается этими органическими продуктами — разновекторностью, интертекстуальностью, взаимоисключаемостью и взаимозаменяемостью.

Зацветёт Мать-и-Матика этой земли:
раз-два-три-без-конца-и-без-края,
и над ней загудят молодые шмели,
оцифрованный вальс опыляя.
(«Поначалу апрель извлечён из прорех»)

Критик и литературовед Сергей Чупринин внёс некую ясность в связи с явлением фьюжн в современной русской литературе: «Арсен Ревазов был, кажется, первым, кто к своей книге «Одиночество-12» поставил субжанровый подзаголовок «роман-фьюжн» (2005). <...> и Анатолий Ким, издавна пробующий соединить европейскую литературную традицию с ориентальными, прежде всего корейскими, мотивами, и Борис Акунин, для многих произведений которого так важна оглядка на японскую культуру, <...> и,

---

¹ Мне, поклоннику групп King Crimson, Chicago, Yes, Weather Report и легендарного «Арсенала» Алексея Козлова, Майлза Дэвиса и Френка Заппы пришло в голову, уже в Нью-Йорке, в начале 1990-х, что известное определение Большого Яблока — «плавильный котел» — тот самый фьюжн и есть. В сфере пространственно-временной и социальной Нью-Йорк — город иммигрантов, в котором представители разных рас, наций, религий, идеологий, языков, убеждений, верований варятся в одном «котле». И с годами сплавляются/сливаются в некое местное племя англоговорящих «ньюйоркцев», в поэтический, безусловный, импровизированный текст (к слову, вспомним деконструктивиста Жака Дерриду с его «всё есть текст») с определёнными и неопределёнными артиклями. С привнесёнными в «котел» и ставших общими — чертами, нео-традициями, изобразительным искусством, характерными нью-йоркскими музыкой, поэзией, акцентом, архитектурой, спортом, уличными перформансами и ежегодными парадами. Фьюжн, как некий эмблематический знак и всегда самобытный ландшафтный стиль, в который горожане погружены поколениями, чем однозначно гордятся.

разумеется, Виктор Пелевин, сделавший фьюжн (особенно, в романах «Чапаев и Пустота», «Священная книга оборотня») поистине фирменным знаком собственного творчества. <...> Эти примеры ясно показывают, что фьюжн можно с равным правом рассматривать и как частный случай полистилистики, и как вполне самостоятельную инновационную технику...»¹.

При всем при том, что пальму первенства я бы отдал сегодня Александру Кабанову без сомнения, истоки *fusion poetry* находятся в космологической сфере метареалистического письма конца 1970–1980-х (поэты-метаметафористы — И. Жданов, А. Парщиков, А. Еременко).

Если бы я любил своё тело,
чёрное тело, украшенное резьбой,
и мне бы шептали Андерсон и Памела:
«Саша, Саша, что ты сделал с собой?»

На плечах — подорожник, под сердцем — взошла омега,
не смолкаем вереск в подмышечных сорняках,
ох, если бы я любил своё тело,
кто бы носил его на руках-руках?
(«Если бы я любил своё тело»)

Обратите внимание, насколько применимо к метаметафористам описание критиком/литературоведом Ю. Казариным поэтических практик Кабанова — многоходовых, непредсказуемых, как в гроссмейстерских шахматных шедеврах, и инвариантных, словно неисчислимы тропы (в каждом из двух смыслов) и лазейки в некоем гигантском метафизическом муравейнике: «Почти вся метафорика А. Кабанова по содержанию своему оппозитивна: поэт просодически, семантически и концептуально выстраивает ряды следующих дизъюнктивных (несовпадающих, но взаимно неравнодушных), родо-видовых, видо-видовых, родо-родовых, пересекающихся, но никогда не тождественных пар. <...> Полижанровость, концептосферичность, многообразность, полистиличность и множественная природа поэтической интенции — всё это порождает особый текст, — стихотворение политекстуального характера, когда текстовая (все вещество текста) стереоскопия, соединяя противоречивые и оксюморонные «микротексты» в тексте цельном, возводит вертикальные (иерархические, антонимические и синонимические) парадигмы смыслов...»².

---

¹ С. Чупринин. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. Глава «Фьюжн-литература».

URL <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A7/chuprinin-sergej/russkaya-literatura-segodnya-zhiznj-po-ponyatiyam/286>

² Ю. Казарин. От Бога и до Бога. Ж-л «Урал», №4, 2015.

URL <http://uraljournal.ru/work-2015-4-1392>

Кот собачьей миски не просит,
цвет не принуждает к рычанью,
это бог людей произносит,
оставляя по умолчанью.

Как смешны они поневоле,
человечки — узкие плечи,
совершенства счастья и боли
и дефекты собственной речи.
(«Стрекоза ли вы или жук вы»)

Давайте с «вертикальных парадигм смыслов» всё-таки опустимся на землю, дабы ощутить почву под ногами. Подзаголовок книги Александра Кабанова «Аблака под землёй» (2007) — «симпатические стихи». В XI веке один арабский врач дал такое определение меланхолии: «Думать о вопросах, о которых лучше не думать, и прозревать вещи, которых вовсе не существует». По-моему, это имеет отношение и к «симпатическим стихам», которые, как и симпатические чернила, проявляются при определенных условиях, при внешнем воздействии (чудесным образом — на листе бумаге, к которому снизу осторожно поднесли пламя). Они возникают в неких мерцающих контурах, которые имеют отношение к другим средам, параллельным мирам, вероятно — к сновидениям.

По саранче — сбегает вошь, июнь лежит ногами к маю:
убью тебя, тогда — поймешь, убей меня — не понимаю,
я — сон сплошной, бессвязный крик, и явь — перед грядущей битвой,
с горы спустившийся старик — худой, сутулый и небритый,
я — милосердия редут, и весь — шипованная бутса:
для тех, которые — уйдут, и тех, которые — вернуться.
(«Я — сон, который снится вам в стране, войною опалимой»)

Последнее предположение выглядит наиболее уместным, поскольку за среды отвечают химия с физикой, за параллельные миры — космическое агентство NASA, спиритизм и оба Завета. Что же касается сновидений, то к моменту написания этого эссе уже издана масса академических трудов и аналитических работ, в которых утверждается идея о том, что онирический¹ дискурс, как способ повествования, является отличительной, если не главной чертой постмодернизма (предположительно, он постмодернизм в немалой степени и представляет), который не умер и продолжает существовать, назови его сегодня хоть прото-, хоть метамодернизмом.² Хоть фьюжн-эстетикой.

¹ Онирический — от фр. *onirisme*, от др.-греч. *ὄνειρος* «сновидение».

² « <...> метамодернизм раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведом-

Как особое состояние сознания, полагают ряд исследователей, это влечёт за собой прерывность текста и языковую игру, которые являются ключевыми характеристиками постмодерна. Философ-постструктуралист Жан Лиотар, определивший постмодернизм как кризис великих проектов (кризис метанарративов), описывал его как специфическую ситуацию, обусловленную и существованием общества, и жизнью культуры.

В данном случае, мы не фокусируемся на онирическом мотиве в литературе как на исключительно сновидческом. Проникновения в другие реальности (почти в соответствии с известным замечанием Станислава Ежи Леца: «В действительности всё совсем иначе, чем на самом деле»), могут осуществляться не только в форме сновидения, но и метафорического видения, утопии, антиутопии, грёзы, бреда, галлюцинации, опьянения, иллюзии, медиумического транса, воспоминания, исступления, вдохновения и т.д. При этом тексты зачастую выстраиваются автором по принципу намеренного неразличения пограничных состояний сознания.

Поэт, захваченный игрою,
вышёптывает стихи:
— Зачем, с кашеевой иглою,
ты на огонь летишь?
(«Где случай нас подстерегает»)

В русской поэзии подобные пограничные тексты — не столько от символистов, сколько привет от обэриутов. Их легко обнаружить по взрывной смеси из аллюзий, неологизмов, густой метафорики и тропов, центонов, квази-цитат на грани абсурда, сюрреалистического фасеточного зрения при сохранении принципов сюжетности и повествовательности, игр не только эстетических, но и этических (с выраженной брутальностью, наряду с очевидной незащищённостью и ранимостью автора и его героя), сарказма с иронией, инфернальности и в то же время некоей юродствующей святости...

Сегодняшний мир трагедии алогичен, фиктивен в эпоху «постправды», иллюзорен, предлагая выход геймера из онлайн событий в двухмерный Мордор, в многочисленные фейки-миражи, которые расширяются по закону термодинамики в социуме, политике, пропаганде, медийном пространстве, в быту. В настоящем, которое управляет нашим прошлым и в состоянии лишить будущего.

Остаётся только услышать/найти поэта, который всеми своими нарративами осознаёт и расширявает известную максимуму

лённостью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью». Тимотеус Вермюлен, Робин ван ден Аккер. Эссе «Заметки о метамодернизме», 2010 год.

URL <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>

Л. Витгенштейна: «Смысл Мира должен лежать за его пределами. В Мире всё есть как есть и происходит как происходит; внутри него не существует никакой ценности <...> Ибо всё происходящее и так-сущее — случайны»¹.

У такого поэта должно быть достаточно описательного и интуитивно-чувственного аппарата для фиксации актуальных реалий, существующих по правилам, скорей, изменённого, переформатированного разума. Вероятно, это разум сновидящего, когда в разных местах могут происходить одни и те же события одновременно, стрелка «часов Судного дня» почти упирается в Катастрофу, а расстояние между двумя целями по прямой не преодолеть.

В этом плане, фьюжн-поэт — поэт Универсума, предлагающий универсальные смыслы по ту и эту стороны добра и зла, парадоксально способный подбирать слова в единственно верном множественном значении, и забрасывающий своё шестое чувство из семи-восьми, как леску во время рыбной ловли, подальше от мира материального. Ведь в нём Бог (и это вызывает всё меньше сомнений) сегодня во время ланча не то, чтобы умер, а погиб от пули, был убит.

Смешались капли и рабы — дождя небесные помои,
и по земле гребут грибы на остроносых вёслах хвои,
в червивых шляпках парусов они тоскуют по безвишу,
без лифчиков и без трусов, а ветер поддувает снизу.

А дальний хутор нёс пургу, соседствуя с погодой летней,
коровьи нимбы на лугу сияли в изумрудах слепней,
гусей шиповник у пруда, оракул в черных аквалангах,
и проступали здесь года, как перстни эзков на фалангах.

(«Был ангел, посланный добром на дальний хутор по феншую»)

«У Кабанова красота — явно не искусственная, однозначная, — он её видел. Только где? В каких местах? Где такая реальность существует?» — задаётся вопросами писатель В. Пимонов². Если говорить о местах литературно-ягодных, то ходить за ответами не близко: это магический реализм Маркеса и сюрреализм Кафки, постмодернизм Саши Соколова и сомнамбулизм юродствующего Венечки Ерофеева, акмеистическая зоркость Мандельштама и инсайт раннего Бродского, абсурдизм обэриутов и Беккета, эпатажный нонконформизм Бориса Виана и экзистенциализм Андрея Платонова.

---

¹ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М.: Из-во «АСТ, Neoclassic», 2020.

² В. Пимонов. Библиейские мотивы Александра Кабанова, или «После прочтения жечь». Литература, 20 июня 2020.

URL <https://litteratura.org/criticism/3875-vladimir-pimonov-bibleyskie-motivy-aleksandra-kabanova-ili-posle-prochteniya-szhech.html>

Это поэтика, в галактических массах которой сосуществуют реальность и условность, ирония и траги-фарс бытия, мистика и метафизика, четырех-пятимерные пространства, взгляд из которых находит всё, что с нами и вокруг нас, в гротескных формах, в вывернутых наизнанку модальностях и непредставимых, пока не изученных, но осваиваемых поэзий, коммуникативных связях.

Как жаль, что мой стаканчик одноразов,
как правильно, что женщина — чиста:
под мышками — невыбритый некрасов,
кудрявый пушкин — ниже живота.

Я помню днепр, впадающий в элладу
и всех живых от перемены мест,
но александр блок воскрес в блокаду
и нес перед собой съедобный крест.
(«Опять тарелки перестали биться»)

Онейросфера и есть пространство словесности. То или иное событие, из самых непредставимых и невероятных, здесь способно произойти. А пребывание странного героя в более чем странных обстоятельствах формирует конструкцию художественного мира, в котором фантомом и симулякром становится любое явление земной, реальной для обывателей Ойкумены, и её феномены.

Пребывание в таком трансоподобном состоянии, в состоянии «как бы во сне» позволяет не только извне взглянуть на жизнь и судьбу, на быт и подвиги сейчас и в перспективе, но и представлять обстоятельства жизни, как условия загадки, которая нерешаема в рамках существующих и принятых словесных, идеологических и поведенческих клише.

Здесь решается еще и задача стирания границ между изящной словесностью и откровением — примеров тому в текстах Кабанова едва ли не в каждой строке. Возьму навскидку, по принципу случайности, из разных поэтических подборок в периодике:

«Видишь — месяц вышел и зашёл за ум», «фонтан на площади худел / и превратился в богомола — / в министра иностранных дел», «как страшный холм и печень черная, / вратарь, забивший все мячи», «облака на экране смартфона, / а под ними — слезинки дождя», «Давинчи — виноград, вишнёвый чех де сада», «И берег спит и ждёт прилива, / поджав колени к животу», «Простор надраен и вельботен, / и умещается в горсти. /И ты свободен. Так свободен, / что некому сказать: «Прости...», «сиди себе и смотри, качаясь в кресле-кача, / на этот сад изнутри, где вишню ест алыча», «Зима наступала на пятки земли, / как тень от слепца в кинозале, / и вышла на лёд, и тогда корабли — / до мачты насквозь промерзали», «Скрылась луна в серебряном шлеме мотоциклиста», «Где окуни — во мгле, у речки над порогом, / придумали меня и отпустили с Богом — / на вольные слова», «Накренься, дребезжит подстаканник окна», «... где ещё теплится книга — имени автора без, /

скачет идалго в индиго, с лезвием наперерез, / где, от беды холодея, ртом лошадиным дрожа, / редкая, как орхидея, к нам возвратилась душа», «Вот и яблоки падают в небо, /и не могут уснуть аблака», «Лая белая собачка, пива тёмный человек», «У меня иные принципы и квоты, / я — по внутренностям памяти — оракул, / хорькопланы, дельтаскунсы, бобролёты, / этот почерк называется — каракуль»

Перенасыщенный метафорами «поэтический взгляд» — за-предельный, фантастический, магический, не от мира сего. Исследователь онирической мотифемы в творчестве М. Булгакова, А. Смелянский выделяет следующие качества поэтической странности и патологии такого поэтического дара, очевидного — и вне представимых реалий: «Сон — это блаженная, желанная, чаемая норма, возможность «переиграть жизнь», изменить её катастрофический ход (курсив мой — Г.К.). Сон — это выявление сокрытых и подавленных стремлений, осуществление мечты о мире и покое, которые никак не складываются наяву. Сон, наконец, это вечное кружение вокруг больной точки...»¹.

При устрашающей кучности, густоте попадания, как на кожу при нанесении татуировки, «больных точек», образуется чёрное расплзающееся пятно/поле — и вообразить его координаты, оценить его летальную энергию, хрестоматийно, в конце концов, его перейти и таким образом описать — похоже, необходим сторонний антимир, существующий по законам бреда, сновидения, карнавала. Вместе с этим антимиром проявляются в литературе и необычные стороны языка, как последствия синтеза шутовства и стихии трагедии; при, как отметил культуролог М. Эпштейн по отношению к качеству прозы «Москва — Петушки», всеобщем «обаянии энтропии».

Говорят, что смерть — боится щекотки,
потому и прячет свои костлявые пятки:
то в смешные шлёпанцы и колготки,
то в мои ошибки и печатки.

Нет, не все поэты — пиздострадальцы, —
думал я, забираясь к смерти под одеяльце:
эх, защекочу, пока не сыграет в ящик,
отомщу за всех под луной скорбящих —
у меня ведь такие длиинные пальцы,
охуенно длинные и нежные пальцы!

Но, когда я увидел, что бедра её — медовы,
грудь — подобна мускатным холмам Кордовы,
отключил мобильник, поспешно задёрнул шторы,
засадил я смерти — по самые помидоры.

---

¹ А. Смелянский. Полет в осенней мгле. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., 1989. С. 174.

...Где-то на Ukraine, у вишнёвом садочку —
понесла она от меня сына и дочку,
в колыбельных вёдрах, через народы,
через фрукты-овощи, через соки-воды...
Говорят, что осенью — Лета впадает в Припять,
там открыт сельмаг, предлагая поесть и выпить,
и торгуют в нём — не жида, ни хохлы, не йети,
не кацапы, не зомби, а светловолосые дети:

у девчонки — самые длинные в мире пальцы,
у мальчишки — самые крепкие в мире яйца,
вместо сдачи, они повторяют одну и ту же фразу:
(«Смерти — нет, смерти — нет,
наша мама ушла на базу...»)

В конце этого стихотворения (сочинённого в 2011 году) — одного из самых проникновенных, лирически-интимных в современной поэзии — автор не столько заговаривает ужас, фатум («смерти — нет, смерти — нет»), сколько прописывает мировоззренческую загадку. Мне, читателю, будто фольклорному всаднику на распутье, даны в тексте три вектора, отправившись по любому из которых, ничего хорошего не найдёшь: если смерти нет, то какая, к чертям, база (торговая? военная? база данных?); смерти нет, но только в эту минуту, ибо она ненадолго отлучилась; смерть ушла на базу, вернётся, а значит — она есть всё равно.

Дурная гегелевская бесконечность зеркальных бликов-ответов, реплика детскими голосами из кошмарного сна, в котором любое определение, всякая определённая не выдерживает проверку логикой и временем. Так же, словно в сомнамбулическом состоянии, отвечает в «Дне опричника» В. Сорокина провидица на вопрос, что же будет с Россией. Ответ: «Будет ничего». В этом меланхолической фразе — двойное истолкование: либо «будет ничего», в смысле «так себе», как-то более-менее всё разрешится; либо будет такое впереди чудище обло, озорно, огромно, стозевно, что хоть лаяй, хоть сразу в петлю лезь — ничего не будет вообще.

Многозначность, расфокусированность, расплывчатость — признаки сна разума, ино-видения. Однако, если такая 3-D реальность точных ответов не даёт и разум не успокаивает, не означает ли это, что решение — в самих вопросах, по типу дзэнских коанов? И дело даже не в том, как эти вопросы сформулировать, а в том, что для них нужны качественно иные фразы-конструкты, удалённая фаустовская дистанция и термоядерный строф-о-синтез при новых синтаксических скоростях, сплавах, фьюжн-сплющиваниях.

Земной арбуз нарезан скибками,
хвала — врачу и толмачу:
когда я не пишу с ошибками,
то я, с ошибками, молчу.

Так вот, ценой арбуза спелого,
я вижу — чёрное вдали,
а раньше видел только — белое:
родной, прекрасный край земли.

Там снег отпущен одинаковый,
прикосновенный, как запас,
нас предал яблочный и маковый,
но от врагов — медовый спас.

(«Аквариум торгует рыбками»)

Александр Кабанов родился в Херсоне, много лет назад переехал в Киев. После 24 февраля 2022 года в городе периодически звучат сирены воздушной тревоги и по нему целят крылатыми ракетами ВС РФ, — что не мешает фьюжн-поэзии Кабанова сохранять свою высокоточную оптику и актуальность высокой гражданственности в военное время.

Нас кто-то отловил и запер,
прошла мечта, осталась мрѣя,
и этот плотник нынче — снайпер,
и с ним жена его — Мария.

(«Война предпочитает гречку...»)

Шум времени его поэтике соответствует, и она способна его по-своему трактовать. Как по другому поводу написала прозаик и публицист Александра Свиридова: «Шум обживался в ушах, как галлюцинация»¹. Но не галлюцинации ли это, когда российские солдаты прорываются к Киеву, российские снаряды уничтожают Харьков и Херсон, а украинцы защищают свои земли от русских «братьев-славян» и с радостью встречают на украинской земле немецкие танки «Леопарды»?

Новый день с войной подружится, даже смерть уйдет в запас,
и на свадьбе обнаружится — это вы убили нас,
вы, двоюродные братия, пригласив встречать рассвет —
заклучили нас в объятия и сломали нам хребет.
Расоптали угощения, весь изгадили прием,
и теперь, мы — дети мщениа, мы, и под землей, найдем.

(«Я сжимаю в троеперстии круглый ползунок луны»)

Не бред ли это, когда нынешний «кремлёвский мечтатель» заявляет одновременно о пяти-шести поводах для нападения на соседнее суверенное государство, но не называет это войной, а его министр иностранных дел убеждён, что РФ ни с кем не воюет

---

¹ А. Свиридова. Проще в роще. Фанг-шен. Журнал «Звезда», №1, 2023.

и вообще никогда ни на кого не нападала. В каком формате должны быть, в таком случае, написаны тексты, чтобы описать эту бевовщину? Какие образы и слова подобрать, чтобы они соответствовали такому ирреальному настоящему, которое стало всепланетной болью?

В такой степи не звякнет колокольчик, дырявый напросвет,
спой, медсестра, еще один укольчик о том, что боли нет,
о том, что утро пахнет стекловатой, водой с воловьих кож,
на принтере меня перепечатай, на ксероксе размножь.

(«В такой степи»)

Кровавый фарс, в котором руководитель ядерной державы — параноидальный трикстер, балаганный дед-Кащей, смерть которого и в его игле, на которой он сидит десятилетиями, и в языке, принадлежащем жаргону питерской подворотни. Исторические решения, принимаемые под воздействием ресентимента, ведут к собственному уничтожению — как это можно рационально объяснить в реальном мире, где все ещё два умноженное на два равно четырём? Однако, описать это, придать этому убедительность не публицистической статьи, а поэтического текста — способен взгляд извне, в соответствующей происходящему, вывернутой наизнанку действительности. И здесь в дело идёт все: от притчевости бреда, фольклорной интонации (плюс слэнг и современные фразеологизмы), алогичности (псевдо)народного сказа до уничтожения гравитации, границ и иерархий.

Кто заключил себя в бетонный кокон,
установил на истину кашрут,
я к ним открою миллионы окон,
я соглашусь: пусть римляне умрут.
Пусть сдохнут все: с рогами и без рожек,
сгорит в аду имперская семья,
убей — плохих, а я убью — хороших,
и самым первым — я убью себя.

(«Когда я сплю — я прижимаюсь к слову»)

Тогда и возникают, в масштабе письма, как истолкование, так и узнавание. Поскольку, если перейти на академический язык, «предикат онирической мотивемы — пребывание в другой реальности. Топос — чужое и чуждое, незнакомое, пространство, наполненное знаками, требующими истолкования. Хронос — прерывистое и растяжимое время»¹.

---

¹ М. Панкратова. Проблема взаимодействия онирической мотивемы и постмодернистского логоцентризма. URL <https://online-science.ru/userfiles/file/awb0qg5hfmlh40gpls0hz2369yfquozh.pdf>

А всё вместе — фьюжн-поэзия. В ней всё равно всему, препарируется и рассматривается под самыми разными углами. И нет, быть не может, по теореме Гёделя, единой формулы, которая описывала бы Вселенную, определяла бы параметры счастья и пределы людских страданий. Как определил в одном из своих кратких стихотворений Михаил Гронас: «Написать исчезающим пальцем: / Существование — чрезмерно» (Из текста «Ходить ходить выхаживать»).

Собственно говоря, поэзия — это всегда что-то особое и умышленное, начиная с того, что наша обыденная речь метрически не структурирована, в рифму мы не говорим и не общаемся, а, как и в верлибре, усеченной строкой не пишем.

Оставь меня в саду на берегу колодца,
за пазухой Господней, в лебеде..
Где жётся рукопись, где яростно живётся
на Хлебникове и воде.
(«Напой мне, Родина, дамасскими губами»)

Из современных поэтов, мало у кого эта родовая условность, искусственность поэтического высказывания заключена в общий контекст эпического события — в пределах, как ни покажется странным, небольших лирических текстов. Этот эффект у Кабанова проявляется, среди прочего, за счёт модернистского наслоения цитат и имён, смешивания истории с географией, своеобразного прочтения классических тем и сюжетов. Читателя погружают в вариант палимпсеста, череду неологизмов, всеохватную бездну метафоры и присущей эпосу отстраненности при неизменных иронии и едком юморе. Единство и борьба личного участия и космической безучастности — ощущение при прочтении текстов Кабанова того, что ты во всё это оказался вовлечён, не покидает.

Уже видна в прицел — эпоха мщения,
народных приговоров без суда:
виновны — все, но только мне — прощения
за вас за всех — не будет никогда.
(«Как человек большого срока годности»)

При этом субъект поэзии Александра Кабанова проходит еще и разные, от текста к тексту, от его книги к книге инициации. Со всей присущей этому делу обрядовостью в текстовом поле. И с целью определения сакрального смысла того, что мы, собственно, наблюдаем сегодня в потоке новостей, в телерепортажах и на стриминг-каналах: жертвоприношение, массовые казни и общие могилы, отлучение героя от родины, от родителей (вспомним Венедикта Ерофеева с его знаковым «в чреве мачехи»), в состоянии изоляции и

множественных, с опасностью для жизни, испытаний. В калейдоскопичности и трудно переносимой пестроте реальности, ускользающей в постмодернистском (изменённом) сознании.

Кто-то спутал берега,
как прогнившие мотузки:
изучай язык врага —
научись молчать по-русски.
(«Снилось мне, что я умру»)

Понятно, что всё это приобретает особое значение для поэта, проживающего сегодня в стране, на которую напали варвары; в городе под бомбежками днём и ночью; в постоянном стрессе и переживаниях не только за свою жизнь, но и за судьбы близких людей и дальних.

Под этим спудом Кабанов находится давно. Цикл «Русско-украинская война» был провидчески создан еще в 2011–2012 годах, как некое недоброе предчувствие и дистопия. В 2017 году выходит сборник «На языке врага», а с февраля 2022 года, когда стало понятно, что отвести беду и заговорить её текстами не удалось, поэзия Кабанова строго определяет его судьбу в той же мере, в какой его судьба определяет его поэзию. Как было сказано не мной: «Кабанов-поэт — человек, сочиняющий стихи, сочиняющие поэта Кабанова»¹.

Когда я проснусь в обескровленном теле,
исполненный, всех примиряющей, силы,
и ты мне напомнишь: грачи прилетели,
а мы их — не звали, а нас — не спросили.
(«Ты помнишь картину — грачи прилетели»)

Поэт, писатель, публицист, культуролог Дмитрий Быков в одной из видеозаписей, говоря об исключительности, уникальности Кабанова, отмечает неровность его поэтики. Положа руку на сердце, нелегко вообще назвать «ровных» поэтов: тот же Быков неоднократно говорил, что из всего корпуса стихотворных текстов И. Бродского, выдающихся — не больше двадцати. Но ведь по выдающимся поэтам и судят, и вписывают по творческим достижениям его имя в поэтический канон.

В марте 2022 года, во время нью-йоркского благотворительно-го поэтического вечера в поддержку поэтов Украины, мы с поэтом Бахытом Кенжеевым заговорили о стихотворениях Кабанова. Бахыт, поддерживавший Кабанова с той поры, когда Александр ещё только

---

¹ Евгений Минин. Александр Кабанов. Весь. Феличитабельный Кабанов. Журнал «Знамя» №3, 2009.

URL <https://znamlit.ru/publication.php?id=3868>

пришёл в литературу, и принимавший посильное участие в его поэтической судьбе, заметил: «Кабанов — поэт огромного поэтического дара. У него есть гениальные прозрения».

Боже, замысел твой провисает,
как белье на веревках судьбы,
кто сказал, что культура спасает,
нет, она производит гробы.

(«Воскресенье, давно поутихли»)

По моим ощущениям, эти прозрения в текстах Кабанова — еще и от масштаба поставленных им задач. Если определить одним предложением, то я бы взял цитату из повести А. Платонова «Эфирный тракт», где речь идет о стремлении героя «свернуть скулу... подлой жизни». Просто так об этом не написать — и у Кабанова получается написать об этом пронзительно и не просто. В наши смешанно-помешанные дни всеохватного фьюжн, без этих уверовавших в победу света и добра стихотворений уже невозможно представить общий накопленный поколениями поэтический опыт: украинско-русской¹ поэзии времен до и во время русско-украинской войны.

Чудесный сад разбил всевышний,
да слишком много в нем земли:
большие персики и вишни —
сквозь нас навечно проросли.
Корнями не задев осколка,
не тронув пулю в животе,
у незнакомого поселка,
на безымянной высоте.

(«Приходит время пьяных вишен»)

---

¹ Александр Кабанов — большой русский поэт и ведущий поэт Украины, пишущий по-русски. В этом эссе не рассматривается важная и широкая тема украинской поэзии, написанной по-украински. По мнению немецкого поэта Макса Чоллека, «поэты в Украине имеют “звездный” статус». Рейтинг самых известных современных украинских писателей возглавляет поэт Лина Костенко (с показателем узнаваемости в 42%, в списке поэтов за ней идут Юрий Андрухович или Сергей Жадан: кстати, Жадан переводил Кабанова на украинский язык — Г.К.), после нее с существенным разрывом — авторы массовых романов Ирэна Карпа (15%) и приключенческой литературы Василий Шкляр (12%). 5 из 18 наиболее известных современных писателей являются также известными поэтами (27,7% от всего числа узнаваемых авторов)». В сборнике «Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика», из-во Peter Lang, Германия, стр. 310. Статья: Анна Гаврилюк. Формы субъектности в современной украинской гражданской поэзии.

Ирина КАРПИНОС

/ Киев /

* * *

Какая к лешему любовь,
коль всё убийственно и ложно,
зачем твержу я вновь и вновь:
как ты была неосторожна,

как ты была глупа, смешна,
на чёрта босиком по снегу?
Всё тише музыка слышна
сквозь барабанный бой побега.

Куда бежишь, кого зовёшь,
в толпе не различая лица?
И жадно гиблый воздух пьешь
балтийской северной столицы.

Да был ли мальчик-то? И вот
вся жизнь — как белый лист бумаги,
потоп библейский у ворот,
и чудится ковчег в овраге,

и тридцать три богатыря
уже стоят на дальнем берегу.
Забудь ожоги января
и сны о петербургском снеге...

Там будет солнце и песок,
и к чёрту русскую рулетку!
Но свищет ветер сквозь висок —
и падает ребром монетка...

24.01.2016

* * *

Я всё на свете делала не так:
летела не туда, не тех любила,
от всех трудов лишь с дырочкой пятак
остался — больше я не накопила.

Без дома, без людей, в чужом краю,
под Новый год темно и мир разрушен,
жизнь снова оказалась на краю,
и вечный sos: спасите наши души!

Загадывать опасно в эту ночь,
желания сбываются коварно:
и чёрта в ступе можно приволочь,
и оборотня с площади базарной,

и всё-таки какой соблазн — желать,
под яркий блеск шаров, под звон полночный,
и как сомнамбула идти гулять
по облакам, земной не чуя почвы...

Потом настанет утро, и война
пойдёт на убыль, захлебнувшись горем.
А что с любовью? А любовь — без дна,
она неисчерпаема, как море.

Под Новый год в слезах моё лицо,
и всё опять размыто в Книге судеб...
Ну, дайте верхний свет, в конце концов!
Днепр возле Лавры, как и прежде, чуден.

31.12.2022

* * *

У неё были лёгкие ноги и длинные пальцы
и глаза цвета хмурого неба и бурного моря,
и она примеряла давно участь горе-скитальцев,
но не знала, что будет ещё настоящее горе...

Она очень любила дожди и вообще непогоду,
и гуляла всегда налегке, и смеялась, и пела,
презирала все правила мира, плевала на моду
и, ни с кем не считаясь, жила, как могла, как умела...

И летели эпохи, и мир угорал в лихорадке,
эпидемии, войны, развалы прогнивших империй,
а она всё писала стихи в довоенной тетрадке
о какой-то любви, о каких-то надежде и вере...

Разбежались избранники в разные стороны света
и по разным окопам воюющих вновь территорий,
там, где раньше жила она, люди остались без света
и поведали миру тома леденящих историй...

И летели ракеты, в домах убивали соседей,
и душа её больше не пела, душа её выла,
а в дремучем краю очумевших от крови медведей
снова шли убивать всё, что будет, что есть и что было...

Так зачем эти звуки, зачем эти лютни, гитары?
Время требует только военные лютые песни.
Но звучит, прерываясь, мотивчик печальный и старый
о любви-голодранке, что даже из пепла воскреснет.

15.01.2023

* * *

Будет апрель, только платья из ситца
дома остались, не будут носиться.
Платья — зачем в чужеземном краю?
Рядом гитара, но я не пою.

В горле слова о любви застревают,
их бы пропеть, но кому — я не знаю...
Некому плакать и некого звать,
круг на zero повернулся опять.

Время разлук раскурочило душу,
некого встретить и некого слушать,
дни беспросветны и ночи черны
у беспощадной старухи войны.

Что моя жизнь перед этой бедою?
Я ничего, как былинка, не стою,
в ночь перед казнью стою на мосту,
лист прошлогодний ловлю на лету...

Будет апрель, зацветёт что попало,
солнце взойдёт — только этого мало...
Господи, как не хватает любви!
Всё остальное, лови — не лови:

бренно, уныло, ничтожно, случайно...
Sos, не хватает любви чрезвычайной!
Шторм, ураган — было всё по плечу.
А без неё — не могу, не хочу...

16.01.2023

* * *

Речь чужая вокруг, вавилонское гиблое море,
я не знаю, кто близкий, и сколько мне минуло лет,
утопает Отчизна в потоках военного горя,
только огненный стелется, яростно огненный свет...

И не знает никто, сколько зим предстоит этой бойне,
в лучшем городе мира совсем обесточена жизнь,
мне не страшно давно, только больно, чудовищно больно,
и совсем обесцвечено тусклое слово «держись».

Человек человеку — как Авелю выросший Каин,
убивают слова и ракеты, и снова слова,
это кровь — не вино в одиноко стоящем стакане,
что остался в квартире, где тень от убитых жива...

Где-то там, далеко, существуют обычные люди,
ходят в гости, снимают застолья, внимание: чиз!
Им уже наплевать, что там в Киеве, Харькове будет
и в какой ещё дом прилетит смертоносный сюрприз.

Нас разбила война на осколки дрейфующей льдины,
мы не встретимся больше ни в этом, ни в лучших мирах,
это раньше все были вокруг человекоедины,
а теперь только эхо осталось в далёких горах...

Вот уже целый год не летают, как прежде, пилоты,
и у детского сада разбился с утра вертолёт.
Мы теперь в языках расставанья почти полиглоты,
говори, говори, не молчи же! Все живы? — Алё!

19.01.2023

Ефим ГОФМАН

/ Киев /

ВИКТОР НЕКРАСОВ И БУЛАТ ОКУДЖАВА, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДРУЖБЕ, ТВОРЧЕСТВЕ, И — КОНСТРУКТИВНОЙ ДИПЛОМАТИЧНОСТИ

1

Виктор Платонович Некрасов был личностью, в чьей судьбе — на буквальном уровне — реализовалась одна из выразительнейших метафор Окуджавы: *«Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открыта»*.

На протяжении десятилетий Виктор Некрасов жил именно по такому принципу (причем, складывалось это совершенно естественно, без какой-либо нарочитой установки). Киевский дом Виктора Платоновича вплоть до первой половины 70-х (того времени, когда писателю пришлось уехать из страны) существовал в режиме открытых дверей. И со всеми, кто в него входил, Некрасов — так уж поразительно устроен был этот человек! — общался абсолютно на равных.

Незаурядность личности Виктора Некрасова проявлялась не только в подлинном писательском даровании, но и — в предельной открытости всему значительному и живому, что было в культурной жизни его эпохи. Соответственно, мимо феномена Булата Окуджавы Некрасов пройти не мог. Учтём, конечно же, что подобный интерес и внимание в данном случае носили взаимный характер.

Не удивительно, что ещё в первой половине 60-х установилось у Некрасова с Окуджавой личное общение. Человеком, представившим их друг другу, был литературный критик Лазарь Лазарев¹, но — вполне могли бы оказаться на его месте другие представители тогдашней творческой среды, которых хорошо знали оба замеча-

---

¹ См.: Лазарев Лазарь. Из огня... / О Викторе Некрасове. Воспоминания // Сост. М.Н. Пархомов. — К.: Укр. Письменник, 1992. С. 177.

тельных мастера: Марлен Хуциев и Юрий Любимов, Владимир Войнович и Владимир Корнилов, Раиса Орлова и Лев Копелев (подобный список может быть продолжен множеством известных имён).

«С Викой Некрасовым мы были друзьями. Ну, может, не закадычными, но я его очень любил и ценил», — так писал Булат Окуджава в короткой новелле «Вика» из цикла «Автобиографические анекдоты», вышедшего в свет в начале 1997-го, — «Мы познакомились давно, но встречались редко — когда он выбирался в Москву из своего Киева»...

Сам Окуджава, насколько нам известно на сегодняшний день, в 60-е — начале 70-х в Киев не приезжал. Оговорим, впрочем, что Некрасов с Окуджавой общались не только в Москве. Подтверждением этого является открытка Виктора Платоновича, датированная 15-м января 1965 года и посланная киевскому другу, писателю Михаилу Пархомову из дома творчества в Дубултах: «всё очень хорошо. Народу мало — 25 человек. <...> Из знакомых — Окуджава»¹.

Известно также, что Окуджава был в числе приходивших прощаться с Виктором Платоновичем, когда он приезжал в августе 1974 года в Москву — перед тем, как покинуть Советский Союз...

Значительно больше сведений у нас о том, как Некрасов общался с Окуджавой в эмигрантские годы своей жизни. Всё началось с нетривиального события, произошедшего в октябре 1977-го. Вот как рассказывает о нём сам Виктор Платонович в своей книге «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» (вышедшей в свет несколько позже, в 1983-м году):

«Приехала как-то в Париж группа советских поэтов. Человек пятнадцать, не меньше. Во главе с поседевшим, обрюзгшим, потраченным молью Симоновым. Всех не припомню, но были там Роберт Рождественский, Евтушенко, наш украинец Коротич, Олжас Сулейменов, Булат Окуджава <...> Я сел во втором ряду. В первом сидели товарищи из посольства. <...> В перерыве все пятнадцать скрылись за кулисами. Только один соскочил с эстрады и решительно направился ко мне. Мы обнялись и расцеловались. Не виделись лет шесть, а может, и больше. Всё это происходило на виду у всех. И товарищей из посольства в том числе. Человеком этим был... Ну, *догадайтесь сами* (здесь и далее в цитатах курсив мой — Е.Г.)».

Эlegantная фигура умолчания здесь не случайна. Подставлять друга, жившего по ту сторону *железного занавеса*, Некрасов не считал для себя возможным.

---

¹ Письма В.П. Некрасова М.Н. Пархомову представлены на сайте памяти Виктора Некрасова: <https://nekrassov-viktor.com/Letters/Nekrasov-Letters-Parhomov/>

А вот как характеризует эту же ситуацию Окуджава в своей новелле:

«Конечно, не храбрость вдохновила меня, но какая-то тайная сила толкнула к ступенькам, я сбегал в зал и кинулся к нему (Некрасову — Е. Г.). <...> Дух захватило. Всё, подумал я, теперь никуда не выпустят! <...> Ну и ладно... и чёрт с ними!»...

Тем не менее, упомянутый случай не повлёл за собой каких-либо нежелательных последствий. Окуджаву продолжали выпускать на Запад — и с Некрасовым он, бывая за границей, встречался не раз. Причём, не только в Париже, но и в Швейцарии (куда они с Виктором Платоновичем ездили в июле 1982-го года). Не только в кругу некрасовской семьи, но и в ситуациях домашних концертов, которые давал Окуджава: в Париже — у Ниссенов (приятелей Некрасова, эмигрантов «первой волны»); в Женеве — у Тенце (семейства, с которым также Некрасов дружил).

Обстоятельства эти достаточно подробно освещены в книге воспоминаний пасынка Некрасова, Виктора Кондырева «Всё на свете, кроме шила и гвоздя». Многие любопытные детали подобных встреч дошли до нас также благодаря фотографиям, тщательно собранным и размещённым на сайте памяти Виктора Некрасова¹. В объектив попадали в этих случаях не только сами Некрасов с Окуджавой, но и многие их общие знакомые, знаменитости «третьей волны» эмиграции (с которыми Окуджава, к его чести, фотографироваться не боялся): на снимках 1978–79 гг. — Галина Вишневская и Мстислав Ростропович (немало времени, несмотря на напряжённый график гастрольных поездок, проводившие в Париже, где у них была квартира), Наталья Горбаневская и Владимир Максимов (Некрасов тогда ещё был сотрудником «Континента» и, соответственно, общался с ними), Анатолий Гладилин (с которым Виктор Платонович в парижские годы своей жизни очень сдружился); на снимках 1981–82 гг. — упоминавшиеся выше Копелев и Войнович (уже жившие на Западе).

Последний раз виделся Окуджава с Некрасовым в 1987-м, и позднее, в уже цитировавшейся выше автобиографической новелле, вспоминал об этом так:

«Вновь то же кафе и щёлкающий официант. Вика был после больницы. Осунувшийся, грустный, и разговор у нас был какой-то странный, без прежнего огонька. Через месяц, уже в Москве, я получил от него очередное письмо с вложенной в конверт нашей последней фотографией. Грустная. Лица у нас почему-то зеленоватые на синем фоне. Я уставился на неё и не мог оторваться. Зазвонил телефон. Так, разглядывая её, я взял трубку. Звонила приятельница из Парижа. Она сообщила, что Виктор Некрасов сегодня скончался»...

¹ <https://nekrassov-viktor.com/Poetry/Okudzhava/>

Не случайны здесь, у Окуджавы, слова: «то же кафе». Имелся в виду в данном случае вполне конкретный «Монпарнас», где они с Виктором Платоновичем нередко сживали. Не удивительно, что и в заключительной строфе стихов Окуджавы, написанных, когда Некрасова уже не было в живых, возникает образ этого же места, и тех же самых встреч с другом-писателем:

Париж для того, чтоб, забыв хоть на час
борения крови и классов,
войти мимоходом в кафе «Монпарнас»,
где ждёт меня Вика Некрасов.

Припомним и небольшое стихотворение, посвящённое Некрасову, которое Окуджава сочинил ещё при жизни Виктора Платоновича и подарил ему (с припиской: «Остальное придумается потом, потому что стихи, суки, не пишутся. Обнимаю тебя. Всем мои поцелуи. Булат»¹):

Мы стоим с тобой в обнимку возле Сены,
как статисты в глубине парижской сцены,
очень скромно, натурально, без прикрас...
Что-то вечное проходит мимо нас.

Расстаёмся мы где надо и не надо —
на вокзалах и в окопах Сталинграда
на минутку и на веки, и не раз...
Что-то вечное проходит мимо нас.

2

«Мне и вправду кажется, что некрасовская проза — очерки, зарисовки и рассказы — по плавности и изяществу напоминают стиль прозы и даже песен Окуджавы»², — это наблюдение, которым делится Виктор Кондырев в своей, уже упоминавшейся выше, мемуарной книге, представляется предельно точным. Причём, заметим, что моменты близости в творчестве двух крупных мастеров, на наш взгляд, не исчерпываются сходством тем или иных стилистических черт. Они проявляются и на уровне существенных особенностей мировосприятия.

Начнём с того, что лежит на поверхности. И для Некрасова, и для Окуджавы одной из важнейших тем была *война* (которую, как всем известно, прошли они оба). Ничуть не удивительно, что писа-

---

¹ См.: Кондырев В.Л. Всё на свете, кроме шила и гвоздя: Воспоминания о Викторе Платоновиче Некрасове. Киев — Париж. 1972–87 гг. / М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 139.

² Там же. Стр. 140.

тельский путь Некрасова начался с прославленного «В окопах Сталинграда». Но и дебютом Окуджавы-прозаика также стала повесть о войне — «Будь здоров, школяр!».

«Второй раз я плачу сейчас здесь, в моздокской степи. Я несу командиру полка очень ответственный пакет. Черт его знает, где он, этот командир полка! Песчаные холмы похожи один на другой. Ночь. А я второй день на передовой. А за невыполнение задания — расстрел»... Даже в подобной интонации первой прозы Окуджавы, выглядящей непринуждённым, безыскусным разговором от первого лица и в настоящем времени, ощутимо проявляются совпадения со строем повествования, характерным для некрасовской книги (проецируем и из неё пару отрывков, наугад):

«Я пролезаю под вагоном. Шинель цепляется за что-то и трещит. Ужасно мешает, путается между ног. Прижавшись лицом к рельсу — он приятный и холодный,— стараюсь рассмотреть, где немцы. Перпендикулярно к путям — улица. Мощеная, страшно прямая. Налево нефтебаки. <...>

Немцы, по-видимому, сидят в баках»;

«Я с разгону вскакиваю в свежую, еще пахнущую разрывом воронку. Кто-то через меня перескакивает. Обсыпает землей. Тоже падает. <...>

Лежу, затаив дыхание.. Рядом кто-то стонет: «А-а-а-а...». Больше ничего, только «а-а-а-а...». Равномерно, без всякой интонации, на одной ноте. Я не знаю, сколько времени так лежу. Боюсь шелохнуться. Во рту полно земли. Скрипит на зубах. И кругом земля. Кроме земли, я ничего не вижу»...

И у Некрасова, и у Окуджавы военная тема подаётся без каких бы то ни было попопозновений к монументализации.

Для обоих авторов существеннее всего человек на войне. На первом плане для них не грандиозные картины сражений, но — тяжесть вынужденного пребывания в ситуации ужасной, жестокой. В условиях, не располагающих к милосердию, и именно поэтому особенно невыносимых для людей честных, благородных, чутких к чужой боли.

Для обоих авторов война — безусловно *подлая* (если пользоваться словечком из песни Окуджавы, навсегда впечатанным в наше сознание). Нет, не концентрируются в своём творчестве ни Некрасов, ни Окуджава на описаниях мучений, физических увечий, устрашающих дикостей, но — явственно, в то же время, ощущается по всему, что не воспринимали ни тот, ни другой фронтовые испытания в качестве источника некоего положительного опыта. Сохранение достоинства перед лицом опасности, стремление защитить попавших в беду — эти незыблемые принципы существования и одним, и другим автором осознанно воспринимались именно как *противовес* духу войны. Или, иначе говоря, духу расчеловечивания...

Вернёмся, однако, к приведенному выше высказыванию В. Кондырева. Обращает на себя внимание, что речь в нём идёт, помимо всего прочего, о совершенно конкретной части творчества Некрасова: *очерках, зарисовках, рассказах*. Иными словами, о тех произведениях писателя, которые относятся к периоду его второго (после «В окопах Сталинграда») творческого взлёта — эпохе Оттепели, 60-х и первой половине 70-х годов. К тому же самому периоду, на который пришёлся расцвет песенного творчества Окуджавы — и некрасовская проза (прямо-таки на удивление!) пребывала в это время с ним на одной волне.

Переключки в ту пору проявлялись у Некрасова и Окуджавы с особенной, воистину трогательной отчётливостью.

Родной *город*: в одном случае — Москва, в другом — Киев... И для Окуджавы, и для Некрасова это место является средоточием естественного пульса жизни, пространством, в котором способны проявить себя искренние и по-настоящему тёплые движения души. Да и сам по себе метод подачи образа города у этих замечательных мастеров также во многом сходен.

Никаких помпезных панорам, никаких торжественных обзоров с птичьего полёта... Всё это было бы абсолютно чужеродным атмосфере *пристрастья* — воспользуемся метафорой из песни Окуджавы! — к *прогулкам в одиночестве* (впрочем, не обязательно в одиночестве, можно и — с друзьями!). Именно подобный задушевный образный строй помогает сфокусировать авторское внимание на (ау, Окуджава!) каждом окошке, «где музыка слышна», на полном троллейбусе, который «вершит по бульварам круженье». Или — ау, Некрасов! — на отдельно взятом дереве, с чуткостью вычлененном из общего городского пейзажа:

«Как-то на заре своей юности, как всегда торопясь в школу, я на минутку задержался у Николаевского парка (сегодняшнее название: парк Шевченко — *Е.Г.*). Вдоль его решётки по Караваевской улице (сегодняшнее название: улица Льва Толстого — *Е.Г.*) сажали тополя. Тоненькие, озябшие веточки. <...> Недавно, проходя по тому же месту, я встретился у входа в парк с громадным, высотой в четырёхэтажный дом, раскидистым тополем, который сейчас и двумя руками не обхватишь. Да, это был один из тех юнцов, которых на моих глазах сажали <...> лет пятьдесят тому назад, и, глядя сейчас на него, единственного выжившего и пережившего, я как-то очень ясно ощутил, что мы ровесники и оба не первой молодости» («Записки зеваки»)..

Заметим, впрочем, что зачастую речь идёт у Некрасова не только о каком-нибудь дереве, подобном дому, но и — о самих киевских домах (или, иначе говоря, вполне достоверных, известных горожанам зданиях). Описания их бывают достаточно обстоя-

тельными. Это, впрочем, не удивительно, поскольку материя прозы во многом по определению отличается от материи песенно-стихотворной. К тому же, Некрасов в своей прозе о Киеве — и в знаменитом «новомирском» очерке 1967 года «Дом Турбиных», и в вышедших на Западе в середине 70-х «Записках зеваки» (написанных частично — до, а частично — после отъезда из страны), и в других сочинениях — стремился, по возможности, быть точным в отображении городских реалий, освещении исторических фактов. Тем не менее, никакой дотошности летописца или архивиста здесь не ощущается. Всё подчинено у Некрасова течению повествования в сугубо лирическом русле — вполне созвучном тем же самым песням Окуджавы.

Приведём хотя бы такой пример из всё тех же, цитировавшихся выше, «Записок зеваки»:

«Лучшее время прогулки по Крещатику — это, конечно, раннее-раннее утро. Летом, часиков этак в пять-шесть. Редкие, непонятно откуда и куда идущие — то ли с дежурства, то ли с затаившихся именин — прохожие, первые дворники, волочащие по тротуару кишки для поливки улиц. Троллейбусов ещё нет. <...> Идёшь по такому Крещатику, ещё прохладному, с длинными тенями, и замечаешь то, мимо чего проходишь, когда он тороплив и многолюден»...

Нет, конечно же, отнюдь не идеализирует Некрасов главную улицу Киева (ту самую, в которую был встроено Пассаж — именно на этой старой внутриквартальной улочке и жил писатель много лет, вплоть до того момента, когда покинул Советский Союз). Послевоенная застройка Крещатики совершенно не приводила писателя в восторг. И всё-таки — даже в иронических некрасовских строчках, воссоздающих облик улицы, характерный для начала 70-х, ощущается (несмотря ни на что!) подспудная нежность: «безвкусный, шикарный, намного шире прежнего, а теперь — о счастье! — заросший каштанами и липами (сажали сразу взрослые), заслоняющими своими кронами все эти башенки и арочки «обогащённой» архитектуры сталинских времён. С надеждой и упованием смотрю я на первые признаки плюща на Крещатике <...> — годик-другой — и станет он красивейшей улицей в мире».

Примерно так и Окуджава воспринимал главную улицу своего города. Местом, к которому лежит душа, для него она всегда оставалась — как бы ни была подпорчена всё те же пресловутым сталинским ампиром 30-х — 40-х, каким бы искусственным не выглядело её название советских времен: *улица Горького*. Впрочем, последний момент можно было попросту игнорировать — и именно так поступал в своих песнях Окуджава, ненавязчиво возвращая в обиход изначальное, историческое название улицы. А главное — щедро делясь со слушателями своими возвышенными чувствами:

Окуните ваши кисти в голубое,
по традиции забытой городской,
нарисуйте и прилежно и с любовью,
как с любовью мы проходим по *Тверской*...

Заметим, вместе с тем, что не менее значительное (пожалуй, даже ещё более существенное!) место в лирической топографии обоих авторов — и Окуджавы, и Некрасова — занимает образ *другой* улицы. Хорошо всем известной, но — не главной. И при этом — воспринимающейся, как территория, где по-особому проявляется дух родного города.

В случае Окуджавы речь идёт об Арбате — улице, на которой он с момента своего рождения до 1940 года прожил (пусть и с существенным перерывом) в общей сложности десять лет. В свете подобных обстоятельств ничуть не удивляют, представляются вполне закономерными песенные строки, давно уже ставшие хрестоматийными:

Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — моё отечество...

Для Некрасова таким местом был Андреевский спуск. Жить на нём писателю никогда не доводилось. Вместе с тем, в характеристике, которую даёт ему Некрасов в своём «Доме Турбиных», ощущается предельное равнодушие. Припомним эту блиц-картинку (нарисованную как будто невзначай, мимоходом, лёгким росчерком пера!): «одна из самых «киевских» улиц города. Очень крутая, выложенная булыжником (где его сейчас найдешь?), извиваясь в виде громадного “S”, она ведёт из Старого города в нижнюю его часть — Подол. Вверху Андреевская церковь — Растрелли, XVIII век, — внизу Контрактная площадь <...>. Вся улица — маленькие, уютные домики. И только два или три больших».

Казалось бы, с прямым, ровным Арбатом здесь мало общего. И в то же время, ощущение *уюта* (о котором свидетельствует Некрасов) — вполне сопоставимо. А кроме этого, сходство между Арбатом и Андреевским спуском просматривается и ещё по нескольким параметрам. Обе улицы:

- а) достаточно протяжённые;
- б) находятся (пусть Андреевский спуск — лишь частично, не полностью) в центре города;
- в) на протяжении длительного времени сохраняли свой привычный облик, не подвергались реконструкциям (Арбат стали преобразовывать в 80-е, Андреевский — уже в XXI веке!).

Да и глубинные истоки сугубо личной душевной привязанности Некрасова к Андреевскому — вполне сопоставимой с чувствами Окуджавы к Арбату — также совершенно понятны. Конечно же, важна была здесь и память об особом восхищении, которое вызвали

у писателя в юношеские годы: вначале — легендарный спектакль МХАТа «Дни Турбиных»; затем — таинственный, предельно необычный для того времени, роман «Белая гвардия» (и, заметим, в деле сохранения киевского дома Булгакова, в 1989 году ставшего музеем, определяющую роль сыграл именно упоминаемый нами очерк Некрасова!). Но не меньшее значение имели в данном случае и всё те же детские эмоции — к примеру, впечатление, которое тогда производил один из загадочных домов этой улицы: «Он назывался у нас Замок Ричарда Львиное Сердце. Из желтого киевского кирпича, семиэтажный, „под готику“, с угловой остроконечной башней. <...> Если войти в низкую, давящую дворовую арку <...>, попадаешь в тесный каменный двор <...>. Средневековье... Какие-то арки, своды, подпорные стены, <...> громадные балконы, зубцы на стенах... Не хватало только стражи, поставившей в угол свои алебарды и дуошейся где-нибудь на бочке в кости. Но это ещё не всё. Если подняться по каменной, с амбразурами лестнице наверх, попадаешь на горку, <...> с которой открывается такой вид на Подол, на Днепр и Заднепровье, что впервые попавших сюда никак уж не прогонишь. <...> Я не знаю, о чём думают киевские художники, — на их месте я с этой горки не слезал бы»...

Обращает на себя внимание, что не только Окуджава, но и Некрасов (в одном, предельно неожиданном случае!) воплотил свои чувства к старой улице в *звуковой образ*. Речь идёт об аудиорепортаже «Путешествие по улице детства»¹, появившемся в 1968 году, в 12-м номере «Кругозора» (возможно, сейчас уже не все помнят, что был в те давние времена такой ежемесячный журнал со вставными гибкими грампластинками...).

Мы слышим голос писателя, с его неповторимой, предельно естественной, и, одновременно, артистичной интонацией, перемежаемый стуком подошв, птичьим пением, залившимся лаем — и создаётся ощущение, как будто мы стоим рядом в тот момент, когда Некрасов обращается к собаке: «Давай, давай, давай, уходи»; когда умиляется попавшимся на пути шаловливым мальчишкой: «Тряси каштаны, пацан!..»; когда показывает своим спутникам (а кажется, что и нам самим!) дом Булгакова: «Вот видите — <...> женщина идёт с авоськой, и спускается вниз по какой-то лесенке, а наверху веранда, увитая зеленью и виноградом... Так вот, это тот самый домик, номер тринадцать».

Создаётся ощущение, что в этот момент мы не только слышим шаги писателя, но и — сами осязаем булыжник под ногами. Иными словами, всё под стать чувству, зафиксированному Окуджавой во всем нам памятном:

---

¹ Этот материал представлен на сайте памяти Виктора Некрасова: <https://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Puteshestvie-po-ulice-detstva/>

Ах, Арбат, мой Арбат,
ты — моя религия,
мостовые твои подо мной лежат...

Здесь остановимся ненадолго. И — сосредоточим внимание на моменте глубинном, которым обусловлены подобные ассоциации.

В упомянутой выше тонкой аудио-зарисовке рельефно проявилась одна из существеннейших черт, роднящих поэтику Некрасова с поэтикой Окуджавы.

Речь идёт о способе творческого воссоздания действительности, разительно отличавшемся от многих явлений, характерных для эпохи, на которую пришлось творчество обоих авторов: и — от фальшивых соцреалистических *опупей*, основанных на тщательно-занудливой имитации достоверности, и — от стилистики иных (таковых немало было и в «твардовском» «Новом мире», и в самиздате-тамиздате) вполне честных, не конъюнктурных авторов, для которых стремление к правдивости было неким сознательным *нравственным принципом*.

Создаётся зачастую ощущение, что оба мастера — и Окуджава, и Некрасов — намеренно пренебрегают какими бы то ни было масштабными *целями*. Оба, казалось бы, предаются блаженству праздного существования, ограничиваясь (порой представляется именно так!) фиксацией неких случайных, сиюминутных наблюдений. Авторский взгляд останавливается на подчёркнуто обыденных деталях, фактах, обстоятельствах сугубо частной жизни. И — вмиг! молниеносно! — рождается впечатляющий художественный образ.

Если с чем-то можно сопоставить подобную поэтику, то... Пожалуй, в первую очередь, с проявлениями, характерными для истоков русской словесности. Для того же Пушкина — и здесь имеет смысл процитировать меткие, пронизательные соображения Андрея Донатовича Синявского (упомануть эту фигуру есть все основания ещё и потому, что именно Синявский, совместно с А. Меньшутиним, первым дал в печати высокую оценку поэзии Булата Окуджавы¹, и создал едва ли не лучший эссеистический портрет Виктора Некрасова²): «В его (Пушкина — *Е.Г.*) текстах живёт первобытная радость простого называния вещи, обращаемой в поэзию одним только магическим окликом. <...> Кто из поэтов ранее замечал на человеке жилетку, пилочку для ногтей, зубную щётку, брусничную воду?»³.

¹ См.: Меньшутин А., Синявский А. За поэтическую активность (*Заметки о поэзии молодых*) / «Новый мир», 1961, № 1. С. 239–240.

² См.: Синявский А., Розанова М. Прижизненный некролог / Некрасов В.П. По обе стороны океана; Записки зеваки; Саперлипопет или Если б да кабы, да во рту росли грибы... — М.: Художественная литература, 1991. С. 396–398.

³ Терц Абрам (Синявский Андрей). Прогулки с Пушкиным / СПб.: Всемирное слово, 1993. С. 60–62.

Именно в соответствии с подобными установками объектом внимания для Окуджавы может стать... непритязательная (что твоя жилетка!) деталь одежды:

Я много лет пиджак ношу.
Давно потёрся и не нов он.
И я зову к себе портного
и перешить пиджак прошу.

Упомянутый авторский приём, проявляющийся с беззащитной открытостью и наглядностью, делает знаменитую песню «Старый пиджак» (о которой и идёт речь) подобием некоего эстетического манифеста. Но не меньше оснований считать таковым и вышедший в свет в 1962-м, через два года после создания песни Окуджавы, совсем маленький (неполных три страницы журнального номера, где был впервые опубликован!) рассказ Некрасова «Санта-Мария» или Почему я возненавидел игру в мяч».

Что же представляет из себя фабула некрасовского рассказа? Эту вполне реальную историю сходу можно было бы изложить в режиме незатейливого *трёпа*: автор, вернувшийся из поездки за границу, привез сыну ближайших друзей в подарок роскошную модель старинного корабля (таких в Советском Союзе тогда не делали!), а сорванец-подросток с товарищем своим так активно перебрасывали по квартире мяч, что... попали в мачты, и сломали корабль, но, тем не менее, его удалось подклеить — и всё (вроде бы!) стало на свои места.

Учтём, однако, что в обоих рассматриваемых случаях подобная простота оказывается предельно обманчивой(!).

Припомним, как заканчивается песня Окуджавы про пиджак. Казалось бы, усерден и щепетилен портной, выполняющий заказ, но (вот ведь незадача!):

Он представляет это так:
едва лишь я пиджак примерю —
опять в твою любовь поверю...
Как бы не так. Такой чудак.

Какое здесь, в этом четверостишии (если воспользоваться модным на сегодняшний день понятием) *ключевое слово*? Пиджак? Отнюдь. Совсем иное: *любовь*. И мы понимаем, что, на самом деле, речь идёт здесь (вопреки представлению, которое может возникнуть поначалу!) не о будничной суете сует, не о прозаичном ремонте одежды, но — о крушении надежд. О высоком чувстве, обречённом остаться безответным.

На отчасти похожих (отнюдь не портновских!) *ножницах* между мечтами и реальностью строится и рассказ Некрасова.

Складной корабль, привезенный мальчику из-за рубежа — не какая-нибудь банальная игрушка, а... «Санта-Мария», легендарная каравелла, на которой совершил своё плавание Колумб (воссозданная в виде макета-копии, но — в предельно точном соответствии с оригиналом!) — ассоциируется для автора с читанными в детстве книгами о путешествиях. Загвоздка, однако, в том, что окружающий мир свободному, дерзновенному полёту фантазии предпочитает куда более предсказуемые, стандартные устремления (наводя повествователя на грустноватые мысли: «А вот нынешние десятилетние мальчишки? Дрожит ли у них что-то внутри, когда они видят живой парусник? Или все дети мечтают быть не флибустьерами, а космонавтами?»).

Будучи собранной, свинченной, склеенной, каравелла представляется рассказчику чем-то вроде ожившей грёзы юных лет (и — кажется даже в этот момент, что в нём самом пробуждается ребёнок!):

«свежий атлантический ветер упорно надувал её паруса с большими алыми мальтийскими крестами. Марсовый бушприта смотрел в подозрную трубу. «Санта-Мария» неслась на запад в поисках Индии... <...> комната сразу стала красивее. Порой казалось, что в ней пахнет водорослями, рыбой, солёным морским ветром».

Не по-детски деловитыми выглядят, в сравнении с немолодым повествователем, двое мальчишек, которые после починки каравеллы «как ни в чём не бывало опять начали свою идиотскую игру в мяч, начисто забыв о Колумбе, бом-брамселях, гиках, стеньгах, клотиках и солёных брызгах».

Обидно... Это слово, открывающее фразу рассказа (третью с конца!), выглядит здесь не случайным.

Нет, конечно же, прекрасно отдаёт себе отчёт автор, что история, рассказанная им — по сути пустяковая. Да и двое подростков, о которых идёт речь в «Санта-Марии...», вполне симпатичны, их упорное стремление бегать с мячом по квартире веселит, забавляет писателя.

И всё же, не покидает ощущение, что (даже при таком, вполне беззаботном раскладе!) не очень-то совместима обыденная, привычная всем нам действительность — которую как раз и олицетворяет упомянутая *игра в мяч* — с прекраснодушными романтическими порывами.

Потому к уравновешенно-добродушной интонации рассказа подмешан в данном случае лёгкий привкус горечи. Потому и ненавязчивые контрасты между хрупкими, застенчивыми авторскими грёзами и их досадной изнанкой, обнаружившейся в силу неловкого удара мяча, воспринимаются здесь чем-то вроде... колеблющегося, вибрирующего, вот-вот готового прерваться звучания грустновато-задумчивой гитарной струны.

Тем не менее, не угасает в душе автора ни увлечённость, ни азарт — и, восхитившись изящным новым судном, стоящим в порту, вмиг способен он (не столь важно: всерьёз или полушутя) вернуться к мечтаньям о дальних плаваниях: «А может, на «Альфе» нужен библиотекарь?».

Поразительно похожа эта фраза, завершающая рассказ Некрасова, на иную строку из песен Окуджавы — предельно ясную, и, одновременно, непостижимую до конца, повисающую в воздухе, оставляя ощущение загадки...

Разумеется, не можем мы пройти мимо написанного в 1987 году рассказа Виктора Некрасова — «Пиши — не забывай!». Волею судеб, он стал последним произведением писателя, и — подобно тому, как иной раз последний луч уходящего солнца на фоне подступающей мглы может показаться по-особому ярким! — определённые черты некрасовского стиля выглядят в данном случае предельно выпуклыми, концентрированными. Может быть, они кажутся таковыми именно из-за того, что здесь мы имеем дело с прощальным авторским высказыванием?.. В этом смысле, конечно же, допустимы разные предположения.

В любом случае, не обойтись нам без разговора об упомянутом рассказе, поскольку строится он на прямой, откровенной отсылке (!) к Окуджаве. Точнее говоря, к его рассказу «Девушка моей мечты», вышедшему в свет несколькими месяцами ранее некрасовского, в 10-м номере журнала «Дружба народов» за 1986 год. Собственно говоря, и начинается, и заканчивается «Пиши — не забывай!» указанием на то, что толчком к его появлению стало именно знакомство с этой публикацией. История Окуджавы о том, как встречал он маму, вернувшуюся домой из ссылки (которой предшествовали годы лагерных мытарств), вдохновила Некрасова на то, чтобы вспомнить встречу со *своей* мамой в конце ноября 1943-го, после двух с половиной мучительных военных лет. В тот момент Виктора Платоновича, перенесшего тяжёлое ранение, отпустили с фронта на короткую побывку домой, в только что освобождённый Киев...

Казалось бы, далеко не в первый раз вспоминает Некрасов этот случай. Кратко его затрагивал писатель и прежде — в тех же самых «Записках зеваки», в очерке «Мама» (написанном в 1980 году). Тем не менее, ни в коем случае не остаётся после рассказа «Пиши — не забывай» ощущения писательского самоповтора.

В чём здесь дело? Думается, в том, что, всматриваясь по-особому пристально (крупным планом!) в уже ранее описывавшийся эпизод своей биографии, Некрасов на сей раз создаёт предельно тонкий, лиричный художественный образ. Причём, явственно ощущается на нём отсвет стилистики... не столько даже «Девушки моей мечты», сколько *песен* Окуджавы.

Общий строй повествования здесь (как и всегда у Некрасова) — предельно прозрачный, ничем не замутнённый. Чувство

такое, как будто бы мы сидим рядом с автором, и он нам *напрямую* (чуть ли не в режиме тет-а-тет!) рассказывает нехитрую историю о том, как он ушел на фронт, лежал в госпитале, добирался из Баку до Киева, увидел, что его родной дом разрушен, а жильцов (включая его семью) переселили в другой дом на той же улице. Попутно описывает Некрасов вполне реальных людей: свою родную, избыточно суровую тётю Соню; славную подругу юности Женю и её маленькую дочку Ирку; четырнадцатилетнюю неприкаянную девочку Лену, которую автор рассказа, встретив в теплушке, по дороге в Киев, пожалел и взял к себе домой, а она... оказалась воровкой. С предельной точностью (под стать иным непричёсанным хроникальным кадрам или метким фотоснимкам!) отображает писатель: и — изувеченный центр родного города («Крещатик лежал в руинах. Жалкие, вытопанные в снегу тропинки вились среди обгорелых стен. Сохранилось всего лишь несколько домов, в начале и конце его. Взорвана была Лавра, знаменитый Успенский собор, сожжен университет»), и — прежний свой киевский дом, который разбомбили («По уцелевшей лестнице — мраморные ступени и железные остатки перил сохранились, сгорела только деревянная<...> часть их — я добрался до первого этажа. Кругом закоптелые стены, искореженные металлические балки»), и — многое другое (заметим, что подобные выразительные штрихи рассредоточены по всему рассказу).

Вместе с автором мы направляемся к новой комнате в коммуналке, где поселили его родных, протискиваемся «по мрачному, заваленному какими-то корытами, велосипедами и поломанными кроватями коридору, тыкаясь в разные двери». И — в тот момент, когда дверь комнаты открывается, происходит невообразимое (!).

Вчитаемся повнимательнее в это место повествования (поразительно контрастирующее с тем, что было в рассказе *до*, и с тем, что будет *после* него!):

«Первое впечатление было, что посреди большой, пустой, полутёмной комнаты над маленькой печуркой, именуемой «буржуйкой», склонилась старушка и что-то варит. Потом, как на проявляемом в ванночке *негативе*, начали появляться *детали*. Посредине не печурка, а стол, покрытый клеенкой. На нём коптилка. Печурка ближе к большой кафельной печи в углу, к которой протянуты трубы. <...> Потом на пластинке *проявился* диван <...>, над ним, Бог ты мой, Шильонский замок в золочёной раме. У противоположной стенки прадедушкин ломберный столик. В глубине комнаты балконная дверь... Но посредине всего этого *мама*. И вовсе не старушка, а мама».

Иными словами, налицо — картина причудливая. Какая там кинохроника, какой фотоснимок? Изображение расплывается, превращается в мираж. Золочёная рама... Ломберный столик... Шильон-

ский замок... Печурка, оборачивающаяся коптилкой... И даже — привидение тут как тут! Старушка, которая склонилась над «буржуйкой» и *что-то варит*.

Кажется, что перед нами — подобие некоей импровизированной мистерии. Иными словами, ситуация, сопоставимая с тем, что бывает порой у Окуджавы, когда поёт он своим негромким голосом (на который так похожа интонация последнего рассказа Некрасова!), и... Вдруг, совсем незаметно, возникает ощущение *чуда*, явившегося как нечто само собой разумеющееся, «без всякого небесного знаменья» (если прибегнуть к хорошо известной строке «Песенки о московском муравье»).

Вновь наводится изображение на резкость лишь в конце процитированного абзаца. И — дальнейший ход повествования, такого же простого и внятного, как в начале рассказа, тем более подчёркивает совершенно особый, из ряда вон выходящий характер зафиксированного автором именно в этом, конкретном фрагменте события. Того самого мига, когда писатель открыл дверь комнаты, и — увидел свою маму.

В чём причины? Почему Некрасов называет в своём рассказе этот день *самым счастливым* в своей жизни? Мы ведь знаем, что приехал он в Киев тогда, в конце 1943 года, всего на одну неделю. А потом — вновь передовая, бои, второе тяжёлое ранение. Лишь потом писатель вернулся домой окончательно.

Но вот в том-то и дело, что ощущение особого, запредельного счастья порождается в данном случае именно таким, воистину головокружительным перепадом. Несовместимы, совершенно не сопрягаются друг с другом эти явления: поток нескончаемых, кажущихся неизбывными опасностей, испытаний, порождённых войной и — эфемерный, ускользающий, нуждающийся в том, чтобы его сберечь, миг беспредельного тепла, покоя и доброты...

Очень светлое ощущение остаётся от слов писателя, сказанных им здесь, в рассказе «Пиши — не забывай!» (впрочем, как и во многих других случаях) о своей маме, Зинаиде Николаевне Некрасовой, враче дореволюционной закваски, благороднейшем, настоящему интеллигентном человеке:

«Мы с мамой дружили. Любили друг друга и дружили... Есть мамы, которые на своих детей кричат, поучают их, воспитывают, не пускают в кино, пока не сделаешь уроки. Моя мать была другой. Она ни разу за всю жизнь не повысила на меня голоса. <...>

Мама вообще не любила говорить и вспоминать о плохом. Это была главная черта её характера. На что-то закрывать глаза. Не было его и всё! Любила строить планы. И всегда радужные. Вот кончится война и поедем мы с тобой, Викун, в Париж. Лучший в мире город. Вы бывали там, Лидия Васильевна? Нет? Преступление! Вот и захватим вас с собой».

О том, что Виктору Некрасову доведётся окончить свои дни в Париже и что причины его вынужденного отъезда будут отнюдь не весёлыми, Зинаиде Николаевне узнать уже не довелось. К тому времени, когда писатель покинул страну, её уже не было в живых. И от памяти об этом остаётся такой же щемящий осадок, как — от проникновенных слов, пропетых на века Булатом Окуджавой:

Настоящих людей очень мало.
На планету — совсем ерунда.
А на Россию — *одна моя мама*.
Только что она может одна?..

3

Есть в биографиях Виктора Некрасова и Булата Окуджавы два эпизода, которые странным образом *рифмуются* друг с другом. Думается, что под занавес нашего разговора стоит коснуться этих ситуаций.

1963 год... После унижительного разноса, которому подверг Хрущёв в своём печально известном выступлении очерк Некрасова «По обе стороны океана», писателя начали прорабатывать республиканские партийные органы. Весомым раундом подобных шельмований явилось Совещание идеологических работников, состоявшееся примерно через месяц. На этом мероприятии, проходившем в Верховном Совете Украинской ССР, Виктору Платоновичу пришлось присутствовать и выступать с ответным словом. Партийное руководство ожидало, что писатель (по традиции, сохранявшейся с пресловутых сталинских времён) готов будет картинно каяться. Сложилось всё, однако, совершенно по-иному.

Полностью отмёл Некрасов обвинения в свой адрес, прозвучавшие с трибуны пресловутого Совещания. Более того, нашёл возможность и друзей своих защитить.

Одной из претензий руководства к Некрасову было то обстоятельство, что в его очерке выражалось одобрение и поддержка фильма Марлена Хуциева «Застава Ильича». Все мы хорошо помним, что картина эта, сейчас воспринимаемая как одно из знаковых событий эпохи Оттепели, вызвала тогда гнев властей, былаложена на полку, и выпустить её в прокат удалось лишь через два года, в 1965-м, в сильно отредактированном, искажённом виде, под другим названием — «Мне двадцать лет».

Напрямую протестовать против решения, окончательно и бесповоротно принятого высшими должностными лицами по поводу фильма Хуциева, Некрасов не мог. Это противоречило неписаным тогдашним *правилам игры*, за соблюдением которых власть тщательно следила, и — могло бы даже навредить создателям картины.

Тем не менее, вполне достойный выход из сложившейся ситуации писателю удалось найти. Как и в случае многих других формулировок упомянутого выступления, выдержанных на внешнем (только внешнем!) уровне в соответствии с нормативами партийно-советской риторики (к которой Виктор Платонович в то время уже относился с иронией), прибег Некрасов и в своей защите «Заставы Ильича» к спасительному принципу *конструктивной дипломатичности*. Приведём слова писателя о картине, зафиксированные в стенограмме выступления:

«Фильм <...> «Застава Ильича» был подвергнут серьёзной критике с очень высокой трибуны и очень влиятельным человеком (имеется в виду Хрущёв — Е.Г.). <...> я рад всем здесь присутствующим <...> сказать, что <,> *несмотря на* серьёзную критику, а <,> может быть <,> *благодаря* этой серьёзной критике <...> Хуциев <...> *не опустил руки*. <...> он работает над ней (картиной — Е.Г.), доведёт до конца и я уверен, что все здесь присутствующие товарищи <...> получат ещё *большое удовольствие* <...> после большой работы Марлена Хуциева, а он человек <...> *упорный и талантливый*»¹.

Казалось бы, фигурирует здесь лишь имя Хуциева. На самом же деле речь шла не только о нём.

Мы помним, что одним из самых ярких, и, одновременно, самых неприемлемых для тогдашнего официоза с его замшелыми представлениями, был эпизод картины, посвящённый вечеру поэзии в Политехническом музее. На эстраде представляли перед зрителем молодые литературные звёзды-шестидесятники. Появлялись в кадре и поэты старших поколений, также ассоциировавшиеся в тогдашнем общественном сознании со свежими тенденциями эпохи. Яркой заключительной точкой этого эпизода как раз и был Окуджава, выходявший с гитарой и певший своё тогдашнее, программное (казалось бы, ничуть не противоречившее официальной идеологии, и — тем не менее, для властей по духу своему предельно чужеродное!): «Я всё равно паду на той, на той единственной Гражданской, / И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

Думается, наверняка отдавал себе отчёт Виктор Платонович, что защищая картину «Застава Ильича», он и Окуджаве оказывает поддержку.

---

¹ Чит. по тексту стенограммы выступления В.П. Некрасова на Совещании идеологических работников, состоявшемся 9 апреля 1963 года, который сохранился в личном архиве покойного ныне украинского партийного функционера Л.Г. Авксентьева (в ту пору занимавшего должность помощника секретаря ЦК КПУ по идеологии). Членами его семьи этот материал был любезно предоставлен в наше пользование.

Вспомним теперь и другой эпизод, на сей раз — из биографии Булата Окуджавы.

1987 год... «Из Парижа пришла весть: вечером 3 сентября в больнице скончался Виктор Платонович Некрасов», — так началась заметка в газете «Московские новости», опубликованная десятью днями позже, 13-го числа. Подписали этот некролог четверо авторов: Григорий Бакланов, Вячеслав Кондратьев, Владимир Лакшин и — Булат Окуджава.

Без ханжеской риторики, характерной для поздне-советского агитпропа, в данном случае, к великому сожалению, не обошлось: «Мы давно не вспоминали это имя: его отъезд за границу и некоторые выступления в первые годы эмиграции отдалили его от нас».

Не вспоминали?.. Окуджава помнил и был верен Некрасову всегда, вне зависимости от того, какое тысячелетие на дворе, куда дуют презренные политические ветры.

Отдалили?.. Ничуть. Мы ведь помним о том, что на протяжении всех лет пребывания Некрасова в эмиграции общение его с Окуджавой не прекращалось.

Тем не менее, Булат Шалвович сознательно счёл необходимым поставить свою подпись под материалом «Московских новостей». Поступил так, поскольку понимал, что это был единственный(!) путь возвращения имени прекрасного писателя, человека из разряда тех, кого есть все основания считать *совестью* целой эпохи, в тогдашний читательский обиход, в открытое пространство общественной жизни.

Воистину, всё течёт, всё меняется... Если в начале 60-х честный, независимый, и, в то же время, печатавшийся, признанный, выездной(!) автор «В окопах Сталинграда» протягивал руку (выражаясь фигурально) только всходившему на Олимп поэту с гитарой, то тогда, в середине 80-х — с точностью до наоборот! — честный, независимый и, в то же время, имевший статус автора, существующего в легальном литературном пространстве, Булат Окуджава открыто отдавал дань памяти оказавшемуся в статусе изгоя и отщепенца Виктору Некрасову.

Будем помнить и об этом символическом *рукопожатии* через эпохи.

Евгений СОЯ

/ Одесса /

* * *

ты знаешь всё,
ты знаешь наверняка:
что любой город без тебя до неприличия пуст,
мне не хватает твоей улыбки, этого юркого зверька,
что выглядывает из твоих уст.
тут всё как раньше, лишь свет напоминает темноту.
и всё о тебе: закаты, рассветы, посуда и простыни.
и я шепчу в образовавшуюся после тебя пустоту:
как же мне тебя не хватает,
как же мне тебя не хватает, господи.

* * *

ноябрь. мальта. остров гозо.
шелестит роза попутного ветра.
вытирай, поскорей свои слезы,
они не достойны твоего лица, ни сантиметра.
это — обещанное воскресенье,
и под этим солнцем печаль не отбрасывает тени,
мы идем, плотно прижавшись к воде,
будто вода — ступени.

* * *

ты в этих краях прекрасная чужестранка,
в твоих венах течет сок спелого манго.
я смотрю на тебя, а уличная шарманка
играет своё довоенное танго,
в нем эхо колокольного звона,
в нем шепот сердца испуганного воробья.
и танго движется неуклонно,
исключая всё, кроме тебя.

* * *

Разлука длинная, словно больничный коридор,
а он все тянется и тянется, боже.
когда двое ведут о любви разговор
никто из них не говорит об одном и том же.

ты видишь, как вплетается в стаю одинокое слово,
так пишут стихи, так рожают детей,
если мы с тобой не увидимся снова —
это будет худшая из моих смертей.

* * *

пройдет много лет,
обои украсят новые стены,
но не потухнет пожар,
вот мы с тобой на берегу Сены,
у нас сыр, багет
и, конечно же, не будет ножа.
светляками блестят наши окурки,
и смолкнет город до неприличия шумный,
а мы пойдем изучим все переулки,
узнаем, что с ними сделал свет лунный.

знаешь, так много всего может
обратиться в прах
рухнут империи, замолкнут все соловьи,
но воистину всё в наших руках,
так позволь, я поцелую — твои.

Борис ЮДИН

/ Нью-Йорк /

СЧИТАЛОЧКА

Два давнишних друга Сергей Сергеевич Иванов и Иван Иванович Сергеев сидели в кухоньке у Сергея Сергеевича и делали вид, что играют в шахматы. Однако шахматная доска с расставленными фигурами была сдвинута к краю стола, а на её законном месте стояла немудрёная закуска и початая бутылка с водкой. И, судя по раскрасневшимся лицам друзей, бутылка эта была не первая.

— Ты, Ваня, сам рассуди, — жаловался Сергей Сергеевич, наливая. — Пока я был в почёте и уважении, Нина моя была как шёлковая. А как вышел на пенсию — озверела. Совсем другой человек. Зудит и зудит. Стыдно признаться, Ваня, но я её боюсь.

— Не боится волк собаки, а боится звяги, — поддержал друга Иван Иванович и поднял стакан.

— Это точно, — согласился Сергей Сергеевич и чокнулся с другом. Чокнулся, выпил и продолжил:

— И то ей не так, и это не этак. Сам рассуди — курить выгоняет на балкон. Рюмку с кем-нибудь выпить — скандал на неделю. Обидно, Ваня. Я ведь не хухры-мухры. Я ведь людьми командовал.

Здесь нужно сказать, что работал Сергей Сергеевич мастером на заводике, выпускающем то ли доильные аппараты, то ли дождевальные установки... словом, что-то в хозяйстве ненужное. Работал-то он мастером, но любил себя называть руководителем среднего звена.

— Дал ты ей волю, Серёжа, вот что я тебе скажу, — подвёл итог Иван Иванович. — А женщинам воля во вред. Женщинам и стране твёрдая рука нужна.

— Всё хотел тебя спросить, Ваня, — посерьёзnel Сергей Сергеевич. — А ты почему не женился?

— Скажу тебе, Серёжа, как другу. Не нашлась ещё женщина, способная понять нежную душу офицера.

И друзья залились радостным смехом. При этом Иван Иванович похрюкивал, и Сергей Сергеевич повизгивал.

Отсмеявшись, они с грустью оглядели стол.

— Да, — сказал Иван Иванович. — Хорошо бы сейчас портвешком это дело отполировать. А где взять в это время?

— У меня есть, — загрустил Сергей Сергеевич. — Но завтра Нина приедет — житья не будет. Может, сбегаем? Я знаю точку.

— И то, — согласился Иван Иванович и достал бумажник. — Твоя идея — ты и гонцом будешь.

— Не-е-е-ет, — возразил Сергей Сергеевич. — Давай по справедливости. Посчитаемся. Кто выйдет — тому и бежать.

И Сергей Сергеевич затараторил детскую считалочку, попеременно указывая рукой то на себя, то на друга:

Эники-беники
Ели вареники.
Эники-беники — клёц.
Вышел пузатый матрос.

И тут дверь холодильника, противно скрипнув, отворилась. И из холодильника вышел мужик в тельняшке с трубкой в зубах. На его бескозырке блестела золотом надпись: «Надя».

Друзья онемели и окаменели. Да, вдобавок ко всему, в гостинной часы стали бить двенадцать.

— Ну, что сидите, как куры на насесте? — спросил матрос и вразвалку подошёл к столу. — Спички есть? А то трубка погасла.

— Зажигалка есть, — угодливо произнёс Сергей Сергеевич и протянул матросу зажигалку.

— Зажигалка — это не дело. Спички лучше, — сказал матрос. Но зажигалку всё-таки взял и раскурил трубку.

Запахло ароматизированным табаком.

— «Золотое руно» курите? — спросил Иван Иванович.

— «Капитанский», — сказал матрос и выпустил клуб дыма. — Так чего надо, короче?

— Как чего? — не понял Иван Иванович.

— Зачем вызывали? — спросил матрос недружелюбно.

— Тут так вышло... — засуетился Сергей Сергеевич. — Мы хотели портвейна немного и...

— Понял, — перебил матрос. — С портвейном проблем нет.

Тут он поднял тельник и расстегнул застёжку-молнию на брюхе. Там оказался целый склад спиртного. Матрос запустил свою лапу в этот склад, вынул бутылку португальского портвейна и, сказав: «Поправляйтесь», поставил бутылку на стол. После этого мигнул, как фотовспышка, и исчез.

Друзья помолчали. А помолчав, закурили.

— Всё, Ваня, — сказал Сергей Сергеевич. — Это трындец. Не знаю, как ты, а я больше спиртного в рот не возьму.

— Ты погоди, Серёжа, — вступил Иван Иванович. — Ты погоди зарекаться. Не могли же мы с тобой одну и ту же галлюцинацию видеть? Не могли. Значит тут что-то не то. А давай-ка попробуем его пойла.

И Иван Иванович ловко откупорил бутылку и налил в стаканы рубиновую жидкость.

— Ну... — поднял стакан Иван Иванович. — Батальон! Делай как я!

И залпом выпил.

Сергей Сергеевич следом.

Потом посидели молча, прислушиваясь к организму.

— А ничего, Серёжа, нормально, — заключил Иван Иванович и налил по новой.

— Хороший напиток, Ваня. Душевный, — поддержал Сергей Сергеевич. — Жаль, что мало.

— Так давай у этого юнга ещё спросим, — осенило Ивана Ивановича. — Ты же видел — у него в брюхе целый магазин.

— Слышь, Ваня! — застеснялся Сергей Сергеевич. — Может, у него и девушки есть?

— А что? — поддержал Иван Иванович идею. — Может, и есть. Спросить надо. Сейчас бы девку... сисястую такую... неплохо... в самый раз было бы.

И начал считать: «Эники-беники...»

— А сейчас чего? — спросил матрос, выходя из стены. — Нажрались и на баб потянуло?

— А что? — начал задираться Иван Иванович. — Какой в этом вы видите криминал? Естественные рефлексы...

— Короче! — перебил матрос и расстегнул пузо. — Выбирайте скорее, а то вас много, а я один.

А в пузе у него оказался прилавок, на котором сидели куклы в чём мама родила. Только живые. И каждая из них делала соблазнительные знаки, обещая небывалое удовольствие.

— Ну, просто ёклмн, — сказал Иван Иванович. — Это же надо, до чего дошла современная технология.

И выбрал из живота щедрого матроса пухленькую блондиночку с бюстом такого размера, что и не верилось.

Тут и Сергей Сергеич осмелел и потянулся к шустрой азиаточке.

Как только куклы очутились в кухне, так тут же выросли до нормального человеческого роста, уселись у друзей на коленях и начали оказывать знаки внимания сексуального характера.

У Ивана Ивановича зыграло ретивое, и он издал сладострастный рык, в котором угадывался незаурядный темперамент самца. Но показать силу этого темперамента Ивану Ивановичу не удалось, потому что клацнул замок на входной двери и раздался женский голос:

— Что ж ты меня не встречаешь, паразит? Не ждал? А накурил-то как! Ну, я сейчас с тобой поговорю серьёзно.

Друзья замерли в самых нелепых позах. И тут Иван Иванович проявил армейскую смекалку и зашептал:

— Эники-беники ели вареники...

— И что это вам, мужики, неймётся? — спросил матрос. — Чего звали?

— Нам... понимаете... — зашептал Сергей Сергеевич. — Мы тут, понимаете... а жена приехала. Она у детей гостила. Только завтра приехать обещала...

— Короче, — сказал матрос и расстегнул брюхо.

— Короче, так, — нашёлся Иван Иванович. — Хотим оказаться в таком месте, где нас живая душа не увидит. С девочками, конечно.

Снова мигнуло ослепительно, и друзья очутились на песчаном пляже. Голубела лагуна, жарило солнце, и небольшая группа пальм отбрасывала жидкую тень на две хижинки. Между хижин красовался фанерный домик со знакомыми буквами М и Ж. Значит, цивилизация добралась и в этот забытый Богом край.

Друзья опомниться не успели, как девицы поволокли их в таинственную полутьму хижин.

И тут же из этой полутьмы понеслись сладострастные вопли.

Через некоторое время друзья уселись под пальмами с банками пива в руках и тупо уставились на черепаху, ползущую по раскалённому песку.

— Это было что-то. Вот что я тебе, Серёжа, скажу, — Иван Иванович допил пиво и швырнул банкой в черепаху. — Веришь ли, столько лет мужское во мне не просыпалось. А тут...

— Да, Ваня, — поддержал разговор Сергей Сергеевич. — Это было... расскажи кому — не поверит.

— А это уже ваши проблемы, пацаны! — раздался хриплый бас.

Друзья посмотрели сначала друг на друга, а потом на пальмы, от которых этот голос доносился. От пальм шли два качка в шортах.

— Вам, товарищи, чего нужно? — нашёлся Иван Иванович.

— Нам, папахен, капуста нужна, — ответил один из бойцов и достал из-за спины автомат «Узи». — А то пить — это мы можем, девок пользоваться тоже. А как за товар платить — так в непонятках.

— Опять же, перелёт со скоростью света, — добавил второй. — Аренда острова... то да сё... Короче, набежало.

— И сколько? — голос Сергея Сергеевича дрогнул.

— До хрена, — утешил его первый качок. — У тебя столько нет. Будешь сейчас хату свою переписывать.

— Дивизия краснознаменная! Армейским опытом богата!.. — запел Иван Иванович песню, намереваясь ринуться в последний бой.

Но над его головой пророкотала автоматная очередь, и Иван Иванович решил отложить исполнение песни на потом.

— Товарищи бандиты, — сказал Сергей Сергеевич. — А можно нам с другом посоветоваться.

— Валяйте, — согласился качок. — Всё равно вам отсюда никуда не деться. Остров, напоминаю, необитаемый.

Сергей Сергеевич затанул помертвевшего Ивана Ивановича в хижину и начал считаться:

— Эники-беники...

— Ну, клиент сегодня — мўка, а не клиент! — сказал матрос. — Вам ещё какого рожна нужно?

— Товарищ боцман! — сказал Сергей Сергеевич. — Нам нужно туда, где царит правопорядок. Где вот такой правовой беспредел, как здесь, невозможен...

И друзья оказались в районном отделении милиции у стола дежурного по отделению.

— Так вы, граждане, заявляете, что неизвестные бандиты напали на вас и, угрожая автоматическим оружием, требовали подписать дарственные на ваше жильё?

— Требовали, — согласился Иван Иванович. — Ещё как требовали.

— Там сначала матрос был. Пузатый, — добавил Сергей Сергеевич. — Он брюхо расстегнёт: у него брюхо на зиппере, извините. А там и женщины лёгкого поведения, и выпивка всякая... Одним словом, притон.

— Понятно, граждане, — сказал сержант, окинув взглядом полуголых друзей. — Документов при вас, конечно, никаких. Примем меры. Вы присядьте вон там, пожалуйста. Долго ждать не придётся.

И он не обманул. Не прошло и получаса, как появились санитары и повезли друзей в психиатрическую лечебницу.

— Так вы утверждаете, что у этого матроса живот расстёгивался? — лениво спросил доктор Михальцов, заполняя непонятные бланки.

— Так точно! — рявкнул Иван Иванович. — И это, разрешите доложить, несомненно, происки врагов.

— Понятно, — процедил доктор. — А у ваших родственников психических заболеваний не наблюдалось?

— У моих не было, — сказал Сергей Сергеевич.

— У моего брата триппер был, — признался Иван Иванович и покраснел.

— Хорошо, хорошо, — утешил доктор друзей. — Вы только не волнуйтесь. Мы вас сейчас определим в отделение, и всё будет хорошо.

Доктор Михальцов закончил писать и спросил, иронически щурясь:

— Значит, как только вы эту считалку произнесёте, так матрос и появляется?

— Появляется, — подтвердил Сергей Сергеевич. — Как только, так сразу.

— А сейчас вызвать его можете?

Друзья переглянулись, и Иван Иванович начал:

— Эники-беники...

— Какого хрена? — сказал матрос, выйдя из стеклянной витрины с медицинским инструментарием. — Ну и вахта сегодня. Давайте быстрее, а то мне смену пора сдавать.

Доктор Михальцов молча и старательно протирал стёкла очков полой халата.

— Надо, товарищ адмирал, — сказал Иван Иванович, — как-то всё загладить. Восстановить статус-кво, так сказать. И чтобы без последствий.

— Что ж ты меня не встречаешь, паразит? — произнесла Нина Григорьевна, входя в кухню. — Не ждал?

На кухне было прибрано. За столом, склонившись над шахматной доской, сидели приятели.

— Конечно, не ждал, Ниночка, — засюсюкал Сергей Сергеевич. — Ты же только завтра собиралась приехать. А мы тут вот с Иваном Ивановичем за шахматешками засиделись.

— Ну, мне пора, — поднялся Иван Иванович. — Как-нибудь потом доиграем.

А в приёмном отделении доктор Михальцов измывался над санитаром Семёновым, пытаясь вспомнить считалку:

— Ты, Семёнов, наверное, думаешь, что я чокнулся?

Семёнов именно так и думал, но сказал:

— Да что вы, доктор!

— Но я же своими глазами видел, как этот матрос выполняет все желания. Что ты скажешь, Семёнов?

Семёнов подумал, что надо бы поменьше жрать казённый спирт, но вслух сказал:

— Доктор лучше знает.

— Эники-беники — это я помню... — продолжал Михальцов. — Вышел пузатый матрос — тоже... А вот что в середине? Семёнов! Какая рифма к слову «матрос»?

— Понос, — сказал Семёнов.

— Дебил! Какой понос? Там что-то другое было.

— Тогда поц, — подсказал Семёнов.

— Сам ты поц!

Храпела и стонала во сне жена Сергея Сергеевича, которой снилось море и жаркий кавказский мужчина.

Лежал на спине, уставясь в потолок, сам Сергей Сергеевич.

Мастурбировал в туалете неугомонный Иван Иванович.

Тосковал санитар Семёнов, глядя, как доктор Михальцов пытается вспомнить считалочку.

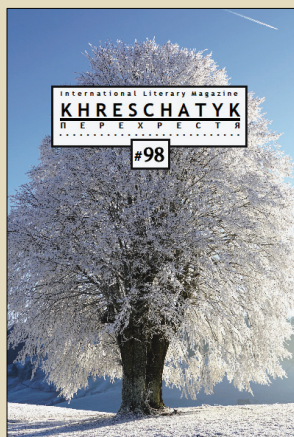
И одна за одной гасли звёзды, предчувствуя рассвет.

КРЕЩАТИК
(Перехрестя)

Международный
литературный
журнал

Дизайн обложки Н. Макаров
Оригинал-макет Б. Марковский

Подписано в печать 15.04.2023
Формат 66x88^{1/16}. Усл.-печ. л. 21,3
Печать офсетная

ISSN 16192966

КНРЕСЧАТҮК #100
П Е Р Е Х Р Е С Т Я

www.kreschatik.kiev.ua

www.imwerden.de

Мы в неустанном поиске
новых имен, неизвестных авторов,
где бы они ни жили — в Киеве, Иерусалиме,
Нью-Йорке или Мюнхене, мы — перенесенный
в ментальное пространство проспект,
как бы он ни назывался в каждом городе,
где когда-то завязывались великие дружбы,
писались великие стихи,
происходили знаменательные встречи...

Ми в невпинному пошуку
нових імен, невідомих авторів,
де б вони не жили — у Києві, Єрусалимі,
Нью-Йорку чи Мюнхені, ми — перенесений
у ментальний простір проспект,
як би він не називався в кожному місті,
де колись зав'язувалися великі дружби,
писалися великі вірші,
відбувалися знаменні зустрічі.

All rights reserved © Khreschatyk

